

Архиепископ Сергей Страгородский

ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ

**ОПЫТ РАСКРЫТИЯ НРАВСТВЕННО-СУБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЫ СПАСЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ СВ. ПИСАНИЯ И ТВОРЕНИЙ СВЯТО-
ОТЕЧЕСКИХ.**

Архимандрита Сергія.

Азь есмь лоза, вы же рождіе,. Іо. іе, е

КАЗАНЬ

Типо-литографія ИМПЕРАГОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. 1898.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія. Вопросъ о личномъ спасеніи. (Рѣчь предъ защитой магистерской диссертации). . . 3—11

ВВЕДЕНИЕ..... 12—14

I. Происхождение правового жизнепониманія. Католичество. Протестанство, какъ поправка католичества. Призрачность протестантскаго спасенія 14—37

II. Католичество послѣ протеста. Попытка объяснить начало новой жизни магическимъ превращеніемъ. 37—55

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Правовое жизнепониманіе предъ судомъ Св. Писанія и Св. Преданія

Необходимость добродѣланія. Себялюбіе, какъ основа правового жизнепониманія. Слѣды этого пониманія въ Св. Писаніи и Св. Преданіи. Невозможность съ правовой точки зрѣнія объяснить отношенія Бога къ человѣку. Милость, какъ основной законъ этихъ отношеній. Заслуга *de congruo*. Извращеніе нравственной жизни при правовомъ пониманіи. Обличеніе наемничества св. отцами Церкви. Чѣмъ объяснить слѣды правового жизнепониманія въ Св. Писаніи и Преданіи?56—93

ГЛАВА ВТОРАЯ. В ѣ ч н а я жизнь.

Вѣчная жизнь, какъ Богопознаніе, какъ Богообщеніе. Святость какъ содержаніе вѣчнаго блаженства. Самоценность добра и его естественность для человѣка. Отсутствие чуждыхъ нравственности началъ въ христіанскомъ ученіи о высшемъ благѣ 94—111

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Возмездіе.

Отношеніе настоящей жизни къ будущей. Причина кажущейся потусторонности послѣдней. Происхождение понятія возмездія. Ученіе о возмездіи какъ естественномъ слѣдствіи въ Св. Писаніи;—въ Св. Преданіи: у свв. Ириней Ліонскаго, Григорія Нисскаго, Макарія Египетскаго, Ефрема Сирина, Василия Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, I. Златоуста, Ипполита Римскаго. Понятіе о Правдѣ Божіей.....112—145

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. С п а с е н і е.

Отличіе правоелагнаго понятія *о спасеніи* отъ правового. Ученіе о спасеніи въ Ветхомъ Завѣтѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ. Понятіе о спасеніи въ Св. Преданіи. Спасете, какъ дѣло нравственное, а не механическое. *Прощеніе грѣховъ*. Несостоятельность протестантской про-нунціаціи. Невмѣненіе, какъ домірное предположеніе всего домостроительства. Нравственной переломъ, какъ внутренняя сущность оправданія. Ученіе о томъ въ Св. Писаніи. У оо. Церкви: Кирилла Іерус., Василия Вел., Григорія Нисскаго, Григорія Бог., I. Златоустаго,

Кирилл Алекс, Ефрема Сир., Иустина Муч. Мысли преосв. Феофана. *Облачение во Христа*. Усвоение правды Христовой по учению Св. Писания и оо. Церкви: Григория Нисскаго, Кирилла Алекс, Тихона Задонскаго. Преосв. Феофанъ объ этомъ. Свободный актъ рѣшенія, какъ основной въ таинствѣ, вопреки западному превращенію. Выводъ о *характерѣ полученной праведности*. Возможность утраты. Зачаточный характеръ праведности крещенія. *Задача послѣдующей жизни человѣка*. . . 146—217

ГЛАВА ПЯТАЯ. Вѣра.

Отличіе православной и правовой точки зрѣнія на вопросъ объ условіяхъ спасенія. Неопредѣленность въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ Св. Писаніи и Преданіи. Способъ разьясненія этой неопредѣленности. *Вѣра*, какъ единое условіе спасенія. Происхожденіе вѣры и ея дѣйствительность въ душѣ человѣка. Ошибка протестантовъ. Знаніе вѣры въ самомъ свободно-благодатномъ актѣ возрожденія человѣка. Опредѣленіе вѣрой дальнѣйшей жизни человѣка. Вѣра, какъ начало жизни. Въ чемъ именно состоитъ спасительность вѣры? Вѣра и дѣла. Заключение: спасеніе по милости чрезъ вѣру. . . 218—254

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВОПРОСЪ О ЛИЧНОМЪ СПАСЕНІИ.

Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі на тему: «Православное ученіе о спасеніи».

Ваше Высокопреподобіе и Мм. гг.!

Вашему просвещенному вниманію я предлагаю свою посильную попытку раскрыть на основаніи Св. Писанія и твореній святоотеческахъ православное ученіе о личномъ спасеніи, т. е. о томъ, въ какомъ смыслѣ и какимъ путемъ человекъ, каждая данная личность получаетъ причастіе истинной, вѣчной жизни.

Не трудно опредѣлить побужденія, заставившія меня остановиться именно на этомъ отдѣлѣ вѣроученія. Вопросъ о жизни, о цѣли существованія,—о томъ, какъ человеку жить, чтобы жить истинною жизнію,—поистинѣ является альфой и омегой всякой философіи и всякаго религіознаго ученія. Какъ бы ни были отвлеченны, туманны, подъ часъ странны и даже нелѣпы логическая построенія того или другаго мыслителя, но разъ онъ дѣйствительно мыслитель, а не промышленникъ мысли, разъ онъ хочетъ истины, хочетъ слова, исходящаго изъ устъ Божіихъ, а не хлѣба,—последній конецъ и вмѣстѣ точка отправленія его философской работы всетаки будетъ онъ самъ, его собственное положеніе въ мірѣ и такое или иное опредѣленіе его жизненной задачи. Философія безъ выво-довъ для жизни не есть философія, а пустая игра въ философскія слова.

Точно также и въ религіи. Знаніе о Богѣ только тогда будетъ имѣть смыслъ для человека, когда Богъ будетъ для него „Единымъ святымъ“, носителемъ его идеаловъ, законодателемъ его жизни. И бѣсы вѣрують, говоритъ св. ап. Іаковъ, но они только трепещуть. Для нихъ лучше было бы совсѣмъ не знать о Богѣ, и они, конечно, предпочли бы состояніе невѣдѣнія своему теперешнему состоянію. Человекъ, который живетъ только минутой, который закономъ своего существованія полагаетъ лишь свою волю, свое хотѣніе,—такой человекъ, конечно, иногда не будетъ много спорить о томъ, какую вѣру онъ исповѣдуетъ. Для него всѣ вѣры одинаково отвлеченны и безсодержательны, и, слѣдовательно, одинаково безразличны. Истины вѣры могутъ интересовать его развѣ, какъ предметъ спора, въ которомъ онъ можетъ обнаружить свои познанія, свое остроуміе,—будутъ интересовать его, можетъ быть, въ качествѣ его природнаго, національнаго, достоянія,—однимъ словомъ, могутъ быть

интересны своей внѣшной стороной и по случайнымъ причинамъ. Но истинности, но объективности и, поэтому, обязательности для себя этого вѣрученія такой человекъ понять и признать не можетъ. Онъ видитъ только философскія положенія и выводы, видитъ только догматъ и не замѣчаетъ того жизненнаго уклада, который составляетъ на дѣлѣ, въ реальности содержаніе всѣхъ этихъ отвлеченныхъ для него и невразумительныхъ тонкостей догматики. „Кто говоритъ, что любить Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець и нѣтъ въ немъ истины" (I Ю. IV, 20). Знаніе Бога тогда дѣйствительно, когда оно сопровождается соотвѣтствующею жизнію,—когда человекъ по этому знанію себя устрояетъ. Но жизнь является судьей человека не только въ этомъ общемъ смыслѣ, т. е. не въ томъ только, вѣруетъ или не вѣруетъ онъ въ то, что проповѣдуетъ. Жизнь служить лучшимъ средствомъ и для опредѣленія и выясненія подлиннаго міровоззрѣнія человека или той или другой философской системы, равно какъ и для оцѣнки этого міровоззрѣнія. Въ вопросѣ о Богѣ, о мірѣ и объ общихъ отношеніяхъ между ними можно иногда ограничиться одной формой, только внѣшними соотношеніями понятій, не задаваясь вопросомъ о томъ, что эта форма или эта оболочка въ себѣ заключаешь, не доводя отвлеченныхъ выводовъ до осязаемой, жизненной ясности. Вопросы эти, отвлеченные по самому существу своему, могутъ иногда и не требовать (по крайней мѣрѣ, можетъ показаться, что они не требуютъ) себѣ такого соотвѣтствія въ наличной дѣйствительности,—это соотвѣтствіе предполагается гдѣ то вверху, вдали отъ этой жизни и отъ окружающей обстановки. Но лишь только человекъ опустится съ высоты отвлеченія внизъ на землю къ действительной жизни, лишь только онъ оставать бытіе въ его цѣломъ и займется, въ частности, своей собственной личностью, постарается изъ общей основы вывести свои личныя отношенія къ этому цѣлому и къ другимъ подобнымъ же личностямъ,—тогда у него сразу же отнимается всякая возможность ограничиться одной формой, однимъ отвлеченіемъ. Какъ бы ни была стройна его система, какъ бы ни были хорошо принаровлены другъ къ другу разныя его опредѣленія и выводы,—ни онъ самъ, ни кто-нибудь другой въ вопросѣ о жизни этой стройностью не удовлетворится. Необходимо будетъ показать, что въ дѣйствительности—то соотвѣтствуетъ этимъ стройнымъ понятіямъ и выводамъ. Здѣсь и можетъ обнаружиться призрачность, выдуманность многихъ теорій и системъ. Все старательно и эффектно отделанное построеніе какого-нибудь мыслителя можетъ разлестъ въ прахъ отъ одного этого прикосновенія съ жизнью, именно отъ одной невозможности

подтвердить ссылкой на опыт свои умозрѣнія.—Если же міровоззрѣніе истинно, тогда, при сопоставленіи съ жизнью отвлечѣнныя и малопонятныя формулы и термины становятся ясными, понятными, почти осязаемыми, — тогда и дѣйствительная жизнь представится уже не страннымъ отрицаніемъ философіи, не грубой насмѣшкой надъ ея идеализмомъ, а наоборотъ ея разъясненіемъ, комментаріемъ,—прямымъ выводомъ изъ нея.

Вопросъ о личномъ спасеніи и представляетъ въ системѣ нашего вѣроученія именно такой пунктъ, въ которомъ это послѣднее становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ реальнымъ бытіемъ и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чемъ собственно заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ.—Въ этомъ пунктѣ каждое вѣроисповѣданіе можетъ найти себѣ и безпристрастную оцѣнку.—Разъ здѣсь предполагается опредѣленіе жизненной цѣли человѣка, вполне согласное съ доводами разума и требованіями нравственнаго сознанія,—разъ всѣ отвлеченныя формулы и термины находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ данныхъ опыта, не оставляя ничего темнаго, ничего необъясненнаго,—разъ и остальные части системы, части отвлеченныя, прямо предполагаются и въ свою очередь объясняются даннымъ опредѣленіемъ жизни и ни въ чемъ ему не противорѣчатъ,—это значитъ, что данное вѣроисповѣданіе представляетъ изъ себя не сводъ человѣческихъ измышленій, а прямой снимокъ съ реального бытія, что оно не искажаетъ факта жизни, а подлинно его воспроизводитъ,— что, слѣдовательно, оно есть истина. А, съ другой стороны, разъ найдены въ дѣйствительной жизни факты, соотвѣтствующіе положеніямъ и выводамъ,—разъ представилась, такимъ образомъ, возможность опытно постигнуть, въ чемъ жизнь по христіанству, тогда освобождается, отъ малопонятности, отвлеченности, формальности и вся система христіанскаго вѣроученія. Кто любитъ брата своего, тотъ позналъ Бога и видѣлъ Его, говоритъ Апостоль (I Іо. IV, 7. 8). Испытавшій фактически суть христіанской жизни, пойметъ и въ чемъ состоитъ жизнь Божія, потому что послѣдняя не метафизическое только основаніе, но и прямой прототипъ и источникъ жизни человѣка. Въ томъ (Словѣ Божіемъ) была жизнь и жизнь была свѣтъ человѣкамъ, (Іо. I, 4), предносилась человѣческому сознанію и въ качествѣ идеала.

Слѣдовательно, тотъ, кто хочетъ узнать истинное существо католичества, протестантства или православія, тотъ долженъ обратиться не къ теоретическому ихъ ученію, а къ ихъ понятію о жизни, къ ихъ ученію, именно, о личномъ спасеніи, въ которомъ (ученіи) это понятіе наиболѣе

ясно выражено,— тотъ долженъ опросить каждое изъ вѣроисповѣданій, въ чемъ оно полагаетъ смыслъ жизни человѣка, его высшее благо. Догмать о filioque, несомнѣнно, касается краеугольнаго камня нашей вѣры,—но выразилъ ли онъ, этотъ догмать все католичество и можно ли думать, что съ устраненіемъ его западное христіанство пойдетъ на примиреніе съ нами? Устраненъ будетъ только одинъ изъ многочисленныхъ пунктовъ разногласія, только однимъ изъ многочисленныхъ поводовъ къ пререканіямъ будетъ меньше, а раздѣленіе не ослабѣетъ нисколько. Вѣдь, не отъ filioque католичество, а наоборотъ. Догмать о папствѣ, конечно, составляетъ основную пружину, такъ сказать, душу католичества, но опять таки не отъ папства произошло извращенное католическое жизнепониманіе, а отъ этого послѣдняго папство, иначе не объяснить, почему и какимъ образомъ папа нашель и находитъ себѣ въ западномъ мірѣ столько покорныхъ, фанатически преданныхъ ему слугъ и столько безгласныхъ дослѣдователей,—одними поддѣлками и уловками, однимъ іезуитизмомъ и властолюбіемъ Рима этого явленія объяснить нельзя. Точно также не вслѣдствіе отверженія таинствъ и церковнаго преданія и не вслѣдствіе преувеличеннаго понятія о падшей природѣ чедовѣка,—протестанты пришли къ своему призрачному, фиктивному спасенію, а, наоборотъ, искаживши самое понятіе о жизни, они должны были послѣдовательно исказить и все церковное устройство и ученіе. Предположимъ, что всѣ ошибки въ ученіи и устройствѣ будутъ исправлены,—искаженное понятіе о жизни докажетъ, что эти исправленія только на словахъ,—чрезъ нѣсколько времени протестанты должны будутъ создать на мѣсто устраненныхъ новыя искаженія, новыя ошибки.

Точно также и православіе узнается не изъ его теоретическаго ученія. Отвлеченныя положенія и формулы по самой своей отвлеченности одинаково неудобопонятны, неудобопредставимы для человѣка, будутъ ли онѣ католическими или православными. Развѣ прямая логическая нелѣпость обнаружить несостоятельность инославной системы. Какъ выраженіе именно объективно-данной истины, православіе всего болѣе и глубже познается тѣмъ, гдѣ оно всего непосредственнѣе соприкасается съ этой объективной истиной, съ областью дѣйствительнаго бытія: въ своемъ описаніи действительной жизни человѣка, въ своемъ опредѣленіи жизнецѣли и основанномъ на этомъ послѣднемъ ученіи о личномъ спасеніи. Только окончательно усвоивши себѣ православное ученіе о жизни, можно вполне (не логикой только) убѣдиться въ непреложной, безусловной истинности православія,—можно *понять*, наглядно уразумѣть эту истинность. Послѣ же этого получать свой глубокой, полножизненный

смысль и всѣ тѣ теоретическія положенія, всѣ тѣ догматы, которые раньше казались лишь безразличными метафизическими тонкостями. Все это будетъ одно и то же, единое по духу и идеѣ, ученіе объ истинной жизни,— только на этотъ разъ жизнь рассматривается не *для* челоуѣка, а въ своей объективной данности, сама въ себѣ.

Въ этихъ азбучныхъ истинахъ пришлось убѣдиться на дѣлѣ и мнѣ при написаніи моего сочиненія. Къ вопросу о личномъ спасеніи я приступилъ на первыхъ порахъ съ интересомъ чисто теоретическимъ. Мнѣ хотѣлось выяснитъ себѣ вопросъ этотъ просто, какъ темный, запутанный пунктъ вѣро-ученія, трудно поддающійся опредѣленію. Какъ точнѣе выразитъ наше ученіе о спасеніи? Что православному нельзя говорить такъ, какъ говорятъ католики,—это извѣстно.—что ему еще менѣе можно говорить такъ, какъ говорятъ протестанты, это тоже выше всякаго сомнѣнія,—но какъ онъ дол-женъ говорить?

Чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ, я сталъ читать творенія св. отцевъ Церкви, Читалъ я ихъ не только потому, что понималъ ихъ, такъ сказать, каноническій авторитетъ, не только въ качествѣ обязательнаго для всякаго христіаняна церковнаго преданія. Моя мысль была нѣсколько иная: я искалъ въ твореніяхъ св. отцевъ описанія и разъясненія жизни по Христу, или истинной, должной жизни, т. е. того именно явленія въ объективномъ мірѣ, которое хотятъ дедуктивно вывести и опредѣлитъ отвлеченныя формулы догматики. Я хотѣлъ уяснитъ себѣ взгляды отцевъ на жизнь челоуѣка, чтобы изъ этого объективнаго основанія потомъ провѣритъ и теоретическое ученіе и дать ему болѣе соответствующее объясненіе.

Такой приѣмъ изслѣдованія въ православіи необходимъ. Мы знаемъ, что Иисусъ Христосъ принесъ намъ не одно ученіе, и что дѣло апостоловъ и церкви состояло не въ томъ только, чтобы выслушать бесѣды Іисуса Христа и потомъ передать ихъ въ буквальной точности изъ рода въ родъ: для такой цѣли лучшее средство—не устное преданіе, а какія-нибудь скрижали. Мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ принесъ намъ прежде и главнѣе всего новую жизнь и научилъ ей апостоловъ, и что дѣло церковнаго преданія не ученіе только передавать, но передать изъ рода въ родъ именно эту зачавшуюся съ Христомъ жизнь, передать именно то, что не передается никакимъ словомъ, никакимъ писмеиемъ, а лишь непосредственнымъ общеніемъ личностей. Теоретическое ученіе только обобщаетъ и возводитъ въ систему это ученіе о жизни. Поэтому, апостолы и выбирали своими преемниками и замѣстителями людей, именно

наиболѣе преуспѣвшихъ, наиболѣе сознательно и прочно усвоившихъ себѣ возвѣщенную имъ жизнь Христову. Поэтому, и отцами церкви признаются не тѣ изъ церковныхъ писателей, которые были наиболѣе учены, наиболѣе начитаны въ церковной литературѣ,—отцами церкви признаются писатели святые, т. е. воплотившіе въ себѣ ту жизнь Христову, хранить и распространять которую церковь получила себѣ въ удѣлъ. Если же такъ, то составить себѣ правильное понятіе о православіи можно не разборомъ его основоположительнаго, отвлеченнаго ученія,—а именно набіюденіемъ надъ этой реальной жизнью по Христу, которая хранится въ православной Церкви. А такъ вакъ признанными носителями, воплотителями этой жизни, этого жизненнаго преданія были св. отцы, въ писаніяхъ своихъ подробно толкующіе эту жизнь,—то естественно къ нимъ для наблюденій и обратиться. Я такъ и сдѣлалъ.

Чѣмъ больше я читалъ св. отцевъ, тѣмъ для меня становилось все яснѣе и яснѣе, что я возвращаюсь въ совершенно особомъ мірѣ, въ кругу понятій, далеко ие похожемъ на нашъ. Я сталъ понимать, что разность православія и инославія заключается не въ какихъ нибудь частныхъ недомолвкахъ и неточностяхъ, а прямо въ самомъ корнѣ, въ принципѣ, что православіе и инославіе противоположны между собой такъ же, какъ противоположны себялюбіе, жизнь по стихіямъ міра, ветхій человекъ и самоотверженная любовь, жизнь по Христу, человекъ обновленный. Предо мной встали два совершенно отличныхъ, не сводимыхъ одно на другое міровоззрѣнія: правовое и нравственное, христіанское. Первое я назвалъ правовымъ, потому что лучшимъ выраженіемъ этого міровоззрѣнія служитъ западный правовой строй, въ которомъ личность и ея нравственное достоинство пропадаютъ, и остаются только отдѣльныя правовыя единицы и отношенія между ними. Богъ понимается главнымъ образомъ первопричиной и Владыкой міра, замкнутымъ въ своей абсолютности,—отношенія Его къ человеку подобны отношеніямъ царя къ подчиненному и совсѣмъ не .похожи на нравственный союзъ. Точно также и чело-вѣкъ представляется въ его *отдельности*, онъ живетъ для себя и только одной внѣшней стороной своего бытія соприкасается съ жизнью общаго,—только пользуется этимъ общимъ; даже и Богъ съ точки зрѣнія человека является только средствомъ къ достижению благополучія. Началомъ жизни, следовательно, признается себялюбіе, а общимъ признакомъ бытія—взаимная отчужденность всего живущаго. Между тѣмъ, по мысли св. отцевъ, бытіе и жизнь въ собственномъ смыслѣ принадлежать только Богу, который и носить названіе „Сый“,— все же остальное, все тварное

существует и живет исключительно своимъ причастіемъ этой истинной жизни Божіей, этой возделънной Красотѣ, по словамъ св. Василия Великаго. Богъ, следовательно, связанъ съ своимъ твореніемъ не однимъ абсолютнымъ „да будетъ“, Богъ *въ прямомъ» смыслѣ* служить средоточіемъ жизни, безъ котораго тварь такъ же немыслима въ своемъ настоящемъ существованіи, какъ и необъяснима въ своемъ происхожденіи. Переводя это метафизическое положеніе на языкъ нравственной жизни, получимъ правило: никто не можетъ и не долженъ жить для себя,—смыслъ жизни каждаго частнаго бытія—въ Богѣ, что практически значить, въ исполненіи Его воли. „Я пришелъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца“. Основнымъ началомъ жизни каждаго признается, такимъ образомъ, уже не себялюбіе, а „любовь истины“ (2 Сол. II, 10). Вѣрный этому закону, человекъ въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, міру и къ людямъ руководится уже не себялюбивой жадной бытія (выводомъ отсюда была бы борьба за существованіе), а бескорыстнымъ алканіемъ и жаждавіемъ правды, какъ высшаго закона, которому онъ и приноситъ въ жертву свое бытіе. Въ правовомъ жизнепониманіи искали счастья, здѣсь ищутъ истины. Тамъ нравственное добро, святость, считалось средствомъ къ достиженію блаженства, здѣсь истинное бытіе и приписывается только одному нравственному добру, воплощенному въ Богѣ,—и блаженство человека, слѣдовательно, считается тождественно съ святостью.

Послѣ этого понятно, что произойдетъ, если мы рамки жизнепониманія правового приложимъ къ нравственному, христіанскому. Конечно, буквальныхъ совпаденій можно будетъ подыскать очень много,— можно будетъ подъ каждую правовую рубрику подогнать, втиснуть то или другое положеніе православное. Но вѣдь нужно помнить, что правовыя рамки гораздо формальнѣе, внѣшнѣе нравственныхъ, что онѣ не могутъ выразить всей глубины, жизненности жизнепониманія нрав-ствепнаго. Громадное множество понятій окажется совсѣмъ не обобщеннымъ, оставленнымъ безъ вниманія,—будетъ раз-дѣлено многое, что нужно непременно представлять единымъ, и, наоборотъ, сбито въ одну рубрику то, что требуетъ строгихъ разграниченій. Православное ученіе представлено будетъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ односторонне, чтобы не сказать, неправильно.

Этимъ и опредѣлилось содержаніе и характеръ моего труда: я долженъ былъ начать съ критики правового жизнепониманія, чтобы уже потомъ въ главахъ: о вѣчной жизни, о возмездіи, о спасеніи и о вѣрѣ раскрыть положительное ученіе православное. Общій мой выводъ таковъ: истинная

жизнь человека—въ общеніи съ Богомъ. Быть причастникомъ этой вѣчной жизни можно только чрезъ уподобленіе Богу (отсюда необходимость добрыхъ дѣлъ, т. е. духовно–нравственнаго возрастанія), но это уподобленіе возможно только тогда, когда Богъ придетъ къ человеку, а человекъ узнаетъ и приметъ Бога. Необходима, слѣдовательно, благодатная помощь Божія и вѣра во Христа и Бога, которая дѣлаетъ возможнымъ совершеніе спасенія. „Се стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой, и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною. Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ, и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его (Апок. III, 20—21). Къ этому направлено все промысленіе Божіе, все домостроительство нашего спасенія, въ этомъ цѣль и смыслъ и служенія Іисуса Христа.

Въ основу моего изслѣдованія, какъ выразился одинъ изъ моихъ почтенныхъ рецензентовъ, положена идея тожества блаженства и добродѣтели, нравственнаго совершенства и спасенія. Насколько удачно и послѣдовательно примѣнилъ я эту идею къ тому отдѣлу вѣроученія, который я хотѣлъ раскрыть,—это судить не мнѣ,—но я утѣшаю себя мыслию, что въ богословскомъ сочиненіи я напомнилъ эту идею, или точнѣе говоря, напомнилъ необходимость имѣть ее въ виду при догматическомъ изслѣдованіи православнаго ученія.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о личномъ спасеніи человека,—эта важнѣйшая истина христіанскаго ученія, (*praecipuus locus doctrinae christianae*" 1), конечно, уже давно рѣшенъ въ церкви православной. Господь І. Христосъ принесъ это ученіе во всей его небесной чистотѣ и удобопонятности для всякаго религіозно–нравственнаго сознанія, и не только принесъ, но и Самъ прошелъ указаннымъ Имъ путемъ. Цѣдые полки мучениковъ и исповѣдниковъ, подвижниковъ и святителей, цѣлые періоды высшаго развитія церковной жизни,—все это образцы дѣятельнаго послѣдованія Христу, все это живыя воплощенія Христова ученія. Наконецъ цѣлая св.–отеческая литература не имѣетъ ли своей единственной цѣлью раскрыть и уяснить истину спасенія именно для частнаго сознанія? Притомъ, все это не соображенія только разума, а прямые снимки съ жизни, плоды личнаго опыта самихъ св. писателей. Вопросъ этотъ, слѣд., болѣе, чѣмъ рѣшенъ церковнымъ сознаніемъ, да безъ этого не мыслима была бы и церковная жизнь.

Не то нужно сказать о его научной разработкѣ. Здѣсь до сихъ поръ еще не выработаны твердыя основанія. Причина этого въ томъ, что на западѣ заботились не столько о вѣрности св.-отеческому и общецерковному преданію, сколько о вѣрности принятому по какимъ нибудь основаніямъ началу, о логической состоятельности своихъ мудрованій; наша же богословская наука, всегда находясь подъ сильнымъ вліяніемъ запада, боялась самостоятельныхъ изысканій въ завѣщанномъ ей наслѣдіи греческой, св.-отеческой церкви. Поэтому тотъ обиль-

1) Apologia Ausb. Conf. II (2). Въ своихъ цитатахъ лютеранскихъ символическихъ книгъ мы пользуемся изданіемъ Hase: «Libri symbolici ecclesiae evangelicae». Lipsiae. 1846. Стр. 60.

— 13 —

ный матеріаль, который дается Св. Писаніемъ и Преданіемъ по данному вопросу, остается еще не обобщеннымъ и не изслѣдованнымъ, какъ должно.

Вопросъ о личномъ спасеніи не можетъ быть лишь теоретической задачей: это вопросъ самоопредѣленія. Сказать себѣ серьезно, что нужно дѣлать, чтобы спастись, значить произнести судъ надъ всѣмъ своимъ душевнымъ содержаніемъ,—разрушить понятія, очень дорогія, можетъ быть, наслѣдственныя, и выводы, достигнутые съ пожертвованіями, съ трудомъ. Этого не можетъ сдѣлать человѣкъ естественный, тѣмъ болѣе полагающійся на силу только собственнаго ума. И вотъ, вмѣсто чистой истины, человѣкъ въ своихъ разсужденіяхъ предлагаетъ намъ только болѣе или менѣе удачную сдѣлку истины съ его взглядами и желаніями. Таково происхожденіе всякаго богословскаго заблужденія и всякой ереси. Въ основѣ своей всѣ они имѣютъ, именно это несовершенство нравственное, неспособность или нежеланіе отрѣшиться отъ себя для воспріятія истины. Исходя изъ своего несовершеннаго религіознаго опыта и свой столь же несовершенный разумъ беря руководителемъ, человѣкъ и доходитъ до искаженія Божественной истины.

Какъ имѣющее въ своей основѣ нравственное несовершенство, всякое такое заблужденіе требуетъ и врачеванія прежде всего нравственнаго, т. е. подлежить пастырскому воздѣйствію. Но не можетъ молчать и богословская наука, особенно, когда заблужденіе успѣло уже развиться въ систему, когда оно даже грозитъ православію, или хочеть стоять рядомъ съ нимъ въ качествѣ равноправнаго. Только пусть наука не забываетъ приемовъ пастырскаго воздѣйствія, пусть она не пытается разбить своего противника одними силлогизмами: этотъ путь испытанный въ своей

непригодности. Наука должна безпристрастно разложить каждую ложную теорию на ея составные элементы, показать то „человѣческое“, которое своимъ примѣшеніемъ искажаетъ истину, и потомъ положительно раскрыть эту истину.

Такую задачу мы и осмѣливаемся взять на себя въ данномъ вопросѣ. Мы дѣлаемъ попытку выяснить ту основную ложь западнаго христіавства, которая съ необходимостью влечетъ его къ искаженію христіанской истины, къ нелѣпостямъ, къ противорѣчіямъ себѣ и религіозному опыту,— а, съ другой

— 14 —

стороны, мы пытаемся, на основаніи собранныхъ нами данныхъ св.—отеческой литературы и Св. Писанія, выяснить и утвердить въ научномъ сознаніи ту идею, которая, какъ мы убѣждены, господствуетъ въ православномъ церковномъ ученіи о спасеніи и вѣрность которой предохранить богослова отъ всѣхъ помянутыхъ заблужденій.

Тотъ пунктъ, гдѣ наиболѣе характерно обваруживаются особенности православнаго ученія, есть вопросъ объ отношеніи добродѣланія въ земной жизни и блаженства за гробомъ. Отъ такого или иного рѣшенія этого частнаго вопроса зависитъ дальнѣйшій ходъ разсужденій. Этотъ вопросъ мы и ставимъ во главу своихъ изслѣдованій, чтобы вывести православное ученіе о существѣ спасенія, а отсюда въ свою очередь и объ условіяхъ его достиженія.

I.

Ученіе Христа Спасителя есть ученіе объ отверженіи себя и возлюбленіи Бога и ближняго,—уничтоженіе грѣховной самости, себялюбія, самосожалѣнія есть главная задача всякаго христіанина. Поэтому и въ основномъ вопросѣ нравственности, въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи добродѣтели и счастья, добродѣланія и вѣчной жизни Христову ученію свойственно такое же безкорыстіе и хаже высшая свобода отъ всякой посторонней примѣси, отъ всего, что можетъ нарушать чистоту нравственныхъ побужденій. Въ сознаніи Церкви православной, дѣйствительно, понятія добра и блаженства всегда имѣли внутреннюю сообразность и родство; здѣшнее, земное есть корень, зерно, изъ котораго естественно разви-вается небесное, отсюда—необходимость перваго для достиженія втораго.—Но чтобы быть на уровнѣ этого церковнаго ученія, чтобы понять внутреннюю сообразность добродѣланія и вѣчной жизни, для этого необходимо подняться на ту ступень духовно—

нравственнаго развитія, когда добродѣтель перестаетъ быть внѣшнимъ закономъ и подвигомъ, а дѣлается *высшимъ благомъ* чловѣка. Такой чловѣкъ, ощущая въ себѣ ихъ качественное тожество, легко пойметъ и ихъ необходимую связь. Но такихъ людей мало. Обычно же чловѣкъ еще долженъ принудить себя къ добродѣтели; онъ не только не находитъ въ ней своего высшаго блага, но и страшится ея;

— 15 —

свое высшее благо онъ болѣе склоненъ полагать въ самоуслажденіи (какъ его ни понимать). Съ точки зрѣнія этого обычнаго чловѣка (каковы всѣ люди), блаженство никакъ не можетъ быть выведено изъ добродѣтели и наоборотъ,— для него это два явленія совершенно иныхъ порядковъ. Поэтому, и отношеніе между добродѣтелью и вѣчной жизнію такой чловѣкъ легче всего и понятнѣе всего думаетъ выразить подобіемъ труда и награды, подвига и вѣнца, тѣмъ болѣе, что для него добродѣтельная жизнь и есть именно подвигъ и, притомъ, очень трудный. Самъ по себѣ безошибочный, этотъ способъ выраженія настолько привыченъ чловѣку и настолько удобенъ для него и настолько ясно выражаетъ необходимость добродѣланія, что неудивительно, если онъ получилъ самое широкое примѣненіе и въ Словѣ Божіемъ, и въ ученіи церкви. Но, повторяемъ, при этомъ не забывалось, что это только весьма подходящее подобіе, что этимъ существо спасенія отнюдь не выражается. Между тѣмъ, жизнь Церкви такъ сложилась, что вполнѣ законное и вполнѣ понятное примѣненіе къ духовному развитію членовъ Церкви послужило источникомъ того кореннаго заблужденія, которое теперь отличаетъ христіанство западное; на этой почвѣ развилась правовая (юридическая) постановка ученія о спасеніи. Христіанство съ самыхъ первыхъ своихъ историческихъ шаговъ столкнулось съ Римомъ и должно было считаться съ римскимъ духомъ и римскимъ способомъ или складомъ мышленія, древній же Римъ, по справедливости, считается носителемъ и выразителемъ права, закона. Право (*jus*) было основной стихіей, въ которой вращались всѣ его понятія и представленія: *jus* было основой его личной жизни, оно же опредѣляло и всѣ его семейныя, общественныя и государственныя отношенія. Религія не составляла исключенія,—она была тоже однимъ изъ примѣненій права. Становясь христіаниномъ, римлянинъ и христіанство старался понять именно съ этой стороны,—онъ и въ немъ искалъ прежде всего состоятельности правовой. Указанная неуловимость и въ тоже время неразрывность соотношенія между качествомъ здѣшной и будущей жизни, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали такому пониманію; привычность же

самой правовой точки зрѣнія дѣлала, въ глазахъ римлянина, излишними какія-нибудь дальнѣйшія изысканія о свойствахъ этого соотношенія. Увидавъ

— 16 —

что оно довольно легко укладывается въ рамки правовыхъ отношеній, римлянинъ былъ вполнѣ удовлетворенъ и о дальнѣйшихъ какихъ-нибудь основаніяхъ не спрашивалъ. Такъ получила себѣ начало юридическая теорія, которая состоитъ въ томъ, что помянутая аналогія труда и награды признается (сознательно или безсознательно, открыто или подъ строкой) подлиннымъ выраженіемъ самаго существа спасенія и потому ставится въ качествѣ основного начала богословской системы и религіозной жизни, между тѣмъ какъ ученіе церкви о тождествѣ добродѣтели и блаженства оставляется безъ вниманія.

Конечно, этотъ способъ внѣшняго пониманія спасенія въ первыхъ порахъ, не могъ быть опаснымъ для церкви: всѣ неточности его съ избыткомъ покрывались вѣрою и пламенною ревностію христіанъ; даже болѣе. Возможность объяснить христіанство съ точки зрѣнія правовой была въ нѣкоторомъ отношеніи полезна для него: она давала вѣрѣ какъ бы научную форму, какъ бы утверждала ее. Но это было во время разцвѣта церковной жизни. Не то стало потомъ, когда мірской духъ проникъ въ церковь, когда многіе христіане стали думать не о томъ, какъ бы имъ совершеннѣе исполнить волю Божию, а, наоборотъ, о томъ, какъ бы исполнить эту волю поудобнѣе, съ меньшими утратами для этого міра. Тогда возможность правовой постановки ученія о спасеніи обнаружила свои губительныя послѣдствія.

Правовой союзъ возникаетъ тогда, когда одному человѣку или семейству оказывается не подъ силу бороться съ окружающимъ его міромъ. Чтобы обезпечить себѣ извѣстную долю благополучія, человѣкъ и входитъ въ уговоръ съ другимъ человѣкомъ, находящимся въ такомъ же положеніи. Они принимаютъ въ себя взаимныя обязательства и работаютъ на общую пользу. Но это общеніе совсѣмъ не общеніе любви, не нравственный союзъ; эти люди служатъ другимъ только потому, что иначе имъ не получить того, чего они желаютъ себѣ. Цѣль ихъ жизни не общество, а свое собственное „я“. Правовой строй, т. о , имѣетъ своей задачей сопоставить нѣсколько себялюбій, такъ чтобы они не мѣшали другъ другу и чтобы каждое изъ нихъ получало слѣдующую ему долю. Какъ такой, правовой строй можетъ дредставить выгоды только себялюбію.— Первая его выгода въ томъ, что овъ вмѣсто живого союза предлагаетъ

холодный, вѣшній. Для государства или моихъ

— 17 —

согражданъ не особенно важно, каково мое внутреннее настроеніе, для нихъ существенно лишь мое вѣшнее поведеніе, потому-что только это послѣднее касается ихъ благополучія, выражаетъ мое отношеніе къ нимъ. Это, конечно, унижаетъ личность, превращая ее въ бездушный винтъ общественной машины, но это же даетъ человѣку такую свободу, или лучше сказать, такой произволь въ душевной жизни, какого онъ не можетъ получить ни при какомъ другомъ строѣ, въ особенности въ нравственномъ. Нравственный союзъ требуетъ соотвѣтствія нравственнаго, проникаетъ со своими требованіями и указаніями въ самое святилище человѣческой совѣсти. Правовой же строй туда не проникаетъ никогда, довольствуясь соблюденіемъ вѣшнихъ условленныхъ рамокъ и оставляя человѣка полнымъ господиномъ внутри себя.—

Этотъ произволь увеличивается сознаніемъ подной независимости или необязанности никому своимъ благополучіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если другіе служатъ человѣку чѣмъ-нибудь, то онъ знаетъ, что они служатъ не изъ расположенія къ нему, а изъ необходимости или изъ желанія блага прежде всего себѣ. За эту службу они получаютъ столько же и съ его стороны: отношенія уравниваются, ему, слѣдовательно, не приходится никого считать своимъ благодѣтелемъ. Правда, это обрекаетъ человѣка на страшное одиночество, но себялюбіе и есть одиночество по существу. Сознаніе независимости, этотъ смутный призракъ самобытности, цѣннѣе для грѣховнаго „я“, какъ такого.—

Вмѣстѣ съ этимъ получаютъ высшее значеніе въ глазахъ человѣка и всѣ тѣ услуги, даже самыя незначительныя, которыя онъ оказываетъ своимъ союзникамъ. Услуги эти дѣлаются, въ сущности, помимо желанія, не изъ любви къ союзнику, а просто изъ желанія получить равное вознагражденіе. Поэтому, человѣкъ и требуетъ себѣ этого вознагражденія, требуетъ, какъ должнаго, и будетъ считать себя въ правѣ мстить, если это вознагражденіе не послѣдуетъ. Чувства признательности въ собственномъ смыслѣ нельзя найти въ душѣ себялюбца.—

Поэтому, и увѣренность, на которой зиждутся всѣ союзы, не имѣетъ тѣхъ свойствъ, какъ въ союзѣ нравственномъ. Въ послѣднемъ это—радостное и вмѣстѣ смиренное упованіе,—въ первомъ же это скорѣе увѣренность въ томъ, что союзникъ не можетъ обмануть, такъ какъ есть извѣстное ручательство,

въ силу котораго онъ въ нѣкоторомъ родѣ принуждается исполнить обязательство. Тамъ увѣренность покоится на свободномъ желаніи личности, и отсюда—постоянная благодарность къ ней,—здѣсь же на чемъ-то третьемъ, что принуждаетъ личность, и отсюда благодарности нѣтъ, а есть одно себялюбивое чувство безопасности. Человѣкъ теряетъ „ту свободу чада Божія“, которая составляетъ высшее достояніе его,—но для себялюбія эта свобода слишкомъ тяжела, чтобы онъ не промѣнялъ ее на рабство, лишь бы оно оставило его при его желаніяхъ.

Не трудно видѣть, что можетъ произойти, если человѣкъ (который, замѣтимъ уже утратилъ жаръ первой ревности о Христѣ и теперь съ трудомъ колеблется между любовію къ Богу и себялюбіемъ) если онъ и свои отношенія къ Богу будетъ разсматривать съ точки зрѣнія правовой.

Главная опасность этой точки зрѣнія въ томъ, что при ней человѣкъ можетъ считать себя какъ бы въ правѣ не принадлежать Богу всѣмъ своимъ сердцемъ и помышленіемъ: въ правовомъ союзѣ такой близости не предполагается и не требуется; тамъ нужно соблюдать только внѣшнія условія союза. Человѣкъ можетъ и не любить добра, можетъ оставаться все прежнимъ себялюбцемъ, онъ долженъ только исполнять заповѣди, чтобы получить награду. Это, какъ нельзя болѣе, благопріятствуетъ тому наемническому, рабскому настроенію, которое дѣлаетъ добро только изъ-за награды, безъ внутренняго влеченія и уваженія къ нему. Правда, это состояніе подневольнаго добродѣланія необходимо переживается всякимъ подвижникомъ добродѣтели и не одинъ разъ въ его земной жизни, но это состояніе никогда не должно возводиться въ правило, это только предварительная ступень, цѣль же нравственнаго развитія въ добродѣланіи совершенномъ, произвольномъ. Правовая точка зрѣнія тѣмъ и грѣшитъ, что она это предварительное, подготовительное состояніе освящаетъ въ качествѣ законченнаго и совершеннаго. А разъ освящено наемническое отношеніе къ волѣ Божіей, этимъ раскрыта дверь и для всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые съ необходимостью изъ этого отношенія слѣдуютъ.

Въ правовомъ союзѣ человѣкъ стоитъ предъ лицомъ Божиимъ совсѣмъ не въ положеніи безотвѣтнаго, всѣмъ Ему обязаннаго грѣшника: онъ склоненъ представлять себя болѣе

или менѣе независимымъ, обѣщанную награду онъ ожидаетъ получить не по милости Божіей, а какъ должное за его труды. Предметъ упованія

здѣсь, строго говоря, не милость Божія, а собственныя силы человѣка, ручательствомъ же, тѣмъ третьимъ, которое обязываетъ союзника, не дѣлая его въ тоже время благодѣтелемъ, служить для человѣка его собственныя дѣла. Дѣла, т. о., превращаются въ нѣчто само по себѣ цѣнное, заслуживающее награды,—выводъ, какъ нельзя болѣе, подходящій для себялюбивой утратившей первоначальную чистоту природы, которая, скрѣпя сердце, принуждаетъ себя къ исполненію заповѣдей и потому цѣнить свое невольное добро наивысшею цѣною. Притомъ, достоинство заслуги приписывается не добродѣтелямъ иди постояннымъ *расположеніямъ* души, а отдѣльнымъ внѣшнимъ *поступкамъ*, которые, въ свою очередь, наемническое настроеніе постаралось по возможности сократить и сдѣлать наиболѣе формальными, по естественному въ наемникѣ желанію достигнуть своей платы съ возможно меньшей затратой силъ. Жизнь человѣка изъ свободно-нравственнаго возрастанія превратилась въ бездушное исполненіе частныхъ предписаній.

Механизмъ развившійся въ западной церкви, не преминулъ отразиться и на богословской наукѣ, которая подъ вліяніемъ эпохи вполнѣ подчинилась ему и въ свою очередь способствовала дальнѣйшему его развитію и, такъ сказать, оформленію. Схоластика, съ ея поклоненіемъ Аристотелю, заботилась больше о формальной стройности своихъ системъ и мало (чтобы не сказать, совсѣмъ не) справлялась съ духовнымъ опытомъ, съ жизнью. Неудивительно, если она (схоластика) приняла правовую точку зрѣнія. Могъ ли схоластикъ задуматься объ истинности ея, когда подъ каждымъ ея пунктомъ онъ видѣлъ выдержки изъ разныхъ знаменитостей,— выдержки прибавимъ, взятыя внѣ связи рѣчи? И вотъ такимъ, такъ сказать, типографическимъ способомъ довазательства схоластика оправдала всѣ крайніе выводы правового міровоззрѣнія. Вполнѣ естественное ученіе о взаимопомощи членовъ церкви превратилось подъ перомъ и въ умѣ схоластика въ совершенно механической зачетъ поступковъ одного человѣка (святаго) другому. Неопредѣленное положеніе душъ умершихъ и въ покаяніи, но не принесшихъ плодовъ достойныхъ покаянія, не утвержденныхъ въ добрѣ превратилось въ чистилище, гдѣ

— 20 —

человѣкъ платитъ Богу своими мученіями за совершенныя на землѣ преступленія, и еще не оплаченныя. Пастырское руководство при исповѣди приняло нелѣпую форму уплаты за грѣхи и индульгенцій— отпущенія грѣховъ безъ нравственнаго напряженія, безъ покаянія.

Таинства превратились въ магическія дѣйствія *opus operatum*, въ которомъ скорѣе нужно тѣлесное участіе, чѣмъ душевное и т. д. Грѣховная боязнь нравственной работы, воспользовавшись удачнымъ предлогомъ, придумала много нужныхъ себѣ ученій и такъ засорила западное христіанство всѣмъ постороннимъ, что въ немъ трудно было и узнать Христову истину. Не даромъ, когда нѣмецкіе реформаторы пришли къ мысли, что одна вѣра спасаетъ человѣка, то это столь обычное въ христіанствѣ и постоянно бывшее на устахъ святыхъ отцевъ выраженіе показалась столь необычнымъ и страшнымъ, что одни сочли его за ересь и разрушеніе всякой нравственности, а другіе приняли его почти за какое-то новое откровеніе и въ конецъ извратили его смыслъ.—Такіе плоды принесла западу его юридическая точка зрѣнія на спасеніе. Главная же опасность ея въ томъ, повторяемъ, что она давала возможность человѣку, при нежеланіи, ограничиться одною внѣшностью; нравственная работа какъ бы позабывалась. Отсюда добрый католикъ былъ внутри часто очень плохимъ христіаниномъ и, не смотря на это думалъ, что онъ спасается, и въ этомъ самообманѣ погибалъ.

Душа человѣческая, въ лучшей части своей, всегда жаждущая истинной жизни и спасенія, только по недоразумѣнію можетъ довольствоваться описаннымъ ученіемъ, она непременно ощутитъ его ложность. Это ощущеніе живой души выразилось, хотя и неудачно, въ безчисленныхъ сектахъ, во многихъ попыткахъ поправить католичество, какія мы видимъ во все продолженіе западной церковной исторіи, и наконецъ разразилось тѣмъ страшнымъ переворотомъ, который называется реформаціей, и который до сихъ поръ стоитъ предъ католичествомъ въ качествѣ живого обличенія его неправды, въ свою очередь ожидающаго себѣ обличителей.

Реформація выступила съ беспощаднымъ обличеніемъ всѣхъ поддѣлокъ католическихъ въ жизни и ученіи, бездушнаго формализма, царившаго въ немъ, и потребовала для человѣка жизни и истины. Протестанты и писали и говорили, что источникъ католическаго мудрованія не Евангеліе, не

— 21 —

ученіе Христа, а соображенія разума, который стоитъ на своей точкѣ зрѣнія и судитъ объ этихъ вещахъ исключительно по человѣчески 1). Не проникая во внутреннее дѣланіе спасающихся, разумъ останавливается на внѣшней сторонѣ и на ней одной основываетъ свои умозаключенія. Неудивительно, если такимъ путемъ онъ приходитъ къ положеніямъ, нелѣпымъ съ точки зрѣнія духовнаго опыта и предъ судомъ человѣческой совѣсти 2); а потомъ, чувствуя ложь и въ тоже время не видя иного пути,

кромѣ существующаго, онѣ принужденъ уже противъ своей воли прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ построениямъ, чтобы ими какъ-нибудь заглушить мучительный голосъ своей совѣсти. (Оттого и происходятъ постороннія дѣла, посторонніе предметы почитанія, выдуманные людьми въ минуту (ощущенія) опасности (духовной) противъ страха совѣсти ³⁾). Чтобы избѣжать этой печальной и страшной участи, необходимо порвать всякую связь съ принятыми, но немирящимися съ Христовой истиной, философскими воззрѣніями и обратится къ самой Христовой истинѣ и изслѣдовать ее, прислушиваясь къ внутреннему голосу своей совѣсти, стараясь уловить, что говорить не уму только, но и всей душѣ Слово Божіе и церковное преданіе ⁴⁾, и заботиться не только о вѣрности логикѣ, а о вѣрности истинѣ, по существу живой и дѣйственной, а не формальной. Протестантство, дѣйствительно и провозгласило этотъ единственно истинный и безопасный приемъ богословствованія—наведеніе. Провѣрку истинности

1) *Tota doctrina adversariorum partim est a ratione humana sumptas, partim est doctrina legis, non Evangelii. Apologia. III (166). Hase. 119. Cp. Zwinglii Artic. Y. Ed, Niemeyer «Collectio Confessionum in ecclesiis reformati publicatarum Lipsiae. 1840. Стр. 5. Этимъ изданіемъ пользуемся для вѣсхъ символическихъ книгъ реформатской церкви.*

2) *Apol. III (144). Hase 113: «Opera incidunt hominibus in oculos. Haec naturaliter miratur humana ratio, et quia tantum opera cernit, fidem non intelligit, neque considerat, ideo somniat, haec opera mereri remissionem peccatorum et iustificare.*

3) *Apol. III (167). Hase 120.*

4) Первые реформаторы, какъ извѣстно, съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ голосу нѣкоторыхъ оо. церкви, въ особенности Августина, слова котораго не разъ цитуются въ самыхъ символическихъ книгахъ про-тестантовъ. Напр, Zwing. *Expesitio fidei XI, 103. Niem. 58.*

– 22 –

своей доктрины они думали видѣть не въ согласіи съ метафизикой Аристотеля (для котораго Лютеръ не могъ подыскать достаточно сильнаго ругательства) ¹⁾ и съ схоластическими аксіомами, а въ томъ, что въ ней находятъ покой и утѣшеніе добрая совѣсти „*piae et pavidae conscientiae*"²⁾).

Настало, повидимому, время коренного обявленія въ западномъ христіанствѣ. Дѣйствительно, протестантство начало съ яростію опровергать главный догматъ правового воззрѣнія—ученіе о дѣлахъ, какъ заслугахъ предъ Богомъ. Ученіе это потому уже одному несостоятельно, что оно кореннымъ образомъ противорѣчитъ самому основанію христіанской вѣры—спасенію единымъ І. Христомъ. „Кто будетъ исповѣдывать, что онѣ посредствомъ дѣлъ заслуживалъ благодать,—тотъ

пренебрегаетъ заслугой Христа и благодатию и пути къ Богу ищеть помимо Христа, человѣческими силами"³). Да если бы и не было этого противорѣчія, взятыя сами по себѣ дѣла человека, по самому существу, не могутъ быть заслугой предъ Богомъ: дѣла добрыя человекъ творить только при помощи благодати Божіей 4), все же, что онъ дѣлаетъ самъ, неизбѣжно носить на себѣ печать грѣха 5). Поэтому, всѣ, кто величаются

1) «Если бы Аристотель не имѣлъ плоти и крови, я бы нисколько не задумался сочестъ его за воплощеннаго діавола». Образчикъ Лютерова краснорѣчія по адресу Аристотеля. У Schenkel'я «Das Wesen des Protestantismus». 2-te Aufi. Schaffhausen. 1862 s. 34.

2) Conf. Ansb. I, 20. Hase 17.

3) Conf. Ansb I, 20. Hase 16. Ср. Apol. III (196). Hase 127: «Quid est hoc aliud, quam transferre gloriam Christi in opera nostra, quod videlicet propter opera nostra placeamus, non propter Christum». Conf. Belgica. Art. XXII: «Necesse enim est ant omnia quae ad salutem nostram requiruntur in Christo non esse: aut si sint in eo omnia. eum, qui fide Jesum Christum possidet, simul etiam perfectam habere salutem. Itaque horrenda est omnino in Deum blasphemia, asserere Christum minime sufficere, sed aliis quoque rebus opus esse. Inde enim sequeretur, Christum ex parte tantum esse servatorem». Niem. 374.

4) Form. Conc. I, 2. Hase 579: Hominis intellectus et ratio in rebus spiritualibus prorsus sint coeca nihilque propriis viribus intelligere possint.. Ex nobismet ipsis, tanquam ex nobis, non sumus idonei, ut aliquid boni cogite-mur; quod vero idonei sumus id ipsum a Deo est».

5) Nulla opera edere possumus quae non sint carnis nostrae vitio polluta, ac pvoinde supplicio poenisque digna». Conf. Belg: XXIV. Niem. 376.

— 23 —

заслугами своихъ дѣлъ, или надѣются на сверхдолжныя дѣла, величаются суетой и надѣются на идолослуженіе, подлежащее осужденію" 1), читаемъ мы въ Шотландскомъ исповѣданіи.— Такъ рѣшительно и безпощадно обличены были и всѣ тѣ выводы, которые съ необходимостью изъ католическаго ученія слѣдовали: чистилище, индульгенціи и пр.

Но... протестанство быдо чадомъ своего времени и школы. Первые реформаторы выучились говорить и мыслить на томъ же Аристотелѣ и Цицеронѣ, какъ и ихъ католическіе противники. Поэтому, возмущаясь тѣмъ вопіющимъ искаженіемъ Христовой истины, которое они видѣли въ католичествѣ, они думали объяснить его только причинами случайными

злостностью іерархіи и т. п. и не подозрѣвали, что вмѣсто этихъ выводовъ, необходимо явятся другіе, столь же ложные, потому что ложь не въ выводахъ, а въ самой основѣ, въ самой точкѣ зрѣнія на предметъ. Вмѣсто того, чтобы отвергнуть эту основную ложь, протестанты оказались въ силахъ отвергнуть только нѣкоторые отпрыски ея и, такимъ образомъ, только замѣнили одни исваженія другими.

Оттого, реформація, въ смыслѣ возстановленія Христовой истины, и кончилась полнымъ неуспѣхомъ.

Протестанты, какъ мы видѣли, обратились къ самой жизни и старались ею провѣрять свои выводы,—но на жизнь они смотрѣли съ правовой точки зрѣнія. Они хотѣли своимъ ученіемъ принести миръ совѣсти, но миръ этотъ они поняли вполне по правовому, въ смыслѣ чувства безопасности, безнаказанности за совершенные грѣхи. Человѣкъ боится наказанія, и вотъ ему указывается на смерть Іисуса Христа, какъ на такое великое, чрезмѣрное удовлетвореніе правдъ Божіей, что эта правда уже никакъ не можетъ,—не въ правѣ требовать еще чего-нибудь отъ человѣка, какихъ-нибудь другихъ удовлетвореній. Человѣкъ, разъ онъ вѣритъ въ Евангеліе, долженъ успокоиться на счетъ себя.—Мы видимъ, что протестанты поняли эту величайшую и утѣшительнѣйшую тайну нашего спасенія не во всей ея глубинѣ и жизненности. Конечно, человѣкъ по природѣ наемникъ, конечно онъ прежде всего боится за себя и ищетъ безопасности себѣ,—и, слѣдо-

1) Conf. Scot. I, Art. 15. Niem. 348.

вательно, тайну спасенія усволяетъ прежде съ этой стороны. Но церковь наша, всегда указывая грѣшнику на эту, именно, сторону (тавъ какъ она всего понятнѣе, ближе къ грѣшнику), не думаетъ изъ-за нея забывать и другихъ болѣе ободряющихъ сторонъ тайны спасенія. Она видитъ во Христѣ не страдательное орудіе умилостивленія, а возстановителя нашего падшаго естества первенца изъ умершихъ, которыхъ Онъ вывелъ изъ смерти, называетъ Его „вторымъ Адамомъ“, небеснымъ Господомъ, „небесныхъ“ (1 Кор. XV, 20. 23. 45. 47. 48.), т. е. какъ бы предводителемъ человѣчества, но только „Христовъ“ (ст. 23), облекшагося во Христа, идущаго за своимъ Вождемъ въ присущую Ему отъ вѣчности Отчую славу (Кол. III, 1—6). Протестанты же въ этой величайшей тайнѣ думали найти то „третье“ правового союза, которое лежитъ между членами его и которое одно изъ нихъ заставляетъ, не смотря ни на что, сдѣлать уступку въ пользу другаго.

Разъ найдено это „третье“ и притомъ не только достаточное, но и превосходящее всякую мѣру, тогда не нужно искать никакого другого удовлетворенія. Если Христось заплатилъ за наши грѣхи даже болѣе, чѣмъ онъ стоили, зачѣмъ еще думать, что нужно самому трудиться для этого удовлетворенія? Усилія человѣческія, не говоря уже о ихъ несовершенствѣ предъ Богомъ и пр., прямо—излишни и даже опасны: они умаляютъ значеніе заслуги Христовой. Что же такое, послѣ этого, спасеніе? Оно не болѣе, какъ отпущеніе грѣховъ или избавленіе отъ наказаній за грѣхи 1), оправданіе 2), за которымъ уже слѣдуютъ пріятіе въ благоволеніе Божіе и пр. Оправданіе же понимается „не въ физическомъ смыслѣ, а во

1) «Вѣруемъ, учимъ и исповѣдуемъ, что правда наша предъ Богомъ есть именно это самое, что Господь намъ отпускаетъ грѣхи изъ одной благодати». Form Conc. I, art. III (4). Hase. 584». Ср. Conf. Gall. art. XVII. Niem. 334: «Вѣруемъ, что вся наша праведность заключается въ отпущеніи нашихъ грѣховъ, кохорое есть, какъ свидѣтельствуемъ Давидъ, и единственное наше блаженство». Ср. также Conf Belg. XXIII. Niem. 374.

2) Напр., Apol. III (40). Hase. 90, говорить, «что оправданіе означаетъ не только одно начало обновленія, но и то примиреніе, которое мы получаемъ въ послѣдствіи».

— 25 —

внѣшнемъ и судебномъ" 1). Оно значить не „дѣлать изъ нечестиваго праведнаго, а въ судебномъ смыслѣ (seusu forensi) провозглашать праведнымъ 2), праведнымъ считать, объявлять (iustum aestimare, declarare)³⁾, и это ради заслуги І. Христа 4), т. е. ради событія посторонняго, съ моимъ внутреннимъ бытіемъ связи не имѣющаго. Оправданіе, такимъ образомъ, актъ совершенно внѣшній, „такой актъ, который дѣйствуетъ не въ человѣкѣ, а внѣ и около человѣка" 5). Поэтому, и слѣдствіемъ этого акта, мож. быть переменна только отношеній между Богомъ и человѣкомъ, самъ же человѣкъ не измѣняется" 6). Мы по прежнему грѣшники, но Богъ обращается съ нами, въ силу заслугъ І. Христа, какъ будто бы мы не согрѣшили, а напротивъ исполнили законъ, или какъ будто бы заслуга Христа была нашей" 7). Другими словами, вмѣсто прежней пелагіанской правовой точки зрѣнія, отвергнутой и осужденной, протестантство выдвинуло то же начало права, только взявъ другую его сторону: отвергнувши заслугу человѣческую, какъ недостаточную для умиловленія разгнѣваннаго Бога, или

1) Iustificare deitnr non sensu physico, sed forensi et indiciali, a reata culpae et penae absolvere et iustnm aestimare, declarare». Hollar у Брет-швейдера. „Systematische Entwicklung aller in d. Dogmatik vorkommenden Begriffe. Leipzig. 1841. S. 641.

2) Apol. III (131). Base 109.

3) Hollaz. Ibid:

4) Form. Conc. I. Art. III (17). Hase 585: Слово "оправданіе" въ этомъ случаѣ значить: провозглашать праведнымъ, освобождать отъ грѣховъ и вѣчныхъ наказаній за грѣхи, ради праведности Христовой, которая вмѣняетеа Богомъ вѣрѣ» Или выше: «Богъ даруетъ и вмѣняетъ намъ праведность послушанія Христова, ради этой праведности мы и принимаемъ Богомъ въ благодать и считаемъ праведными. Art. III (4) Hase 554).

⁵⁾ Iustificare consistit in matatione morali, quae constituit homine iustum actione iudiciali et eidem para extrinseca h. e. tali, quae nou in homine, sed circa hominem peragitur». Quenstedt у Бретшнейдера. Op cit. 641.

6) Бретшнейдеръ,. Ibid.

7) Ibid. 642. Ср. Art. Smalcald. III. Art. ХШ (I). Hase 336: «Хотя грѣхъ еще не уничтожень совершенно въ плоти и еще не мертвъ, однако Богъ не желаетъ его намъ вмѣнять, ни помнить». Грѣхи наши, по выраженію Cat. maj. II, art. III (55). Hase 500, non nobis poseant in christianitate constitutis: ubi (что показываетъ тожество спасенія оправданія) nihil aliud, quam assidua et indesinens est peccatorum remissio¹⁾.

— 26 —

пряме говоря, для того, чтобы обязать Бога даровать мнѣ животь вѣчный, протестанты всетаки смотрѣли на вѣчную жизнь, какъ на условленную плату, которую Богъ „долженъ" выдать человѣку, только обязующимъ „третьимъ" для протестантовъ служить не собственная заслуга человѣка, а заслуга Христа 1). Въ католичествѣ мы видѣли забвеніе Христа въ дѣлѣ нашего спасенія, здѣсь же забывается дѣло самого человѣка, „наша праведность" сократилась во вмѣненіе чужой праведности (imputatio alienae iustitiae) ²⁾. Такое представленіе обще протестантамъ всѣхъ временъ ³⁾ и если въ новѣйшихъ

1) Nos fatemur vitam aeternam mercedem esse, quia est res *debita*, propter promissionem, non propter nostra merita». Apol. III (241). Hase 136.

²⁾ «Оправдывать» въ этомъ мѣстѣ (Рим. V, I) значить «освобождать виновнаго и провозглашать его праведнымъ» въ юридическомъ смыслѣ (forensi conspectu), но ради чужой праведности, т. е. Христовой; эта чужая праведность сообщается намъ чрезъ вѣру. Итакъ, какъ въ этомъ мѣстѣ праведность наша есть вмѣненіе чужой праведности, то о праведности здѣсь нужно говорить иначе, чѣмъ когда мы въ философіи или на судѣ ищемъ праведности дѣйствительной (proprii operis)». Apol. III (184—5). Hase 125 — Catech. Palat. на вопросъ Quomodo iustus es coram Deo? — Отвѣчаетъ: «Безъ всякой моей заслуги, изъ одного милосердія Божія, мнѣ вмѣняется и даруется (только бы мнѣ воспринять эти благодѣянія истинной душевной увѣренностью) совершенное удовлетвореніе, праведность и святость Христовы; такъ какъ будто бы я никакого грѣха не совершилъ, я никакой язвы нѣтъ во мнѣ; даже болѣе: какъ будто бы послушаніе, которое за меня представляетъ Христось, представляю я самъ». Pars II, art. LX. Niem. 443. Ср. Conf. Helv. post. XT. Niera. 494: «Dens imputat institiam Christi pro nostra».

³⁾ Весьма ясно выражено это ученіе у Бидермана (Christliche Dogmatik. Zurich. 1869. 8, 447), именно въ качествѣ характерной особенности про. тестантства: «Между тѣмъ какъ, по католическому пониманію, instificatio—по своему содержанію состоитъ въ infusio

justitiae Христа, исходя изъ котораго (infasio), человекъ имѣетъ самъ увеличить свое спасеніе до степени праведности, достигнутой его собственными силами,—по протестантскому пониманію, оправданіе состоитъ скорѣе въ applicatio "*satisfactio*" Христа. При этомъ applicatio является двухстороннвмъ: отрицательно, она есть отпущеніе грѣховъ, remissio peccatorum, объективное Божественное уничтоженіе вѣчнаго наказанія за грѣхъ (что субъективно воспринимается, какъ облегченіе чувства виновности), а положительно, оно есть примиреніе съ Богомъ, reconciliatio cum Deo, объективное прннтіе Богомъ человека въ возстановленіе правильное жизнеобщеніе съ Собою (что субъективно даетъ себя знать въ чувствѣ дарованнаго сыновства)».

— 27 —

догматическихъ системахъ протестантовъ мы встрѣчаемъ попытки придать внѣшне-судебному событію жизненность, реальность, превратить догматическія положенія въ психологическія явленія, то эти попытки или явно не мирятся съ основнымъ протестантскимъ началомъ, по сезнанію самихъ же протестантовъ 1), представляя изъ себя лишь неизбѣжныя уступки протестанства религіозному опыту, или же онѣ перемѣняютъ только имена, не мѣняя существа дѣла 2).

Нельзя сказать, чтобы ученіе протестантовъ не имѣло за себя никакихъ указаній духовнаго овыта. Несомнѣнно то, что только съ развитіемъ въ добрѣ, человекъ можетъ понять всю глубину своей грѣховности и нравственной немощи. Отсюда, чѣмъ выше человекъ нравственно, тѣмъ сильнѣе въ немъ сознаніе своего недостойнства и тѣмъ обильнѣе его покаянныя слезы. Таковъ, напр., преп. Ефремъ Сиринъ, творенія котораго—почти непрерывный плачь, хотя носятъ на себѣ неизгладимые слѣды небесной радости, присущей всякому истинному праведнику. Не тоже ли говорить и то всеобъемлющее явленіе, что, когда кончилась эпоха мучениковъ, христіанская

1) См., напр, отзывъ Seheele о flengstenberg'ѣ, который «подъ конецъ дней своихъ отождествлялъ оправдывающую вѣру съ дѣятельною жизнію по вѣрѣ въ Сына Божія» Scheele раздѣляетъ мнѣніе «славнѣйшихъ учителей своей церкви, которые единогласно объясняли это слѣдствіемъ старческой немощи Hendstenberg'a, которое омрачило раньше такъ ясно блестявшій ореоль этого мужа». Theologische Symbolie. Leipzig. 1886. Theil. II. 8. 59.

2) Ддя примѣси можемъ указать на Мартенсена На втраницѣ 369 своей Christliche Dogmatik. (Berlin. 1856) онъ такъ говоритъ объ оправданіи: «Оправданіе завлючаетъ въ себѣ, какъ положнтельный, такъ и отрицательный моменты, которые другъ друга взаимно обусловливаютъ. Нельзя обладать новой жизнію иначе, какъ въ доброй совѣсти, очищенной отъ сознанія вины и осужденія Божія; и наоборотъ. не можетъ быть мыслимо отпущеніе грѣховъ и очищеніе совѣсти безъ фактическаго жизнеобщенія со Христомъ, когда его совершенство и праведность дѣлаются одушевляющимъ началомъ жизни индивидуума». Это совершенно тоже самое, что и въ символическихъ книгахъ. И тамъ

тоже добрая совѣсть (respect., юридическая прононція) сопровождается вселеніемъ Христа въ качествѣ одушевляющаго принципа. И у Мартенсена это вселеніе служитъ не силой, дѣйствующей въ оправданіи, а только слѣдствіемъ его, — корень, источникъ оправданія опять таки въ юридической прононціи.

— 28 —

ревность нашла себѣ выраженіе не въ иномъ чемъ, а именно въ монашествѣ, въ чинѣ кающихся? Протестанты, повторяемъ не ошиблись, указывая на это несомнѣнное явленіе и стараясь сдѣлать изъ него выводы и для христіанскаго ученія. Но подобно тому, какъ грубой католицизмъ, исходя тоже изъ потребности религіознаго сознанія въ своихъ построеніяхъ пришелъ къ наемничеству и пелагианству,—потобно этому и протестантство видя несостоятельность спасенія заслугой человѣка и въ тоже время не находя иного способа пониманія, кромѣ правового, создало себѣ, въ существѣ дѣла, лишь духовное обольщеніе, фикцію спасенія, не имѣющую истиннаго содержанія. Правда, протестанты, при всемъ своемъ желаніи быть вѣрными своему ученію, не могли не признать необходимости нѣкоторыхъ условій и со стороны человѣка. Но такимъ условіемъ признана была, въ качествѣ послѣдняго „возможнаго минимума“, вѣра во Христа безъ дѣлъ. Уступая требованіямъ жизни и совѣсти протестанты дѣлаютъ попытку придать этой вѣрѣ возможно больше жизненности, дѣйственности. Они говорятъ, что оправдываетъ только вѣра живая 1) т. е. дѣятельная, которая необходимо сопровождается дѣлами 2) и ни въ какомъ случаѣ не мыслима въ человѣкѣ, преданномъ грѣху 3); и что, слѣд., оправданіе необходимо будетъ сопровождаться нравственными перерожденіемъ человѣка 4). „Не можетъ

1) Apol. (III 128—9). Hase 108—9: «Мы говоримъ не о праздномъ знаніи, какое есть даже у діавола, но о вѣрѣ, которая противостоитъ страхамъ совѣсти, ободряетъ и утѣшаетъ устрашаемыя сердца... Эта вѣра, такъ какъ она есть новая жизнь, необходимо рождаетъ новыя стремленія и дѣла», Ср. Conf. Heiv. XV; Niem. 485—6: «Въ этомъ случаѣ мы говоримъ не о фиктивной вѣрѣ, суетной и праздной, или мертвой, но о вѣрѣ живой и животворящей, которая ради Христа (Который есть жизнь и животворитъ воспринимаемаго ею,—есть и называется живая и свою жизненность обнаруживаетъ живыми дѣлами».

2) «Добрыя дѣла за истинной вѣрой (если только она не мертвая, но живая вѣра) непремѣннѣе и безъ всякаго сомнѣнія послѣдуютъ, какъ плоды добраго дерева», Form. Conc. IV (6). Hase 589..

3) «Вѣра та, которая воспринимается въ сердце уstraшенномъ и бѣ-гущемъ грѣха отпущеніемъ грѣховъ, не остается въ тѣхъ, кто пребываетъ въ страстяхъ, и не существуетъ смертному грѣху». Apol. III (23). Hase 86.

4) «Главнѣйшей я особенно характерной чертой этой (оправдывающей вѣры служитъ

въ нашей церкви, говорить Seheele (op. cit. 61), то, что

— 29 —

быть, чтобы эта вѣра святая оставалась въ человѣкѣ праздною" 1). Но какъ происходитъ это перерожденіе и въ какомъ смыслѣ вѣра можетъ быть названа „корнемъ добрыхъ дѣлъ" 2)? Отнюдь не въ томъ, что она служитъ побужденіемъ, воодушевляющимъ началомъ, однимъ словомъ, отнюдь не въ смыслѣ какой-нибудь нравственной работы со стороны самого спасающагося. Эта работа съ оправдывающей вѣрой не имѣетъ ничего общаго 3) и потому къ оправданію не от-

она есть *fiducia specialis*», т. е. личная сердечная увѣренность въ Божественной бдагодати во Христѣ. Здѣсь, слѣд., дѣло касается не только высочайшихъ и глубочайшихъ сторонъ человѣческаго духа, поскольку для себялюбивой и обращенной къ земному человѣческой природы нѣтъ ничего тяжелѣе рѣшимости, съ отрицаніемъ себя и всего тварнаго, утвердиться (*bauen*) исключительно на обѣтованіяхъ Божественной бдагодати; но съ истинной вѣрой нераздѣльно связано также и нравственное воздѣйствіе, нѣкоторое преобразование самого внутреннѣйшаго свойства: тамъ, гдѣ любовь Христова заступаетъ мѣсто естественнаго себялюбиваго настроенія (*Sinuesart*), тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ, вырывается самая сердцевина грѣха, такъ что о смертномъ грѣхѣ не можетъ быть и рѣчи, ибо тогда себялюбивая сущность снова бы пустила корни въ душѣ, и оправданіе или праведность отъ вѣры была бы уничтожена». Это именно хотятъ сказать и символическія книги, когда онѣ съ особенной силой стараются показать, что вѣра совсѣмъ не легкая вещь, что она требуетъ высшаго напряженія энергіи и даже превышаетъ силы человѣка. Напр, ApoI III. (128—9). Hase 108—9: *Talis fides neque facilis res est, ut somniant adversarii, neque humana potentia, sed divina potentia, qua vivificamur, qua diabolum et mortem vincimus*».

1) Conf. Belg. ert. XXIV. Niem. 375.

2) Catech. Genev. I. Niem. 139: «*Fidem esse radicem. ex qua nascantur omnia bona odera*».

3) «Оправдывающая вѣра, какъ такая, не должна быть смѣшиваема ни съ чѣмъ чуждымъ ей, ни съ той, предшествующей оправданію, ввутренней борьбой, при которой человѣкъ стоитъ еще въ преддверіи Богообщенія и потому стремится проникнуть въ его святилище,—ни съ борьбой освященія, задача которой, среди разнообразныхъ отношеній земной жизни, дать форму и образъ свыше насажденному зерну Божественной жизни, чтобы вывести на свѣтъ сокровище сердца и развергнуть его предъ глазами людей. Первое образуетъ, безспорно, предположеніе, а второе, какъ плодъ и дѣйствіе, слѣдуетъ за актомъ оправданія». Ср. Conf. Scot. I, art. 12. Niem. 346: «*Spiritum*

Sanctum, sine omni meriti nostri respectu sive sit ante, sive post regenerationem, nos sanctificasse et regenerasse».

— 30 —

носится. Вѣра бываетъ корнемъ добрыхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что ею мы „воспринимаемъ Христа, Который обѣщаль намъ не только освобожденіе отъ смерти и примиреніе съ Богомъ, но вмѣстѣ и благодать Духа Святаго, которою мы возраждаемся въ обновленіе жизни" 1). Но это уже не оправданіе, а слѣдствіе его. Воспріять Христа можетъ только тотъ, кто уже оправданъ, т. е. провозглашенъ праведнымъ. примиреннымъ съ Богомъ 2). Имѣеть ли, слѣд., указанная жизненная сторона спасенія какое-нибудь существенное значеніе въ оправданіи, значеніе дѣятельнаго условія? Нѣтъ. Чтобы быть оправдывающей, вѣра должна оставаться „исключительно воспринимающей, должна только и единственно полагаться на жертву независимую отъ нашей личности (Subjectivitat), но всецѣло удовлетворяющую Бога" 3). Вѣра „оправдываетъ не тѣмъ, что она есть наше дѣло" (что предполагало бы нравственное напряженіе и какъ разъ бы выразилось тѣмъ душевнымъ переворотомъ, который описываетъ Scheele 4), а ради Христа-правды нашей, котораго она

1) Catech. Genev. I, на вопросъ: Anne sic a bonis oneribus separari haec iustitia potest, ut qui hanc habet illis careat? Niem. 139 Ср. Conf. Scotic. srt. 13: «Лишь только Духъ Господа Іисуса, котораго избранные Божіи вспоминаютъ чрезъ истинную вѣру, овладѣваетъ чьимъ-нибудь сердцемъ, тотчасъ же того человѣка возраждаетъ и обновляетъ». Niem. 346.

2) Съ замѣчательной опредѣленностью различаетъ эти два понятія (оправданіе и обитаніе существенной правды Божіей, или Бога въ оправданномъ человѣкѣ) Formula Concordiae. «Вопросъ объ обитаніи существенной правды Божіей въ насъ требуетъ правильнаго разъясненія. Ибо хотя Богъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, (который есть вѣчная и существенная праведность) и обитаетъ чрезъ вѣру въ избранныхъ, которые Христомъ оправданы и примирены съ Богомъ... однако это обитаніе Бога не есть та правда вѣры, о которой говоритъ Павелъ и называетъ ее правдой Божіей, ради которой предъ лицомъ Божіимъ мы провозглашаемся праведными. Обитаніе Бога слѣдуетъ за предшествующей ему правдой вѣры, которая (правда) ничто иное есть, какъ отпущеніе грѣховъ, принятіе грѣшника въ благодать, ради одного только послушанія и совершеннѣйшей заслуги единаго Христа». Pars. II. art. III (54). Nose 695.

3) Scheele. Symbolic. s. 59.

4) См. Выше примѣчаніе 4 на стр. 17.

— 31 —

воспринимаетъ 1), а это понимается такъ, что она воспринимаетъ обѣщанное милосердіе 2). Вѣра спасаетъ, такимъ образомъ, внѣшне, ради

правды и святости Христовой, которую она усваивает человеку³⁾, ради заслуги Христовой, которая человеку вменяется⁴⁾. Другими словами, вера служит основанием явлению только внешне-судебному, а не нравственному⁵⁾,

Какое же значение имеют послѣ этого въ оправданіи дѣла человека, т. е. его нравственная работа и развитіе въ добръ? Нельзя не видѣть, что добрыя дѣла, если и предполагаются при оправданіи, то исключительно, какъ явленіе сосуществующее или послѣдующее, а не производящее, не участвующее въ самомъ дѣлѣ спасенія. Эта мысль съ полной ясностью выражается въ символическихъ книгахъ. Напр., Аусбургское Исповѣданіе, признавая, что „вера (оправдывающая) должна раждать добрые плоды“, спѣшитъ оговорится, что отпущеніе грѣховъ усваивается верою"⁶⁾. Или въ Апологіи: „Получить прощеніе грѣховъ, значить быть оправдану...
Одной

1) Такъ какъ вера воспринимаетъ Христа—правду нашу и всецѣло отдается благодати Божіей во Христа, поэтому верѣ предоставляется оправданіе, именно ради Христа, а не потому, что она есть наше дѣло». Conf. Belg. XV Niem. 495.

2) «Вера не тѣмъ оправдываетъ или спасаетъ, что она есть дѣло цѣнное само по себѣ, но только тѣмъ, что она воспринимаетъ обѣтованное милосердіе». Apol. II (56). Hase 70 Ср. ib. II (86). Hase 76.

3) Catech. Palatin. LXI: Cnr sola zide te iustum esse affirmas? «Не потому, что я угождаю Богу достоинствомъ моей веры, но потому, что одна сатисфакція, праведность и святость Христовы суть моя правда предъ Богомъ. А получить и усвоить ее себѣ я могу не инымъ путехъ, какъ верою». Niem. 443.

4) Бредштейндеръ, op. cit. 652; «Оправдываетъ одна только вера а не добрыя дѣла (bona opera), понимать ли ихъ въ смыслѣ выбранныхъ по своему желанію благочестивыхъ упражненій, или въ смыслѣ собственно исполненія долга (Apol. VI; Ansq Conf. art. 4: Form. Conc. art. 3), потому что одна только вера усваиваетъ себѣ заслугу Христа, которою оправдывается человекъ (Artic. Smalcald. pars II art. 1)».

5) Напр., Scheele. Op. cit. 62: «Вера воспринимаетъ Христа, какъ того, посредствомъ котораго преодолены и гнѣвъ Божій, я личное внутреннее беспокойствіе грѣшника».

6) Ansh. Conf. I, 6. Hase II.

— 32 —

верой во Христа, не черезъ любовь ни за любовь или дѣла мы получаемъ отпущеніе грѣховъ, хотя любовь и слѣдуетъ за верой". Итакъ, одаой верой оправдываемся, понимая слово „оправдывать" въ смыслѣ „изъ неправаго правымъ дѣлать или возраждать" 1). Такимъ образомъ, оправдываетъ вера въ отличіе отъ добрыхъ дѣлъ, притомъ, понимаемыхъ не въ смыслѣ внѣшнихъ поступковъ, а въ смыслѣ даже цѣлаго душевнаго расположенія или настроенія. Это расположеніе не участвуетъ въ оправданіи, не

содѣйствуетъ ему, даже болѣе его и быть въ человѣкѣ не можетъ прежде, чѣмъ онъ оправданъ. „Это весьма неразумно пишутъ противники, будто бы люди, повинные вѣчному гнѣзу, заслуживаютъ отпущеніе грѣховъ чрезъ дѣло любви,—когда невозможно и любить Бога, если прежде не получено будетъ вѣрою отпущеніе грѣховъ. Не можетъ сердце, истинно чувствующее, что Богъ гнѣвается, любить Бога, прежде чѣмъ Онъ будетъ умиловленъ. Пока Онъ устрашаетъ и представляется подвергающимъ насъ вѣчной смерти, не можетъ природа человѣческая побѣдить себя любить гнѣвающагося, осуждающаго и наказывающаго"²). Что же, въ такомъ случаѣ, остается отъ оправдывающей вѣры, если „поспѣшествующая ей любовь" должна быть отличаема отъ нея и не должна раздѣлять съ нею оправданія? Протестанты, вопреки всѣмъ своимъ разсужденіямъ о вѣрѣ живой, должны признаться, что по ихъ ученію, оправдываетъ собственно отвлеченное явленіе воспріятія, взятое само по себѣ, а не въ своемъ воздѣйствіи на душу человѣка не потому, что вѣра эта жива. „Когда люди вѣруютъ, что они воспринимаются въ благодать и имъ отпускаются грѣхи ради Христа, который своею смертію удовлетворилъ за наши грѣхи,—эту вѣру Богъ вмѣняетъ въ правду предъ Собою" ³)... Или, еще

1) Apo I. II (76—8). Hase 73—74.

2) Apo I II (58). Hase 66. Ср. Conf. Helv. XV: «Мы не дѣлимъ благодѣнія оправданія, часть благодати Божіей или Христа, часть намъ, любви или дѣламъ или заслугъ нашей, но нераздѣльно отдаемъ его благодати Божіей во Христѣ чрезъ вѣру. Да и не могутъ угодить Богу любовь в дѣла наши, если они совершаются неправедными: нужно сначала намъ быть праведными, чтобы любить или дѣлать». Niem. 465.

3) Ansb. Conf. I, 4. Eise 10.

— 33 —

опредѣленнѣе въ Апологіи: „Не слѣдуетъ такъ думать, что подъ залогъ этой любви, или ради этой любви мы получаемъ отпущеніе грѣховъ и примиреніе; равно какъ не получаемъ отпущеніе грѣховъ ради двухъ послѣдующихъ дѣлъ; но единой вѣрой въ собственномъ смыслѣ (*proprie dicta*) получается отпущеніе грѣховъ, такъ какъ обѣтованіе не можетъ быть усвоено иначе, какъ только вѣрою. А вѣра въ собственномъ смыслѣ есть та, которая *соглашается съ обѣтованіемъ*" ¹). Такимъ образомъ, оправдываетъ человѣка вѣра, если и бога-тая возможностью дѣлъ, то во всякомъ случаѣ во время оправданія еще только отвлеченная умственная и оправдываетъ именно своей умственной стороною; какъ (средство и орудіе) которымъ мы усвояемъ себѣ удовлетвореніе І. Христа ²). Такимъ образомъ, для человѣческаго участія нѣтъ мѣста въ протестантскомъ оправданіи.

Этимъ протестанство нрямо противорѣчило требованіямъ нравственной природы человѣка, отъ которой оно исходило. Душа человѣческая ищетъ добра ради добра, хочетъ жизни ради жизни; она хочетъ не числиться только въ царствіи Божіемъ, но дѣйствительно жить въ немъ, и переживать свободно и сознательно Богообщеніе. Поэтому, душа человѣческая никогда не могла согласиться съ протестантскимъ призрачнымъ оправданіемъ. Уничтожить эту призрачность можно было только признавъ дѣла человѣка не слѣдствіемъ, а именно условіемъ оправданія. Но для протестантовъ это значило перейти опять въ католичество съ его человѣческой заслугой, такъ какъ съ правовой точки зрѣнія условіе можно понимать только въ смыслѣ законнаго основанія, заслуги. Невозможность на строго правовой почвѣ сохранить середину между католичествомъ и протестантствомъ съ очевидностью доказала примирительная попытка Меланхтона. Въ Апологіи онъ говоритъ: „мы учимъ, что добрыя дѣла имѣютъ силу заслугъ, но заслуживаютъ они не

1) Apol. II (112—3) Hase 81,

2) Вѣруемъ, учимъ и исповѣдуемъ, что одна только вѣра есть то посредство или орудіе, которымъ мы восоринижаемъ Христа Спасителя и съ нимъ ту праведность Его, которая можетъ предстать предъ судомъ Божіимъ» Form. Conc, p. I, art. III (5), Hase 584. Cp. Conf. Belg. art. XXII. Niem. 374: fides tantum est velut instrumentum, quo Christum institiā nostram aprehendimus».

— 34 —

отпущеніе грѣховъ, не благодать или оправданіе (этого достигаемъ вѣрою), но другія награды тѣлесныя и духовныя во время и послѣ этой жизни... Дѣлами мы не заслуживаемъ оправданія... дѣлами мы не заслуживаемъ вѣчной жизни; ибо вѣра достигаетъ всего этого. такъ какъ вѣра насъ оправдываетъ и умилоствляетъ Бога" 1). „Ибо", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ; „праведность евангельская, которая вращается около обѣтованія благодати, даромъ получаетъ оправданіе и оживотвореніе; но исполненіе закона, которое слѣдуетъ за вѣрой, вращается около закона, въ которомъ не даромъ, а за наши дѣла воздается и долженствуетъ награда; но заслуживающіе эту послѣднюю, оправданы прежде, чѣмъ они исполняютъ законъ; они раньше переселены въ царство Сына Божія и сдѣлались сонаслѣдниками Христу" 2). Нравственное развитіе человѣка въ добръ, т. о., въ глазахъ Меланхтона имѣетъ значеніе заслуги, но только не для оправданія и вѣчнаго спасенія, а для полученія различныхъ наградъ на землѣ и на небѣ.

Однако этимъ дѣло не поправлялось, а еще болѣе затруднялось.

Отрицая достоинство заслуги за дѣлами до оправданія, Меланхтонъ, въ сущности, призналъ дѣла по оправданіи не только заслугами, но и сверхдолжными, которыя и награждаются особой наградой помимо царства небеснаго, даруемаго всѣмъ и туне. Но отъ того, что эти сверхдолжныя заслуги совершались послѣ оправданія, опасность ихъ для достоинства заслуги Христовой не уменьшалась. Если Христосъ принесъ удовлетвореніе чрезмѣрное, то для чего заслуга со стороны человѣка? А если необходима заслуга со стороны человѣка хотя бы только для увеличенія вѣнца, стало быть заслуга Христа недостаточна. Главное же, теоріей Меланхтона наемничество, въ которомъ повинно было католичество и противъ котораго ратовало протестантство, не только не уничтожалось, но еще болѣе усиливалось и долучало еще болѣе низменный видъ. Уже не ради вѣчнаго спасенія и вѣчной жизни, а ради или земнаго благополучія или награды, не въ примѣръ прочимъ человѣкъ дѣлаетъ добро. А съ дру-

1) Apol. III. (73. 75). Hase 96. 2) Apol. (2456). Hase—137.

— 35 —

гой стороны, необходимость добродѣланія для спасенія, о которой настоятельно говорить человѣку его совѣсть, именно какъ о необходимости, о долгѣ, а не о пользѣ, попыткой Меланхтона отнюдь не объяснялась и не доказывалась. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣчная жизнь въ общеніи съ Богомъ дарована человѣку и дарована туне, стоятъ ли чего-нибудь, въ сравненіи съ этимъ высочайшимъ благомъ, всѣ остальные награды и блага? Будетъ ли человѣкъ о нихъ думать, и даже сочтетъ ли себя въ правѣ думать и желать ихъ? Не говоримъ уже о томъ, что добрыя дѣла, какъ слѣдствіе оправданія, какъ произведенія Св. Духа, обитающаго въ оправданномъ 1), и не зависятъ, въ сущности, отъ человѣка, отъ его свободнаго выбора и желанія. Выходило, какъ будто бы, что человѣкъ, если онъ не желаетъ себѣ какихъ-нибудь особенныхъ наградъ на землѣ или на небѣ, можетъ не заботиться о своемъ нравственномъ преуспѣяніи, можетъ просто предоставить его бдагодати Св. Духа: спасеніе для него и безъ того обезпечено. Но это прямо шло въ разрѣзъ съ показаніями опыта, такъ какъ совѣсть говоритъ, что заботиться о преуспѣяніи въ добрѣ *должно* и что безъ этого спастись нельзя. Попытка Меланхтона, повторяемъ, только доказала, что средины при правовомъ пониманіи нѣтъ, что при немъ возможны только крайности: или заслуга Христа, или заслуга наша, которыя взаимно исключаются.

Какъ ничего не объясняющая въ религиозной жизни и, съ другой стороны, опасная для догмата о спасеніи единымъ Христомъ, попытка Меланхтона потому и не нашла себѣ сочувствія въ протестантскомъ мірѣ²⁾. Послѣдующіе протестанты отвергли всякое различіе въ степеняхъ святости и

1) По ученію самой же Апологіи, т. е. Меланхтона. См. выше.

2) Исключеніе представляетъ только *Confessio Helvetica posterior*, art. XVI (Niem. 498—499); гдѣ излагается, въ сущности, таже теорія: «мы не думаемъ, что спасаемся чрезъ добрыя дѣла и что они такъ необходимы для спасенія, что безъ нихъ никто никогда не спасался. Мы спасаемся благодатию и даромъ единого Христа, дѣла же рождаются отъ вѣры необходимо». Однако, «дѣла совершаемыя нами чрезъ вѣру, угодны Богу. Такъ какъ угодны Ему, ради вѣры во Христа, тѣ, кто дѣлаютъ добрыя дѣла, которыя сдѣланы свыше Духомъ Св. по благодати Божіей. Богъ творящимъ доброе воздастъ великую награду... Однако, мы относимъ ее не къ заслугѣ

— 36 —

блаженства и съ особенною силою утверждали, что святость (не говоря уже о томъ, что она невозможна безъ оправданія) не имѣетъ значенія не только для оправданія, но и для вѣчнаго спасенія вообще 1).

Т. о., протестанты, не смотря на свое искреннее желаніе быть вѣрными опыту и дать утѣшеніе (совѣсти) вѣрующимъ душъ, не могли сдѣлать ничего, оставаясь на правовой почвѣ. Избѣгая крайности католицизма, они впали въ другую крайность: совершенно зачеркнули внутреннюю сторону оправданія. Правда, протестанты всѣхъ временъ по-стоянно говорятъ, что они требуютъ добрыхъ дѣлъ²⁾, что они признаютъ ихъ необходимыми для того, чтобы вѣра была живою вѣрою, которая одна оправдываетъ³⁾, — что обвиненіе, будто они проповѣдуютъ ученіе опасное для нравственности, основано или на „непониманіи или же на злостномъ искаженіи протестантскаго ученія" 4). Но все это только

получающаго чловѣка, а къ благодати, снисхожденію и истинности Бога обѣщающаго и дарующаго, который, хотя и не долженъ былъ никому, однако обѣщаль, что Онъ воздастъ истиннымъ Его поклонникамъ награду, и даетъ ее тѣмъ, кто Его почитаетъ».

1) *Form Conc.* I, art. IV (7). Hase 589: «Добрыя дѣла *penitus excludenda sint*, не только когда дѣло идетъ объ оправданіи отъ вѣры, но когда *de salute nostra aeterna, disputatur*».

2) Arol. III (80) Hase 97: «Мы восхваляемъ и требуемъ добрыхъ дѣлъ и указываемъ много оснований, почему они должнн совершаться». Ср. Conf. Helv, post. XVI. Niem. 498: о добрыхъ дѣлахъ «объ истинныхъ, неложныхъ, или философскихъ добродѣтеляхъ, объ истинно добрыхъ дѣлахъ, о настоящихъ обязанностяхъ чловѣка христіанина мы учимъ усердно и, насколько есть у насъ старанія и сила, всѣмъ внушаемъ, обличая беспечность и лицемеріе тѣхъ, которые устами восхваляютъ и исповѣдуютъ евангеліе, а жизнью гнусно позорятъ,—предлагая для этого ужасные угрозы Бога я Его великія обѣтованія и щедрыя награды, для убѣжденія, для уіѣшенія и обличенія».

3) «Если», говоритъ Мартенсенъ (Dogmatik. 386—70). «римская церковь утверждаетъ, что это ученіе будто бы опасно для нравственности, то она позабываетъ то постоянное ученіе евангелической церкви, что оправдывающа вѣра не можетъ быть мыслима въ душѣ въ мертвомъ или только покоющемся состояніи, но что вѣра, какъ живое плодоносное сѣмя, заключаетъ въ себѣ могущественную производительную силу, которая необходимо породить изъ себя развитіе святой жизни».

4) «Если», по словамъ Бидермана (Dogmatik. 451): «католическая догматика возгоралась ревностью о необходимости добрыхъ дѣлъ и налагала

— 37 —

прорывающійся голосъ совѣсти, только уступка требованіямъ природы чловѣческой,—уступка, неоправданная въ ученіи. Не смотря на всѣ эти заявленія, необходимость добродѣланія остается необоснованной, поскольку побужденія къ нему положены не въ спасеніи, а внѣ его: въ чувствѣ долга, благодарности Богу и т. п. 1). Но вѣдь разумъ, если онъ будетъ стоять лишь на правовой точкѣ зрѣнія, всегда имѣетъ яраво спросить: если мои дѣла рѣшительно не имѣютъ значенія для Бога, въ смыслѣ какой-нибудь цѣнности, то могутъ ли они считаться воздаяніемъ благодарности Богу и есть ли какой смыслъ въ подобномъ исполненіи никому не нужнаго долга? А тавъ какъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный отвѣтъ, то сама собою падаетъ необходимость сознательнаго и намѣреннаго добродѣланія. Жизнь оправданнаго теряетъ нравственный характеръ и совѣсть успокоенія не получаетъ.

II.

Какъ бы ни была, однако, неудачна попытка протестантства объяснить чловѣческое спасеніе, она всетаки съ очевидною несомнѣнностью

показала слабыя стороны католическаго ученія о заслугѣ. Католичество, которое въ своихъ лучшихъ представителяхъ видѣло эти стороны и прежде, должно было вѣдаться съ выводами протестантства, тѣмъ болѣе, что послѣднее грозило самому существованію перваго. Что человѣческая заслуга въ ея прямомъ смыслѣ и невозможна предъ Богомъ, и противорѣчитъ спасенію единымъ Христомъ,—съ этимъ католичество не могло не согласиться. Но, съ другой стороны, оно не могло пожертвовать ни опытомъ,

анафему на тѣхъ, которые отрицають дѣла, то это было простымъ непониманіемъ или злостнымъ искаженіемъ протестантскаго ученія, чѣмъ и до сихъ поръ еще, однако, католическая полемика старается пустить пыль въ глаза». 1) «Дѣла должно совершать или ради повелѣнія Божія, или для упражненія вѣры, или ради исповѣданія и воздаянія благодарности». Ср Apol. III (68). Hase.)95. Ср. Basileen. prior. conf. Disp. XXIV: «Дѣла совершаются вѣрными не для удовлетворенія за грѣхи, ко для одного того только, чтобы показать ими. что мы въ нѣкоторой степени благодарны Богу, Господу нашему, за великія благодѣянія, оказанныя намъ во Христвѣ». Кіоп. 100.

— 38 —

ни преданіемъ всѣхъ предшествующихъ столѣтій вселенской церковной жизни,—и опытъ, и преданіе одними устами говорили, что добродѣланіе необходимо не только въ смыслѣ слѣдствія, но и въ смыслѣ условія спасенія. Какъ же примирить эти два, повидимому, противорѣчивыя показанія? Какъ понимать эту обусловленность спасенія добродѣланіемъ, если послѣднее въ тоже время не можетъ быть заслугой предъ Богомъ?— Вотъ вопросъ, который должно было разрѣшить католичество. Вопросъ этотъ направлялся къ самому существу, требоваль обсужденія самой основы, той точки зрѣнія на спасеніе, которая приводитъ католичество къ ложнымъ выводамъ, точки зрѣнія правовой. Спрашивалось, имѣемъ ли мы право перестраивать христіанство съ этой точки зрѣнія. И, безъ сомнѣнія, католичество пришло бы къ правильному рѣшенію (такъ какъ связи съ церковнымъ преданіемъ порывать оно не желало), если бы оно, дѣйствительно, приняло вызовъ и безпристрастно обсудило себя. Но католичество только скользнуло по поставленному предъ нимъ вопросу, не затрогивая его и даже не пытаясь отвѣтить на него: оно позаботилось только о томъ, чтобы какъ-нибудь примирить противорѣчія своего ученія съ религіознымъ сознаніемъ и церковнымъ преданіемъ, не касаясь самага

этого учения. Поэтому и католическая попытка также неудачна, какъ и протестантская. Если протестанты вполне справедливо обвиняли католиковъ въ томъ, что они своей человѣческой заслугой уничтожаютъ заслугу І. Христа, то католики въ свою очередь и такъ же справедливо указываютъ протестантамъ, что они своимъ призрачнымъ оправданіемъ противорѣчатъ святости Божіей ¹⁾. Оправданіе, по ученію католиковъ, не должно быть внѣшнимъ, на содержаніи души не обоснованнымъ, чисто судебнымъ происшествіемъ вмѣненія челоѣку чужой праведности,—а должно быть внутреннимъ измѣненіемъ или

1) «Если бы освященіе состояло только во внѣшнемъ, юридическомъ вмѣненіи намъ заслугъ Христа и если бы и послѣ него мы оставались еще во грѣхѣ,—наше оправданіе, благодать Божія и искупленіе были бы только внѣшностью: тогда уничтожена была бы истинность Бога, такъ какъ Онъ-видѣлъ бы насъ святыми, чѣмъ ты бы не были, и не видѣлъ бы насъ грѣшниками, которыми мы однако были бы». Н. Klee. *Katholische Dogmatik*. Mainz. 1835. Th, III, 67.

— 39 —

обновленіемъ челоѣка 1). Въ оправданіи есть и внѣшняя, судебная сторона 2), однако это не единственное его содержаніе, и кто только въ этомъ полагаетъ его сущность, да будетъ анафема ³⁾; оправданіе означаетъ не только „объявлять праведнымъ" или „признавать за того", но „дѣлать праведнымъ", означаетъ искорененіе не святости и водвореніе въ насъ святости, истинное и внутреннее священіе, содѣлованіе праведнымъ" (*Gerechtfertigung*) ⁴⁾.

Съ точки зрѣнія правовой отношеніе между этими двумя стоонами оправданія 5) могло быть понимаемо только въ смыслѣ заслуги и награды, т. е. святость челоѣка есть заслуга, а провозглашеніе оправданнымъ и принятіе въ сыновство Богу

1) Perrone. *Praelectiones theologicae* Faris. 1842. Tom. I. 1391: «Оправданіе, по католическому пониманію, состоитъ во внутреннемъ обовленіи посредствомъ благодати, которая ради заслугъ Христа Спасителя нашего прилѣпляется душѣ (челоѣка)».

2) Такъ, по словамъ Фомы Аквината, *iustificatio impii est*, съ одной ст., и *remissio peccatorum* (см. сборникъ: *Petri Lombardi, Sententiarum libr. IV... nec non. Thomae Aquinatis summa Theologica*. Paris. Tom. II, 950). Кромѣ этого есть и положительный моментъ въ этомъ судебномъ актѣ,—

оправдание есть *translatio ab eo statu. in quo homo nascitur filius primi Adam, in statum gratiae et adoptionis filiorum Dei per secundum Adam Iesum Christum, salvatorem nostrum*». *Sacrosanctum, oecumenicum Concilium Tridentinum. Editio reformata. Tridenti. 1745. pag. 30—31.*

3) «Если кто скажетъ, что люди оправдываются безъ Христовой праведности, которую Онъ для насъ заслужилъ,—или, что они бываютъ чрезъ нее праведны только формально, да будетъ анафема», гласить 10–2 канонъ Тридентскаго собора. *Tridenten. pag. 39.*

4) *Klee. III, 63.*

5) Возможность такого различенія въ оправданіи моментовъ субъективнаго и объективнаго не подлежитъ сомнѣнію и съ католической точки зрѣнія. Богъ какъ, напр., говоритъ его признанный учитель: «Праведность въ челоѣкѣ можетъ совершаться въ смыслѣ движенія, которое направляется отъ противнаго къ противоположному, и въ этомъ смыслѣ оправданіе вноситъ нѣкоторую перемену изъ состоянія неправедности въ состояніе праведности обѣтованной... И, такъ какъ движеніе получаетъ свое названіе больше отъ термина «*ad quem*», чемъ «*a quo*», поэтому подобнаго рода измѣненіе, которымъ кто-нибудь изменяется изъ состоянія неправедности въ состояніе праведности чрезъ отпущеніе грѣховъ, получаетъ имя отъ термина «*ad quem*» я називается «*iustificatio impii*». Фома Аквин. *Tom. 11, 944.*

— 40 —

есть награда за святость³⁾. Теперь, если признать участіе челоѣческой свободы въ совершеніи этой святости, то отпущеніе грѣховъ и усыновленіе окажутся наградой за заслуги челоѣка, что прямо идетъ противъ Богооткровеннаго ученія о Единомъ Спасителѣ Христѣ, какъ сознаетъ и католичество 1). Слѣдовательно, католичеству было необходимо насколько возможно, съ одной стороны, удержать за оправданіемъ пожизненный смыслъ содѣванія, а не провозглашеніе только святымъ, и въ тоже время, съ другой, необходимо было насколько возможно, ограничить участіе челоѣка въ приобрѣтеніи этой первоначальной святости, чтобы благодать оправданія была на самомъ дѣлѣ незаслуженною. Католичество думаетъ разрѣшить эту трудную задачу своимъ ученіемъ о такъ называемомъ влитіи благодати, *infusio gratiae*.

3) Фома Аквинать (*Tom. II, 966*) пытается признать участіе челоѣка въ оправданіи и въ тоже время избѣгать понятія заслуги. Онъ говоритъ: «Челоѣкъ оправдывается чрезъ вѣру не такъ, чтобы онъ тѣмъ, что вѣруетъ,

заслуживать оправданіе, но такъ, что въ то время, какъ онъ оправдывается, онъ вѣруеть, потому что для оправданія требуется движеніе вѣры». Но Перроне (I, 1438) можетъ служить яснымъ доказательствомъ, какъ правовая точка зрѣнія, строго проведенная, требуетъ и здѣсь заслуги. У Перроне есть попытка отодвинуть благодать къ полученію первой благодати, а освящающую благодать признать наградой за заслугу, хотя и не de condigno. Онъ говоритъ: «Раздѣленіе заслугъ (на de condigno и de congruo) основывается на ученіи отцовъ, преимущественно Августина, который учитъ, что нечестивые вѣроу заслуживаютъ отпущеніе грѣховъ; ибо онъ говоритъ: «И самое отпущеніе грѣховъ происходитъ не безъ нѣкоторой заслуги, коль скоро оно основывается на вѣрѣ (si fides hanc impetrat). Отнюдь, вѣдь, не отрицается заслуга за той вѣроу, въ силу которой тотъ человѣкъ сказалъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣвшому, и пошелъ оправданный заслугой вѣрующаго смиренія. Однако, это не заслуга въ строгомъ смыслѣ взятая или de condigno, какъ продолжаетъ св. Учитель; «Неужели нѣтъ никакихъ заслугъ и праведниковъ? Очевидно есть, коль скоро они праведны. Но что-бы имъ сдѣлаіся праведными, для этого у нихъ заслугъ не было». И такъ та заслуга, которая предшествуетъ оправданію, есть заслуга de congruo «и называется такъ не въ собственномъ смыслѣ».

1) Тридентскій соборъ: «Ничто изъ того, что предшествуетъ оправданію, вѣра ли или дѣла, ничто не заслуживаетъ самой благодати оправданія; ибо если благодать, то не отъ дѣлъ: иначе, какъ говоритъ Апостоль, благодать не есть благодать». (Tridentinum. pag. 33). Ему слѣдуетъ Кіее (III, 62), когда

— 41 —

Если для протестантовъ благодать оправданія была рѣшеніемъ, совершаемымъ въ Божественномъ сознаніи, (actus Dei immanens 1) и потому, для человѣка была дѣйствіемъ совершенно отвлеченнымъ формальнымъ,—то для католиковъ благодать прежде всего есть сверхестественный даръ (supernaturale donum" 2), или „дѣйствіе Божіе въ твари" 3), т. е. нѣкоторое движеніе, присходящее въ самой твари, свойство ея или состояніе, поселяемое въ ней Богомъ и переживаемое ею въ тотъ или другой моментъ времени. Соотвѣтственно этому, въ частности, и благодать освященія есть даръ—

незаслуженными считаетъ только «первую благодать, какъ первую, какъ начало и благодать оправданія, какъ фундаментъ всякой заслуги». Ср.

Фома Аквин. Том. II. 965: «Прежде благодати въ состояніи грѣха чловѣкъ имѣеть препятствія къ заслуженію благодати, очевидно, въ самомъ грѣхѣ; а послѣ того какъ кто-нибудь уже имѣеть благодать, эта послѣдняя, какъ уже имѣющаяся, не можетъ попасть подъ заслугу; потому что награда конецъ дѣламъ, благодать же начало въ насъ всякаго добраго дѣла... Если же какой-нибудь даръ кто-нибудь заслуживаетъ силою благодати предваряющей, то это не будетъ первой благодатию. Отсюда ясно, что никто не можетъ заслужить себѣ первой благодати».

2) «Благодать, говорить. Кіее (III, 47—48), дается не по заслугѣ, потому что 1) тогда уничтожалось бы понятіе Божіей благодати и полное право Его въ раздаяніи послѣдней, равно какъ и понятіе благодати. такъ какъ, гдѣ есть заелуга въ собственномъ, строгомъ смыслѣ, тамъ выступаетъ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ долговое или правовое отношеніе, требуется и дается не благодать, а право и собственность; 2) потому что благодать есть основаніе и условіе всякой засдуги,—слѣд., благодать не можетъ попасть подъ заслугу (*principium meriti non cadit sub merito*); 3) потому что Богъ, по Писанію и опыту, даетъ благодать и недостойннмъ; 4) потому что библейская аксіома, что Богъ не взираетъ на лица, взятая въ своей полнотѣ и широтѣ, совершенно ве допускаетъ такого изъятія»

3) Bretschneider. Ср. cit. 643.

1) Thona Aqvin. Том. II, 961: «Никакая природа не можетъ быть достаточной для такого акта, который бы заслуживалъ вѣчную жизнь, если не привзойдетъ нѣкоторое *supernaturale donum*, которое называется благодатию»,

2) Кіее (III, 25V «Мы подъ благодатию Божіеи здѣсь разумѣемъ силу и дѣйствіе Божіе въ твари, направленное къ сохраненію или возстановленію и совершенію ея отношенія къ Нему, какъ того, въ чемъ—ея спасеніе, ея истина, свобода и блаженство».

— 42 —

внутренній и сверхестественный даръ Божій даруемый разумной твари за заслуги Христа"1). Так. обр., оправданіе превращается въ сверхестественное дѣйствіе, совершаемое силою Божіею въ душѣ чловѣка,—дѣйствіе, которымъ въ ней поселяется праведность, святость. А такъ какъ эта святость является въ душѣ, какъ состояніе новое, неиспытанное доселѣ и имѣющее пока въ ней основанія (чтобы не было заслуги), является, так. обр., помимо наличнаго душевнаго содержанія чловѣка, то само собою понятно, что сверхъестественность этого дѣйствіи невольно должна усилиться вопреки его произвольности и

сознательности. Святость нисходитъ на душу, если и не совершенно неожиданно, то во всякомъ случаѣ произвольно или помимовольно, не оставляетъ вывода изъ душевной жизни, привходитъ къ ней со внѣ и помимо ея естественнаго развитія. Эту полную (въ описанномъ смыслѣ) произвольность освященія и выражаетъ католическій терминъ *gratiae infusio*", влитіе благодати. „Все оправданіе,—говоритъ Фома Аквинатъ,— первоначально состоитъ въ *gratiae infusione*"²⁾. Вмѣсто внѣшняго для души, судебного рѣшенія мы получаемъ здѣсь нѣкоторое сверхъестественное превращеніе, происходящее въ самой душѣ. „Освященіе,—говоритъ Клее,— есть истинное освященіе, совершаемое не только посредствомъ дѣйствительнаго (*wirkliche*) отнятія, отрицанія грѣха, но и посредствомъ положительнаго поселенія новой жизни, посредствомъ сообщенія Божественнаго Духа. Оно есть отнятіе каменнаго сердца и дарованіе сердца плотнаго (Іез. XXXVI, 26), уничтоженіе грѣха (Пс. L, 3) и сознание новаго духа (ст. 12), смерть грѣха и жизнь Христа (Рим. VI, I и сл.), отложеніе ветхаго и облеченіе въ новаго человѣка (Еф. IV, 22), прекращеніе хожденія по плоти и хожденіе по духу (Рим. VII, Гал. V), хожденіе не во тьмѣ, но во свѣтѣ

1) Prerrone. I, 1241. Cp. 1. 1399 (*gratia habitualis*).

2) Thoma Aquinat. Tosf. II. 952 Cp. can. XI Тридентскаго собора: «Если кто скажетъ, что люди оправдываются или однимъ вмѣненіемъ правды Христовой или однимъ отпущеніемъ грѣховъ, безъ благодати и любви, кото-рая изливается въ сердца ихъ Духомъ Св. и къ нимъ прилѣпляется; или скажетъ, что благодать Божія есть только благоволеніе;—да будетъ анафема». Trident, pag. 39.

— 43 —

(Еф. V, 8 и сл.), погребеніе мертвыхъ дѣлъ (Евр. VI, 1; Апок III, 1) и приношеніе добрыхъ дѣлъ (Еф. II, 10)" 1). Католичество, повидимому, вполне основательно рѣшило поставленную ему задачу: заслуга Христа сохранена и оправданіе не оболыщеніе, не мечта, но дѣйствительное внутреннее измѣненіе. Но это лишь повидимому. Не говоря уже о произвольности оправданія, которая, въ существѣ дѣла, лишаетъ его достоинства явленія нравственнаго.²⁾ и потому одному прямо противорѣчитъ въ корнѣ религіозному сознанію и ученію всего Слова Божія и преданія,—даже и само по себѣ взятое, католическое оправданіе является весьма необоснованнымъ со своей же правовой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если благодать оправданія есть дѣйствіе Божіе въ человѣкѣ,

отъ челоѡка не зависящее, то какъ объяснить его появленіе въ послѣднемъ? Почему Богъ обновляетъ одного и лишаетъ этой милости другаго? Признать основаніемъ для этого предшествующую жизнь челоѡка католики, какъ мы видѣли, не хотѣли и не имѣли права, такъ какъ это, въ переводѣ на правовой языкъ, было бы спасеніе собственаой заслугой, а не заслугой Христа. Чтобы избѣжать этого, необходимо было признать всѣхъ людей безъ различія незаслужившими спасенія и оправданіе дѣломъ исключительно Божественномъ, какъ католики и дѣлаютъ. Но въ такомъ случаѣ почему же Богъ обновляетъ тѣхъ, а не другихъ? Перроне, какъ мы тоже видѣли, пытается вопреки ясному ученію Тридентскаго собора признагъ такимъ основаніемъ или заслугой „предшествующее оправданію въ челоѡкѣ“, т. е. вѣру и т. п. Но самъ

1) Клее. III, 68.

2) Нагляднымъ доказательствомъ такого уничиженія челоѡческой воли и вмѣстѣ матеріализаціи всего процесса спасенія могутъ служить слова Клее (III, 56): «Воля гораздо болѣе, чѣмъ сознаніе нуждается въ обновляющемъ и укрѣпляющемъ *прикосновеніи перста Божія*, въ ней должна гереродиться самая сердцевина нашего бытія, должна основаться новая жизнь: воля извращеннѣе сознанія, въ ней грѣхъ; но не потому только, что она пала и притомъ такъ глубоко, но потому, что въ ней наша собственная самость, и самость конечная,—воля должна быть воспринята благодатію, *обращена* и возведена къ Богу».

— 44 —

же онъ долженъ сознаться, что благодать освящающая не подходитъ подъ понятіе заслуги въ собственномъ смыслѣ 1), что никогда вѣра и т. п., сопровождающее ее, не могутъ по своен цѣнности соотвѣтствовать дару святости, подаваемому намъ въ оправданіи. Не будетъ ли тогда вѣра только орудіемъ воспріятія заслуги Христа, и оправданіе не будетъ ли внѣшнимъ провозглашеніемъ, судебнымъ признаніемъ, какъ учили протестанты? Къ этому выводу съ роковой необходимостью влекутся католики, и они должны съ нимъ согласиться, если не хотятъ отречься отъ своей правовой точки зрѣенія на дѣло спасенія. Но католичество согласиться на этотъ выводъ не могло: противъ этого были и Слово Божіе, и преданіе церкви и голось совѣсти, которые требовали участія челоѡка въ сво-емъ спасеніи, а не увѣдомленія его о сдасеніи, положеніе оказалось вполнѣ безвыходнымъ: или вѣрность своему мудрованію, или вѣрность истиянѣ. Не желая бросить первое и не осмѣливаясь открыто

противорѣчить второй, католичество и принуждено прибѣгнуть къ уловкѣ: оно смѣшиваетъ оправданіе и освященіе и исключительную внѣшность перваго покрываетъ содержательностью втораго. Приѣмъ вполне естественный при ложной основѣ и не новый: тоже самое дѣлало и протестанство стараясь придать своему призрачному оправдажію какое-н. содержаніе. Подобно тому, какъ протестанство вѣру дѣлаетъ орудіемъ воспріятія силы Божіей, которая уже само собою помимо человѣка освящаетъ и обновляетъ его; подобно этому и католики придумали свою *infusio gratiae*, которая въ сущности—то же самое протестантское освященіе только приуроченное къ самому оправданію и овеществленное до крайности: если тамъ дѣйствуетъ Богъ за человѣка, то въ католичествѣ дѣйствуетъ даръ Божій: какъ нѣчто отдѣльное отъ Бога и поселенное въ человѣкѣ,—но, какъ тамъ, такъ и здѣсь воля человѣка не дѣйствуетъ. Но опять и на это Слово Божіе, преданіе царкви и совѣсть возражаютъ что нужно

1) *Gratiam sanctificantem non cadere sub meritum de condigno*" (Perrone, том, I, 1447),— потому, очевидно, что *fides*, какъ говоритъ Петръ Ломбардь, хотя и *causa iustificationis*, однако въ то же время, и *ipsa est gratia et beneficium, quo hominis praevenitur voluntas et praeparatur*». См. упоминаемый выше «Сборникъ. Petri Lombardi Sententiarum»... et caetera. Том. I, col. 201.

— 45 —

не бездѣятельное согласіе человѣка на спасеніе, но именно участіе, и безъ этого послѣдняго ничего быть не можетъ.

Такъ необходимо съ роковой неизбѣжностью правовое начало приходитъ къ той мѣдной стѣнѣ, перейти которую оно не въ состояніи. Если оправданіе есть явленіе порядка правового, оно необходимо останется внѣшнимъ для души, а это значить,—лишь мечтой, лишь призракомъ самообманомъ,—и допускаетъ... измѣненіе овраждываемого только въ видѣ сверхъестественнаго подневольнаго превращенія, въ сущности лишеннаго нравственнаго характера и въ тоже время совершенно необъяснимаго, необоснованнаго съ точки зрѣвія самаго правового начала.

Не объяснивъ, такимъ образомъ, перваго начальнаго момента католичество думаетъ поправить себя въ дальнѣйшемъ ходѣ оправданія. Положимъ, говоритъ онъ, первый актъ оправданія совершается помимо чедовѣка, положимъ, получаемая человѣкомъ святость собственно не его, а Христова 1); это отнюдь не уничтожаетъ личнаго участія человѣка въ дѣлѣ спасенія, наоборотъ, независимость этого перваго акта отъ воли

человѣческой сохраняетъ человѣческому участию тѣмъ большую дѣйственность, тѣмъ большую цѣнность,—даетъ ему силу и значеніе условія, если не единственнаго, то почти равнаго съ благодатію. Этого хотятъ достигнуть католики своей теоріей *увеличнїя святости*, полученной въ оправданіи, посредствомъ добродѣланія въ посдѣдующей жизни.

Въ оправданіи человѣку незаслуженно и, поэтому, произвольно дается извѣстная степень святости достаточная для полученія права на загробное блаженство. Но Богъ „не желалъ, чтобы Христовы заслуги приносили намъ пользу безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны" 2), и потому, по опредѣленію Божію, и человѣческое дѣланіе должно имѣть свое мѣсто и свое значеніе. Святость, какъ произвольная, для всѣхъ равна, но сохранить ее въ себѣ и увеличить, что—

1) «Праведность, во словамъ Тридентскаго собора (Trident. rad. 37), «называется нашей» только по мѣсту ея, такъ сказать, приложенія, по-тому что, вслѣдствіе ея прилѣпленія къ намъ, оправдываемся мы; но она же есть и правда Божія, потому что она изливается на насъ вслѣдствіе заслуги Христа».

2) Perr. I, 1444.

— 46 —

бы за это получить тѣмъ болшую награду, это уже дѣло человѣка (хотя, конечно, не безъ помощи Божіей). Своимъ стараніемъ, своими усиліями или добрыми дѣлами человѣкъ можетъ къ усвоенной имъ Христовой заслугѣ прибавить еще собственную и, такимъ образомъ, увеличить самостоятельно свой вѣнецъ. При этомъ правовая точка зрѣнія сказала грубомеханическимъ представленіемъ дальнѣйшей нравственной дѣятельности человѣка. Самостоятельное участіе человѣва понимается исключительно въ смыслѣ извѣстныхъ внѣшнихъ поступковъ, служащихъ обнаруженіемъ внутренней святости, въ „смыслѣ конкретныхъ формацій и проявленій вѣры, надежды и любви" 1), а не въ смыслѣ этихъ посдѣднихъ, взятыхъ самихъ въ себѣ. Богъ ищетъ не святости, какъ общаго *устроенія души* а именно *обнаруженій* этой святости *во внѣ*; оправдываютъ человѣка именно дѣла 2).

Почему католичество настаиваетъ именно на дѣлахъ, на поступкахъ и въ какомъ смыслѣ понимаетъ оно это оправданіе дѣлами, для насъ будетъ ясно, если мы вспомнимъ, что, по католическому ученію, оправданіе значить не признаніе только праведникомъ, а именно влитіе праведности. Оправданіе дѣлами имѣетъ слѣд., тотъ смыслъ, что дѣла заслуживаютъ новый даръ сверхъестественный—(supernaturale donum) 3), т.

1) Klee. III, 20: «Добрыя дѣла суть конкретныя формація и проявленія вѣры, надежды и любви, вынаруженіе внутренняго habitus вѣры, надежды и любви въ отдѣльныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ дѣйствіяхъ и выраженіяхъ, или многообразныя и различныя высказыванія, разчлененія одного великаго и пребывающаго *дѣла Божія*, вѣры, надежды и любви, въ нашемъ внутреннемъ или внѣшнемъ мірѣ».

2) Klee. III, 23: «Дѣла суть условія полнаго присутствія, раскрытія и увеличенія въ насъ праведности»,

3) «Isti boni motus (напр, diligere etc), говоритъ Петръ Ломбардъ(Op. cit. I, 205), vel affectur merita sunt er dona Dei, *quibus meremur et ipsorum augmentationem*»... Что это не частное мнѣніе Ломбарда, доказываютъ оо. Тридентскаго собора, которые въ Can. XXIV de iustific., предавши анафемѣ того, кто отрицаетъ, что праведность увеличивается предъ Богомъ въ Can, XXXII, прямо объясняютъ, какимъ образомъ происходитъ это увеличеніе, именно въ указанномъ смыслѣ: si quis dixerit, что добрыя дѣла оправданнаго человѣка... *non vere mereri augmentum gratiae* (не истинно заслуживаютъ увеличенія благодати), да будетъ анафема (Trident. pag. 41. 42). Ср. Perrone. I. 1437.

— 47 —

е. Богъ, видя добродѣланіе человѣка, прибавляетъ въ награду за него той святости и праведности, которую Онъ влилъ въ человѣка при оправданіи ¹⁾, и этимъ даетъ человѣку возможность дѣлать еще больше добрыхъ дѣлъ, чтобы снова заслужить приращеніе святости и т. д. Достигнутая такимъ путемъ святость въ свою очередь заслуживаетъ блаженство за гробомъ. Праведные чрезъ ихъ добрыя дѣла, совершенныя отъ благодати, истинно заслуживаютъ предъ Богомъ ²⁾ и, поэтому, вѣчная жизнь является необходимымъ возмездіемъ за старанія. „Праведникъ“, такъ описываетъ Перроне весь ходъ этого увеличенія праведности: „освященный соприсутствующею ему внутренней благодатию, какъ свойствомъ, не только есть наслѣдникъ вѣчной жизни, на которую *и право и залогъ* онъ имѣетъ въ себѣ самымъ прочнымъ образомъ; но и насажденный, какъ говоритъ Апостоль, во Христвѣ Іисусѣ и, такъ сказать, привитой, плодоприноситъ Богу святыми дѣлами, которыя суть плоды духа. Апостоль перечисляетъ эти плоды, говоря: плодъ духовный есть любовь, радость, миръ, терпѣніе и т. д. (Гал. V, 22. 23). Ибо благодать освящающая подобно сѣмени или зародышу вѣчной жизни, который развивается въ серддѣ праведника и вынаруживается въ святыхъ дѣлахъ, посредствомъ которыхъ онъ и возрастаетъ въ достигнутомъ освященіи, и обѣщанный ему вѣнецъ правды все болѣе увеличивается, покрываетъ его новыми украшеніями и дѣлаетъ драгоцѣннѣе. Въ этихъ-то дѣйствіяхъ, совершенныхъ въ состояніи праведности и состоитъ завлуживаніе (ratio

1) «Оправданные такимъ образомъ (т. е. чрезъ Христа въ таинствѣ крещенія), по словамъ Тридентскаго собора (pag. 34), восходя отъ добродѣтели къ добродѣтели, обновляются, какъ говоритъ Апостоль, ото дня на день: т. е. умерщвляя члены своей плоти и представляя ихъ въ орудіе правды на удовлетвореніе (in satisfactionem). чрезъ соблюденіе заповѣдей Бога и церкви, полученной благодатию Христа, возрастаютъ при содѣйствіи вѣры добрымъ дѣламъ, и оправдываются еще болѣе».

2) Perrone. I, 1440. Ср. Trident. pag. 37: «Добрѣ подвизавшимся до конца и надѣявшимся на Бога предложена будетъ вѣчная жизнь и въ качествѣ благодати, милостиво обѣщанной сынамъ Божиимъ во Хриетѣ Іисусѣ, и въ качествѣ награды, которая, по обѣтованію самого Бога, будетъ воздана ихъ добрымъ дѣламъ и заслугамъ».

— 48 —

meriti), которое начинается отъ самаго сообщенія благодати, какъ актуальной, такъ и освящающей силою заслугъ Христа, и прекращается только въ вѣчной жнзни" 1).

Итакъ, хотя человѣкъ освящается непроизвольно, но въ послѣдующей жизни отъ него самого зависитъ сохранить и увеличить полученную святость своими личными трудами. Такимъ пріемомъ католичество хочетъ закрыть неразрѣшимую для него задачу.

Но здѣсь снова поднимается прежній вопросъ о правоспособности человѣка заслужить предъ Богомъ вѣчное блаженство. Merces, наградой, платой по пониманію самихъ же католическихъ богослововъ 2), называется то, чѣмъ оплачивается чей-нибудь трудъ или дѣло,—какъ бы нѣкоторая цѣна послѣдняго. Отсюда, какъ дать справедливую цѣну за полученную отъ кого-нибудь вещь есть дѣло справедливости, такъ и воздать награду за дѣло или трудъ есть дѣло справедливости". Отношеніе труда и награды, чтобы быть ему дѣломъ справедливости, требуетъ прежде всего равенства, между тѣмъ какъ отношеніе человѣческаго добродѣланія и вѣчнаго блаженства этого равенства не представляетъ. Главное же въ томъ, что какъ бы ни былъ человѣкъ усерденъ въ добродѣланіи, онъ всегда останется грѣшникомъ предъ Богомъ, ему необходимо сначала быть прощеннымъ, а потомъ уже думать о наградѣ; да и дѣла его всегда будутъ носить на себѣ сдѣды его несовершенства и грѣховности. О заслугѣ, слѣд., не можетъ быть и рѣчи.—Католичество думаетъ устроить это ведоумѣніе своимъ ученіемъ о различіи заслугъ de condigno отъ заслугъ de congruo. Въ первомъ случаѣ заслуги въ собственномъ смыслѣ, а во второмъ только въ пере-носномъ. Первыя возможны при полномъ равенствѣ отношеній. Между Богомъ же и человѣкомъ равенства отношеній нѣтъ, поэтому между ними только quidam modus iustitiae" (нѣкій родъ справедливости) 3), поэтому и заслуга человѣческая можетъ быть только de congruo⁴); тѣмъ не

менше она заслуга.

1) Perrone. I, 1434—5.

2) Thoma Aqnin. II, 959.

3) Thoma Aqnin. II. 959—60.

4) Ibid. 966: «Наше дѣло имѣеть значеніе заслуги потому, что оно происходитъ изъ свободнаго произволенія, поскольку мы дѣлаемъ что-нибудь

— 49 —

Но противъ этого протестанство рѣзко и вполне справедливо возразило, что это только уловка, придуманная для того чтобы скрыть свой пелагіанизмъ; существо же дѣла остается совершенно одно и то же, будетъ ли человѣческое дѣйствіе признаваться заслугой *de condigno* или *de congruo*: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ награда одинаково необходима слѣдуетъ за трудомъ, правовая значимость дѣла остается во всей ея силѣ 1). Слѣд., вопросъ о правоспособности человѣка на заслугу предъ Богомъ отнюдь не устраняется.

Католики пытаются устранить это препятствіе тѣмъ, что приписываютъ человѣческому дѣйствію характеръ Божественный: дѣло человѣка послѣ оправданія есть дѣло влитой въ него праведности Христовой и, слѣд., Божественно. При томъ, Божественность этого дѣйствія предохранена отъ всякихъ примѣсей, отъ всякаго прикосновенія человѣческой нечистоты, такъ какъ воля признана только воспріемникомъ, а не дѣйствительнымъ созидателемъ духовной святости. Въ такомъ случаѣ дѣла человѣка могутъ получить значеніе заслуги, какъ дѣла Божественныя, и могутъ быть заслугой, притомъ, не *de congruo* только, но и *de condigno* 2). Въ такой доста-

произвольно; и съ этой стороны есть заслуга по соотвѣтствію (*meritum congrui*), потому что это соотвѣтствіе, что между тѣмъ какъ человѣкъ пользуется во благо своей добродѣтелью, Богъ въ превосходной степени дѣйствуетъ сообразно со своей превышей добродѣтелью».

1) Apol. II (19). Hase 63: »А что (католики) изобрѣтають различіе между заслугой *congrui* и заслугой *condigno*, то это они только обманываютъ, *ne videantur aperte πελαγισμενισειν*. Ибо, если Богъ съ необходимостью даетъ благодать за заслугу *congrui*, то это уже не заслуга *congrui*, но заслуга *condigni*. Какъ будто бы они не видятъ, что говорятъ. Послѣ того дарованія (*habitus*) любви, придумываютъ они, человѣкъ заслуживаетъ *de condigno*. И однако они заставляють сомнѣваться, есть ли это дарованіе въ наличности. Какъ же, послѣ этого, они знаютъ, заслуживаютъ ли они *de*

congruo, или de condigno?

²⁾ Thoma Aquin. II, 963: «Если мы говоримъ объ opere meritorio, какъ о происходящемъ отъ благодати Св. Духа, то и заслуженіе вѣчной жизни совершается ex condigno, потому что достоинство заслуги (valor meriti) опредѣляется по добродѣтели Св. Духа, подвигающаго васъ къ вѣчной жизни (объ этомъ Іоан. 4, 14: Сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ вѣчную жизнь); цѣна же дѣла (pretium operis) опредѣляется по до-

— 50 —

новкѣ признаніе заслуги человѣка не противорѣчитъ и спасенію единымъ Христомъ, поскольку оставляетъ силу и значеніе заслуги І. Христа въ ея полной неприкосновенности. „Подобно тому, говоритъ Перроне, какъ ничего не убавляется отъ славы лозы, если вѣтви ея принесутъ большой плодъ; наоборотъ, чѣмъ болѣе плодовъ приносятъ вѣтви, тѣмъ большей похвалы заслуживаетъ лоза, потому что весь живительный сокъ и влага, которыя только есть въ вѣтвяхъ,—изъ лозы; точно также и слава заслугъ Христа отъ нашихъ заслугъ нисколько не уменьшается, такъ какъ послѣднія происходятъ отъ первыхъ (Христовыхъ); наоборотъ, заслуги Христа чрезъ наши заслуги становятся болѣе и болѣе очевидными (commendantur)" 1).

Но здѣсь возникаетъ опять вопросъ: если дѣла чедовѣка въ. существѣ своемъ суть не его дѣла, то какая же можетъ быть рѣчь о заслугѣ человѣка и о его правѣ на награду? Чтобы уклониться отъ этого возраженія католики допускаютъ слѣдующій условный пріемъ: они признаютъ волю второй причиной добродѣланія. „ Человѣческая заслуга говоритъ Клее, если опредѣлить ее ближе, совсѣмъ не безусловно чистая заслуга, такъ какъ благодать Божія есть первая и главная причина добра, совершаемаго въ человѣкѣ и чрезъ него,—но и не отсутствуетъ совершенно, потому что человѣкъ все-таки есть вторая причина совершаемаго въ немъ и чрезъ него добра" ²⁾. Разсмотримъ это положеніе. Воля можетъ быть признана второю причиною дѣланія въ томъ смыслѣ, что она воспринимаетъ и содержитъ въ себѣ влитую въ нее праведность чрезъ себя ея дѣйствія ³⁾. Если совершается доброе дѣло, то это значить, что благодать обитающая въ человѣкѣ, устрем-

стоинству благодати, силою которой человѣкъ, сдѣлавшись причастникомъ Божественной природы, усыновляется Богу, такъ что ему, какъ сыну Божію, по самому закону усыновленія, слѣдуетъ владѣть

наслѣдствомъ».

1) Perrone I, 1444.

2) Klee. III, 61.

3) Мы не искажаемъ католическаго ученія, представляя душевную жизнь человѣка въ видѣ такого матеріальнаго, физическаго явленія. Механизмъ и чувственность—отличительныя черты католическаго умопредставленія.

— 51 —

ляется къ совершенію этого дѣла, а такъ какъ это устремленіе совершается *въ человѣкѣ*, то, естественно, для его сознанія представляется его собственнымъ дѣломъ, и онъ вакъ бы произвольно рѣшаетъ, дѣйствительно совершить извѣстный добрый поступокъ. Все отъ благодати: ей принадлежитъ начало движенія ¹⁾; воля же является проводникомъ того тока благодати, который, такъ сказать, движетъ руки человѣка къ доброму дѣлу,—не болѣе, какъ въ этомъ только смыслѣ воля можетъ быть названа помощницей и слугой благодати 2). Эту мысль о призрачности дѣятельнаго участія воли въ добродѣланіи прекрасно выражаетъ самъ же Клее, говоря: „(Человѣкъ) долженъ дѣлать, *что* онъ можетъ, а, *что* онъ *можетъ* и *какъ* онъ можетъ,—это дѣлаетъ Богъ" 3). Переведя это, само по себѣ, православное выраженіе на католическій языкъ, получимъ, что человѣкъ долженъ дѣлать то, что представляется ему возможнымъ, и онъ будетъ дѣлать это, сознавая себя причиной своихъ дѣйствій, на самомъ же дѣлѣ, способность его къ извѣстному дѣйствию и самый способъ обнаруженія этой способности не его,—это принадлежитъ благодати, живущей и дѣйствующей въ немъ.

Такимъ образомъ очевидно, что признаніе воли второю пританюю добрыхъ дѣлъ отнюдь не разрѣшаетъ поставленнаго вопроса, а только его отклоняетъ; что и послѣ этого нельзя понять, на какомъ основаніи доброе дѣло познается заслугой человѣка, когда воля послѣдняго служитъ только проводникомъ посторонняго для нея воздѣйствія благодати. Правда, католики отвѣчаютъ на это, что признаніе полнаго отсутствія заслуги со стороны человѣка опирается на томъ ложномъ предположеніи, будто человекъ совершенно лишень свободы по отношенію къ Божественной жизни и будто онъ въ дѣлѣ освященія и оправданія дѣйствуетъ только страдательно"; и что, „наоборотъ, съ признаніемъ той истины, что человѣкъ свободно идетъ на встрѣчу возбужденію, направленію и всякому дѣйствию благодати, и затѣмъ послѣ ея воздѣйствія и вмѣстѣ съ

¹⁾ Trident. pag. 31 (gratiam praeveniri).

2) Catechismus ad parochos. Viennae. 1827. pag. 456: (Homines)—adiutores et administri Dei gratiae.»

3) Klee III, 8.

— 52 —

нимъ самодѣятельно участвуетъ въ совершеніи добра, — съ признаніемъ этой истины, послѣдовательно должна быть уставовлена и заслуга человѣка, какъ возможная и допустимая, какъ дѣйствительно существующая" 1). Но мы видѣли, насколько дѣла по католически оправданнаго человѣка справедливо называть „свободнымъ участіемъ". Такимъ именемъ можетъ ихъ называть только тотъ, кто позабудетъ или постарается позабыть сказанное раньше о существѣ и слѣдствіяхъ католическаго оправданія. Влитая въ человѣка праведность, это независимо отъ него самодвижущееся и самодѣйствующее свойство или придатокъ его духа терпитъ рядомъ съ собою свободу только въ качествѣ описанной второй причины, допускаетъ, слѣдовательно только призракъ свободы, вмѣстѣ съ чѣмъ возможность заслуги со стороны человѣка вовсе отрицается.

Католики, въ конце концовъ, и сами должны были сознать несостоятельность своей правовой точки зрѣнія и ея недостаточность для объясненія спасенія человѣка. Вотъ, напр., какъ доказываютъ возможность заслуги оо. Тридентскаго собора: *"Хотя самъ Христось, какъ глава въ члены или какъ лоза въ вѣтви, постоянно разливаетъ въ самихъ оправданныхъ добродѣтель (которая предшествуетъ и сопутствуетъ добрымъ дѣламъ праведниковъ и заключаетъ шествіе дѣлъ и безъ которой ни въ какомъ случаѣ дѣла на могутъ быть благопріятными Богу и заслуживающими), тѣмъ не менѣе должно вѣрить, что для самихъ оправданныхъ отъ этого нѣтъ никакого ущерба; должно думать, что тѣмъ не менѣе этими дѣлами, которыя совершены въ Богѣ, они удовлетворили Божественному закону за состояніе этой жизни и истинно заслужили вѣчную жизнь, доженствующую послѣдовать въ свое время, если, однако, они отошли въ соединеніи съ благодатію" 2).* Другими словами: хотя дѣла человѣка не суть его дѣла и, слѣд., не могутъ быть его заслугой, тѣмъ не менѣе *должно вѣрить*"... „должно думать", что они „истинно заслуживаютъ". Почему же заслуживаютъ? Этого не можетъ объяснить соборъ и долженъ требовать только слѣпой вѣры, ни на чемъ не основанной, вкрываясь своимъ вѣшнимъ правомъ. Къ тому—

1) Ibid. 60.

2) Trident Pag, 37.

же самому концу должны придти и, дѣйствительно, приходятъ всѣ католическіе богословы. Вспомнимъ приведенныя нами выше 1) слова Перроне: „Богъ не желалъ, чтобы Христовы за-слуги приносили намъ пользу безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны“; или подробнѣе и яснѣе Клее: „Такъ какъ *Богъ благоволилъ признать* добро, его благодатію начатое и при содѣйствіи челоуѣка совершенное, собственнымъ дѣломъ челоуѣка, благоволилъ признать за нимъ характеръ заслуги, а увеличеніе дѣйствующей и посредствующей благодати и, въ концѣ концовъ, вѣчную жизнь признать наградой, воздаяніемъ, плодомъ и наслѣдіемъ, причемъ награда представляется дѣломъ правды и вѣрности Божіей;—то отнюдь не можетъ быть отрицаема дѣйствительность челоуѣческой заслуги 2). Такимъ образомъ ни Клее, ни Perrone, оставаясь вѣрными своей точкѣ зрѣнія никакъ не могутъ оправдать необходимости челоуѣческаго участія въ спасеніи: Христова заслуга, какъ величина какъ цѣнность, слишкомъ достаточна для удовлетворенія правды Божіей, чтобы нужны были еще какія-нибудь челоуѣческія заслуги, самая возможность которыхъ, притомъ, подлежитъ еще сильному сомнѣнію. Зачѣмъ же тогда требуются для спасенія эти заслуги и почему онѣ могутъ быть признаны заслугами? „Такъ благоволилъ Богъ“, принуждены отвѣчать католическіе ученые. Но почему же.. Онъ благоволилъ? Вѣдь, долженъ же быть какой-нибудь смыслъ въ этомъ Божіемъ опредѣленіи? Не можетъ же оно быть лишь пустымъ, безпричиннымъ желаніемъ, какъ бы капризомъ? Для католиковъ, впрочемъ, воля Божія и есть именно воля, приказъ Владыки міра. Они, какъ истые приверженцы права, преклоняются только предъ правомъ Бога повелѣвать вселенной и не думаютъ находить себѣ утѣшенія въ томъ, что Богъ хотя и „владѣеть царствомъ челоуѣческимъ“, но не по произволу,— что Онъ хочетъ добра и святости, не потому, что хочетъ, а потому, что „Самъ есть святъ“, потому, что святость есть непреложный законъ міровой жизни, что она есть сама благо. „Ибо сила Твоя есть начало правды и то самое, что Ты господствуешь надъ всѣми, располагаетъ Тебя щадить всѣхъ“ (Прем. 12, 16).

1) Клее III, 58–60.

2) См. примѣчаніе на стр.

Такимъ образомъ, католическая догматика, пытавшаяся построить

ученіе о спасеніи на правовыхъ вачалахъ, прибѣгавшая для этой цѣли ко всевозможнымъ уловкамъ, въ ковцѣ концовъ, приходитъ къ сознанию невозможности сдѣлать это, и на всѣ возраженія разума только слѣпо указываетъ на требованіе откровенія, причемъ это требованіе она (догматика) спѣшитъ неправильно истолковать въ своемъ правовомъ смыслѣ: нельзя доказать, что дѣла суть заслуги, но Слово Божіе говоритъ намъ, что дѣла необходимы для спасенія и спасають,— слѣд. (заключаютъ католики, дѣлая логическій скачекъ), дѣла, какъ бы то ни было, имѣють значеніе заслуги.

Таковъ выводъ, къ которому съ неумолимой необходимостью ведетъ западное христіанство его основная ложь—правовое пониманіе спасенія и всей вообще религіозной жизни.

Правовой строй знаетъ только внѣшнія отношенія и не заботится о внутреннемъ содержаніи, скрывающемся за этими отношеніями. Не спрашивая о внутреннемъ устроеніи вещи, онъ хочеть узнать ея цѣну и, узнавъ, считаетъ свое дѣло конченнымъ. Если, по христіанскому ученію, человѣкъ спасается только черезъ Іисуса Христа и только въ томъ случаѣ, когда творитъ дѣла, заповѣданныя Христомъ; то для ума схоластиковаго это значить, что Христось и человѣкъ представляютъ правдѣ Божіей каждый съ своей стороны вполнѣ достаточную цѣну за обѣщанную вѣчную жизнь. Но, если дѣло Христа и дѣло человѣка суть понятія правоваго порядка, то они взаимно исключаютъ другъ друга: насколько возрастаетъ цѣна заслугъ человѣческихъ, настолько является ненужной заслуга Христа; Христось пришелъ потому, что человѣкъ не могъ самъ спастись. А между тѣмъ Слово Божіе и совѣсть требуютъ и того, и другого, и именно совмѣстно, и именно въ качествѣ непремѣнныхъ причинъ спасенія человѣка. —Вотъ та основная ложь западнаго христіанства, которая ведетъ его ко всевозможнымъ уловкамъ: основная его посылка требуетъ однихъ выводовъ, а жизнь и прямое ученіе Слова Божія, съ которыми оно связей порывать не хочеть,—другихъ. Въ суще-ствѣ своемъ и католичество, и протестантство учать и говорятъ одно и тоже: и то, и другое больны одной и той же неисцѣлѣ-ной болѣзнію, разница только въ тѣхъ прикрытіяхъ, которыми каждое изъ нихъ старается себя успокоить. И тѣ, и другіе признають (протестанты открыто, а католики подѣ строкой),

— 55 —

что собственно говоря дѣла человѣка не нужны, не должны имѣть оправдательной силы. И тѣ, и другіе, чтобы не идти прямо противъ истины и въ тоже время не отступить отъ своего умствованія, должны

признать дѣланіе чловѣка произвольнымъ (протестантское освященіе и католическое превращеніе—*infusio gratiae*). Разница только въ томъ, что протестанты, не забывая и не скрывая своей мысли, думаютъ только какъ-нибудь загладить ея разногласіе съ жизнію указываютъ на ея безопасность: дѣла, говорятъ они, необходимо послѣдуютъ,— нечего, слѣд., беспокоиться объ ихъ отсутствіи при оправданіи. Католики же стараются затуманить самую мысль и, позабывая свои основныя послышки, усиливаются только зажмуря глаза говорить, что дѣла все-таки необходимы, что они все-таки заслуживаютъ спасеніе, не будучи въ состояніи объяснить, какъ же эти дѣла заслуживаютъ.

Изъ сказаннаго видно, какимъ путемъ нужно идти при научномъ изслѣдованіи православнаго ученія о спасеніи. Взять сочиненія или символическія книги протестантовъ и католиковъ и стараться только уничтожить ихъ крайности, было бы неправильно и бесполезно, такой путь, какъ видимъ, никогда не приведетъ насъ къ чему-нибудь ясному и опредѣленному, устойчивому. Крайности на западѣ не случайны, онѣ—естественный выводъ изъ дожнаго основнаго начала. Необходимо, слѣдовательно, прежде всего отвергнуть это основное начало (правовое жизнепониманіе) и потомъ уже, независимо отъ него, приступить къ изученію истины, черпая свѣдѣнія не изъ готовыхъ западныхъ сочиненій, а изъ Св. Писанія и твореній св. Отцевъ. Такимъ путемъ только мы и можемъ выяснитъ себѣ основное начало православнаго жизнепониманія. Выяснивъ же это начало, не трудно будетъ раскрыть и самое ученіе о спасеніи. Поэтому, въ дальнѣйшихъ главахъ мы прежде всего должны рѣшить, какъ относятся Св. Писаніе и Преданіе къ правовому жизнепониманію, признаютъ ли они его? Послѣ отвѣта на этотъ основной вопросъ раскроемъ ученіе о вѣчной жизни, при чемъ для насъ станетъ яснымъ начало православнаго богословствованія. Изъ этого ученія съ необходимостью послѣдуютъ ученіе о смысдѣ возмездія и, далѣе, о спасеніи и его условіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правовое жизнепониманіе предъ судомъ Св. Писанія и Преданія.

Мы вѣруемъ, что спасаемся единымъ І. Христомъ, что только „чрезъ одного Христа мы можемъ быть приняты Богомъ" 1),— но мы также вѣруемъ (и въ этомъ находимъ себѣ постоянное свидѣтельство въ своей совѣсти), что Богъ удостоиваетъ части cadaго соотвѣтственно его добрымъ дѣламъ" 2), что „нѣтъ другого пути (получитъ отпущеніе грѣховъ

и на-дежду на наслѣдство обѣщанныхъ благъ), кромѣ того, чтобы познавши нашего Христа и омывшись тѣмъ крещеніемъ во оставленіе грѣховъ, о которомъ возвѣщаль Исаія, вы жили потомъ безъ грѣха" ³⁾; что „послѣ благодати Божіей, надежду спасенія нужно полагать только въ собственныхъ дѣлахъ (*οἰκείοις κατ' ὀψώματι*)" ⁴⁾. Царствіе Божіе нудится" и только „нуждницы", т. е. употребляющіе усиліе, труждающіеся „восхищаютъ е" (Мф. XI, 12). І. Христось пришелъ не разорить законъ, но исполнить (Мф. V, 17). Человѣкъ, оправданный и освященный, не по необходимости дѣлаетъ, а долженъ дѣлать добро, потому-что „всякій получить отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ" (Еф. VI, 8). Добро, такимъ

1) Кирилль Алекс. т. III, 294. Творенія. Переводъ при Моск. Дух. Академіи. Во всѣхъ цитатахъ русская буква «т» означаетъ томъ по рускому переводу; латинская t—томъ греческой серія *Patrologiae Migne*.

2) Т. I, 227.

3) Св. Іустинъ Мученикъ. Разговоръ съ Трифономъ. 44. См. Сочиненія древнихъ христіанскихъ аполегетовъ. Изданіе Свящ. П. Преображенскаго. М. 1867. Стр. 214.

4) Златоустъ. In Io Hom. XXI, 3 (*Migne S. G. t. LIX, col. 132*).

— 57 —

образомъ, не плодъ и не свидѣтельство спасенія только, а одинъ изъ прямыхъ виновниковъ дослѣдняго, которымъ „открывается человѣку свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя І. Христа" (2 Петр. 1,11).

Поэтому жизнь человѣка послѣ крещенія отнюдь не состояніе бездѣтельнаго блаженства и произвольнаго добродѣланія (какъ она должна представляться на западѣ), а наоборотъ, дѣятельное послѣдованіе Христу (Кол. III, 1—14). Земная жизнь—сѣянiе, а загробная—жатва, и потому человѣкъ долженъ сѣять добро, чтобы потомъ наслѣдовать блаженство (Гал. VI, 7—10), онъ долженъ, какъ прилежный муравей, скоплять плоды для будущей жизни 1), соби-рать себѣ то „неветшающее богатство, собирать которое не только не пороку, но и великая добродѣтель и награда" ²⁾).

Итакъ, человѣкъ оправданный дѣлаетъ добро произвольно и постоянно сознаетъ и убѣжденъ въ томъ, что дѣлаетъ „ради чести въ царствѣ небесномъ", чтобы ему „заслужить похвалу отъ Бога, какъ добрый рабъ, и удостоиться какихъ-нибудь почестей" ³⁾; такъ что, если бы не было этого убѣжденія, если бы человѣкъ не ожидалъ этой награды на небесахъ, тогда и добродѣтельная жизнь была бы бессмысленной и потому невозможной.

„Кто захотѣлъ бы принимать на себя столь горькіе труды, если бы не имѣлъ сладкой надежды во Христвѣ?" 4). „Стали ли бы мы соблюдать себя въ такой чистотѣ, если бы мы не признавали, что Богъ бодрствуетъ надъ чедовѣчеекимъ родомъ? Конечно нѣтъ. Но такъ какъ мы вѣруемъ, что отдадимъ отчетъ во всей настоящей жизни Богу, сотворившему и насъ, и міръ: то мы избираемъ жизнь воздержную, челоѣколюбивую и уничиженную,—зная, что здѣсь не можемъ потерпѣть, хотя бы насъ лишили жизни, никакого зла, которое бы сравнялось съ благами намъ уготованными отъ Великаго Судіи за кроткую, челоѣволюбивую и скромную жизнь" 5). Добродѣланіе, такимъ образомъ, есть необходимое условіе спасенія.

1) Кирилль Іерус. Catech. IX, 13. Migne S. G. t. XXX II, col. 652: f(подобно муравьи) собирай и ты себѣ плоды добрыхъ дѣлъ на будущіе вѣки».

2) I. Кассіанъ. Писанія. М. 1877. Стр. 210.

3) Григорій Нисс. т. VII, 447.

4) Кирилль Алекс. т. I, 261.

5) Афинагоръ. Апологія. 12, Изд. Преображенскаго Ст. 82.

— 58 —

Но здѣсь опять можно спросить, въ какомъ смыслѣ добродѣланіе признается условіемъ спасенія: оно можетъ быть только внѣшнимъ основаніемъ для полученія спасенія, но можетъ быть и условіемъ въ собственномъ смыслѣ, производителемъ спасенія. Тотъ и другой отвѣтъ, будучи весьма близки одинъ къ другому по формѣ, со стороны своего содержанія весьма, чтобы не сказать, въ корнѣ различаются одинъ отъ другаго: они могутъ служить выразителями двухъ совершенно противоположныхъ, взаимно исключаящихся жизнепонимавій: мірскаго, языческаго и христіанскаго.

Себялюбецъ живетъ для себя, свое „я" поставляетъ средоточіемъ міра, съ точки зрѣнія этого „я" оцѣниваетъ все происходящее и въ своей, и въ общеміровой жизни. Цѣль его—собственное благополучіе, высшее благо—наслажденіе, въ видѣ ли чувственныхъ удовольствій, или въ какой-нибудь нирванѣ и т. п. въ этомъ родѣ.

Теперь, грѣхъ (существо котораго и есть себялюбіе), доставляя челоѣку наслажденіе въ этой жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ ему неизмѣримо большее страданіе въ жизни загробной: Богомъ установленный міропорядокъ оказывается пагубнымъ для себялюбія и съ необходимостью ведетъ его къ наказанію. Себялюбцу, какъ такому, конечно, нѣтъ дѣла до правды или неправды этого міропорядка, даже болѣе, онъ всѣмъ своимъ

существомъ готовъ возмутиться противъ послѣдняго,—всѣмъ своимъ существомъ готовъ протестовать противъ этого ограниченія своего „я“ желаніе котораго для него законъ,—но онъ, какъ себялюбецъ же, не можетъ не желать избѣжать той горкой участи, къ которой приводитъ нераскаянное противорѣчіе враждебному для него міропорядку. И вотъ самолюбецъ, начинаетъ, какъ онъ говоритъ спасаться, т. е., съ крайнимъ сожалѣніемъ отсѣкая свои излюбленныя и все еще дорогія пожеланія, начинаетъ исподнять законъ, положенный Богомъ, — исполнять именно потому, что противозаконіе оказывается въ своемъ послѣднемъ выводѣ крайне невыгодномъ для себялюба, хотя не перестаетъ для него быть желательнымъ и пріятнымъ. Себялюбецъ въ душѣ своей—врагъ Богу (Рим. VIII, 7) и хочетъ слушать своего отца—человѣкоубійцу (Іо. VIII, 44), онъ готовъ кусать милующую его Руку (вспомнимъ іудеевъ, „избившихъ пророковъ и камнями побивавшихъ посланныхъ

— 59 —

къ нимъ“, вспомнимъ распятаго І. Христа), но онх трепещетъ Бога, такъ какъ знаетъ, что Онъ всемогущъ, что все, и самъ себялюбецъ, въ рукахъ Божіихъ, что отъ Бога, слѣд., не уйдешь. Себялюбцу приходится подчиняться волѣ Божіей для своей же собственной выгоды. Онъ и подчиняется, но—какъ рабъ, съ внутреннимъ отвращеніемъ, съ ропотомъ, подгоняемый бичемъ, или какъ наемникъ, которому нужна выгода, награда.

Такъ настроенный, человѣкъ, конечно, не можетъ и понять той „свободы чадъ Божіихъ“, которую принесъ І. Христомъ, того „примиренія“ съ Богомъ, которое возвѣстили намъ Апостолы: „душевный человѣкъ не можетъ „служить Богу духомъ и истиною (Іо. IV, 23), онъ судить обо всемъ по душевному (Кор. II, 14). Приходя ко Христу, онъ не столько хочетъ научиться отъ Него, какъ ему жить, чтобы жить истинною жизнію, сколько хочетъ узнать, какую пользу принесетъ ему послѣдованіе Христу. Поэтому, слыша о спасеніи Христовомъ, онъ усволяетъ изъ этой благой вѣсти преимущественно ея внѣшнюю сторону: избавленіе отъ бѣдствія, отъ конечной гибели и полученіе высшаго блаженства и не замѣчаетъ другой, болѣе существенной стороны этого спасенія, не замѣчаетъ,—что бѣдствіемъ здѣсь считается не страданіе, не муки, а грѣхъ,—что высочайшее благо здѣсь полагается въ той самой волѣ Божіей, противъ которой съ такой ревностью возмущается его себялюбивая природа. Онъ думаетъ только о томъ, что онъ будетъ наслаждаться, а, чѣмъ?—объ этомъ онъ не спрашиваетъ.

Но, если все дело только в блаженстве, как таком, в выгоду человека, то естественно спросить, за что же человек эту выгоду получает? не будет ли несправедливым наделять его блаженством, когда он ничем не заслужил его? Христос учил, что спасаются только делающие добро. След., заключает человек, добро и есть та плата, та уступка Богу, за которую Он дарует человеку вечную жизнь. Почему же Богу угодно такое, а не иное поведение, себялюбец понять не может: сам исполняя желания своего „я“ только потому, что это ему приятно, желательно, он и закон Божий склонен представлять себя таким же безпричинным желанием Владыки. Конечно, такую безпричинную волю человек любить не может, равно-

— 60 —

как и Самого Владыку: Последнего он только боится, а первую исполняет только против своего желания. Отсюда, его труды, понесенные им при исполнении воли Божией, не могут иметь силы и значения самоотверженной жертвы Богу, жертвы любящей и благодарящей. Для человека они тяга, подневольное ярмо. Поэтому, ими пожертвовать он не в состоянии и требует себя вознаграждения, как и всякий наемник. Дело в глазах человека получают значение заслуги.

Таким образом, правовое представление о спасении, как нельзя больше, понятно и удобно именно для себялюбивого настроения. Мы видели слабые стороны этого представления,— видели, как им открывается свободный вход всяким сделкам и прямым искажениям Христовой истины в западном христианстве. Теперь мы должны раскрыть, как к этому представлению относятся священные источники нашей веры: Священное Писание и Предание.

Если мы приступим к этим источникам с предвзятой мыслью и если будем вырывать из них лишь отдельные слова и предложения, не справляясь с основной мыслью их, то мы, пожалуй, можем найти не мало оснований для правового представления в самом Священном Писании или Предании.

Прежде всего, как понимается спасение? „Чего большего ищешь ты, спрашивает Святой Григорий Богослов, кроме спасения? Будущей славы и святости? Для меня весьма важно спастись и избавиться от тамошних мучений. Ты идешь путем непробитым и недоступным, а я—путем протоптанным, который спась многих" 1). В этих словах спасение понимается, как видим, исключительно с его внешней, формальной стороны, гибель человека берется в прямом и общем смысле, без

опредѣленія, въ чемъ, именно она заключается: человѣку грозитъ бѣда, и онъ отъ нея избавляется. Тотъ же смыслъ можно находить и въ тѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ жизни вѣчной противопоставляется судъ, погибель, мученія (напр. Іо. III, 15; V, 24; Мф. XXV, 46 и пр.)

Если же сущность спасенія—въ благополучіи человѣка, въ его наслажденіи, то за что человѣка награждать? „Безъ подвига никто не увѣнчивается" ²⁾, говоритъ Св. Ефремъ

1) т. III, 156. Слово 32.

2) Творенія. М. 1848—51. т. 1, 97. Слово подвижническое.

— 61 —

Сиринъ. Ужели кажется тебѣ справедливымъ, чтобы земныя и преходящія вещи и тлѣнная слава требовали усилій и трудовъ, а для пріобрѣтенія надежды нестарѣющіеся и нескончемые вѣки вѣковъ царствовать со Христомъ, не надлежало даже этого краткаго времени пребыванія твоего на землѣ употребить на труды и подвиги, чтобы впослѣдствіи цѣлые вѣки царствовать" ¹⁾. „Обрати вниманіе, говоритъ другой св отецъ, на самый законъ правды и войди въ самого себя. Имѣешь ты у себя различныхъ служителей, и одни хороши, а другіе плохи; хорошихъ ты уважаешь, а дурныхъ бьешь. И если ты судья, то добрыхъ хвалишь, а незаконныхъ наказываешь. Ужели же у тебя человѣка смертнаго, соблюдается справедливость, а у Бога, безпреемственнаго всѣхъ Царя, нѣтъ праведнаго возмездія? Отрицать сіе нечестиво" ²⁾.

Что же служитъ тѣмъ основаніемъ, по которому человѣку присуждается великая награда на небесахъ? Награда дается только за подвигъ; слѣд., и небесная награда достигается подвигомъ, „праведными дѣлами" ³⁾. Дѣла, такимъ образомъ, даютъ право на вѣчное блаженство, оказываются, какъ бы цѣною, платою за него со стороны человѣка. Это уподобленіе весьма обычно въ Св Писаніи и Преданіи.

Такъ, Господь І. Христосъ весьма часто, убѣждая своихъ слушателей къ той или другой христіанской добродѣтели къ христіанскому поведенію вообще, указывалъ имъ главнымъ образомъ на то, что за такое поведеніе и только за него, воздается награда на небесахъ. „Смотрите, говорилъ Онъ, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню не труби передъ

1) т. III, 323. Слово подвижническое.

2) Кирилль Іерус. Творенія. М. 1855. Стр. 327. Огл. слово XVIII, 4.

3) Св. Ипполитъ. Противъ Платона, 3. См. англійскій переводъ его твореній въ Clark's Ante-Nicene library. Vol. IX, p. 50 Просимъ извиненія за пестроту въ цитатахъ: мы принуждены были довольствоваться всякимъ изданіемъ св. отеческихъ твореній, какое только попадало намъ въ руки. Притомъ, нѣкоторыхъ оо. Церкви мы цитируемъ то по Migne, то просто по русскому переводу. Это происходиѣтъ отъ того, что творенія эти прочитаны нами два раза: въ первый разъ, находясь въ Петербургской Академіи, мы имѣли подъ руками подлинникъ, чего во второй разъ имѣть не могли. См. напр., предыдущую цитату изъ св. Кирилла Іерусал.

— 62 —

собой, какъ дѣлаютъ лицмѣри въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославили ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же... и т. д., и Отецъ твой, видящій тайное воздастъ тебѣ явно" (Мф. VI, 1—6 и д.). Иди, напр., извѣстное изреченіе о единой чашѣ студеной воды поданной пророку, или ученику. „Кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получаетъ награду пророка; и кто принимаетъ праведника, во имя праведника, получить награду праведника. И кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашей хододной воды, во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей" (Мф. X, 41—42).

Св. Апостолы тоже часто прибѣгаютъ къ этой формѣ выраженія, и тоже въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно побудить кого нибудь къ добродѣланію. Загробная награда сравнивается съ наградой на ристалищахъ, съ вѣнцомъ побѣдителей. „Развѣ не знаете, говорить, напр., св. апостоль Павелъ, что бѣгущіе на поприщѣ бѣгутъ всѣ, но одинъ получаетъ награду; и вы бѣгите такъ, чтобы получить. Всѣ подвижники (т. е. борцы) воздерживаются отъ всего: они для полученія вѣнца тлѣннаго, а мы нетлѣннаго" (1 Кор. IX, 24—5; Гал. V, 7; Филипп. III, 14; 2 Тим. IV, 7—8; 1 Петр. V, 2—4 и др.). Удерживая христіанъ отъ какнхъ-нибудь пороковъ, указываютъ на наказаніе, какое постигнетъ отъ Господа всѣхъ грѣшниковъ: „Воля Божія есть освященіе ваше, чтобы вы воздерживались отъ блуда,... чтобы ни въ чемъ не поступали съ братомъ своимъ противузаконно и корыстолюбиво; потому что Господь Мститель за все это, какъ и прежде мы говорили вамъ и свидѣтельствовали" (I Фесс. IV, 3—6). Этими и подобными мѣстами и пользуются, чтобы оправдать правовое пониманіе нравственной жизни. Впослѣдствіи мы увидимъ, насколько это справедливо.

Точно тоже и въ свято-отеческихъ твореніяхъ. Отцы Церкви, съ тою же самою цѣлью—обосновать добродѣланіе побудить къ нему, иногда прибѣгаютъ къ такимъ сравненіямъ, которыя, повидимому, прямо—за вѣншее пониманіе жизни. Такова, напр., аналогія купли—продажи.

„Должно, говорить св. Григорій Нисскій, подкрѣпляясь вѣрою въ ожидаемое, добродѣтельнымъ поведеніемъ напередъ закупать (*προεμπί-
ροῦέτθαι*) будущую благодать" 1). Даръ свободы, присущій

1) De hominis opif. c. XXII (Migne. t. XLIV, col. 209) т. I, 170.

— 63 —

человѣку, иногда думаютъ объяснить тѣмъ, что въ противномъ случаѣ несправедливо было бы человѣка награждать. Если бы Богъ все сдѣлалъ даромъ природы, мы остались бы безъ наградъ и безъ вѣнцовъ (*α
στέφανοι καὶ χωρὶς βραβείων*); и какъ безсловесныя за тѣ совершенства, которыми обладаютъ они по природѣ, не могутъ получить награды, ни одобренія: такъ и мы не получили бы ничего этого. Ибо совершенства естественныя служатъ къ похвалѣ и чести не обладающихъ, а Давшаго ихъ. Такъ, вотъ почему Богъ не представилъ всего природѣ" 1). Добродѣтель признается тѣмъ достаточнымъ основаніемъ, которое дѣлаетъ возмездіе дѣломъ простой справедливости. „Душевное врачеваніе печется о душѣ, чтобы душа могла наслѣдовать горнюю славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получила упованіе въ награду за добродѣтель, а не только какъ даръ Божій" 2). „Если души, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, окажутся во всемъ благоискусными, вѣрными и достойными, претерпѣвшими до конца и сохранившими упованіе вѣры, то сподобившись избавленія по благодати, по всей справедливости сдѣлаются онѣ наслѣдницами царствія" 3). Или Ниль Синайскій: „Въ день суда Богъ каждому правдиво при-судитъ воздаяніе не по здѣшнему ошибочному предположенію, но какъ требуютъ справедливость, по самой истинѣ содѣяннаго" 4).

Мало того: не только добродѣтель. какъ общее и постоянное расположеніе души, но и каждое доброе дѣйствіе, добрый поступокъ, самъ по себѣ, представляются какъ будто бы заслуживающими. Такую мысль могутъ дать, напр., слова св. Кирилла Іерусалимскаго: „Будь только благонадеженъ; дѣлай только, подвизайся только усердно. Ничто не погибнетъ. Всякая молитва твоя, всякое псалмопѣніе записано; записана всякая милостыня, записанъ всякій постъ; записано и то, если бракъ сохраненъ былъ честно, записано и воздержаніе, соблюдаемое для Бога; первые же вѣнцы въ сей записи представлены

1) Св. Златоустъ. De statuis. Hom. XIII, 3 (Migne t. XLIX, col. 140).

2) Григорій Бог. т. I, 27.

3) Т. II, 529 (изд. 1855 г.).

дѣвству и чистотѣ" 1). Если продолжать изслѣдовать творенія св. отцевъ все въ томъ же направленіи, то можно, пожалуй, найти въ нихъ слѣды и католической сверхдолжной заслуги. Напр., въ Лѣствицѣ мы читаемъ: „Есть души, которыя сдѣлали больше, нежели сколько повелѣваютъ заповѣди" 2). Или св. Григорій Нисскій, восхваляя Плациллу, говоритъ, что она своими подвигами (*καταρθώμασι*) превзошла предписанное (*παρέρχεται καὶ τα. προαττηταυμένα*) 3). Вообще же жизнь человѣческая иногда представляется какимъ-то механическимъ сцѣпленіемъ разныхъ подвиговъ и заслугъ, изъ которыхъ каждая ждетъ себѣ награды и дѣлается только для послѣдней. „Жизнь cadaго какъ бы взвѣшивается, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, возмездіе непременно какъ бы уравнивается будетъ съ нашею доброкачественностію" 4). Предшествующія добрыя дѣла уменьшаютъ наказаніе за грѣхи, потому что праведный Судія изрекаетъ приговоръ, соразмѣряя послѣднія съ первыми", говоритъ бл. Феодоритъ 5).

Всего же болѣе основаній для себя правовое жизнепониманіе можетъ подыскать въ творенія св. I. Златоуста, которому болѣе всѣхъ другихъ, можетъ быть, пришлось говорить противъ корыстолюбивой безсердечности къ бѣднымъ и, слѣд., доказывать прежде всего неразсчитливость такого поведенія. Не могъ онъ, по самому существу дѣла, говорить скупцу и себялюбцу о сладости жертвы для ближняго,— говоря съ наемникомъ, онъ и языкъ долженъ былъ выбрать подходящій. Отсюда,—замѣчаемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ твореній свя-тителя стремленіе какъ бы высчитать, когда, за что и сколько именно получить человѣкъ. „Если ты, говоритъ святитель, сдѣлаешь что-нибудь доброе (*χρηστόν*) и не получишь здѣсь за него воздаянія, не смущайся: награда съ избыткомъ ожидаетъ тебя въ будущемъ" 6). „Когда видишь праведника наказуемымъ, считай его блаженнымъ, и говори: этотъ праведникъ или грѣхъ на себѣ имѣетъ, и получаетъ за него воз-

1) Catech. XV, 23 (Migne. XXXIII, 901).

2) Лѣствица. Изд. М. 1873 г. Стр, 222.

3) De Placilla (Migne. t. XLVI, col. 889—92).

4) Т. III, 196—7.

5) Т. VI, 756. Творенія М. 1855—1859.

6) In Math. Hom. XXXIV, 3 (Migne. t. LVII, col. 402).

мездіе, и отходить туда чистымъ, пли наказывається сверхъ грѣховъ, и ему высчитывається излишекъ, придатокъ къ его праведности (*προσθήκη δικαιοσύνης αὐτῷ λογίζεται*). Потому что тамъ бываетъ расчетъ (*λόγος*), и Богъ говоритъ праведнику: ты долженъ мнѣ столько-то, положимъ, онъ ввѣриль ему десять оводовъ, и ставитъ ему въ счетъ десять оводовъ. Если же онъ издержалъ шестьдесятъ оводовъ, Богъ говоритъ ему: десять оводовъ засчитываю тебѣ за грѣхъ, а пятьдесятъ за праведность" 1).

Если мы теперь отъ оо. восточныхъ обратимся къ западнымъ, то само собою понятно, что въ ихъ твореніяхъ мы найдемъ еще болѣе слѣдовъ правового жизнепониманія: этимъ отцамъ приходилось имѣть дѣло съ Римомъ непосредственно, не могли они, поэтому, оставить безъ вниманія его способа мышленія, тѣмъ болѣе, что грѣховность чловѣка какъ бы оправдывала такое жизнепониманіе. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ Тертуллианъ, какъ зло вошло въ міръ и какъ благость Божія была оскорблена, правосудіе Его стало управлять Его благостію. Оно предоставило благость достойнымъ, отказало въ ней недостойнымъ, отняло ее у неблагодарныхъ и отмстило за нее врагамъ ея. Оно судитъ, осуждаетъ, наказываетъ: суды Его, казни Его, внушаемый ими страхъ служить уздою своеволю, поощреніемъ добродѣтели" 2). Отсюда происходитъ обозначеніе чловѣческихъ дѣлъ „заслуги", общее всѣмъ западнымъ отцамъ. Дѣла разсматриваются, главнымъ образомъ, какъ нѣкоторая цѣнность, дающая право на награду. Такъ св. Кипріанъ вишетъ исповѣдникамъ: „Нѣкоторые изъ васъ упредили другихъ совершеніемъ своего мученичества и имѣютъ принять награду отъ Господа по своимъ заслугамъ; а нѣкоторые еще томятся въ заключеніи темничномъ, въ рудникахъ и въ узахъ и... медленностью страданій приобрѣтаютъ *полнѣйшее право* на заслуги, по которымъ надѣются получить изъ небесныхъ наградъ столько воздаяній, сколько теперь числятся дней въ истязаніяхъ" 3). Тертуллианъ же прямо представляетъ Господа какъ бы должникомъ за добрыя дѣла чловѣка. Богъ, говоритъ онъ не желая гибели святыхъ своихъ, объявилъ себя ихъ

1) De Lazaro. VII, 9 Migne. t. XLVIII, col. 1044.

2) Творенія. Переводъ Карнеева. СПб. 1847—50, т. IV, 13.

3) Творенія. Кіевъ. 1879, т. I, 351.

заступникомъ, а потому и приѣмлетъ ихъ добрыя дѣла п раскаяніе; приѣмля же сіе, Онъ вмѣняетъ Себѣ долгомъ за то ихъ награждать" 4). Отношенія между Богомъ и чловѣкомъ иногда строго приравниваются къ

отношеніямъ между членами простого правового союза: сущность полагается во взаимномъ удовлетвореніи, съ отмщеніемъ за всякое нарушеніе. Для примѣра возьмемъ того же Тертуллиана. Вотъ, напр, что говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи о терпѣніи: „Скорбя тѣлесныя суть очистительная жертва, примиряющая съ нами Бога чрезъ смиреніе, когда плоть довольствуясь немногимъ количествомъ хлѣба и воды, приноситъ въ даръ Господу свою бѣдность и воздержаніе, когда присовокупляетъ къ этому частые посты, и когда проводитъ посты въ пеплѣ и вретѣщѣ... Такъ нѣкогда гордый царь Навуходоносоръ, раздражавшій Господа, принесъ великолѣпную и полезную жертву терпѣнія смиреннымъ и строгимъ покаяніемъ семилѣтняго изгнанія, во время котораго жилъ со звѣрями, удаленный отъ общества людей; и сею жестокою жертвою возвратилъ себѣ царство свое, а что еще важнѣе, симъ очистительнымъ удовлетвореніемъ приобрѣлъ снова милость Божию" 2).

Не смотря однако на всѣ эти многочисленные слѣды правового жизнепониманія въ Св. Писаніи и твореніяхъ оо. Церкви признать это жизнепониманіе дѣйствительнымъ оте-ческимъ или библейскимъ жизнепониманіемъ нельзя, или можно въ томъ лишь случаѣ, если мы будемъ пользоваться Св. Писаніемъ иди Преданіемъ только, какъ сборникомъ безсвязныхъ изреченій, а не какъ единымъ словомъ Божиимъ, не какъ выраженіемъ одинаго и цѣльнаго міровоззрѣнія. Всѣ эти слѣды необходимо сопоставить съ длиннымъ рядомъ мыслей, которыя тоже были постоянно на устахъ священныхъ писателей и оо. Церкви и которыя тѣмъ не менѣе прямо отрицаютъ правовое жизнепониманіе.

Прежде всего, возможны ли правовыя отношенія между Богомъ и человѣкомъ? На основаніи Св. Писанія и Преданія, говоримъ, что невозможны.—Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстное отношеніе хотять представить отношеніемъ правовымъ, то

1) т. II, 82.

2) т. II, 74.

должны отъ него требовать полнаго соотвѣтствія понятію правового отношенія; если же такого соотвѣтствія нѣтъ, а отношеніе, между тѣмъ, не противорѣчитъ ни разуму, ни нрав-ственному чувству, то это потому, слѣд., что данное отношеніе принадлежитъ къ порядку явленій, отличному отъ право-вого и требуетъ себѣ особыхъ законовъ, особаго объясненія.

Теперь, правовой союзъ въ основѣ своей имѣетъ себялюбивое желаніе

собственнаго благополучія и выражается во взаимномъ самоограниченіи нѣсколькихъ себялюбій, чтобы каждому изъ нихъ въ возможно большей мѣрѣ благоденство-вать. Приложима ли эта мѣрка къ отношеніямъ Бога къ человѣку? Думать такъ не только нечестиво, но и безумно. „Развѣ можетъ человѣкъ, спрашиваетъ Елифазъ, доставлять пользу Богу? Разумный доставляетъ пользу себѣ самому. Что за удовольствіе Вседержителю, что ты праведенъ? И будетъ ли Ему выгода отъ того, что ты содержишь пути свои въ непорочности?" (Іов. XXII, 2—3). „Богъ, говоритъ бл. Августинъ, не нуждается и въ самой человѣческой праведности, и все то, въ чемъ выражается истинное почитаніе Бога, полезно человѣку, а не Богу. Не скажетъ, конечно, никто, что былъ полезенъ источнику, когда пиль изъ него, или свѣту, когда видѣлъ его" ¹⁾. „Человѣкъ, говоритъ Св. Григорій Нисскій, это слабое и кратковременное существо, хорошо уподобляемое травѣ (Пс. CII, 14), сегодня существующее, а завтра нѣтъ,—вѣрить, что достойно почтить Божеское естество. Это все равно, что зажегши тонкую нить изъ пакли, думать, что этой искрой увеличиваешь блескъ солнечныхъ лучей" ²⁾. „Кто есть человѣкъ? спрашиваетъ св. Тихонъ Задонскій: земля и гной. Кто есть Богъ? Есть Творецъ всея твари, видимыхъ и невидимыхъ" ³⁾. Возможно ли между ними какое-нибудь сравненіе? А если невозможно, то какъ понять близость Божію къ человѣку? Зачѣмъ Господь, вседовольный и совершенный, нисходитъ до союза съ человѣкомъ, съ этимъ червемъ, пепломъ, съ этимъ соннымъ видѣніемъ и тѣнью" ⁴⁾. „Господи, восклицаетъ Псалмопѣвецъ, что есть

1) Бл. Августинъ, т. IV, 307. творенія. Кіевъ.. 1880.

2) Advers. Maced. X (Migne t. XLV, col. 131:). r. VII, 35.

3) т. V. 307. Пасъма посланныя XIX. Творенія, М. 1875.

4) Ефремъ Сир. т. IV, 224. Слово на почившихъ о Христвѣ.

— 68 —

человѣкъ, что Ты знаешь о немъ, и сынъ человѣческой, что обращаешь на него вниманіе? Человѣкъ подобенъ дуновенію: дни его, какъ уклоняющаяся тѣнь" (Пс. CXLIII, 3—4), „Что такое дѣла человѣческія? спрашиваетъ св. І. Златоустъ: „Пепель и пыль, прахъ предъ лицомъ вѣтра, дымъ и тѣнь, листь и цвѣтъ, уносимые вѣтромъ, сонъ, мечта и баснь, пустое колебаніе воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, теченіе непостоянное, и все, что только можетъ быть еще ничтожнѣе этого" ¹⁾. Зачѣмъ же нужны были Господу эти призрачныя человѣческія дѣла? Почему Онъ не только благоволилъ „привести человѣка изъ небытія въ бытіе, но и отпадшаго возставилъ паки и царство даровалъ ему будущее" ²⁾.

Правовое начало не объяснить намъ этого „благоутробія милости" Божіей, по которой Онъ „не потерпѣлъ зрѣти отъ діавола мучима рода человѣча" ³⁾. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ право и удовлетвореніе, нѣтъ мѣста для такой безпричинной, безкорыстной благодати.

Возьмемъ, однако, отношенія между Богомъ и человѣкомъ, какъ данное опыта, не задумываясь объ ихъ первоначалѣ. Допустимъ, что между Богомъ и человѣкомъ существуетъ въ настоящее время правовой союзъ: добродѣтель человѣка есть та цѣна, которую требуетъ отъ него Господь за обѣщанныя награды. Но и при этой уступкѣ отношенія между Богомъ и человѣкомъ не будутъ состоятельны съ правовой точки зрѣнія: прежде чѣмъ помышлять о какой нибудь наградѣ за свои дѣла, человѣкъ *долженъ* Богу за всѣ полученныя и получаемыя благодѣянія. „Если бы Богъ, говоритъ преп. Макарій Египетскій, вступилъ съ нами въ судъ, то не нашлось бы ничего, по истинной правдѣ человѣку принадлежащаго; потому что и имѣнія и всѣ мнимыя блага земныя, при которыхъ человѣкъ можетъ дѣлать добро, и земля и все, что на ней, и тѣло самое, и самая душа принадлежатъ Ему. И не только все прочее, но и самое бытіе человѣкъ имѣетъ по милости. Поэтому какая же у него собственность, которую по праву могъ бы онъ похвалиться и оправдаться? 4), „Какъ

1) Бесѣда IX, 5 на Посл. къ Евреямъ. Стр. 172.

2) Литургія Св. І. Златоуста.

3) Чинъ крещенія.

4) De libert. mentis. VIII (Migne t. XXXIV, col. 941). Русскій переводъ. М. 1852. Стр. 597.

— 69 —

нельзя опередить своей тѣни, которая постольку подвигается впередъ, поскольку мы идемъ впередъ, и всегда въ разномъ разстояніи намъ предшествуетъ; какъ нельзя тѣлу вырости выше головы, всегда надъ нимъ возвышающейся: такъ и намъ невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого, что не принадлежатъ бы Ему, или что было бы внѣ круга его щедрости. Помысли, откуда въ тебѣ бытіе, дыханіе, разумѣніе? Откуда то высочайшее преимущество, что ты знаешь Бога, надѣешься царствія небеснаго?" 1). „Что воздадимъ милосердному Богу за всѣ сіи блага и дары, за то, что снишелъ Онъ съ небесъ отъ Отца, или что ради насъ воплотился во чревѣ, или что за насъ былъ заушень? Чтобы воздать за одно заушеніе, то если бы мы тысячи лѣтъ жили на землѣ, ничѣмъ не могли бы вознаградить за сію Божию милость" 2). „Дѣти, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, какое

1) Григорій Бог. т. II, 25. Сл. 14.

2) Ефре́мъ, Сир. т. I, 280. Слово умиленное 1–е. Ср. Бл. Августина т. III, 386: «Мы рѣшительно не въ состояніи возблагодарить Его должнымъ образомъ и за тѣ благодѣянія, что существуемъ, что живемъ, что видимъ небо, что имѣемъ умъ и разумъ, при помощи которыхъ обрѣтаемъ Его Самого, сотворившаго все это. Но какое сердце, какой языкъ въ состояніи: достаточно возблагодарить Его за то, что Онъ не вовсе оставилъ насъ, отягченыхъ и обремененныхъ грѣхами, отвратившихся отъ Его свѣта и омрачившихся любовію ко мраку, т. е. къ непотребствамъ, а послалъ къ намъ Свое Слово, которое есть Его Сынъ едиnorodный, чтобы мы научались отъ Него, родившагося плотію и пострадавшаго за насъ, какъ высоко цѣнить Богъ челоуѣка,—чтобы этою единственною жертвою мы очистились отъ всѣхъ грѣховъ и чтобы, получивши въ свои сердца изліяніе любви отъ Духа Св., не смотря на всѣ трудности, достигли вѣчнаго упокоенія и не-изрѣченной сладости лицезрѣнія Его». «Этимъ—то говоритъ св. Григорій Нисскій (de beatud. or. VII. Migne. t. XLIV, col. 1280)· т. II, 454), столь великимъ Существомъ (τῷ τοιοῦτῳ καὶ τοσοῦτῳ πρᾶγματι) (τῷ τοιοῦτῳ καὶ τοσοῦτῳ πρᾶγματι), что невозможно ни видѣть Его, ни слышать, ни мыслию постигнуть, присвоается, въ ничто между существами вмѣняемый, челоуѣкъ,—этотъ пепель, это сѣно, это суета, онъ воспріемлется въ сына (εἰς υἱοῦ ταξιῶν) (εἰς υἱοῦ ταξιῶν) Богомъ всяческихъ. Что можно найти достойнаго къ благодаренію за эту милость? Гдѣ такое слово, такая мысль, такое движеніе мысли, чтобы ими воспрославить такое обиліе милости? Челоуѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего естества, дѣлается изъ смертнаго безсмертнымъ, изъ скорогибнущаго—неизмѣнно пребывающимъ, изъ однодневнаго —вѣчнымъ, однимъ словомъ, изъ челоуѣка Богомъ».

— 70 —

ни дѣлають почтеніе и угожденіе отцу своему, должное ему, яко родителю, воспитателю и промышлителю, воздають, иначе бы неблагодарны были: тако христіане, какъ ни тщатся уго-ждать небесному Отцу, должное воздають и тѣмъ заслужить ничего не могутъ; но что отъ Бога получаютъ, туне получаютъ. Богу бо за благодѣяніе Его къ намъ показанное и показуемое никакъ и ничѣмъ не можемъ воздать, но всегда предъ Нимъ должниками остаемся" 1). Наше добродѣланіе, такимъ образомъ, если и признать за нимъ нѣкоторую цѣнность, всетаки награды челоуѣку заслужить не можетъ, оно пойдетъ, такъ сказать, въ уплату долга; такъ что, „если мы не дѣлаемъ заповѣданнаго намъ, то не только лишаемся

небесной награды, но не вправѣ называться даже и неключимыми рабами" 2). „Не милость оказываешь (Богу подвизаясь въ добръ), говорить св. Кирилль Іерусалимскій: „потому что самъ получилъ ее прежде: напротивъ того, воздаешь за милость, возвращая долгъ Распятому за тебя на Голгофѣ" 3).

Но этого мало. Если измѣрять отношенія между Богомъ и человѣкомъ правовой мѣркой и послѣдовательно, до конца ея держаться, то нужно признать, что, какъ всякое дѣло доброе даетъ человѣку хоть призракъ права на награду, такъ, съ другой стороны, всякій грѣхъ, всякое нарушеніе завѣта съ Богомъ съ необходимостью требуютъ удовлетворенія, такъ сказать, платы за себя (какъ католики и учатъ дѣйствительно), и слѣдов., отнимаетъ и послѣдній призракъ права на какую-нибудь награду отъ Бога. „Тлѣнный родъ человѣческой достоинъ тысячи смертей, поскольку пребываетъ во грѣхахъ", говорить св. Василій Великій 4). Грѣхъ— принадлежность не однихъ только несовершенныхъ, онъ есть явленіе всеобщее, и каждый безъ всякаго колебанія можетъ сказать о себѣ: „Какъ оправдается человѣкъ предъ Богомъ. Вотъ Онъ и слугамъ своимъ не довѣряетъ и въ ангелахъ своихъ усматриваетъ недостатки: тѣмъ болѣе въ обитающихъ въ храминахъ изъ брениа, которыхъ основаніе прахъ, которые истребляются скорѣе моли (Іов. IX, 2; IV, 18 — 19). „Въ мужествѣ даже

1) т IV, 9 Сокровище духовное. п. 3.

2) Ефремъ. Сир. I, 45. Слово въ низложеніе гордыни.

3) Огл, XIII, 23. Стр. 211.

4) т I, 223. Пс. XXXII, 5. Изд. 3-е. 1891 г.

избранныхъ людей можно, по словамъ св. Кирилла Александрійскаго, находить нѣчто достойное справедливаго порицанія, что усматривается въ дѣніемъ Законодателя, хотя и ускользаетъ отъ вашего взора" 1). „Пусть, говорить св. І. Златоустъ, будетъ кто-нибудь праведникъ, но будь онъ хоть тысячу разъ праведникъ (*καὶ μυριάκις ἢ δίκαιος*) и взойдя са-маго верха, такъ, чтобы отрѣшиться отъ грѣховъ,—не можетъ онъ быть чистымъ отъ скверны; хотя бы онъ былъ тысячу разъ праведникъ,—но онъ—человѣкъ" 2). Гдѣ же здѣсь возможность требовать отъ Бога какой-нибудь награды, какого-нибудь удовлетворенія, когда съ нашей стороны происходитъ только нарушеніе завѣта съ Богомъ, только увеличеніе и безъ того великаго долга? „Знай, говорить св. Тиховъ Задонскій, что мы никакого добра у Бога не заслужили, но напротивъ того всякаго наказанія достойны, и какое бы наказаніе ни было, грѣхи наши большаго еще

достойны" ³⁾. Если бы это состояніе (т. е. состояніе въ аду послѣ всеобщаго суда; было удѣломъ и для всѣхъ, то и въ такомъ случаѣ никто бы не имѣлъ права упрекать правосудіе Бога—Отмстителя", говорить вполнѣ справедливо, съ строго правовой точки зрѣнія, бл. Августинъ ⁴⁾.

Но, если и это все позабыть, позабыть и ничтожество, и грѣховность человѣка, то и тогда съ точки зрѣнія права объяснить спасенія человѣка мы не можемъ: не выдерживается основное начало правового союза— равенство жертвы и воздаянія, труда и награды. Что такое земная жизнь въ сравненіи съ загробнымъ блаженствомъ? Ничтожная капля въ сравненіи съ цѣлымъ океаномъ. Если, слѣдов., дѣла человѣка имѣютъ какую-нибудь цѣнность, то во всякомъ случаѣ не для полученія вѣчнаго блаженства. „Если Авраамъ, говоритъ св. Апостоль Павелъ, оправдался дѣлами, то онъ имѣетъ похвалу, во не предъ Богомъ (Римл. IV, 2). Съ вашей земной точки зрѣнія и для земныхъ цѣлей праведность человѣка имѣетъ нѣкоторую цѣнность и можетъ въ глазахъ людей за-

1) т. I, 204.

2) De Lazaro VI, 9 (Migne, t. XLVIII, 1041). · Къ Антиохійскому народу · т. I, 185.

3) т. II, 285. Объ истинномъ христіанствѣ. § 220. 4) т. VI, 298.

— 72 —

служивать какую-нибудь награду, но предъ Судомъ Божиимъ, гдѣ произойдется приговоръ на послѣднюю участь человѣка, эта праведность цѣнности не имѣетъ, не соотвѣтствуетъ величію награды. Прежде всего, это потому, что „время покаянія коротко, царствію же небесному нѣтъ конца" ¹⁾. „Трудъ подвижничества, какъ сонъ. скоротеченъ, а упокоеніе, какимъ вознаграждается трудъ сея, безконечно и неописанно" ²⁾. „Кратковременное страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбиткѣ вѣчную славу" (2 Кор. IV, 17—18). „Тысячи лѣтъ вѣка сего тоже въ сравненіи съ вѣчнымъ и нетлѣннымъ міромъ, какъ если бы кто взялъ одну песчинку изъ всего множества морскихъ песковъ" ³⁾. Но время и вѣчность противоположны между собой не только по своей продолжительности, количественно,—гораздо болѣе они несравнимы между собой по своему содержанію, по своему качественному различію. Какіе труды бы ни предпринялъ человѣкъ, какія страданія онъ бы ни претерпѣлъ, все это—ничто въ сравненіи съ тѣмъ блаженствомъ, которое онъ за это получаетъ. „Смотри, говоритъ св. І. Златоустъ, какое величіе славы, которою пользуются слѣдующіе добродѣтели,—оно превышаетъ все (*ως ικαν αὔτην πάντα*), что бы ни совершилъ кто-нибудь; пусть онъ достигнетъ самой вершины, и тогда останется назади. Что можетъ человѣкъ

совершить такого, чтобы совершенно заслужить (*ἐπαξίως ἀθλήσαι*) щедроты Владики?" 4). „Если бы, говорить преп. Макарий Египетский, каждый человекъ съ того времени, какъ созданъ Адамъ и до окончанія міра вель брань съ сатаною и терпѣль скорби, то не сдѣлалъ бы онъ ничего великаго въ сравненіи съ тою славою, какую наследствуетъ, потому что безконечные вѣки будетъ царствовать со Христомъ" 5).

Невозможность понимать спасеніе съ точки зрѣнія права открывается далѣе, изъ того недоустимага и немыслинаго въ правовомъ союзѣ явленія, что одинъ изъ членовъ союза (Богъ) не только не нуждается въ остальныхъ членахъ и не

1) Ефремъ Сиринъ, т. I, 64.

2) Онъ же, т. I, 100. Сд. 5.

3) Онъ же, т. III, 319–320. Сл, 75.

4) In Genes. Hom. XXV. 7 (Migne. t. Ltir, c ol. 229). «Бесѣды на Бытіе», т. II, 53—54. СПб.)851–53.

5) Бесѣда XV, 29. Стр. 167.

— 73 —

стремится воспользоваться ихъ трудами и силами для своей выгоды, но оказывается постояннымъ и необходимымъ помощникомъ ихъ во всемъ, чѣмъ эти послѣдніе хотять обязать Его же самого. Каждый членъ правового союза имѣеть цѣлью своей свое благоподучіе и, какъ и естественно, желаетъ его имѣть за наименьшую цѣну съ своей стороны. А Господь обладаетъ блаженствомъ помимо чедовѣка, и вотъ, не смотря на это, Онъ не только признаетъ Себя должникомъ всякому дѣлающему доброе, но и стремится зачѣмъ то увеличить Свои долгъ, Самъ трудясь за людей и считая сдѣланное Имъ дѣломъ людей. „Добродѣтель, говоритъ бл. Августинъ, какова бы она ни была, хотя и называется нашею, подается намъ Божественною благодатію" 1). „Достоинства твои, говоритъ св. I. Златоустъ, не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру, она отъ призванія; укажешь ли на отпущеніе грѣховъ, на дарованія, на способность учительства, на добродѣтели, все ты получилъ оттуда. Что же, скажи мнѣ, ты имѣешь такого, чего бы не получилъ, а достигъ самъ собою? Не можешь указать ни на что. Ты получилъ, а между тѣмъ превозносишься? При этомъ слѣдовало бы смиряться; потому что данное принадлежитъ не тебѣ, но Давшему. Если ты получилъ, то получилъ отъ Него; если получилъ отъ Него, то получилъ не свое; если получилъ не свое, то почему превозносишься, какъ бы имѣя все отъ себя самого? 2). „Како можемъ заслужить послушаніемъ нашимъ вѣчный животъ, когда и нослушаніе

истинное есть не наше собственное, но Божіей благодата дѣло, намъ же приписуется, что мы благодати Божіей не противимся, но дѣйствующей въ насъ содѣйствуемъ?" 3). Какая можетъ быть рѣчь о заслугѣ со стороны человѣка, когда онъ не можетъ сдѣлать шагу въ нравственномъ развитіи безъ помощи Божіей? „Если бы не покрывала меня милость твоя, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ: погибъ бы я уже и былъ теперь, какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра, какъ не являвшійся никогда въ жизни сей" 4). „Безъ Бога, по словамъ св. Григорія Богослова, всѣ мы—смертныя

1) Т. IV, 144.

2) In I CorInth. Hom. ХП, 2 (Migne t. LXI, col. 98)

3) т. IV, 144.

4) т. IV, I.

— 74 —

игралища суеты, живые мертвецы, смердящіе грѣхами. Ты не видываль, чтобы птица летала, гдѣ нѣтъ воздуха, чтобы дельфинъ плаваль, гдѣ нѣтъ воды; такъ и человѣкъ безъ Христа не заноситъ вверхъ ноги" 1). Человѣкъ, такимъ образомъ, въ существѣ дѣла не только не обязываетъ Господа своими заслугами, но скорѣе Ему обязанъ ими. Какъ же понять послѣ этого союзъ Бога съ человѣкомъ, если стоять строго на пра-вовой точкѣ зрѣнія? Я вступаю въ союзъ совсѣмъ не изъ желанія служить или помочь моему ближнему, а, наоборотъ, изъ желанія воспользоваться силами моего ближняго для моего собственнаго благополучія. При этомъ цѣль моя, конечно,— получить, какъ можно болѣе и отдать какъ можно менѣе. Буду ли, слѣд., я принимать на себя какія-нибудь обязательства, если не надѣюсь за нихъ получить большее или въ крайнемъ случаѣ, равное вознагражденіе? Между тѣмъ, Господь не только вступаетъ въ союзъ съ человѣкомъ и принимаетъ на Себя обязательства, Самъ рѣшительно не нуждаясь ни въ этомъ союзѣ, ни въ человѣкѣ вообще, не только воздастъ человѣку награду безконечно превосходящую трудъ послѣдняго и забываетъ всѣ его неправды, не требуя за нихъ платы,—но еще Самъ производитъ добро въ человѣкѣ, чтобы за это добро Самому же быть человѣку обязаннымъ. „Богъ, Который, по словамъ св. Иривея Ліонскаго, не нуждается ни въ чемъ, принимаетъ наши добрыя дѣла съ тою цѣлію, чтобы даровать намъ вознагражденіе Своими благами, какъ говоритъ вашъ Господь: Приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо Я алкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть... и пр. Поелику вы сдѣлали сіе одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ (Мф. XXV, 34 и сл.). Онъ не нуждается въ этомъ, однако

желають, что бы мы дѣлали это для нашей собственной пользы, чтобы не быть вамъ безплодными" ²⁾). Съ правовой точки зрѣнія это явленіе непонятно, даже прямо бессмысленно.

Очевидно, здѣсь дѣйствуетъ не *ius*,—очевидно, этотъ союзъ Бога съ человѣкомъ долженъ быть понимаемъ съ иной точки зрѣнія, а не правовой, которая его можетъ только

1) р. IV. 255.

²⁾ Противъ ересей, кн. IV. 15, 6. См. англійскій переводъ въ «Library» Clark'a vol, V, р. 436.

— 75 —

исказить, а не объяснить. Здѣсь дѣйствуетъ не право, не желаніе „своихъ си", а милость, забвеніе себя и желаніе послужить другому, меньшему. „Какое разстояніе, спрашиваетъ св. I. Златоустъ, воображаешь ты между Богомъ и человѣкомъ? Какъ между человѣкомъ и червемъ? Но и представивъ себѣ это различіе такимъ, ты ничего не сказалъ, да и сказать ничего нельзя. Но захочешь ли ты искать себѣ отъ червя громкой славы. Нѣтъ. Если при всемъ славолубіи твоёмъ, не захочешь этого, будетъ ли нуждаться въ твоёмъ прославленіи Тотъ, Кто не имѣетъ такого пристрастія и такъ высоко стоитъ надъ тобою? Впрочемъ, и не нуждаясь въ славѣ, Онъ ради тебя говорить, что желаетъ ея. И если не погнушался стать ради тебя рабомъ, то удивительно ли, что потому же побужденію, даетъ Свое согласіе и на что-нибудь другое? Что бы ни способствовало къ нашему спасенію, Онъ ничего не считаетъ недостойнымъ Себя" 1).

Вотъ почему отцы Церкви, употреблявшіе аналогію труда и награды, подвига и вѣнца, никогда не забывали и не скрывали отъ своихъ слушателей, что это только аналогія, только приблизительное сравненіе, существа нашего спасенія отнюдь не выражающее, что спасеніе совершается не по внѣшнему закону равнаго вознагражденія. Вотъ. напр., нѣсколько примѣровъ изъ твореній св. I. Златоуста, который, какъ мы выше замѣчали, чаще всѣхъ и подробнѣе всѣхъ останавливался на этой аналогіи подвига и вѣнца. Желая объяснить человѣку его спасеніе, многіе и въ томъ числѣ самъ св. отецъ, прибѣгаютъ вслѣдъ за Ап. Павломъ, къ аналогіи состязаній на ристалищѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ за побѣду воздается награда. Но сходство только видимое, различіе же коренное. „(На олимпійскихъ играхъ), говоритъ св. Златоустъ, учитель борцовъ стоитъ, оставаясь только зрителемъ, не имѣя возможности дѣлать что-нибудь другое, а только выжидая, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Не такъ Владыка нашъ: Онъ и споборствуетъ и руку свою простираетъ, и

соприкасается и какъ бы Самъ совсѣхъ сторонъ одолевая противника, предаеть его въ наши руки, все дѣлаеть и устрояеть такъ, чтобы мы могли устоять въ борьбѣ и одержать побѣду, а онъ

1) In Rom. Hom. VIII, 7(Mignc, t. LX, 462—3). Русскій перев. Стр, 176,

— 76 —

могъ возложить на главу нашу неувядаемый вѣнецъ" 1). Пользуются сравненіемъ съ битвой, но и это сравненіе нужно понимать съ большимъ ограниченіемъ. „Не прикрывайся тяжестью трудовъ и подвиговъ: не одною только надеждою будущихъ благъ, но и другимъ способомъ Богъ сдѣлалъ для насъ легкого добродѣтель: Онъ всегда намъ содѣйствуетъ и помогаетъ. Пожелай только оказать хотя малое усердіе, и тогда все прочее послѣдуетъ само собою. Ибо Онъ для того требуетъ отъ тебя хотя малыхъ трудовъ, чтобы твоей была побѣда. Какъ царь повелѣваетъ сыну своему стоять въ строю, пускать стрѣлы и быть на виду для того, чтобы ему приписать побѣду, а между тѣмъ самъ управляетъ ходомъ сраженія: такъ и Богъ поступаетъ въ войнѣ нашей противъ діавола. Онъ требуетъ отъ тебя только того, чтобы ты объявилъ открытую вражду къ діаволу,—и если ты это сдѣлаешь, то всю войну Онъ Самъ уже окончитъ" 2). Можно сравнить отношенія Бога и человѣка съ отношеніями заимодавца и должника, но „у людей принявшіе закладъ думаютъ, что они оказываютъ милость намъ, сохраняя, что получили; у Христа же наоборотъ: получивши отъ тебя залогъ, Онъ, по Его словамъ, не оказываетъ милости, а напротивъ получаетъ, и за самую заботливость, какую Онъ оказываетъ твоему достоянію, не требуетъ Онъ отъ тебя платы, но тебѣ же отплачиваетъ" 3).

Такимъ образомъ всѣ эти и подобныя сравненія, представляя нѣкоторое внѣшнее сходство съ дѣломъ нашего спасенія, не выражаютъ такой существенной, основой его черты безъ которой оно является въ ложномъ свѣтѣ: по нимъ, должны бы мы служить Богу, тогда какъ Онъ „пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и дать душу Свою" за насъ (Мф. XX, 28). По правовому пониманію выходитъ, что мы своими дѣлами что-то оказываемъ Богу, что мы должны утолять Его гнѣвъ нашими скорбями, страданіями, должны платить за себя, что за будущее наслажденіе, которое

1) In Genes Hom. XLII, 1 (Migne t. LIV, 380). Пвреводъ, т. III, 5—6.

2) In Math. Hom. XVI, 1 (Migne. t. LVII, 251). Переводъ М. 1886 г. т. I, 329—330.

3) De stat. Пот. II, 5 (Sligne. t. XLIX, 41). Къ Антиох. т. I. 232.

объцано намъ Богомъ. Онъ отнимаетъ у насъ наши временныя удовольствія, какъ бы не имѣя настолькоъ великодушія, чтобы предоставить челоѣку блаженство всецѣлое. На самомъ же дѣлѣ, Богъ все готовъ сдѣлать, чтобы спасти челоѣка, чтобы ввести его въ то блаженство,—Онъ не считаетъ для Себя ничего столь великимъ и дорогимъ, чтобы не жертвовать имъ для спасенія челоѣка. Дѣла наши ничтожны и призрачны, и, если бы Богъ былъ такимъ, какъ его представляетъ себѣ правовое жизнепониманіе подобно лѣнивому рабу, зарывшіему свой талантъ, если бы былъ Онъ жнущимъ, гдѣ не сѣялъ, и собирающимъ гдѣ не расточалъ (Мф. XXV, 24),— то, конечно, Онъ ничего и не далъ бы за эти наши дѣла (да и ихъ у насъ тогда не было бы), и мы такъ и не могли бы „избавится отъ нашего тѣла смерти" (Римл. VII, 24). Но „благодареніе Богу",—Онъ не таковъ, чтобы бояться миловать и расточать Свои дары,—Онъ не высчитываетъ, сколько слѣдуетъ челоѣку, наоборотъ, Отъ „ожидаетъ только повода отъ насъ, чтобы показать великую Свою милость" ¹⁾. „Челоѣкъ, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, не иначе можетъ получить награду за трудъ свой болѣе должнаго, какъ по благи. (Но) чей трудъ равноцѣвень царству? Кто (слѣдовательно) можетъ получить царство по правдѣ, если не наслѣдуетъ его туне? Развѣ капля дается по правдѣ, а прочее восполняетъ благи. Трудъ правды подаетъ только случай подателю за малое наградить великимъ богатствомъ" ²⁾).

Въ виду такихъ несообразностей правового жизнепониманія оо. Церкви допускали его только въ видѣ сравненія, они всегда созвали, что въ нашемъ спасеніи дѣйствуетъ милость Божія, готовая всегда дать болѣе даже, чѣмъ требуется,—а не сухой расчетъ, который думаетъ только о томъ чтобы не передать лишнее, чтобы не причинить убытка себѣ, Поэтому, признавая необходимыми дѣла для спасенія, именно въ качествѣ причины, оо. Церкви тѣмъ же менѣе спасеніе приписывали не дѣламъ, не заслугѣ, а исключительно мило-сти Божіей. Мы трудимся, дѣлаемъ добро, но спасаемся не

1) Златоустъ In. Genes. Hom. XXV, 7 (Migne. t. LIII, 228). Т. II, 51—2.

2) т VI, 418. Адамъ и Енохъ.

3) Тихонъ Задонскій. Т. IV. 11. Сокровищѣ духовное. п. 4.

за трудъ, „награждается отъ Христа Господа въ будущемъ вѣкѣ по единой Его милости, а не по заслугамъ" ³⁾. „Вѣчный покой, говоритъ св. Василій Великій, предстоитъ тѣмъ, которые въ здѣшней жизни законно

подвизались,—(но) покой, не по заслугъ дѣль воздаваемый, но по благодати великодаровитаго Бога даруемой уповавшимъ на Него"1). Толкуя Римл. VI, 23, св. I. Златоустъ говорить: „Апостоль не сказалъ, что она (вѣчная жизнь) есть награда за наши заслуги, но: „дарованіе Божіе",— давая тѣмъ разумѣть, что мы освободились не сами собою и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, напротивъ все сіе есть дѣло благодати. И изъ сего видно преимущество благодати: она не только освободила насъ и улучшила нашъ жребій, но даже все сіе совершила безъ нашихъ усилій и трудовъ" 2). „Все доброе и спасительное, совершено не по долгу, а по одной благодати и благодати

(Ζάριτι, πάντα καὶ ἀγαθότητι), а нами не подано никакой причины къ оказанію намъ добра" 3). Наше личное участіе въ своемъ спасеніи какъ бы пропадаетъ предъ величіемъ того, что дѣлаетъ для насъ и въ насъ Господь,—такъ что вполнѣ точно выражаетъ православное ученіе о спасеніи чловѣка св. Афанасій Александрійскій, говоря, что все спасеніе наше приписывать должно милости Божіей" 4).

Только такое ученіе и мирится съ тѣмъ понятіемъ о Богѣ, которое открылъ намъ Самъ же Богъ; только при такомъ представленіи о спасеніи мы поймемъ, что Богъ есть Богъ любви, есть, дѣйствительно, Отецъ нашъ небесный, Который безразлично готовъ всѣхъ миловать, лишь бы только они обратились за этой милостію. „Просите, говоритъ Господь, и дастся вамъ, ищите и обрящете; толцые и отверзетъ вамъ и пр. Аще убо вы лукавы суще, умѣете даяніе благо даяти чадомъ Еашимъ: кольми паче Отецъ вашъ побесійный дастъ блага просящимъ у Него" (Мф. VII, 7—11). „Вы слышали, что сказано: возлюбиши ближняго твоего и возненавиди врага твоего (вотъ основное положеніе юридическаго, правового жиз-

1) Т. I. 403 Изд. 1845-54.

2) In Rom. Hom. XII. 2 (Migne. t. LX, col. 4 96). Переводъ Стр. 259.

3) Григорій Нісскій. in Psalm. I. 8. (Migue. t. XLIV, col. 468). Т. II, 41.

4) Творенія. М, 1851-54. Т. IV, 57.

непониманія: воздавать, что каждому слѣдуетъ). А я говорю любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ (настроеніе прямо противоположное законническому. Зачѣмъ же оно нужно?): да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ не спрашивая, насколько они заслужили эти милости, и не боясь наградить

недостойнаго. (Мф V, 43—45). Соответствует ли такому представлению о Богѣ правовое понятие о Немъ? Можно ли сказать, что Господь „благъ есть на безблагодатныя и злыя" (Лук. VI, 35), если Онъ воздаетъ только равное, если Онъ милуетъ, только достойныхъ Чѣмъ отличается такое воздаяніе отъ обычной людской справедливости? „Если вы, говоритъ Господь, будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?" (Мф. V, 36—47). То же самое можно сказать и объ правовомъ представленіи о Богѣ. Если Онъ милуетъ только достойныхъ, то развѣ это любовь? Не сдѣлалъ-ли бы того же и каждый изъ насъ, проникнутыхъ себялюбіемъ? Въ чемъ тогда превосходство Божественной милости предъ нашей? „Аще", исповѣдуемъ мы Богу въ ежедневныхъ вечернихъ молитвахъ,—„праведника спасеши, ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя". Но „въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, по Онъ прежде возлюбилъ насъ" (I Ю. IV, 10); но „Богъ Свою любовь доказываетъ тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками" (Римл. V, 8), „Но на мнѣ (молимся мы), грѣшнемъ удиви милость твою, о семъ яви человеколюбіе Твое, да не одолѣетъ моя злоба Твоей неизглаголаннѣй благости и милосердію" 1). Если Господь училъ насъ прощать ближнему его согрѣшенія противъ насъ, то это потому, что Онъ запретилъ намъ требовать какого-нибудь удовлетворенія за обиды, нанесенныя намъ, хотя законъ правды это не только разрѣшаетъ, но и требуетъ, то запретилъ потому, что Самъ Онъ не требуетъ Себѣ удовлетворенія отъ

⁵⁾ Молитвы на сонъ грядущимъ.

— 80 —

васъ, что Самъ прощаетъ намъ туне. Только законъ представлялъ Господа блюстителемъ правды, съ пришествіемъ же Христа законъ признанный несовершеннымъ (Рим. III, 21 и др.), прекратилъ свое существованіе, и мы увидали своего Небеснаго Отца такъ, какъ явилъ Его намъ Его Единородный Сынъ.

Не имѣя возможности провести до конца понятие заслуги и въ то же время не желая или боясь оставить его совсѣмъ на западѣ придумали различіе заслугъ въ собственномъ и не собственномъ смыслѣ (*de congruo*), при чемъ заслуги человека отнесены ко второму разряду. Богъ, говорятъ они, конечно, не можетъ по всей правдѣ признать дѣла человеческія такъ,

какъ они есть, заслугами, достойными награды, обязывающими Его воздать челоѡку должное (по причинамъ, помянутымъ выше); но, какъ бы закрывая Глаза на это, Онъ объявляетъ челоѡку что будетъ признавать его дѣла заслугами и воздавать за нихъ, какъ будто бы они стоили награды. Воздаяніе, такимъ образомъ, совершается всетаки по правдѣ, хотя и условной.

Но не похоже ли это на слѣдующее: существуетъ какой-нибудь законъ, исполненіе котораго по чему-либо тягостно или вредно для извѣстнаго челоѡка. И вотъ изъ состраданія къ нему, мы совѣтуемъ ему обойти законъ, не нарушая его по буквѣ. Законъ обходится, а мы дѣлаемъ видъ, что убѣждены въ его полномъ исполненіи. Примѣровъ такихъ обходовъ можно много найти въ нравоученіи тѣхъ самыхъ іезуитовъ, которые, можетъ быть всѣхъ усерднѣе проповѣдывали правовое жизнєпониманіе. Но не возмущается ли наше нрав-ственное чувство, когда эту жалкую игру, это лицємѣрное соблюденіе буквы при дѣйствительномъ нарушеніи смысла закона, приписывается Богу? Законъ правды, если его понимать какъ воздаяніе за трудъ равнаго наслажденія,—вѣдь, онъ все таки будетъ нарушенъ,—вѣдь всетаки-челоѡкъ на дѣлѣ-то вѣчной жизни не заслуживаетъ, и вотъ, не смотря на это, Господь будетъ говорить, что челоѡкъ по заслугѣ получаетъ вѣчвую жизнь. Конечно это будетъ милость,—конечно, это будетъ лучше, утѣшительнѣе для васъ, чѣмъ при отталкива-ющей сухости строгаго закова, во представленіе о Богѣ получится далеко не нравственное, недостойное Единаго Святаго.

— 81 —

Представляя въ такомъ неправильномъ свѣтѣ отношенія Бога къ челоѡку, правовое жизнєпониманіе извращаетъ и нравственную жизнь челоѡка.

Сущность христіанской жизни полагается въ любви, которая „есть исполненіе закона". (Римл. XIII, 10). „Исусъ сказалъ (законнику): возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею мыслию твоею, и всѣмъ разумнїемъ твоимъ. Сїя есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророки утверждаются (Мф. XXII, 37—40). „Если кто хочетъ идти за мною, говоритъ Господь, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за мною (Мф. XVI, 24). Отвѣчаетъ ли этимъ требованїямъ правовое жизнєпониманіе? Можно ли сказать, что челоѡкъ любить Бога больше всего, можно ли сказать, что онъ совершенно отвергся себя,—когда челоѡкъ исполняетъ волю Божїю только въ надеждѣ

за это получить высшую награду. Въдь, цѣлью, которая освящаетъ для чловѣка добродѣланіе въ данномъ случаѣ служить ни что иное, какъ благополучіе,— средоточіемъ жизни чловѣка продолжаетъ оставаться его собственное „я“, а не Богъ. Дѣлая извѣстную уступку въ пользу закона Божія, чловѣкъ въ душѣ—то остается все прежнимъ себялюбцемъ, желающимъ только своей выгоды. Правда, изрѣченіе о крестоношеніи относится къ скорбямъ здѣшной жизни. Но справедливо ли этими скорбями ограничивать силу словъ Спасителя? Не нужно забывать, что Господь никогда не училъ насъ внѣшнему благоповеденію, какъ конечной цѣли, а имѣлъ въ виду настроеніе. Если напр., Онъ заповѣдалъ остерегаться клятвы, подставлять другую щеку ударившему и пр., то это совсѣмъ не значитъ, что христіанину предписываются именно эти дѣйствія (сектанты не имѣютъ права такъ ограничивать смыслъ этихъ словъ). Для христіанина обязательно то настроеніе, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться въ указанныхъ дѣйствіяхъ; эти послѣднія служатъ только, такъ сказать, нагляднымъ примѣромъ къ ученію, а не его содержаніемъ. Точно тоже и о крестоношеніи. Господу, конечно, не нужны ваши страданія, а нужно то настроеніе, которое дѣлаетъ для насъ не только безразличнымъ, но и радостнымъ страдать за Христа,—нужно то самонена-видѣніе, которое является мяѣ тѣмъ ельпѣмъ ти выраже-

— 82 —

ніемъ любви къ Богу. Дажь ми, сыне, твое сероце, говоритъ Премудрый (Притч. 23, 26). Между тѣмъ, дѣланіе изъ-за награды сердца—то именно и не даетъ, сердце—то именно принадлежитъ по прежнему чловѣку, а не Богу. „Если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро; какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники то же дѣлаютъ. И если займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обрат-но, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ займы грѣшникамъ, чтобы. получить обратно столько же (Лук. VI, 33—34). Опять Господь не о должникахъ нашихъ печется, а хочетъ этимъ примѣромъ научить насъ самоотверженію ради нашего Небеснаго Отца. „И будетъ вамъ награда великая и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ (ст. 35). Если же мы любимъ Христа и слѣдуемъ за Нимъ только потому, что „ѣли хлѣбъ и насытились“ (Io. VI, 26),—если мы дѣлаемъ добро только потому, что отъ Бога ожидаемъ большаго вознагражденія, то чѣмъ наше добродѣланіе отличается отъ языческаго? Въдь, и язычники, ожидая награды, могутъ дѣлать добрыя дѣла,—совершаютъ даже такія подвиги, предъ которыми нельзя не остановиться

въ изумленіи? Таковы, напр., факиры, буддійскіе подвижники, нѣкоторые дервиши и т. п. Всѣ они, всякій по своему, ожидаютъ себѣ награды или выгоды за гробомъ и ради нея удручаютъ свое тѣло, переносятъ обиды, отказываются отъ удобствъ и почестей мірской жизни и пр. Все отличіе нашего добродѣланія отъ языческаго будетъ состоять въ томъ, что мы ожидаемъ себѣ награды отъ истиннаго Бога, тогда какъ буддисты, факиры и пр. гоняются за призраками; но въ существѣ своемъ, съ точки зрѣнія настроенія, мы отъ нихъ нисколько не будемъ отличатся; мы будемъ такими же, какъ они, себялюбцами 1). Нѣтъ, истинный послѣдователь

1) Поэтому-то, при правовомъ жизнепониманіи, и нельзя понять, почему Слово Божіе и вся отеческая литература съ такой силой настаиваетъ на томъ, что человекъ спасается только вѣрой во Христа и только въ церкви. Если, вмѣстѣ съ протестантами, скажемъ, что внѣ христіанства человекъ не можетъ быть добродѣтельнымъ; то въ отвѣтъ на это укажутъ на многочисленные слѣды добродѣтельной жизни и въ язычествѣ (хотя, конечно, вполнѣ цѣльнаго примѣра нѣтъ въ язычествѣ); во всякомъ случаѣ жизнь обычнаго христіанина не настолько рѣзко отличается отъ жизни порядоч-

— 83 —

Христа „называетъ субботу отрадою" (Ис. 58 13), а не бременемъ и не средствомъ для выгоды, „рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха" не изъ-за страха наказанія и не по желанію награды, а потому, „что сѣмя Божіе пребываетъ въ немъ" (Іо. III, 9). Добродѣланіе его, такимъ образомъ, должно находить себѣ корень внутри души, должно проистекать не изъ саможалѣнія, по самому существу враждебнаго Христову ученію, а изъ любви къ добру и Богу.

Вотъ, почему оо. Церкви со всею рѣшительностью обличаютъ добродѣланіе изъ-за награды или изъ-за страха, это „*кормчество*", по выраженію св. Григорію Богослова 1). „По моему мнѣнію, — говоритъ Климентъ Александрійскій, — мы должны прибѣгать къ слову спасенія не изъ страха наказанія, ни изъ-за обѣщанія награды, но ради самаго добра. Дѣлающіе такъ стоятъ на правой сторонѣ святилища,—тѣ же, которые думаютъ, что они, давая тлѣнное, получаютъ въ обмѣнъ принадлежащее безсмертію, названы въ притчѣ о двухъ братьяхъ наемниками" 2). „Если бы мы могли представить,— говоритъ онъ же,—что кто-нибудь предложилъ гностику, желаетъ-ли онъ выбрать познаніе Бога или вѣчную жизнь, и если бы эти двѣ вещи, которыя совершенно тождественны, были раздѣлены,— то

гностикъ безъ малѣйшаго колебанія избралъ бы познаніе Бога, признавая, что обладаніе вѣрой, которая отъ любви восходитъ къ познанію, желательно само по себѣ" ³⁾, независимо отъ того, пріятно-ли или непріятно,

наго язычника, чтобы очевидно было, почему первый болѣе заслуживаетъ спасенія, чѣмъ второй. Почему же Господь пріемлетъ перваго, а втораго нѣтъ? Мытарь былъ грѣшнѣе фарисея, разбойникъ совершилъ, можетъ быть, много такихъ дѣлъ, отъ которыхъ съ ужасомъ отступили бы книжники. Почему же первые два Богу угодны, а фарисей и книжники нѣтъ. Остается только одно отличіе: вѣрующіе признаютъ Бога своимъ Владыкой, а невѣрующіе и пр. не признаютъ. Для законника это основаніе вполнѣ достаточно: самое главное преступленіе въ правовомъ союзѣ есть оскорбленіе величества. Но наше нравственное чувство не спокойно, когда тоже самое мы прилагаемъ къ Богу: отъ Него мы чаемъ высшей справедливости, которая цѣнитъ поступки человѣка по существу, а не по такому или другому отношенію къ Судящему.

1) Т. III, 292. Слово на Св. Крещеніе.

2) Строматы. Кн. IV. 6., Clark'a "Library» Vol. XII p. 152.

3) Строматы. IV, XXII. Ibid. p. 203.

— 84 —

выгодно или нѣтъ для человѣка. „Если ты рабъ,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—бойся побоевъ. Если наемникъ, одно имѣй въ виду: получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ,—стыдись Бога, какъ Отца; дѣлай добро, потому что хорошо повиноваться Отцу. Хотя бы ничего не надѣялся ты получить,—угодить Отцу само по себѣ награда" 1). „Совершенство,—по словамъ другого Григорія (Нисскаго),—не рабски (*δουλοπρεπώς*), не по страху наказанія удаляться отъ порочной жизни и не по надеждѣ наградъ дѣлать добро, съ какими-то условіями и договорами торгуя добродѣтельной жизнію; но теряя изъ виду все, даже, что по обѣтованію соблюдается надеждѣ, — одно только представлять себѣ страшнымъ—лишиться Божіей дружбы, и одно только признавать драгоцѣннымъ и вождѣльнымъ — содѣлаться Божіимъ другомъ; это, по моему мнѣнію, и есть совершенство въ жизни" 2).

Но самаго главнаго, такъ сказать, непримиримаго обличителя наемническое добродѣланіе находитъ себѣ въ лицѣ св. І. Златоустаго, на котораго иногда можно указать, какъ на его защитника. Онъ прямо открываетъ настоящій источникъ этого добродѣланія въ себялюбіи въ

отсутствіи любви къ Богу и Христу. „Что ты говоришь, малодушный, жалкій человѣкъ?—воскликаетъ Святитель:—тебѣ предлежитъ нѣчто сдѣлать угодное Богу, и ты стоишь въ раздумьи о наградѣ? Если бы тебѣ, сдѣлавши это, предлежало впасть въ геену, и тогда слѣдовало ли бы откладывать? Напротивъ, не съ большимъ ли усердіемъ надлежало бы приниматься за доброе дѣло? Ты дѣлаешь пріятное Богу, и ищешь еще другой награды? Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, если бы ты зналъ это, то никакой другой награды не сравнялъ бы (съ этимъ благомъ). Развѣ не знаешь, что награда тебѣ будетъ больше, когда ты станешь дѣлать должное, не надѣясь на награду?" ³⁾ „Мы,—говоритъ Святитель въ другомъ своемъ твореніи,—находимся въ столь жалкомъ расположеніи духа, что если бы не было страха геенны, можетъ быть, и не думали бы сдѣлать что-либо доброе. Потому и до-стойны мы геенны, если не за другія вины, то за то именно,

1) Т. III, 283. Тоже слово.

2) De vita Moys (interpret) Migne. Т. XLIV, 429. Перев. Т. I, 378.

3) Къ Антиох. Т. III, 63. О сокрушеніи сл. II, 13. СПб. 1848 г.

— 85 —

что страшимся ея болѣе, нежели Христа. Не таковы, но совершенно противоположны были чувствованія блаженнаго Павла. Мы потому и осуждаемся въ геенну, что наши расположенія иныя. Если бы мы любили Христа, какъ любить должно, то знали бы, что оскорбить любимаго тяжелѣе геенны. Но *мы не любимъ, потому и не знаемъ великости сего наказанія...* Хотя всегда мы живемъ во грѣхахъ и порокахъ; но какъ скоро сдѣлаемъ малое добро, только бы стоило то какой-нибудь награды, по примѣру злонравныхъ рабовъ, до послѣдней малости высчитываемъ и вывѣшиваемъ, какая намъ слѣдуетъ за то плата. Но ты большую получишь награду, если дѣлаешь не въ надеждѣ награды. Говоритъ о наградахъ и напередъ ихъ исчислять означаетъ больше наемника, чѣмъ вѣрнаго слугу. Надобно дѣлать все для Христа, а не для награды. Для того и угрожаетъ Онъ геенною, для того и обѣщаетъ царствіе, чтобы мы Его возлюбили. Итакъ, возлюбимъ Христа, сколько любить должно: вотъ высокая награда, вотъ царство и удовольствіе" 1).

Нѣкоторые пытаются, вопреки голосу оо. Церкви, оправдать добродѣланіе изъ-за награды тѣмъ соображеніемъ, что оно, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ нравственно, но полезно. Нужно,—говорятъ—смотришь, какая мзда имѣется въ данномъ случаѣ; христіане же имѣютъ въ виду мзду, превосходящую все; притомъ, ожиданіе этой мзды заставляеть христіанъ

прилѣпляться къ Богу, быть нравственными и пр. Но этимъ соображеніемъ можно доказать развѣ разумность, расчетливость такого добродѣланія, но не чистоту его побужденій. Кромѣ того, и качество такого добродѣланія, его глубина и прочность весьма сомнительны. „Коню,—говоритъ св. І. Златоустъ,—особенно надобно удивляться тогда, когда онъ можетъ безъ узды идти ровно; если же онъ прямо идетъ потому, что удерживается вожжами и уздою, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: тогда эту стройность приписать должно не благородству животнаго, но силѣ узды. Это же должно сказать и о душѣ: неудивительно, если она ведетъ себя скромно, когда гнететь ее страхъ; нѣтъ, тогда покажи мнѣ душевное любомудріе и совершенное благонравіе, когда пройдутъ искушенія и снимется узда страха" 2). И это вполнѣ понятно. Если че-

1) In Kotn. Hom. V, 7. (Migne. T LX, col. 431. Переводъ. Стр. 95—98).

2) Къ Антиох. Т. II. 327—28. О Покаяніи. Бес. IV, 3.

— 86 —

ловѣкъ дѣлаетъ добро только изъ-за награды или по страху наказанія, то все его нравственное развитіе можетъ быть подвергнуто весьма сильному сомнѣнію. Положимъ, онъ теперь дѣлаетъ добро; но, вѣдь, душа его въ этомъ добрѣ не участвуетъ и имъ не дорожить; вѣдь, смыслъ жизни для него въ самоуслаженіи. Стоитъ только предположить, что обстоятельства измѣнились, что для человѣка стало выгоднѣе дѣлать зло, а не добро, и тогда вся его добродѣтель, какъ растеніе безъ корня, пропадетъ мгновенно, тогда и окажется, что сердце человѣка совсѣмъ не съ Богомъ, хотя языкомъ своимъ онъ и чтить Его. „Да не приступаетъ никто изъ васъ,—говорилъ не принявшимъ еще крещенія св. І. Златоустъ:—къ добродѣтели, какъ наемникъ, какъ неблагодарный, какъ къ чему-то тяжкому и невыносимому; напротивъ, будемъ приступать къ ней съ усердіемъ и радостью. Если бы не была обѣщана награда, то неужели и тогда не слѣдовало бы быть добродѣтельными? Но будемъ добродѣтельными по крайней мѣрѣ изъ-за награды. Не стыдно-ли, не крайне ли безсовѣстно говорить: если не дашь мнѣ награды, то я и не буду цѣломудреннымъ. Можно сказать на это вотъ что: хотя бы ты и сохранялъ цѣломудріе, ты никогда не будешь цѣлгомудреннымъ, если дѣлаешь это изъза награды; ибо ты нисколько не цѣнишь добродѣтели, если не любишь ея за нее саму" 1). Подобно фарисею и вообще всякому законнику, такой человѣкъ будетъ исправнымъ, даже безукоризненнымъ, но сердце его всетаки будетъ грѣховнымъ, чуждымъ Богу, именно потому,

что добродѣтель, Богоугождене для него являются лишь средством къ снисканію его личнаго благополучія, а отнюдь не цѣлью сами по себѣ, которая бы осмысливала всю его жизнь. „Добродѣтель,—говоритъ св. Григорій Богословъ, — должна быть безкорыстна, если хочетъ быть добродѣтелью, у которой въ виду одно добро" 2), т. е. добродѣтелью въ собственномъ смыслѣ. „Истинно возлюбившіе Бога,—говоритъ преп. Макарій Египетскій,—рѣшились служить Ему не ради царствія, какъ бы для купли и корысти, и не по причинѣ наказанія, уготованнаго грѣшникамъ, но какъ приверженные къ единому Богу а

1) Бесѣда XIII, 4 на Посланіе къ Евреямъ. Стр. 233.

2) Т. IV, 36. Слово 42 прощальное.

— 87 —

вмѣстѣ Создателю своему, по естественному порядку сознающіе, что рабы обязаны благоугождать Владыкѣ и Творцу" 1). Прекрасно описываетъ это подневольное добродѣланіе св. Тихонъ Задонскій. „Многіе христіане,—говоритъ онъ,—пришедше въ чувство грѣховъ своихъ, которыми величество Божіе прогнѣвали, жалѣютъ и сокрушаются не ради иной какой причины, какъ только ради того, яко имъ слѣдуетъ мука, грѣшникамъ уготованная. *Сія печаль происходитъ отъ самолюбія*, какъ сіе всякъ можетъ видѣть; яко жалѣютъ о слѣдующей гибели своей, а не о Бозѣ, грѣхами ихъ разгнѣванномъ и оскорбленномъ. Таковыя, когда бы не надѣялись за грѣхи послѣдующія казни, и ежели бы возможно было во вѣки въ мірѣ жить и всегда грѣшить, никогда бы грѣшить не переставали. Ибо престають они отъ грѣховъ не ради Бога, но ради страха своей гибели. *И тако неправость сердца, самолюбіе и лукавство сердца познается*. Все бо мы ради Бога творить, отъ злыхъ уклоняться и добрая творить должны. Яко же бо Богъ все въ нашу пользу творить, тако мы все во славу Его творить должны. Сіе есть правость сердечная. Не есть убо истинное и правое жалѣніе — жалѣть и сокрушаться ради страха геенскаго; но требуется отъ христіанина дучшее и совершеннѣйшее. Можетъ и сія печаль началомъ быть истинная печаль по Бозѣ, яко таковымъ страхомъ можетъ челоуѣкъ возбудиться и познать свое заблужденіе, и тако пріитить къ печали по Бозѣ якоже таЕовыхъ примѣровъ до-вольно читаемъ въ исторіи церковной, но назвать того истинною печалію по Бозѣ невозможно... Истинное жалѣніе и печаль по Бозѣ въ томъ состоитъ, чтобы христіанину сокру-шаться и жадѣть не ради лишенія вѣчнаго живота и послѣдующія во адѣ казни, но ради того, что онъ Бога,

Создателя, Искупителя и Промыслителя своего, Котораго долженъ паче всего почитать, любить и слушать,—не почиталь, не любилъ и не слушалъ. Сія есть истинная печаль по Бозѣ. О семъ печалиться должно христіанину, что онъ не отдавалъ Богу должнаго. Таковую печаль имѣющій, хотя бы вѣчнаго живота и геены не было, будетъ печалиться, плавать и стыдиться; и самъ себя окаевать... Таковая печаль отъ любви происходитъ, и есть истинная, христіанская, праведная по Бозѣ печаль" 2).

1) Бес. XX. Стр. 610.

2) Т. III, 312, Объ истиннои христіанствѣ, § 434.

— 88 —

Такимъ образомъ, сама сущность христіанства оказывается искаженнон при правовомъ жизнепониманіи: теряется возвышенность и духовность представленія о Богѣ, человѣкъ же оставляется при его прежнемъ, дохристіанскомъ себялюбивомъ расположеніи.

Но, если такъ, если это жизнепониманіе по самому существу своему противоположно христіанскому и если оно единодушно отвергалось Словомъ Божиимъ и отцами Церкви,— то какъ понять приведенныя выше изреченія, въ которыхъ это жизнепониманіе какъ будто бы признается? Прежде всего, въ весьма многихъ случаяхъ Слово Божіе и отцы Церкви, указывая человѣку на вѣчное блаженство праведниковъ и вѣчныя мученія грѣшниковъ хотятъ выразить лишь ту мысль, что святость есть истина, а грѣхъ — ложь, и потому первая имѣетъ въ себѣ залогъ торжества, вѣчна, а второй необходимо долженъ привести къ гибели, къ посрамленію". Никто своимъ беззаконіемъ не укрѣпитъ своей жизни" (ез. 7, 13). Другими словами, это—убѣжденіе въ томъ, что нашъ святой Богъ есть Единый Истинный Богъ, и Его законъ есть единое истинное устройство жизни, есть единый истинный законъ бытія. Если за гробомъ нѣтъ ничего, или если за гробомъ и праведниковъ и грѣшниковъ ожидаетъ одинаковая участь, тогда добро и зло одипаковы по достоинству, оба они одинаково условны, временны. Добро не имѣетъ никакого преимущества предъ грѣхомъ, оно даже является болѣе слабымъ, чѣмъ грѣхъ, потому что въ этой жизни грѣхъ не рѣдко торжествуетъ. Но это приводитъ уже къ мысли, что и Богъ, повелѣвающій дѣлать добро и Самъ святой, не есть на самомъ дѣлѣ Господь всего, ученіе Его, слѣдовательно, не есть безусловная истина и т. д., и т. д. Поэтому—то мы и должны держать всегда въ умѣ „чаяніе жизни будущаго вѣка", чтобы наша жизнь по вѣрѣ имѣла смыслъ. Если не будетъ того дня, когда можно будетъ „видѣть различіе между праведнымъ

и нечестивымъ, между служащимъ Богу и не служащимъ Ему" (Мал. 3, 18), въ такомъ случаѣ правы тѣ, которые говорятъ: тщетно служеніе Богу и что пользы, что мы соблюдали постановленія Его?... потому что въ этомъ мірѣ лучше устраиваютъ себя дѣлающіе беззаконія" (ст. 14—15). „Каждый истинно разумный, носящій на себѣ образъ Божій и сочувствующій высокому и небесному, не захотѣлъ бы ни жить,

— 89 —

ни воскреснуть вмѣстѣ съ прочими, имѣющими жить людьми, если бы не надѣялся заслужить похвалу отъ Бога, какъ добрый рабъ, и удостоиться какихъ-нибудь почестей, говорить вполне справедливо св. Григорій Нисскій (т. VII. 447). Это не наемническое нежеланіе дѣлать добро иначе, какъ только за соотвѣтствующую плату, а прямое требованіе здраваго смысла, потому что въ противномъ случаѣ, добродѣтель не имѣетъ для себя никакого достаточнаго основанія, добродѣтельный человекъ не можетъ дать отчета въ своемъ упованіи. Наоборотъ, вѣруя, что Господь есть, и что Онъ есть Богъ истины и святости, и что, слѣдовательно, Онъ не допуститъ, чтобы зло на вѣки торжествовало,— праведникъ и „не стыдится" своего упованія, онъ „держитъ свое лицо, какъ камень" и „знаетъ, что не останется въ стыдѣ", потому что „близокъ оправдывающій его" (Ис. 50, 7 — 8), потому что „спасеніе Божіе пребудетъ вѣчно и правда Его не престанетъ" (61, 6).

Въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы и тѣ очень многія мѣста въ Св. Писаніи, гдѣ праведники недоумѣваютъ, что „яко путь нечестивыхъ спѣется", или что праведники унижены, что законъ Божій въ поруганіи. Мы будемъ очень далеки отъ духа Слова Божія, если поймемъ всѣ такія недоумѣнія въ смыслѣ самолюбиваго недовольства, ропота на Бога. въ смыслѣ требованія себѣ платы за исполненія закона. Недоумѣнія эти происходили отъ того, что униженіе праведниковъ и вообще истинной вѣры, благочестія представлялось какъ-бы несогласнымъ съ истиною Божіею. Если зло торжествуетъ и не видно конца его торжеству, то не оно ли и есть истинный законъ бытія? Неужели же не Богъ управляетъ міромъ, неужели слѣдовать закону Божію есть не больше, какъ заблужденіе? Возможность такъ подумать (не для нихъ, а для невѣдущихъ Бога) и мучила совѣсть ветхозавѣтныхъ праведниковъ: торжество зла давало поводъ врагамъ глумиться надъ закономъ Божиимъ. „Чистымъ очамъ Твоимъ не свойственно глядѣть на злодѣянія и смотрѣть на притѣсненія Ты не можешь. Для чего же Ты смотришь на злодѣевъ и безмолвствуешь, когда нечестивый поглощаетъ того, кто праведнѣе его" (Авв. 1, 13). Свои

личные страданія здѣсь совсѣмъ не на первомъ мѣстѣ, неправильность, неестественность порядка вещей мучить праведника. Поэтому, если дѣло въ однихъ

— 90 —

личныхъ страданіяхъ, если праведнику доказано, что его Богъ есть истинный Богъ и непремѣнно господствуетъ надъ зломъ, тогда о своихъ страданіяхъ праведникъ можетъ и не вспомнить и о своей личной судьбѣ можетъ и не позаботиться: пусть онъ самъ страдаетъ и даже будетъ страдать вѣчно, онъ все-таки знаетъ, что вѣритъ въ истину и что истина побѣдитъ. Весьма ясно раскрыта эта мысль въ книгѣ Іова. Іовъ терпѣливо переноситъ свои несчастія и не отпадаетъ отъ Бога не потому, что онъ думаетъ о наградѣ, а просто потому, что вѣруетъ въ Бога. Поэтому въ искусительный совѣтъ жены Іовъ даже и не упоминаетъ о будущемъ воздаяніи, а просто еще разъ исповѣдуетъ свою вѣру въ Бога: „если мы отъ Него получили доброе, что изъ того, если теперь получимъ злое“, что бы ни было съ нами, полезно ли было бы для васъ исполнять законъ Божій или бесполезно, отъ этого ничего не перемѣняется, истина остается истиной, Богъ, по прежнему, есть Богъ. Слушая не совсѣмъ искрення разсужденія своихъ друзей, Іовъ мучился и ропталъ, но опять таки потому, что, при сознаніи своей невинности, не могъ онъ своихъ несчастій считать наказаніемъ; если же они не наказаніе, то гдѣ же ихъ смыслъ и справедливъ ли Господь? Разсужденія друзей, такимъ образомъ, приводили челоуѣка или къ лицемѣрію (въ душѣ чувствуя, что страданія не заслуженны, все-таки говорить, что они заслужены, защищать правду Божию лицемѣріемъ, за что Іовъ и обличаетъ своихъ друзей) или же искренняго заставить усумниться въ Богѣ. Поэтому-то Іовъ и проситъ, чтобы ему дано было видѣть Господа, дано было предстать предъ судъ Божій. Когда же Господь является и открываетъ Іову и друзьямъ Свое величіе, Іовъ повергается въ прахъ и пепѣль, но впаднѣ успокоенный: теперь его очи видѣли Господа, о Которомъ онъ слышалъ только слухомъ уха, его вѣра нашла себѣ неопровержимое доказательство, истина торжествуетъ. Объ избавленіи отъ страданій онъ даже и не упоминаетъ: его Богъ, на самомъ дѣлѣ, есть Богъ, есть истина, для него это главное.

Такимъ образомъ, торжество добра необходимо предполагается его истиной; вѣчное блаженство праведниковъ есть свидѣтельство объ истинности Христова ученія. Если добро и зло имѣютъ одинаковыя права на существованіе, или не имѣютъ его, одинаково вѣчны, тогда нѣтъ основаній выбирать первое,

законъ бытія, въ такомъ сіучаѣ, „да ямы и піемы". Это одно изъ весьма важныхъ основаній, почему необходимо при ученіи о добродѣтели указывать на слѣдующее за нею вѣчное блаженство.

Но намъ скажутъ. что въ Св. Писаніи и твореніяхъ отцевъ Церкви встрѣчаются не только указанія на будущее торжество добра, какъ на залогъ его истинности, но и прямыя попытки побудить челоѣка къ добродѣланію обѣщаніемъ награды, попытки, повидимому, говорящія въ пользу опровергаемаго нами правового жизнепониманія.

Въ виду всего выше сказаннаго, мы можемъ рѣшительно отвѣтить, что для такихъ попытокъ нужно искать причинъ не въ ученіи, а внѣ его, ихъ нужно понимать, какъ неизбѣжныя уступки обычному челоѣческому настроенію.

Истинные христіане, въ которыхъ „пребывало помазаніе Божіе", конечно, по слову апостола, „не имѣли нужды, чтобы кто училъ ихъ" (I Ю. II, 27); горя любовію ко Христу, они, конечно, не тяготились исполненіемъ Его воли. Проповѣдни-камъ истины приходилось обращаться главнымъ образомъ къ грѣшникамъ, къ облѣнившимся нравственно. Какъ же они (проповѣдники) могли не примѣняться къ уровню своихъ слушателей? Могъ-ли себялюбецъ понять, что прогнѣвлять Бога тяжело и стыдно, когда вся его забота направлена только на его собственное благополучіе? Необходимо, слѣд., было ему прежде всего указать, что и для его благополучія пребывать во грѣхахъ пагубно, что прогнѣвать Бога не только прискорбно и стыдно, но и страшно. Нужно было челоѣку сначала „возбудитися" и познать свое „заблудете", чтобы потомъ уже приступить „съ открытымъ лицомъ" (2 Кор. III. 14—16) къ познанію истины. „Когда, читаемъ мы у св. Григорія Нисскаго, иные, какъ говоритъ Апостоль, въ нечаяніе вложшеса предадутъ себе (Евр. IV, 19) жизни грѣховной, ставъ подлинно какими-то мертвыми и недѣйствующими для жизни добродѣтельной, ни мало не чувствуютъ они, что дѣлаютъ. Если же каснется ихъ какое нибудь врачующее слово какъ бы горячими какими и опаляющими составами—разумѣю строгія угрозы будущимъ судомъ,—и страхомъ ожидаемаго до глубины проникнетъ сердце, и въ немъ, оцѣпенѣвшемъ отъ страстей сластолюбія (корень себялюбія), какъ бы растирая и согрѣвая, подобно какому-то горячительному и острому веществу,—

страхъ геенны, огонь неугасимый, червь неумирающій, скрежетъ зубовъ, непрестающій плачь, тьму кромѣшную и все сему подобное, заставитъ почувствовать ту жизнь, какую проводить; то содѣлаетъ его достойнымъ ублаженія, произведя въ душѣ болѣзненное чувство" 1).

Съ другой стороны, себялюбивому человѣку нельзя разъяснить и прелести добродѣтельной жизни, пока онъ себялюбивъ; необходимо сначала показать ему, что добродѣтель ведетъ къ блаженству, что труды въ здѣшной жизни будутъ сторицею воинаграждены въ жизни вѣчной. Осюда-то происходитъ стремленіе привлечь къ добродѣланію указаніемъ на его по-лезность,—стремленіе, какое мы встрѣчаемъ въ Св. Писаніи и Преданіи. „Сурова добродѣтель,—говоритъ св. І. Златоустъ, отвѣчая прямо на нашъ вопросъ,—но будемъ представлять ее облеченною въ величіе будущихъ обѣтованій. Люди съ душею возвышенною находятъ ее прекрасной и безъ того, саму по себѣ, и потому стремятся къ ней,—живутъ добродѣтельно не изъ-за наградъ, а для угожденія Богу, и высоко цѣнятъ цѣломудріе не для того, чтобы избѣжать наказанія, а потому, что такъ повелѣлъ Богъ. Если же кто болѣе немощенъ—тотъ пусть представляетъ себѣ и награды" 2).

Такимъ образомъ, только для немощныхъ, несовершенныхъ нужно напоминать о наградѣ за добродѣтель, совершенные же знаютъ цѣнность добродѣтели и потому будутъ добродѣтельными и безъ наградъ. Становясь на указанную точку зрѣнія немногихъ, оо. Церкви никогда не забывали ея несовершенства, и, допуская ея въ жизни, никогда не освящали ея, никогда не забывали указывать своимъ пасомымъ, что это только подготовительная степень, и только въ этомъ смыслѣ допустима въ христіанствѣ. „Первый шагъ ко спасенію, говоритъ Климентъ Александрійскій, есть наставленіе, сопровождаемое страхомъ, вслѣдствіе котораго мы отстаемъ отъ того, что-худо; второй шагъ есть надежда, въ силу которой мы желаемъ лучшаго; но любовь, какъ прилично завершаетъ, воспитывая соотвѣтственно познанію" 3). „Это уже вторая степень похвальной жизни – дѣлать что-либо изъ награды и воз-

1) De beatud. orat. III. (Migne. t. XLIV, 1221). Т. II, 389.

2) Іu Іo. Hom. LXXVII. 4 (Migne. t. LIX, col. 418). Т. II, 390.

3) Строматы. IV, VII. Clark'a Library. vol. XII, p. 163.

даянія; и третья избѣгать зла по страху наказанія" 1). „Изъ награды дѣлающіе, что должно, по словамъ преп. Исидора Пелусіота, ниже

благоискусныхъ въ добръ по любви къ нему, но лучше дѣлающихъ это по страху, а не по любви, и лучше въ большей мѣрѣ, нежели въ какой сами уступаютъ надъ собою побѣду упражняющимся въ добродѣтели по любви къ оной" ²⁾). Поэтому, даже въ своихъ обращеніяхъ къ самымъ начинающимъ и притомъ въ аскетическихъ упражненіяхъ, которыя особенно суровы и, слѣд., по Златоусту, наиболѣе нуждаются въ подкрѣпленіи воли обѣщаніями, даже въ этихъ случаяхъ отцы-подвижники напоминали истину о безкорыстной добродѣтели. „Если возможно для тебя говорить преп. Исаакъ Сиринъ, такимъ ограничительнымъ выраженіемъ указывая на трудность имѣть возвышенное настроеніе,— дѣлай добро и не ради будущаго воздаяніа" ³⁾).

Слѣд., попытки обосновать добродѣтель на собужденіяхъ, чуждыхъ чистой нравственности, на выгодѣ или пользѣ, имѣеть въ Св. Писаніи и Преданіи происхожденіе совершенно случайное, онѣ обусловлены степенью развитія читателей и слушателей, а совсѣмъ не существомъ того ученія, которое тамъ проповѣдуется. Какъ такое случайное, оно не можетъ поколебать нашего вывода о правовомъ жизнепониманіи: это послѣднее, повторяемъ, непримиримо противорѣчить христіанскому жизнепониманію, какъ оно выражено въ Св. Писаніи и твореніяхъ отцовъ Церкви.

1) Григорій Бог. т. I, 120.

2) Т. III, 324. Творенія. М. 1859–60

3) Слова подвижническія. Стр. 351. Изд. 1854 г. Сл. 56.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣчная жизнь.

Цѣль пришествія въ міръ Сына Божія, равно какъ и цѣль Всего домостроительства нашего спасенія состоитъ въ томъ, чтобы всякій „вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную" (Іо. III, 15), чтобы возвратить намъ ту вѣчную жизнь, которую мы потеряли. Проповѣдь объ этой вѣчной жизни или о спасеніи отъ вѣчной гибели и составляетъ главный предметъ и задачу всей апостольской и церковной проповѣди. „Сія же вся писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій и да вѣрующе живота имате во имя Его" (Іо. XX, 31). Эта вѣчная жизнь составляетъ конечную цѣль стремленій и всякаго истиннаго христіанина, всякаго христіанскаго подвижника,—составляетъ то высочайшее благо, которое даетъ смыслъ жизни по Христу и безъ котораго эта послѣдняя была бы безцѣльной и непонятной (I Кор. XV, 30—32). „Высочайшее благо, говоритъ бл. Августинъ, есть вѣчная жизнь, а величайшее зло вѣчная

смерть; поэтому, для приобретения первой и избегания последней намъ слѣдуетъ жить праведно 1). Чтобы, слѣдовательно, выяснить себѣ христіанское жизнепониманіе, въ отличіе отъ правового—необходимо прежде всего опредѣлить, въ чемъ состоитъ эта вѣчная жизнь, какія свойства дѣлаютъ ее высочайшимъ благомъ для христіанъ.

„Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе Единого Истиннаго Бога и Егоже послалъ еси—І. Христа" (Іо. XVII, 3),— вотъ въ чемъ сущность и содержаніе вѣчной жизни. „Ничѣмъ

1) Т. VI, 113. О градѣ Б. кн. XIX, 3.

— 95 —

инымъ, братія говоритъ св. Василій Великій, почитайте небесное царство, какъ истиннымъ разумніемъ Суцаго, которое (разумніе) въ Св. Писаніи называется жизнію и блаженствомъ" 1). Главнымъ началомъ существованія души (за гробомъ) служить, по словамъ св. Григорія Нисскаго, не усвоеніе чего-нибудь сухого и влажнаго (т. е. не пользованіе какими-нибудь чувственными лстящими самолюбію благами, которыя непросвѣщенный умъ связываетъ съ представленіемъ вѣчной жизни), но разумніе Божественнаго естества" 2), „Царствіе Божіе, говоритъ св. Афанасій Александрійскій, не иное что есть, какъ вкушеніе будущихъ благъ, т. е. созерцаніе и вѣдѣніе Бога, сколько доступно сіе душѣ человеческой" 3). Познаніе Бога и вѣчная жизнь, такимъ образомъ, суть вещи „совершенно тождественныя" 4).

Какое же познаніе имѣется здѣсь въ виду? Конечно, не разсудочное познаніе, постигающее только отношенія вещей, а не самыя вещи. Познаніе Бога, чтобы отвѣчать своему понятію, должно быть переживаніемъ въ себѣ присутствія Божія, которое даетъ человѣку непосредственно ощутить Божественную жизнь и, такимъ образомъ, приведетъ къ опытному постиженію Божественнаго Существа. „Бога никто никогда не видѣлъ", познать Его разсудочно никто не можетъ. Есть другой и вѣрный путь познанія: „Недоступный для всякаго ума входитъ въ сердце и обитаетъ въ немъ; сокровенный отъ огнезрачныхъ обрѣтается въ сердцѣ. Земля не выноситъ стопы Его; а чистое сердце носить Его въ себѣ" 5) „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ", поэтому, „всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога" (Іо. IV, 12. 16. 7). Человѣкъ тогда дѣйствительно, а не призрачно познаетъ Бога, когда ощутитъ Его непосредственно, когда Богъ для него будетъ не безконечнымъ лишь величіемъ, будетъ не первопричиной всѣхъ при-

1) т. VI, 40. Ср.: «Царство небесное есть созерцание». Ibid Письмо къ Кессарійскимъ монахамъ..

2) De mortuis. Migne. t. XLVI, col. 504—5.

3) т. IV, 483. Ср. Григорія Богослова т. V, 345: «Что такое царство? Созерцание Бога, Его славословіе и пѣснопѣніе совокупно съ ангелами».

4) Климентъ Александр. Строматы IV, 22. Clark's Library. v, XII, 203. 5) Ефремъ Сиринь, См. т. IV, 421. Стр. 142.

— 96 —

чинъ, не первой посылкой міропознанія, а перейдетъ внутрь челоѣка, станетъ началомъ, одушевляющій челоѣка и строящимъ его по себѣ. Такое познаніе, очевидно, вполне можетъ быть названо жизнью, поскольку оно не работа только разсудка, а именно переживание, ощущение жизни Божественной въ себѣ самомъ. Такое познаніе и разумѣется въ настоящемъ случаѣ. „Въ челоѣческой тѣлесной жизни, говоритъ св. Григорій Нисскій, здоровье есть нѣкое благо, но блаженство не то, чтобы знать только, что такое здоровье, но чтобы жить въ здравіи. Ибо, если кто, слагая похвалу здоровью, приметъ въ себя доставляющую худые соки и вредную для здоровья пищу, то, угнетаемый недугами, какую пользу получить отъ похвалы здоровью? Посему, такъ будемъ разумѣть и предложенное слово, а именно, что Господь не *знать* что-либо о Богѣ, но *имѣть въ себѣ* Бога называетъ блаженствомъ, ибо „блаженіи чистиі сердцемъ, яко тиі Бога узрять. Но, кажется мнѣ, Богъ не предлагается предъ лице очистившаго сердце, какъ какое-нибудь зрѣлице; напротивъ, вы-сота сего изреченія, можетъ быть представляеть намъ тоже, что открытѣе изложило Слово, сказавъ другимъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук XVII, 12), чтобы научились мы изъ сего, что очистившій сердце свое отъ всякой твари и отъ страстнаго расположенія, въ собственной своей лѣпотѣ усматриваетъ образъ Божія естества 1).

Такимъ образомъ, познаніе Бога есть зрѣніе жизни Божіей въ себѣ самомъ; изъ расположенія собственной своей души праведникъ узнаеть, въ чемъ состоитъ и какова по своему существу жизнь Божественная,— узнаеть, такъ сказать, изъ опыта. Другими словами, познаніе Бога, составляющее сущность вѣчнаго блаженства, обратной своей стороной имѣеть уподобленіе Богу, достиженіе возможно полнаго воспроизведенія въ себѣ образа Божія. „Кто, говоритъ св. Василій Великій, чрезъ подраженіе, сколько возможно сіе, изобразилъ въ себѣ безстрастіе Божія естества, тотъ въ душѣ своей возстановилъ образъ Божій. А кто уподобился Богу показаннымъ теперь способомъ, тотъ, безъ сомнѣнія,

приобрѣлъ и подобіе Божіей жизни, постоянно пребывая въ вѣч-

1) Григорій Нисскій т. II, 442—3. Ср. буквальное повтореніе у Св. Афанасія В. на Мф V, 8 т. IV, 478.

— 97 —

номъ блаженствѣ. Поэтому, если безстрастіемъ снова возстановляемъ въ себѣ образъ Божій, а уподобленіе Богу даруетъ намъ непрестающую жизнь; то, вознерадивъ о всемъ прочемъ, употребимъ попеченіе свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстію... и чтобы чрезъ то содѣлаться намъ причастниками Божія блаженства" 1).

Но, какъ бы ни былъ человѣкъ близокъ къ Богу по подобію своей природы, какъ бы полно ни воспроизводилъ въ себѣ образъ Божій, жизнь его, даже и безконечная по времени и качеству, не будетъ, по ученію Св. Писанія и оо. Церкви, тѣмъ высшимъ всепокрывающимъ благомъ, къ которому стремится человѣкъ. Какъ бытіе конечное, несамобытное, которое (говоря словами преп. Макарія Египетскаго) „не имѣетъ въ себѣ Божіяго свѣта", человѣкъ не можегъ въ себѣ самомъ, въ самозаключенной жизни найти и вѣчнаго блаженства: какъ только подобіе, отобразъ, онъ всегда будетъ стремиться въ своему Первообразу, и всегда будетъ чувствовать Его лишеніе; такъ что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ уподобится Богу, онъ все сильнѣе и сильнѣе будетъ чувствовать недостаточность своей жизни и, слѣд., будетъ страдать. Наглядный примѣръ этому представляетъ хотя бы тотъ же Шакья-Муни, котораго современные мудрецы ставятъ въ уровень съ Иисусомъ Христомъ, если еще не выше. Если бы мы признали не только подобіе, но и полное сходство и даже тожество нравственнаго устроенія этихъ двухъ личностей, если бы мы позабыли, Кто былъ Господь Иисусъ, то и тогда не скрылось бы коренное, существеннѣйшее различіе Будды и Христа. Христосъ „отдалъ жизнь Свою, чтобы опять принять ее" (Io. X, 17), и это потому, что Онъ зналъ любовь Отца, былъ всегда едиво съ Нимъ. Между тѣмъ, будда умираетъ среди общаго неутѣшнаго плача всей твари, съ полнымъ сознаніемъ бессмысленности существованія, съ надеждой найти покой только въ небытіи. „Богъ-жизнь", говоритъ св. Василій Великій 2). „Тѣлу не возможно жить безъ дыханія: и душѣ невозможно существовать, не зная Творца 3).

1) т. V, 61—2. Слово о подвижничествѣ 2-е.

2) т. I V. 144. Изд. 1892.

3) Ibid. стр 208.

Съ другой стороны, Богоподобіе, составляющее сущность истинной жизни, и немыслимо для человѣка, если онъ останется только одинъ, т. е., если онъ будетъ идти къ Богоподобію путемъ только совершенствованія, независимо отъ Бога. Уподобиться Богу человѣкъ можетъ только тогда, когда Богъ будетъ съ нимъ въ живомъ союзѣ, въ самомъ тѣснѣйшемъ, пріискреннемъ взаимообщеніи. „Для человѣка. говоритъ преп. Макарій Египетскій, нужно, чтобы не только самъ онъ былъ въ Богѣ (т. е., не только внутренно переживадъ въ себѣ Бога, не только былъ подобенъ Ему до расподоженія своей души), но и чтобы Богъ былъ въ немъ" 1). т. е., чтобы это переживание имѣло свою опору въ общеніи съ нимъ Бога. Богъ, такимъ образомъ, долженъ являться для человѣка не только руководящимъ началомъ дѣятельности, не только первообразомъ для подражанія, но и цѣлью стремленій, долженъ являться живымъ существомъ для живаго, личнаго общенія. Поэтому и Господь Иисусъ Христосъ, изображая состояніе человѣка совершеннаго, говоритъ: „Мы (т. е. Пресвятая Троица) придемъ и обитель у него сотворимъ" (Іо. XIV, 23); Богоподобіе не есть законченное состояніе само по себѣ, законченнымъ оно будетъ тогда, когда превратится въ Богообщеніе. Поэтому и блаженство раба состоитъ не только въ томъ, что „его надъ многими поставятъ" (въ чемъ можно видѣть указаніе на внутреннюю сторону его блаженства), но и въ томъ, что онъ „ввидеть въ радость Господа своего".

Поэтому, если слово Божіе учить насъ, что вѣчная жизнь есть Богопознаніе, что вѣчное блаженство состоитъ въ Богоподобіи, то мы должны помнить, что это внутреннее переживание въ себѣ жизни Божіей необходимо предполагаетъ и внѣшнее, личное общеніе съ Богомъ, или лучше сказать, неизбѣжно идетъ бокъ-о-бокъ съ этимъ послѣднимъ. (Сотворшіе благая), по словамъ св. Григорія Богослова, наслѣдуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе святой и царственной Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ, въ чемъ единомъ (т. е., только въ этомъ всецѣломъ соединеніи души съ царственной Троицей) и поставляю особенно царствіе небесное" 2).

1) Стр. 429.

2) т. II, 56.

„Будемъ стремиться, говорить св. Григорій Нисскій, чтобы постигнуть. Что же постигаемое? Какая почеть? Какой вѣнецъ?—Что ни представишь себѣ изъ уповаемаго тобою, все это, кажется мнѣ, не иное что есть, какъ Самъ Господь. Ибо Самъ Онъ и подвигоположникъ подвизающихся, и вѣнецъ побѣждающихъ. Онъ раздѣляетъ жребій;—Онъ же и жребій благій. Онъ благая часть;—Онъ же и даруетъ благую часть" ¹⁾). Какъ въ здѣшной жизни мы Богомъ „живемъ и движемся, и есмы", такъ и за гробомъ Онъ же будетъ нашимъ блаженствомъ и нашей жизнію. „Цѣль нашей жизни, говоритъ Феодоръ, епископъ Едесскій, есть блаженство или, что все равно, царство небесное или царство Божіе, которое состоитъ не только въ томъ, что мы будемъ зрѣть царственную, такъ сказать, Троицу, но и въ томъ, что будемъ получать Божественное вліяніе и какъ бы принимать обоженіе и въ семъ вліяніи ваходить пополненіе и совершеніе всѣхъ недостатковъ и несовершенствъ. Въ семъ-то и состоитъ пища умныхъ силъ (ангеловъ небожителей), т. е. въ восполненіи недостатковъ посредствомъ Божественнаго онаго вліянія" ²⁾). „И я, Іоаннь, читаемъ мы въ Апокалипсисѣ (XXI, 2—4), увидѣлъ святой городъ Іерусалимъ новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный, какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ небесе, говорящій: се, скинія Бога съ человекѣми, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ". Не будетъ тамъ нужды ни въ храмѣ, ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, ни въ свѣтильникѣ, ни въ чемъ, потому что все это замѣнить для праведниковъ Самъ Господь, Который Одинъ будетъ содержаніемъ ихъ жизни (XXI, 22—23; XXII, 5). Но въ чемъ состоитъ это Богообщеніе? Въ обычномъ представленіи о немъ оттъняется только блаженство этого Богообщенія и забывается сторона болѣе существенная, забывается, въ чемъ же именно и почему блаженно оно. Св. Писаніе и Преданіе даютъ нѣсколько ясныхъ указаній относительно этого.

1) т. II, 478. О блаженствахъ сл. VIII.

2) У преосв. Феофана въ «Начертанія Христіанскаго нравоученія». Стр. 34—35. Изд. 1891 г.

Богъ предносится нравственному сознанію христіанина не только въ качествѣ безусловнаго Владыки, имѣющаго силу и право распоряжаться своимъ твореніемъ, какъ Ему угодно, и предписывать все, что найдетъ нужнымъ. Воля Божія прежде всего есть воля святая, которая сама хочетъ того и исполняетъ то, чего требуетъ отъ людей, „Святы будьте", говоритъ

Господь, но не потому что такова Моя воля, а потому, что „Азь святъ есмь“, потому что святость сообразна существу Божию, потому что святъ Богъ, Котораго вы считаете единымъ источникомъ истины и жизни. Добродѣтель и воля Божія, слѣдовательно, тождественны по существу. „Добродѣтель и не внѣ Божества" 1), говоритъ св. Григорій Нисскій,—по-этому „идуцій путемъ истинной добродѣтели не иного чего причастень, какъ Самого Бога; иотому что Онъ есть всесовершенная добродѣтель" 2). Поэтому, познавая Бога, человекъ научается жить нравственно, добродѣтельно; „познаніе Бога обновляетъ человекъ" 3). А съ другой стороны, „чистотою жизни можно уловить вѣдѣніе" 4). Познавая добродѣтель, живя добродѣтельно, человекъ опытно познаетъ Бога. „Что знаемъ о Богѣ? спрашиваетъ св. Василій Великій: „Овцы гласа моего слушаютъ. Вотъ какъ уразумѣвается Богъ— чрезъ слышаніе заповѣдей и чрезъ исполненіе слышаннаго. Вотъ вѣдѣніе Бога—соблюденіе заповѣдей Его" 5). „Аще заповѣди моя соблюдете, будете въ любви Моей" (Іо. XV, 10). „Добродѣтеями, говоритъ св. Григорій Нисскій, приобрѣтаемъ мы вѣдѣніе о благѣ превосходящемъ всякій умъ какъ бы по нѣкоторому образу дѣлаемъ заключеніе о первообразной красотѣ" 6). Понятія Богоподобія и добродѣтели, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказываются тождественными. „Рѣшившись жить свято, мы, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, приобрѣтемъ досточудный образъ Его, содѣлавшись сообразными Тому, Который ради насъ содѣлался по-

1) In. Cantic. cant. Nom. IX.

2) Т. I, 227.

3) Иринеѣ Лион. Противъ ересей. кн. V. гл. XII, 4. Clarks Library. v. IX 85.

4) Григорій, Бог. т. II, 37.

5) Василій В. Т. IV, 345. Бес. 23–я.

6) In Cant. cant. Нош. III (Migoe. t. XLIV, col. 824). Т. III, 79.

— 101 —

добень намъ, Единородному, какъ Богу, первородному же по человечеству" 1). Очистить себя отъ грѣховной скверны, достигнуть сердечной чистоты, поэтому, значить приготовить себя, сдѣлаться способнымъ къ Богопознанію и Богоподобію. „Блажени чистіи сердцемъ, яко тиѣ Бога узрять". „Чимъ болѣе, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, человекъ совлекаться будетъ ветхаго человекъ съ дѣянїями, его тѣмъ болѣе облекаться въ новаго (Кол. III, 9. 10); чимъ больше будетъ облекаться въ новаго, тѣмъ чистѣйшая будетъ душа, тѣмъ большая въ ней доброта и красота образа Божія явится; якоже чимъ чистѣйшая вода, тѣмъ яснѣе въ

ней изображается видъ солнца; или чимъ чистѣйшее зеркало, тѣмъ живѣе въ немъ изображается подобіе лица, смотрящаго въ него" ²⁾. „Чистый сердцемъ, по словамъ св. Григорія Нисскаго, не увидитъ въ себѣ ничего, кромѣ Бога", поэтому, „чуждаться, сколько возможно порока словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, очищая себя отъ скверны,—это есть подраженіе Божественному совершенству, окружающему небеснаго Бога" ³⁾.

Слѣдовательно, если спрашивать о существѣ вѣчной жизни, со стороны душевнаго состоянія человѣка живущаго ею, то сущность ея, источникъ присущаго ей вѣчнаго блаженства будетъ заключаться въ святости. Человѣкъ потому будетъ безконечно блаженствовать, что онъ (человѣкъ) будетъ святымъ и въ общеніи со всесвятымъ Богомъ. „Царство Божіе, говоритъ св. Апостоль Павелъ, не пища и питіе, а праведность и миръ и радость о Духѣ Святомъ" (Римл. XIV, IV), т. е. (если отрѣшиться отъ частнаго повода, по которому сказаны эти слова), блаженство и радость Царствія Божія будутъ проистекать не изъ удовлетворенности на землѣ мыслимыхъ, себялюбивыхъ стремленій и запросовъ человѣка, — радость будетъ о Духѣ Святомъ, которая необходимо соединяется съ праведностію и миромъ. Человѣкъ, поступая въ царство Божіе, поступаетъ туда не для того, чтобы блаженствовать (если блаженство нужно и можно отдѣлить отъ добродѣтели), а для того, чтобы быть святымъ. Блаженство и святость праведниковъ, съ христіанской точки зрѣнія, такимъ образомъ,—понятія

1) Т. V. 63–64.

2) Т. 111, 310.

3) De profess. christian. Migne. t. XLYI, col. 245.

— 102 —

неотдѣлимая одно отъ другаго. Для христіанина блаженство только въ святости, добродѣтели и ни въ чемъ болѣе. Разъ дана святость, тогда теряютъ для него первостепенную важность всѣ прочія блага, всякія награды, предлагаемыя за святость. Совершенный человѣкъ „дѣлаетъ добро не изъ за пользы, которую бы онъ получилъ, но потому, что онъ считаетъ справедливымъ дѣлать добро",.. онъ имѣетъ „обычай дѣлать добро ни для славы, ни, какъ говорятъ философы, для репутаціи, ни для награды отъ людей или отъ Бога,—но для того, чтобы проводить жизнь по образу и подобію Божію" ¹⁾, которая для него является цѣнной сама по себѣ. „Потщимся, говоритъ св. Ефремъ Сиринь, пойти этимъ путемъ (т. е. тѣснымъ путемъ добродѣтели), потому что самый путь есть жизнь" ²⁾, единственно возможное, единственно законное устройство человѣка. „Въ награду себѣ" (Псалмопѣвецъ въ Пс. CXVIII, 40), по словамъ св. Афанасія

Великаго, *просить жизни праведной и добродѣтельной*, потому что не только сохранилъ заповѣди, но и съ любовію расположенъ къ нимъ, и не ради чего, но *ради ихъ самихъ* исполняетъ ихъ" ³⁾.

Праведность, такимъ образомъ, въ глазахъ христіанина не только не бремя, не только не требуетъ себѣ вознагражденія, но „сама много больше всякой награды, потому что сама есть воздаяніе, заключающее много наградъ" ⁴⁾; „Большій трудъ (для добродѣтели), по словамъ св. Григорія Богослова, самъ по себѣ есть большая награда для человѣка, у котораго сердце не вовсе предано кормчеству" ⁵⁾. Зная, что святъ его Богъ, что въ святости истина и жизнь, христіанинъ и дѣлаетъ добро, чтобы ему жить этой истинной жизнью. Зная свое призваніе, „чтя частицу Божества, какую имѣетъ въ себѣ" ⁶⁾, христіанинъ „ревнуетъ о спасеніи, не о заслугахъ мечтая, а считая себя обязаннымъ трудиться, какъ рабъ" ⁷⁾,

1) Климентъ Алекс. Строматы. IV, 22. Clark's Library. v. XII, 203.

2) т. II, 397. Слово 37 на второе пришествіе.

3) т. I V, 416. Пс. СХVIII, 40.

4) I. Златоустъ. In Rom. Hom. VIII. (Migne. t. LX, col. 456). Перев. стр. 159.

5) Т. III, 292. сл. 40.

6) Григорій Бог. Т. V, 125.

7) Еп.Феофанъ. Письма къ одному лицу въ Петерб. СПб. 1881. Стр. 63.

— 103 —

преклоняясь предъ высшимъ непреложнымъ закономъ бытія. Умственному взору христіанина предносится, конечно, и та мысль, что только этимъ путемъ онъ можетъ „придти ко Отцу и быть причастникомъ Божественной, всеблаженной жизни, быть богомъ по усыновленію" ¹⁾; но уже не мысль о блаженствѣ служить побужденіемъ, не она уже заставляетъ христіанина стремиться къ добродѣтели: онъ прежде этой мысли возлюбилъ добродѣтель и преклонился предъ ся истиной, призналъ въ ней свое высшее бдаго. Мысль о грядущей славѣ только укрѣпляетъ его въру въ добро, удостовѣряетъ его, что онъ не ошибся въ избраніи своего жизненнаго пути, что въ немъ именно и есть истина. „Когда, говоритъ преосв. Феофанъ, поставляется вѣчная жизнь въ такомъ важномъ дѣлѣ, какова цѣль нравственная, то при семъ не представляется ничего корыстнаго, наемническаго, а только полагается на видъ существенная черта христіанства и христіанъ, кои еще здѣсь становятся гражданами небесными и живутъ, чая и воздыхая о своемъ небесномъ отечествѣ, съ мыслию, что странники и пришельцы суть на землѣ, не имѣющіе здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскующіе (Евр. XI. 13—16)" ²⁾.

Однако, сознание непреложности, самоцѣнности и, отсюда, безусловной обязательности жизни по волѣ Божіей не давить челоуѣка суровой необходимостью подобно какому – нибудь кантовскому, не допускающему возраженій, императиву. Святое общеніе съ Богомъ не только есть долгъ челоуѣка, но является для него единственнымъ благомъ, единственнымъ правильнымъ состояніемъ его природы. „По самой природѣ своей, челоуѣкъ, по выраженію св. Кирилла Александрійскаго, предназначенъ къ тому, чтобы *быть подлѣ Бога* 3). Если же таково назначеніе челоуѣка, „если онъ, говоритъ св. Григорій, для того и приходитъ въ бытіе, чтобы быть причастникомъ Божественныхъ благъ,—то необходимо онъ и созидается такимъ, чтобы быть ему способнымъ къ причастію этихъ благъ. Какъ глазъ, вслѣдствіе естественно присущаго ему луча, находится въ общеніи съ свѣтомъ, привлекая ему сродное, точно также не–

1) Григорій Бог. *ibid.*

2) Письма о христіанской жизни. СПб. 1880. стр. 198.

3) т. II. 302.

— 104 —

обходимо было вмѣшать въ челоуѣческую природу что–нибудь сродное Богу, чтобы ей имѣть стремленіе къ сродному. И въ природѣ бессловесныхъ, кому въгаала на долю жизнь въ водѣ или въ воздухѣ, тотъ соотвѣтственно образу своей жизни и устрояется, такъ что каждому, въ силу расположенія тѣла, свойственны и сродны одному воздухъ, а другому вода. Такъ и челоуѣкъ, получившій бытіе для наслажденія Божественными благами, долженъ былъ въ своей природѣ имѣть нѣчто сродное съ тѣмъ, причастіемъ чего сталъ. Въ силу этого онъ украшенъ и жизнію и словомъ (т. е. разумомъ), и мудростію, и всѣми благами, приличными Божеству, чтобы по каждому изъ нихъ имѣть желаніе, свойственное имъ" 2).

Какъ образъ и подобіе Божіе, челоуѣкъ надѣленъ Богоподобными свойствами и безконечными стремленіями. Онъ не удовлетворяется одной видимостью явленій, одной показной стороною жизни, онъ ищетъ ея основаній и, такимъ образомъ, доходитъ до послѣдняго основанія. Онъ не удовлетворяется лишь видимыми, служебными отношеніями къ нему природы и людей, онъ хочетъ сдѣлать эти отношенія вѣчно–значимыми, безусловноцѣнными. Но отвѣта на эти безконечные по истинѣ Божественные запросы своей природы челоуѣкъ въ самомъ себѣ найти не можетъ и это потому, что онъ есть только образъ, только конечное

отраженіе безконечной, самосушей и самоцѣнной жизни, а не самая эта жизнь. Душа, говоритъ преп. Макарій Египетскій, не имѣющая въ себѣ Божія свѣта (т. е. жизни самосушей), но сотворенная по Божию образу (ибо такъ домостроительствоваль и благоволилъ Богъ чтобы она имѣла вѣчную жизнь), не изъ собственнаго своего естества, но отъ Божества Его, отъ собственнаго свѣта Его воспріемлетъ духовную пищу и духовное питіе, и небесныя одѣянія, что и составляетъ истинную жизнь души 1). Поэтому, предоставленный самому себѣ человѣкъ обрѣченъ на безысходное противорѣчіе и на вѣчное страданіе. „Душа человѣческая, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, яко духъ отъ Бога созданный, ни въ чемъ иномъ удовольствія, покоя, мира, утѣшенія и отрады сыскать не можетъ, какъ только въ Бозѣ, отъ Кото-

1) Orat. catech. c. V (ligne. t. XLY. col. 21). т. IV, 15-16. 2) Вес. I, 10. Стр. 14.

— 105 —

раго по образу Его и подобію создана; а когда отъ Него отлучится, принуждена искать себѣ удовольствія въ созданіяхъ и страстями различными, какъ рожцами себе питать 1), но надлежащаго упокоенія и отрады не обрѣтаетъ; и такъ отъ гладу слѣдуетъ ей умереть. Духу бо духовная пища, потребна есть" 2).

Сдѣдовательно; святое общеніе съ Богомъ является не обязанностью только, но прямой необходимостью человѣка. Внѣ этого общенія человѣкъ не только внѣ своего призванія, не только грѣшенъ, но и прямо нравственно мертвъ. Въ силу этого, нормальный человѣкъ жаждетъ Богообщенія, какъ своей завѣтной цѣли (Филипп. I, 23). „Созданный по образу и подобію Божию, человѣкъ, говоритъ Преосв. Феофанъ, по самой природѣ своей есть нѣкоторымъ образомъ Божескаго рода (ср. Дѣян. XVII, 28. 29). Будучи же рода Божія онъ не можетъ не искать общенія съ Богомъ не только, какъ съ своимъ началомъ и первообразомъ, но и какъ съ верховнымъ благомъ" 3).

Итакъ, если православная Церковь учитъ, что „конецъ добродѣтельной жизни есть блаженство" 4), то этимъ она отнюдь не освящаетъ наемническаго отношенія къ добродѣтели, не думаетъ основать нравственную жизнь на корыстномъ стремленіи къ самоуслажденію. Мы выше видѣли, съ какой силой и рѣшительностью отвергается это эгоистическое начало св. отцами Церкви. „Предѣль человѣческаго блаженства есть подобіе Божеству" 5), а это подобіе — въ святости. Добродѣтель, слѣд., и есть то блаженство, котораго ищетъ себѣ

христіанинъ. Добро само по себѣ дорого для христіанина, само есть высочайшее благо.

Слѣдовательно, чтобы понять блаженство Богообщенія, чтобы быть участникомъ блаженной славы въ жизни вѣчной, необходимо прежде отрѣшиться отъ себя, пожертвовать своими себялюбивыми желаніями въ пользу добра, какъ высшаго закона бытія; необходимо прежде положить средоточіе своей

1) Святитель здѣсь объясняетъ притчу о блудномъ сынѣ.

2) т. II, 192.

3) Феофанъ. Начертаніе. Стр 32.

4) Григорій Нисскій Надпис. Псал. I, 1. т. 2.

5) Онъ же Ibid. Migne. t. XLIV. col. 433. т. II. 4.

— 106 —

жизни не въ себѣ, а въ волѣ Божіей, „предоставить, однимъ словомъ, надъ собой царствовать, Богу" 1). Разъ средоточіе жизни человѣка въ его „я", разъ онъ закономъ бытія считаетъ себялюбіе, тогда для него воля Божія, какъ всякое ограниченіе его хотѣній, представляется враждебной, неудобноносимой, и Самъ Господь немилосерднымъ властителемъ, который жнетъ, гдѣ не сѣялъ. Себялюбецъ, слѣдовательно, не можетъ признать святости своимъ высшимъ благомъ, не пойметъ и блаженства Богообщенія. Но разъ человѣкъ отрекся отъ себя во имя святости, тогда и враждебность для него Божественнаго міропорядка пропадаетъ сама собою.

Для святаго, т. е. любящаго святость, Святой Господь является естественнымъ концомъ всѣхъ желаній,—не только первообразомъ для подражанія (который можетъ предноситься созванію и насильственно), а, именно, отвѣтомъ на запросы природы человѣка, является и союзникомъ и опорой, однимъ словомъ, всѣмъ. Понятно, что для такого человѣка Богообщеніе будетъ не непосильнѣе бременемъ, какимъ оно было для многихъ людей въ Ветхомъ Завѣтѣ и какимъ является общеніе съ праведниками для насъ теперь. Для любящаго святость Богообщеніе будетъ именно желаннымъ благомъ, цѣлью всѣхъ его стремленій, для которой онъ пожертвуетъ всѣмъ, что можетъ только представляться дорогимъ съ человѣческой, грѣховной точки зрѣнія. „Что ми есть на небеси и отъ Тебе что восхотѣдъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ". Поэтому—то, въ то время, какъ народъ еврейскій, только—что вышедшій изъ Египта и еще не позабывшій египетскихъ мясъ, изнывалъ отъ страха, стоя у подошвы Синая и ощущая

близость Божию, въ то время, какъ народъ просиль из-

1) «Языческіе мудрецы, по словамъ св. Василия Вел., пускались въ умозрѣнія о копцѣ человѣческомъ, но они разошлись въ понятіи о семъ. Одни утверждали, что конецъ этотъ есть знаніе; другіе же успѣшное дѣйствование; иные—разнообразное употребленіе жизни и тѣла; а другіе, ставъ скотоподобными, говорили, что этотъ конецъ есть удовольствіе. Но по нашему ученію, конецъ, для котораго все дѣлаемъ и къ которому стремимся, есть блаженная жизнь въ будущемъ вѣкѣ. И конецъ сей достигается, когда представляемъ надъ собой царствовать Богу. Лучшее сего для разумной природы доселѣ не изобрѣталъ еще разумъ». т. I, 289. Пс. XLVIII, I.

— 107 —

бавить его отъ невыносимаго для него Богообщенія (Исх. XX, 18—19); святой „пророкъ Моисей,—по выраженію преосв. Феофана,—поставлялъ зрѣніе лица Божія краемъ своихъ желаній и послѣ того уже, какъ Богъ явилъ чрезъ него столько чрезвычайныхъ дѣйствій Своей благодати и всемогущества: „Аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебѣ Самаго, да разумно вижду Тя (Исх. XXXIII, 13), молился онъ" 1). Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, описываетъ свое душевное настроеніе святой пророкъ Давидъ, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже" (Пс. XII, 2), „желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни" (и только тамъ, рядомъ съ Богомъ, находитъ свой покой, какъ птица гнѣздо), „мнѣ же прилѣплятся Богови благо есть" (LXXII, 28). Такимъ образомъ, только общность настроеній, подобіе Богу дѣлаетъ Богообщеніе истиннымъ благомъ чловѣка. Святой Господь только „на святыхъ почиваетъ". Вотъ почему и Господь Іисусъ Христосъ просиль Своего Небеснаго Отца только „о тѣхъ, которыхъ Отецъ далъ Ему" , т. е. только объ усвоившихъ себѣ жизнь Христову, только о познавшихъ Бога подобно Самому Христу (ст. 25),—„чтобы они были съ Нимъ" (Іо. XVII, 24); потому, очевидно, что только они способны быть въ единеніи любви со всесвятымъ Богомъ (ст. 20—21). „Тѣ только,— говоритъ св. Іустинъ Мученикъ, достигнуть безсмертія, которые *приближаются* Богу святостію жизни и добродѣтелью" 2).

Нельзя представлять себѣ дѣло въ томъ видѣ, что христіане отрекаются отъ себя въ пользу доородѣтели потому, что знаютъ конечный выводъ этого самоотреченія, знаютъ, что такимъ путемъ они всетаки въ концѣ копцовъ придутъ къ большей выгодѣ. Первые шаги по пути добродѣтели,

конечно, весьма часто руководятся такимъ соображеніемъ. Но это только первые шаги. Чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ Бога, чѣмъ болѣе онъ приближается къ Богу, тѣмъ все менѣе и менѣе становится для него возможнымъ подобное расчетливое настроеніе. „Истинная и возделѣнная красота, созерцаемая только имѣющими очищенный умъ, принадлежитъ, по словамъ св. Василія Великаго,—Божію и блаженному ес-

1) Начертаніе. Стр. 33.

2) I-я ап. 21. Изд. Преображенскаго, Стр. 59.

— 108 —

теству. Кто внимательно устремляетъ свой взоръ на сіяніе и изящество сей красоты, тотъ заимствуетъ отъ нея нѣчто, какъ бы отъ красильнаго раствора на собственное лицо наводя какіе-то цвѣтные лучи" ¹⁾). И это не только потому и не въ томъ только смыслѣ, чтобы, созерцая эту красоту и восхищаясь ей, человѣкъ проникался желаніемъ ей подражать, а потому и въ томъ смыслѣ, что любовь, которая составляетъ основной законъ Божественной жизни, не можетъ въ очищенномъ сердцѣ не вызвать такой же любви. Человѣкъ созерцаетъ въ Богѣ не самозаключенную святость, которая была бы погружена въ услажденіе своими совершенствами, а видитъ прежде всего любовь, которая стремится жертвовать собой, стремится надѣлать своими благами всѣхъ, кто только можетъ ихъ воспринять. Человѣкъ сознаетъ, что онъ въ частности ничѣмъ не заслужилъ этой любви, — что, наоборотъ, его неблагодарность заслуживала наказанія, а не любви. Сознвая все это, можетъ-ли чистый, любящій добро человѣкъ не загорѣться въ отвѣтъ на эту любовь такой же безграничной и безкорыстной любовью, какую видитъ въ Богѣ? Тогда для человѣка пропадаетъ все: и самъ онъ, и будущія награды, и законъ справедливости, и остается только Одинъ Богъ, для Котораго онъ и живетъ и о процвѣтаніи царства Котораго, какъ царства добра, онъ только и думаетъ, позабывая, будетъ-ли самъ онъ участвовать въ этомъ царствѣ или нѣтъ. „Я увѣренъ, — говоритъ св. Апостоль, — что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ" (Римл. VIII, 38—39). Ради этой любви, ревнующей не о своей выгодѣ, а о славѣ Божіей, Илія считалъ невозможнымъ болѣе оставаться въ живыхъ, когда имя Божіе въ поруганіи. Ради этой любви Моисей просилъ Бога изгладить его изъ книги жизни, если народъ Божій не будетъ прощенъ Богомъ, а апостоль Павелъ желалъ

быть отлученнымъ отъ Христа. При правовомъ жизнепониманіи этого самопожертвованія нельзя никакъ объяснить: оно не только не понятно, но кажется какъ будто бы

1) Пс. XXIX, 8. Т. I, 212.

— 109 —

неприличнымъ. Можетъ ли человѣкъ посягать на рѣшенія Божественной воли? Можетъ ли онъ и предлагать себя въ видѣ жертвы за другихъ? не будетъ ли это самомнѣніемъ. Иногда думаютъ ослабить силу словъ апостола тѣмъ соображеніемъ, что онъ желалъ несбыточнаго. Но преосв. Феофанъ справедливо говоритъ на это, что „это были не слова только (что неприлично въ устахъ апостола), но искреннее, изъ глубины души исходящее желаніе,— желаніе безвозвратное. Будь возможно желаемое имъ, онъ готовъ былъ въ самомъ дѣлѣ на предлагаемую жертву. „Не говорить просто: желалъ бы, но выражаетъ усиленное: желаніе молихбися—*ἠύχόμην*, молитвою изъ сердца исторгающеюся и все существо его объемлющею (св. Злат.)" 1). То чего не объяснить при правовомъ порядкѣ, съ христіанской точки зрѣнія не требуетъ никакихъ объясненій: Павелъ горѣлъ любовью, а любовь и состоитъ въ самопожертвованіи. „Любовь Христова, говоритъ св. I. Златоустъ, такъ одушевляла (Павла), что, если бы ему предложено было потерпѣть для Христа и вѣчныя наказанія, онъ не отказался бы и отъ этого. Вѣдь, онъ служилъ Христу не такъ, какъ мы, наемники, по страху геенны и по желанію царствія; нѣтъ, объятый какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнѣйшею любовію, онъ и терпѣлъ, и дѣлалъ все не для чего иного, какъ для того, чтобы только удовлетворить этой любви, которую онъ питалъ ко Христу" 2). „Христось, говоритъ Святитель въ другомъ мѣстѣ, составлялъ для апостоловъ все; ни неба, ни царства небеснаго не предпочитали они Возлюбленному. Но спросишь: какъ можно возлюбить такъ? Если представимъ себѣ, сколько разъ оскорбляли мы Бога послѣ безчисленныхъ благъ, отъ Него полученныхъ, и Онъ не переставалъ умолять васъ,—сколько разъ удалялись мы отъ Него. и Онъ не покидаетъ насъ, но Самъ прибѣгаетъ къ намъ и зоветъ, и влечетъ насъ къ Себѣ,—если размыслимъ о всемъ этомъ и тому подобномъ, то можемъ возжечь и въ себѣ такую любовь" 3). Въ этой то себя позабывающей любви и состоитъ верхъ христіанскаго совершенства потому что только проникшись такой любовію,

- 1) Начертаніе. Стр. 12—13.
- 2) О сокрушеніи сл. I, 16. Къ Антіох. т. III, 18.
- 3) Бес. У на Римл. Стр. 98—99.

— 110 —

человѣкъ станеть подобнымъ Богу, приобрѣтеть то познаніе Бога, которое составляетъ содержаніе вѣчной жизни. „Весьма важно, говоритъ св. Григорій Богословъ, держаться сказаннаго: кто возлюбилъ, тотъ будетъ возлюбленъ; а кто возлюбленъ, въ томъ обитаетъ Богъ. А въ комъ Богъ, тому невозможно не сподобиться свѣта; первое же преимущество свѣта познавать самый свѣтъ. Такъ любовь доставляетъ вѣдѣніе ¹⁾). Итакъ, то „конечное (т. е. высшее) благо, которымъ мы могли бы быть истинно блаженными" есть „святое общеніе съ Богомъ". Изъ желанія быть въ этомъ общеніи. христіанами и предпринимаются всѣ ихъ подвиги и труды, и только то дѣло считается „истинною жертвою, которое совершается изъ этого желанія" ²⁾). Но при этомъ не мыслится ничего чуждаго нравственности, ничего корыстнаго. Блаженство жизни и состоитъ въ святости, безграничной и никогда не премѣняемой. Замѣчательно ясно выражаетъ эту мысль св. Василій Великій въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ есть истинное благо, которое въ собственномъ и первоначальномъ смыслѣ должно назвать блаженнымъ; и это есть Богъ. Почему и Павелъ, намѣреваясь упомянуть о Христѣ, говоритъ: по явленію блаженнаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Ибо подлинно блаженно сіе источникъ *добро* (нравственное, какъ увидимъ далѣе), къ Которому все обращено, Котораго все желяетъ, сіе неизмѣняемое естество, сіе владычественное Достоинство. сія безмятежная жизнь, сіе безпечальное состояніе, въ Которомъ нѣтъ перемѣнъ, Котораго не касаются превратности, сей приснотекущій Источникъ, сія неоскудѣвающая *благодать* (любовь), сіе *неистошциое Сокровище*. Но невѣжественные люди и міролюбцы, не зная природы самаго *добра*, часто называютъ блаженнымъ то, что не имѣетъ никакой цѣны: богатство, здравіе, блистательную жизнь,—что все по природѣ своей не есть добро: потому что не только удобно измѣняется въ противоположное, но и (замѣтимъ) обладателей своихъ *не можетъ сдѣлать добрыми*. Ибо кого сдѣлало *справедливымъ* богатство, или *цѣломудреннымъ* здравіе? Напротивъ того, каждый изъ сихъ даровъ злоупотребляющему имъ

¹⁾ Т. V, 153. Стихотв. «о смиренномудріи».

²⁾ Бл. Августинь. О градѣ Б. кн. X, 6, т. 1У, II2 —113.

часто способствуетъ ко *грѣху* (вотъ почему узнается зло). Посему блаженъ, кто приобрѣлъ достойное большей цѣны, кто сталъ причастникомъ благъ неотъемлемыхъ. Но почему узнаемъ его? Это тотъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*" ¹). Итакъ, благо Богообщенія состоитъ въ святости, а не въ услажденіи, какъ такомъ. Поэтому, первое, неизбежное условіе достигнуть этого блага есть самоотреченіе во имя безусловной цѣнности добра. Познаніе Бога, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, можетъ быть дѣломъ только того, который достигъ уже такой степени силы, что никакого не придаетъ значенія плотскому и мірскому (чуждъ самоуслажденія), но способенъ какъ бы яростно и неукротимо стремиться духомъ къ тому, что угодно Богу ²).

А такъ какъ первообразъ святости воплощается въ Богѣ и есть любовь, то самоотреченіе во имя добра, наконецъ, разрѣшается въ безкорыстный вострогъ предъ Богомъ, заставляющій человѣка жить только для Бога и видѣть только Бога, позабывая обо всемъ.

Богъ есть любовь, и христіанство, которое есть „подражаніе Божественной природѣ" ³), высшее благо полагаетъ тоже въ любви.

¹ Бес. на 11с. I. т. 1, 152—153. Изд. 1891 г.

² т. IV, 298.

³ Св. Григорій Нисскій De profess. christ. Migne. t. XLVI, 244.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВОЗМЕЗДІЕ.

Такимъ образомъ, высшее благо и добродѣтель — понятія между собою тождественныя. Сущность вѣчной жизни состоитъ въ нравственномъ совершенствѣ, въ дѣйствительномъ переживаніи въ себѣ Божественнаго добра. „Благо Божіе", слѣдовательно, „не отдѣлено отъ нашей природы и не отстоитъ гдѣ-нибудь далеко отъ рѣшающихъ искать его; — оно въ каждомъ невѣдомое и сокрытое, когда заглушается заботами и удовольствіями жизни, и снова находимое, когда мы обратимъ на него свое вниманіе" ¹). Если же человѣкъ, по словамъ св. I. Златоуста, и „созданъ для того, чтобы угождалъ челоѣколюбивому Богу и вкусилъ царствія грядущаго" ²), если внѣ общенія съ Богомъ (въ чемъ состоитъ бытіе въ царствѣ Божіемъ) челоѣка постигаетъ нравственная смерть; то возможно ли представлять себѣ вѣчную жизнь только самымъ послѣднимъ

выводомъ изъ всей земной жизни челоуѣка, выводомъ, который достигается лишь послѣ смерти? „То невѣрно, говорить преосв. Феофанъ, если бы кто сталъ думать, что когда Богообщеніе поставляется послѣднею цѣлю челоуѣка, то челоуѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ, напр., всѣхъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, оно должно быть всегдашнимъ, непрерывнымъ состояніемъ челоуѣка, такъ что, коль скоро нѣтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается, челоуѣкъ долженъ

1) Григорій Нисскій. De virginit. c. XII. Migne. t. XLVI, col. 372 — 3 т. VII, стр. 345.

2) In Psalm. CXLIV, 1 (Migne. t. LV, col. 465).

— 113 —

сознаться, что стоитъ внѣ своей цѣли и своего назначенія. Состояніе, въ которомъ челоуѣкъ сознаетъ себя въ Богообщеніи, „есть единое истинное состояніе челоуѣка, есть единый рѣшительный признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни" 1). Если Богообщеніе всегда можетъ и должно быть присуще челоуѣку, то, слѣдовательно, и вѣчная жизнь не заключаетъ въ своемъ существѣ ничего такого, что бы препятствовало ея открытію здѣсь на землѣ, другими словами, вѣчная жизнь именно какъ состояніе души челоуѣческой, не зависитъ отъ условій пространства и времени, не приурочена только къ міру загробному, а зависитъ исключительно отъ нравственнаго развитія челоуѣка и, слѣдовательно, можетъ начаться для избранныхъ и въ здѣшной жизни. Этимъ колеблется основной догматъ правового жизнепониманія—предвзятая мысль о безусловной противоположности вѣчной жизни земному существованію челоуѣка,—мысль, которая нужна приверженцамъ этого жизнепониманія чтобы объяснить и обосновать другой свой и столь же чуждый православію догматъ о добродѣланіи изъ-за награды. 2) Православное ученіе, взятое въ его чистотѣ и независимо отъ случайныхъ придатковъ, признаетъ вѣчную жизнь лишь продолженіемъ жизни настоящей.

Послѣдовательнѣе и яснѣе другихъ священныхъ писателей проводилъ эту мысль св. Апостоль Іоаннъ Богословъ, всѣ писанія котораго могутъ быть названы проповѣдью о вѣчной жизни въ смыслѣ святаго общенія съ Богомъ. Эта вѣчная жизнь вѣчна, по нему, не своею временною безконечностью, а своимъ внутреннимъ богатствомъ, и потому не зависитъ отъ условій пространства и времени. „Вѣрующій въ Сына (уже здѣсь на землѣ) имѣетъ жизнь вѣчную" (Іо. III, 36). „Мы знаемъ, что (уже теперь) перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій

брата перебуваєть въ смерти (1 Іо. III, 11). Жизнь вѣчная не обусловлена воскресеніемъ изъ мертвыхъ, она раньше его., и какъ будто бы даже обусловливаетъ его собою: „Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣеть жизнь вѣчную, и Я (какъ будто бы въ си-

1) Начертаніе. Стр. 35—36.

2) Эта, мысль нужна протестантамъ и для обоснованія ихъ учения о невозможности общенія со святыми, молитвъ за умершихъ и пр.

— 114 —

лу этого) воскрешу его въ послѣдній день" (Іо. VI, 54). Съ другой стороны, „никакой челоукоубійца не имѣеть жизни вѣчной, въ немъ пребывающей" (Іо. III, 15), т. е. не только не имѣеть твердой надежды на получение вѣчной жизни въ будущемъ вѣкѣ, но прямо не имѣеть вѣчной жизни здѣсь на землѣ, какъ своего душевнаго достоянія.

Что касается свято-отеческихъ твореній, то они, можно сказать, полны указанія на такой смыслъ ученія о вечной жизни. Такъ, напр., преп. Ефремъ Сиринъ слѣдующимъ образомъ рассуждаетъ о различномъ достоинствѣ жизни: „Не всякая жизнь одинакова. Живуть и безсловесныя, но ничѣмъ не разнятся отъ мертвыхъ; потому и закалающіе ихъ не подлежатъ осужденію. И жизнь грѣшниковъ есть смерть, потому что томятся они тлѣніемъ и смертію, живя, чтобы умереть для вѣчнаго мученія. Спаситель говоритъ: „Азь есмь животь" (Іо. XIV, 6). Посему праведники прекрасно называются живыми, потому что въ здѣшной жизни услаждаются непрестаннымъ созерцаніемъ Бога и не дѣлать или не терпѣть никакого зла, дѣйствительно, есть жизнь" 1), такъ сказать, въ собственномъ смыслѣ. Если въ царствѣ небесномъ наслажденіе, и радость и духовное веселіе въ вѣчномъ свѣтѣ будутъ имѣть святыя, то здѣсь еще святыя и вѣрныя души удостоиваются получить залогъ и начатокъ сего чрезъ дѣйственное общеніе Духа". Поэтому, „кто пріобрѣлъ высшій образъ мыслей, тотъ еще здѣсь предвкушаетъ *царство небесное*, начинаетъ жить блаженною жизнію, ожидая себѣ блаженства, уготованнаго любящимъ Бога" 2). Получить вѣчную жизнь не значить перейти изъ одной области бытія въ другую, а значить пріобрѣсти извѣстное душевное расположеніе. Вѣчная жизнь, такимъ образомъ, не получается, а постепенно растетъ въ челоувъ. Поэтому и возможно молить Бога: „Да будетъ сердце мое доброю для Тебя землею, пріемлющею въ себѣ доброе сѣмя, и благодать Твоя да ороситъ меня роскою вѣчной жизни" 3).

1) Сл. 99. т. IV, 210.

2) Наставленіе монахамъ т. Т, 59. О добродѣтеляхъ и страстяхъ Ibid. стр. 125.

3) Ефремъ Сиринь. Сл. 127 о покаяніи. т. У, 105.

— 115 —

Отцы церкви вообще представляли себѣ жизнь челоѡка непрестающимъ развитіемъ, которое начинается здѣсь на землѣ и продолжается за гробомъ. Земная жизнь для нихъ была приготовленіемъ къ жизни загробной и именно въ смыслѣ предназначія послѣдней, насажденія ея въ душѣ. Челоѡкъ, но ученію св. Отцевъ, здѣсь на землѣ созидаетъ себѣ то настроеніе, которое будетъ содержаніемъ его жизни за гробомъ. „Приближаясь къ Богу жизнью, дѣлами и ученіемъ, болѣе безопаснымъ, приуготовляйтесь, убѣждаетъ св. Григорій Богословъ, къ тамошней истинѣ и созерцанію о Христвѣ Исусѣ Господѣ нашемъ" 1). „Что добраго приобрѣлъ кто здѣсь, то самое, по словамъ преп. Макарія Египетскаго, и въ оный день будетъ для него жизнью" 2). Такимъ образомъ, загробная жизнь является прямымъ продолженіемъ жизни настоящей, продолженіемъ по своему содержанію тождественнымъ со своимъ началомъ. Разъ начало создаться соотвѣтствующее настроеніе, челоѡкъ еще здѣсь на землѣ можетъ ощутить будущее блаженство" 3), можетъ „и нынѣ пить воду живую" 4). „Путь, возводящій челоѡческую природу отъ земли на небо, не иной, говоритъ св. Григорій Нисскій, какъ бѣгство и удаленіе отъ земныхъ золь, а средство избѣжать зла, по моему мнѣнію, не можетъ быть инымъ, кромѣ уподобленія Богу. А уподобиться Богу значить стать праведнымъ и святымъ, и добрымъ, и т. п. Если кто-нибудь, насколько возможно, ясно (*ἐναργῶς*) напечатлѣлъ въ себѣ черты этихъ добродѣтелей, тотъ само собою, безъ труда переселяется въ небесную страну: потому что не пространственное (*τοπικῆ*) разстояніе между Богомъ и челоѡкомъ, такъ чтобы у насъ явилась нужда въ какомъ-нибудь орудіи или выдумкѣ, чтобы эту тяжелую, обременительную и земляную плоть переселить въ безтѣлесную и мысленную жизнь, но, по мысленномъ разлученіи добродѣтели отъ зла, отъ одного челоѡческаго произволенія зависитъ быть тамъ, куда онъ склоняется пожеланіемъ" 5). Св. І. Златоустъ выражаетъ ту же самую мысль въ слѣ-

1) т. III, 163.

2) Hom. XLIV, 9. Migne. t. XXXIV. col. 785. Схр. 387.

3) Исаакъ Сиринь. Стр. 79.

4) Василій В. Пс. XLV, 5. т. I, 252.

5) De orat. II. Migne. t. XLIV. col. 1145.

дующемъ краткомъ, но многосодержательномъ изреченіи: „Умертвить плоть значить жить вѣчною жизнію, значить еще здѣсь на землѣ имѣть въ себѣ залогъ воскресенія" ¹⁾).

Насколько ученіе о вѣчной жизни, какъ именно объ устройствѣ души, и о возможности ея раскрытія здѣсь на землѣ, было присуще отцамъ Церкви, это показываетъ примѣръ преп. Макарія Египетскаго. Самъ возшедши на высоту добродѣтели и опытно ощутивши въ себѣ будущее блаженное общеніе съ Высочайшимъ Добромъ, преп. Макарій такъ глубоко проникся этимъ ощущеніемъ, что какъ бы уже не представлялъ себѣ, какое еще блаженство будетъ дано его душѣ за гробомъ, въ какую славу она еще будетъ облечена и какихъ благъ станетъ причастницей. Полное раскрытіе вѣчной жизни въ душѣ, полное наслажденіе еще здѣсь на землѣ утѣхами небеснаго царства дѣлало для св. отца какъ бы излишними какія-нибудь еще новыя утѣхи, новое наслажденіе. Поэтому, „душа, по словамъ преп. Макарія, еще нынѣ пріемлетъ въ себѣ царство Христово, упокоивается и озаряется вѣчнымъ свѣтомъ" ²⁾, на долю же будущаго прославленія человѣка остается какъ будто бы одно воскресеніе и прославленіе тѣла. „Воскресеніе умерщвленныхъ душъ бываетъ еще нынѣ (*από τον νῦν*), а воскресеніе тѣлъ будетъ въ оный день" ³⁾. Насколько душа достигла совершенства, настолько она наслаждается духовною жизнію здѣсь, въ будущемъ же вѣкѣ къ ней присоединится и тѣло. „Въ какой мѣрѣ каждый изъ насъ за вѣру и ревность сталъ причастнымъ св. Духа, въ такой же въ день онъ будетъ прославленъ и тѣло его. Ибо, какое сокровище собралъ нынѣ внутренно въ душѣ своей, то самое откроется внѣ въ тѣлѣ его" ⁴⁾.— Такжмъ образомъ, потусторонность вѣчной жизни только кажущаяся; христіанинъ еще здѣсь на землѣ долженъ считать себя гражданиномъ небеснымъ, еще здѣсь на землѣ долженъ начать вѣчную жизнь, чтобы насволько возможно здѣсь же предначать и вѣчное блаженство.

Если же вѣчное блаженство возможно и въ этой жизни,

1) In Rom. Hom. XIII, 8. Migne. t. LX. col. 519.

2) Бес. II. 5 Стр. 21.

3) Hom. XXXVI, 1. Migne. t. XXXIV, col. 749. Сир. 343.

4) De patient., XXIX. Migne ib. col. 889. Сир. 539.

то что значать послѣ зтого всѣ разсужденія св. Писанія объ открытіи какой-то совершенно особой жизни, которое произойдетъ послѣ всеобщаго воскресенія и обновленія? Всѣ эти разсужденія значать только

то, что нѣтъ здѣсь на землѣ *полнаго* раскрытія вѣчной жизни, что эта послѣдняя „возвращается человѣку въ настоящемъ вѣкѣ въ видѣ залога, въ будущемъ же—во всей полнотѣ" 1). Причина же этого не въ существѣ вѣчной жизни, а въ состояніи теперешняго міра и въ немъ человѣка. „Не сообразно было, говоритъ преп. Ефремъ Сиринь, жизнь блаженную имѣть на землѣ проклятій и жизнь вѣчную обрѣсти въ мірѣ преходящемъ" 2). Въ этомъ мірѣ живетъ зло, вражда, себялюбіе, въ этомъ мірѣ продолжаетъ господствовать смерть,—жизнь міра является прямымъ отрицаніемъ жизни вѣчной. Точно то же и въ частной человѣческой жизни. Начало грѣха, плоть всегда остается въ человѣкѣ въ той или другой степени, всегда его искушаетъ, всегда, слѣдовательно, препятствуетъ полному его одухотворенію. Себялюбіе, какъ бы человѣкъ его ни старался уничтожить въ себѣ, всетаки не исчезаетъ совсѣмъ. Поэтому, и познаніе Бога, воспріятіе въ себѣ небеснаго блаженства не можетъ быть совершеннымъ. „Понеже, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, не можетъ совершенна здѣ быть любовь ради немощи нашей, то и радость не можетъ быть совершенна, но токмо капля нѣкая и, какъ малая солнечная луча, сквозь облака проходящая, любителей сердца сладко ударяетъ" 3). Необходимо человѣку и окружающему его міру обновиться, извергнуть изъ себя все грѣховное, чтобы потомъ во всей полнотѣ и совершенствѣ воспринять въ себя грядущее царство. Это и произойдетъ при разрушеніи міра, въ этомъ и смыслъ смерти и каждаго отдѣльнаго человѣка. Эта послѣдняя, по разуму св. отцевъ, состоитъ въ разложеніи человѣка на составные элементы, чтобы потомъ человѣкъ могъ возстать обновленнымъ. „Истинному Художнику, говоритъ напр., св. Епифаній Кипрскій, имѣющему подобно скудельнику, попеченіе о созданномъ собственными руками созданіи и сосудѣ, когда сосудъ сей потомъ по причинѣ преслушанія оказался

1) Ефремъ Сиринь. Толк. на Амос. IX, II. т. VIII, 163.

2) На Быт. III, 22. т. VIII, 297.

3) Объ истин. Христ. кн. I, 199. т. II, 260.

съ недостаткомъ, и пока еще онъ былъ, такъ сказать, мягкою глиною, и въ сосудѣ образовалась течь какъ бы сквозь трещину,—не оставляютъ сосудъ такъ, но обратитъ въ перво-начальное смѣшеніе, чтобы потомъ въ пакибытіе, т. е. въ воскресеніе, возстановитъ въ первоначальную, и еще большую-свѣтлость сей сосудъ, т. е. тѣла содѣлавшихъ весьма много неправеднаго, но покаявшихся, отставшихъ отъ собственныхъ своихъ

поступковъ, и усовершенствовавшихся въ познаніи Господа нашего Іисуса Христа, такъ чтобы возставшее изъ земли смѣшеніе содѣлалось подобнымъ смѣшенію, размягченному Художникомъ, и потомъ изъ него устроился первоначальный и еще лучшій образъ" 1). Послѣ того, какъ „устроится этотъ первоначальный образъ", человѣкъ и міръ сдѣлаются способными къ полному воспріятію вѣчной жизни, тогда и „сойдетъ на землю, небесный Іерусалимъ" (Апок. XX, 10), наступитъ полное раскрытіе въ мірѣ царства Божія.

Такимъ образомъ, все дѣло спасенія представляется въ слѣдующемъ видѣ: человѣкъ здѣсь на землѣ трудится, работаетъ надъ собой, созидаетъ въ себѣ царство Божіе и чрезъ это теперь же начинаетъ мало по малу дѣлаться причастникомъ вѣчной жизни, насколько онъ имѣетъ силы и способности для этого причастія; послѣ же того, какъ злое начало будетъ окончательно изгнано, въ вѣкъ грядущій, человѣкъ, наконецъ, увидитъ Бога лицомъ къ лицу, будетъ пользоваться вѣчною жизнью во всей ея безконечной полнотѣ. Нравственное обновленіе человѣка, такимъ образомъ, существенно связано съ вѣчнымъ спасеніемъ: послѣднее не особое какое-нибудь дѣйствіе, не полученіе чего-нибудь новаго, а только совершенное раскрытіе, осуществленіе тѣхъ началъ, которыя заложены и развиты были человѣкомъ въ настоящей жизни.

Если же вѣчная жизнь, въ существѣ своемъ, является прямымъ послѣдствіемъ того иди другаго направленія человѣческой земной жизни, то какъ понимать послѣ этого основной догматъ христіанства о загробномъ *возмездіи*? Возмездіе, по самому понятію своему, состоитъ въ дарованіи труженику чего-ниб. совнѣ, какой-нибудь, заслуженной имъ награды, т. е. чего-ниб. особаго, новаго, чего онъ еще не имѣетъ и что могло бы замѣнить собою его трудъ. Если же вѣчная жизнь

1) Объ ересяхъ кн. I, 3. т. II, 72.

есть простое слѣдствіе человѣческаго труда, выводъ изъ его нравственнаго развитія, то какъ будто бы она уже перестаетъ быть возмездіемъ въ строгомъ смыслѣ слова. На это можно отвѣтить утвердительно: дѣйствительно, правовое понятіе о возмездіи, при которомъ необходимо мыслится потусторонность вѣчной жизни, такое понятіе имѣетъ случайное происхожденіе въ христіанскомъ міровоззрѣніи, и, слѣдовательно, если дѣло идетъ о христіанствѣ по существу, такого понятія о возмездіи въ прямомъ и строгомъ смыслѣ

нельзя допустить.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о возмездіи связано неразрывно съ правовымъ пониманіемъ жизни человѣка, которое (пониманіе) высшее благо человѣка полагаетъ не въ нравственномъ добрѣ, а въ самоуслажденіи, и добро признаетъ только благомъ относительнымъ, только средствомъ къ достиженію самоуслажденія въ будущемъ мірѣ ¹⁾. Съ точки зрѣнія этого жизнепониманія, очевидно, цѣль жизни человѣка не будетъ достигнута, если человѣкъ только сдѣлается святымъ и въ будущемъ вѣкѣ будетъ проводить святую жизнь. Самоуслажденіе требуетъ награды еще сверхъ этого, требуетъ награды за всѣ труды и лишеныя, какія человѣкъ понесъ на землѣ при стяжаніи святости, позабывая ту простую истину, что для всякаго стремящагося къ истинѣ и жизни, самая эта истина и самая жизнь являются наградой; потому что только для нихъ онъ и трудился. Слыша же о загробномъ блаженствѣ и не желая понять, въ чемъ оно заключается, самоуслажденіе и признаетъ это блаженство тѣмъ возмездіемъ, котораго ему нужно, чтобы покрыть труды человѣка.

Какъ построенное на себялюбіи, такое пониманіе жизни всего болѣе понятно и близко человѣку грѣховному, себялюбцу, какими оказываемся въ существѣ дѣла всѣ мы, люди этого вѣка. Вѣчная жизнь для себялюбца представляется, конечно, потусторонней; она въ корнѣ отрицаетъ всѣ тѣ опредѣленія жизни, которыя онъ призналъ за несомнѣнныя истины. Чтобы понять блаженство вѣчной жизни, нужно прежде полюбить добро, святость и въ ней положить свое благо; между тѣмъ

1) По связи мыслей вспоминается «Moralphilosophie» Cathrein'a, иезуита, разсужденія котораго, какъ, такъ сказать, присяжнаго проповѣдника правового жизнепониманія, могутъ служить весьма подходящимъ примѣромъ къ сказанному.

— 120 —

себялюбецъ больше думаетъ о себѣ, чѣмъ о высшихъ законахъ бытія, ищетъ счастья, а не истины. Понятно, что для него рѣчь о блаженствѣ святости будетъ музыкой для глухого. Онъ не пойметъ убѣжденія быть добрымъ, если въ видѣ награды ему укажутъ, что онъ и будетъ добрымъ, и болѣе ничего. Не забудемъ что ему предстоитъ прежде всего побороть свое злое настроеніе, побороть свои грѣховныя привычки и страсти (Ю. V. 37. 44). Требуется, слѣдовательно, борьба съ самимъ собою, и борьба упорная и тяжелая, продолжающаяся до послѣдняго момента земной жизни. Нужно много страдать, чтобы сдѣлаться добрымъ. И вотъ самолюбцу скажутъ, что самое это добро, котораго онъ такъ боится и не понимаетъ, и будетъ его высшей наградой. Конечно, это себялюбца не

убѣдить. Для такого-то настроенія и необходимо понятіе возмездія, необходимо указать, что добро, какъ истина, только и можетъ привести человѣка къ истинной жизни, тогда какъ зло неминуемо грозитъ мученіемъ, хотя, какъ всякая ложь, и льститъ саложалѣнію. Св. Григорій Нисскій прекрасно объясняетъ происхожденіе понятія о возмездіи, въ указанномъ иненно смыслѣ. „У возводимыхъ нынѣ въ высшую жизнь, читаемъ мы въ его сочиненіи „О Надписаніи Псалмовъ“, душа, какъ не приготовленная опытомъ и не привыкшая къ такому уразумѣнію, не имѣютъ пока и достаточныхъ силъ усматривать доброе. А, что вовсе незвѣстно, къ тому, хотя оно и всего прекраснѣе, пожеланіе наше остается неподвижнымъ, безъ предшествующаго же пожеланія не будетъ никакого удовольствія отъ такой вещи, къ которой не чувствуютъ пристрастія; потому что путемъ къ удовольствію служитъ пристрастіе. Посему для невкусившихъ еще чистаго и Божественнаго удовольствія необходимо надобно придумать нѣчто такое, почему были бы приняты и уроки добродѣтели, будучи услаждены чѣмъ-нибудь увлекающимъ чувство. Такъ обычно поступать и врачамъ, когда какой-либо горькій и противный вкусу цѣлительный составъ дѣлаютъ они непротивнымъ для больныхъ, приправивъ сладостію меда" 1). Вотъ такую „сладостію меда" и является ученіе о возмездіи за добро, хотя сила не въ возмездіи, не въ самой сладости, а въ добрѣ, которое этой сладостію дѣлается привлекательнымъ и для

1) Т. II, 7.

грѣшника. Тутъ не происходитъ, конечно, ничего похожаго на обманъ: блаженство, конечно, будетъ удѣломъ праведника, но послѣдній, можно сказать, и не замѣтитъ его въ смыслѣ самоуслажденія, потому что вниманіе его устремлено не на себя, а на Бога, о Которомъ Однимъ онъ радуется. Самоуслажденіе занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто; но, если человѣкъ пока только его и понимаетъ, дѣло любви, пришедшей грѣшника спасти,—конечно, начатъ съ того, что грѣшники понимаютъ, чтобы уже потомъ отъ „млека" возвести ихъ и къ „твердой пищѣ", по примѣру апостола. Это и объясняетъ присутствіе понятія возмездія въ Св. Писаніи и отеческихъ твореніяхъ. Не смотря, однако, на это присутствіе. мы имѣемъ полное право утверждать, что понятіе возмездія въ устахъ священныхъ писателей и отцевъ церкви употреблялось только въ смыслѣ предварительномъ, только чтобы быть понятнымъ обыденному

настроєнію. Право такъ утверждать даютъ намъ не холько всѣ предшествовавшія наши разсужденія, но и прямыя указанія Св. Писанія и отецъ Церкви.

Цѣль Слова Божія не умозрѣніе, а наставленіе, и притомъ грѣшниковъ. Неудивительяо. поэтому, если въ Словѣ Божіемъ мы находимъ только намеки, только слѣды того понятія о возмездіи, которое бы отвѣчало ваолнѣ существо христіанства и при которомъ вѣчная жизнь является не наградой, какъ чѣмъто внѣшнимъ, а естественнымъ слѣдствіемъ трудовъ человѣка въ снисканіи добра. Тѣмъ не менѣе слѣды эти есть.

Прежде всего, въ В. Завѣтѣ встрѣчаемъ такія выраженія, что Господь „любитъ миловать" (Мих. 7, 18) и что „Онъ не по изволенію сердца Своего наказываетъ и огорчаетъ сы-новъ человѣческихъ" (Плачь Іерем. 3, 33). Подобныя выра-женія понятны только тогда, когда Божественный приговоръ будетъ произноситься, именно, въ зависимости отъ способности или неспособности человѣка къ вѣчному блаженству. Грѣшникъ самъ себя осяѣпляетъ и потому не можетъ видѣть свѣта. Не такъ, что Господь, вопреки желанію и способности грѣшника, отлучаетъ его отъ общенія съ Собою, а такъ, что общеніе съ Богомъ совсѣмъ невосприемлемо для грѣшника. Эта мысль вполнѣ асно выражена въ слѣдующемъ мѣстѣ книги пророка Исаіи: „Устрашились грѣшники на Сіонѣ, трепеть овладѣлъ нечестивыми: кто изъ насъ можетъ жить при огнѣ

— 122 —

пожирающемъ? кто изъ насъ можетъ жить при вѣчномъ пламени?" Тотъ, кто ходитъ въ правдѣ и говоритъ истину; кто презираетъ корысть отъ притѣсненія, удерживаетъ руки свои отъ взятокъ..., тотъ будетъ обитать на высотахъ" (Ис. 33, 14—16). Такимъ образомъ, для соблюдающихъ законъ нѣтъ ничего невозможнаго обитать на Сіонѣ, между тѣмъ для грѣшниковъ тамъ вѣчное пламя, огонь пожирающій. Грѣшники сами бѣгутъ отъ Бога и царства Божія, потому что для нихъ быть тамъ невыносимо. „Свѣтъ Израіля для грѣшниковъ дѣлается „огнемъ и Святой его пламенемъ" (Ис. 10, 17). Тотъ же смыслъ имѣютъ и выраженія подобныя Ос. 14. 10: „правы пути Господни и праведники ходятъ по нимъ, а беззаконные падутъ па нихъ", такъ какъ устроєніе души праведниковъ соотвѣтствуютъ путямъ Господнимъ, вообще царству Божію, они и могутъ ходить этими путями, для грѣшниковъ же эти пути-гибель. Еще болѣе опредѣленно выражается естественная зависимость возмездія отъ того или другого направленія жизни человѣка тамъ, гдѣ говорится, что грѣшники въ самихъ себѣ носятъ огонь, который и пожжетъ ихъ въ день суда. „Вы беременны сѣномъ,

разродитесь соломою, дыханіе ваше – огонь, который пожретъ васъ. И будутъ народы, какъ горящая извѣсть, какъ срубленный терновникъ, будутъ сожжены на огнѣ (Ис: 33. 11—12). „И я извлеку изъ среды тебя огонь, который и пожретъ тебя" (Іез. 28, 18). Или же представляется дѣло такъ, что грѣшники своими беззаконіями разжигаютъ огонь, который и будетъ ихъ участью. „Вотъ всѣ вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрѣлами,— идите въ пламень огня вашего и стрѣль разженныхъ вами. Это будетъ вамъ отъ руки моей: въ мученіи умрете" (Ис. 50. 11). Такимъ образомъ, Богъ воздаетъ грѣшнику тотъ самый огонь, который грѣшникъ возжигаетъ своими грѣхами.

Въ книгѣ же Притчей Соломоновыхъ мы находимъ прямое указаніе на то, что понятіе возмездія можетъ приниматься именно въ смыслѣ естественнаго послѣдствія. Такъ Премудрость говоритъ: „за то, что они возненавидѣли знаніе и не избрали для себя страха Господня, не приняла совѣта моего, презрѣли всѣ обличенія мои, за то и будутъ они вкушать отъ плодовъ путей своихъ и насыщаться отъ помысловъ ихъ. Потому что упорство невѣждъ убьетъ ихъ, и безопасность глупцовъ погубитъ ихъ" (Притч. I, 29—31). Если человекъ

— 123 —

презрѣлъ указанія премудрости, ему естественно терпѣть послѣдствія своего неразумія, между тѣмъ, эти послѣдствія являются въ тоже время и наказаніемъ ему за то, что онъ не внялъ Премудрости. Возмездіемъ служить естественный выводъ изъ поведенія человека.

Въ Новомъ Завѣтѣ нельзя, вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Нисскимъ, не остановить своего вниманія на Лук. XVI, 25 —26. Здѣсь мы читаемъ: „Авраамъ сказалъ богатому (мучившемуся во адѣ): чадо, вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того, между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, такъ же и оттуда къ намъ не переходятъ". Это мѣсто замѣчательно именно тѣмъ, что становясь на обычную, правовую точку зрѣнія на возмездіе, оно даетъ намекъ и на болѣе глубокой его смыслъ. Стихъ 25-й обращается къ нравственному сознанію грѣшника и говоритъ о томъ, что, какъ страданія богача, такъ и блаженство Лазаря вполнѣ оправдываются съ точки зрѣнія правовой и то, и другое справедливо вознаграждаютъ cadaго за его земную жизнь. Но не въ этомъ сила. Если бы это было и не такъ, богатый и Лазарь всетаки не могутъ перейти одинъ на сторону другаго, это было бы не только несправедливо, но и прямо

невозможно, самое существо дѣла не допускаетъ такой перемены. „Сверхъ всего того“, кромѣ этой сообразности настоящаго положенія вещей, „между нами и вами утверждена великая пропасть“, существуетъ нѣкоторая какъ бы естественная необходимость, въ силу которой положеніе вещей измѣниться не можетъ. Если же имѣть въ виду первую половину словъ Авраама, то окажется, что такую необходимость создало поведеніе богача и Лазаря въ земной жизни, т. е. извѣстное направленіе духовно нравственной жизни cadaго изъ нихъ. Св. Григорій Нисскій такъ именно и понимаетъ притчу о богатомъ и Лазарѣ. Въ разговорахъ съ Макриной о душѣ и воскресеніи онъ влагаетъ въ уста Макрины слѣдующую рѣчь: „Подробностями сего повѣствованія, т. е. притчи о богатомъ и Лазарѣ, Евангеліе обозначаетъ нѣкіе догматы, касающіюся вопроса о душѣ. Патріархъ, сказавъ сперва богатому: въ плотской жизни ты получилъ часть благъ“, сказалъ подобное о бѣдномъ: „и онъ исполнилъ служеніе

— 124 —

тѣмъ, что причастился золь въ жизни“, потомъ, продолжая о безднѣ, которою отдѣляются они другъ отъ друга, чрезъ это, повидимому, великій нѣкій догматъ открываетъ въ словѣ. Догматъ же этотъ, по моему мнѣнію, таковъ: въ началѣ жизнь человѣческая была однородна. Однородною же называю ту, которая представляется въ одномъ добрѣ и къ которой неприкосновенно зло... Но человѣкъ добровольно свободнымъ движеніемъ, оставивъ недоступную худшему долго, восхитилъ жизнь срастворенную изъ противоположностей. Впрочемъ, Промысль Божій неразумія нашего не оставилъ неисправимымъ. Но поелику съ преступившимъ законъ необходимо по-слѣдовала присужденная закономъ смерть; то, раздѣливъ человѣческую жизнь на двѣ части... по челоѣколюбію далъ власть, кому что угодно избирать изъ этого то и другое,—разумѣю же доброе и злое, или въ этой краткой и скоропреходящей жизни или въ оныхъ нескончаемыхъ вѣкахъ, предѣлъ которыхъ есть безпредѣльность. Поелику же *подобоименно называется и доброе и злое*, и дѣлится каждое изъ нихъ по двоякому понятію,—разумѣю *уму и чувству*, и одни причисляютъ къ доброй долѣ то, что пріятнымъ кажется чувству, а другіе увѣрены, что постигаемое только мыслію и есть и называется добромъ (различіе блага нравственнаго отъ счастья блага эгоистическаго): то у кого разсудокъ необучень и неспособень видѣтъ лучшее, тѣ въ плотской жизни съ жадностію иждиваютъ слѣдующую естеству долю добра, ничего не сберегая для жизни послѣдующей, а распоряжающіеся своею жизнію съ разборчивымъ и цѣломудреннымъ

разсудкомъ, въ краткой сей жизни истомленные оскорбляющимъ чувство, сберегаютъ доброе вѣку будущей жизни, чтобы лучшій жребій простирался для нихъ на вѣчную жизнь. Итакъ, вотъ что, по моему понятію, значить бездна, которая не разверзшеюся землею образуется, но которую производить сужденіе, раздѣлявшееся въ жизни на противоположныя произволенія. Ибо однажды избравшій пріятное въ настоящей жизни и не исправившій своего безразсудства покаяніемъ, *недоступною* для себя послѣ сего дѣлаетъ область благъ, *неминуемую эту необходимость* ископавъ предъ собою, какъ бездну нѣкую зіяющую и непроходимую. Потому-то кажется мнѣ, и благое состояніе души, въ какомъ слово Божіе упокоеваетъ подвижника терпѣнія, названо лономъ Авраамовыхъ. Ибо сей первый изъ бывшихъ когда-либо патріархъ,

— 125 —

какъ повѣствуется, на надежду будущихъ благъ обмѣнилъ наслажденіе настоящими; совлекшись всего, что было у него первоначально въ жизни, имѣлъ онъ пребываніе у чужихъ, насто-ящимъ здостраданіемъ искупая чаемое блаженство" 1). Такимъ образомъ, непроходимую бездну, которая, *кромѣ* правовой сообразности, тяготѣетъ надъ богатымъ и Лазаремъ, создало направленіе жизни того и другаго. Первый полагалъ цѣль жизни въ самоуслажденіи и поэтому оказался неготовымъ къ вѣчной жизни; второй же, вмѣстѣ съ Авраамомъ, предпочелъ чувству *умъ* (духъ), нравственный законъ, и потому естественно переходитъ въ царство нравственнаго добра.

Св. Иринеи Ліонскій подобное же указаніе на выясняемый нами смыслъ возмездія видитъ въ Іо. III, 18—21. „Вѣрующій въ Него (Сына) не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не вѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія". Далѣе объясняется, что значить слово „судъ". „Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришедъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ". и потому сами не воспользовались тѣмъ бдагомъ, которое ниспослалъ имъ Богъ, и, такимъ образомъ, сами подвергли себя лишенію свѣта, наказанію во тьмѣ. Причина же такого нерасположенія къ царству Божію заключается въ томъ, что, дѣла ихъ были злы", заключается въ противномъ царству Божію направленіи ихъ предшествующей жизни; въ устроеніи ихъ души. „Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ ко свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по-правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы". Разъ человекъ устроилъ себя по образу Божію, онъ къ Богу и стремится, потому что въ Богѣ онъ найдетъ только

оправданіе своего устроенія и сродную себѣ стихію жизни. Но если человекъ дѣлалъ зло, если онъ думалъ только о самоуслажденіи, тогда, конечно, въ царствѣ Божіемъ онъ найдетъ только обличеніе своей жизни, только ея полное отрицаніе, и потому возлюбитъ тьму, не пойдетъ къ свѣту, чтобы остаться ему при своемъ. Такимъ образомъ, каждый получаетъ то, къ чему приготовлена его душа. Утѣшеніе праведнику въ томъ, что онъ пришелъ ко свѣту, кото-

1) 0 душѣ и воскр. г. IV, 259–261. Migne. t. XLVI, col. 88.

— 126 —

раго искала и но которому устроила себя его душа, а грѣшникъ наказывается самой той тьмой, которую онъ возлюбилъ.

Что касается св.-отеческихъ твореній, то мысль о естественной зависимости будущей участи отъ направленія земной жизни находитъ тамъ уже не намеки, а прямое, ясное и подробное раскрытіе. Отцы церкви не могли ограничиваться наставленіемъ, какъ жить, чтобы жить истинно, но должны были и объяснить философски, почему такъ нужно жить, должны были посвящать свое время и умозрѣнію. Поэтому, наряду съ обычнымъ наставленіемъ, мы встрѣчаемъ въ ихъ твореніяхъ и гносисъ, философское постиженіе вѣры.

Болѣе ясно и подробно ученіе о возмездіи раскрывается въ твореніяхъ св. Иринея Ліонскаго и Григорія Нисскаго. Съ нихъ мы и начнемъ.

Въ четвертой книгѣ „Противъ ересей“ св. *Иринея* пишетъ: „Богъ, зная напередъ все, приготовилъ соотвѣтствующія обиталища для тѣхъ и другихъ,—тѣмъ, которые искали свѣта нетлѣнія и обратились къ нему, милостиво *сообщая этотъ желаемый ими свѣтъ*,—а для презрителей и ругателей, которые бѣгутъ и отвращаются отъ этого свѣта, вторые, какъ бы ослѣпляютъ себя, Онъ приготовилъ тьму, соотвѣтствующую тѣмъ существамъ, которыя противятся свѣту,—Онъ наложилъ также соотвѣтствующія *наказанія* на тѣхъ, кто будучи Его подданными, стараются убѣжать. (Какъ же понимать это наложеніе наказаній?). Покорность Богу есть вечный покой, такъ что тѣ, которые удаляются свѣта, имѣютъ мѣсто достойное ихъ удаленія,—и тѣ, которые бѣжатъ отъ вѣчнаго покоя, имѣютъ обитаніе соотвѣтственно ихъ бѣгству. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро всѣ блага находятся у Бога, то тѣ, которые по собственному рѣшенію бѣгутъ отъ Бога, *лишаютъ себя* всѣхъ благъ, имѣющихся у Бога, они вслѣдствіе этого *подпадаютъ праведному суду Божію*. Ибо тѣ, кто удаляется покоя, по справедливости, подпадаютъ наказанію, и тѣ, кто

избѣгаютъ свѣта, *по справедливости обитають въ тьмѣ*. Ибо, какъ относительно этого временнаго свѣта, тѣ, которые удаляются его, предають себя тьмѣ, такъ что становятся причиной своего лишенія свѣта и своего обитанія во тьмѣ,—а свѣтъ, какъ я уже сказалъ, не есть причина такого ихъ состоянія,—такъ тѣ, которые удаляютъ себя отъ вѣчнаго свѣта Божія, который содержитъ въ себѣ всѣ блага, *сами служатъ причиной своего находенія*

— 127 —

въ вѣчной тьмѣ, лишенія всѣхъ благъ, сами становясь причиной такого жилища" 1). Грѣшникъ, такимъ образомъ, наказывается ни чѣмъ инымъ, какъ удаленіемъ отъ Бога, отъ Котораго онъ самъ удаляется произвольно. Наказаніе не иное что, какъ естественное слѣдствіе принятаго направленія жизни.

Въ пятой книгѣ „Противъ ересей“ святой отецъ выражается еще яснѣе и подробнѣе. Онъ говоритъ: „Богъ Слово придетъ на гибель невѣрующихъ въ Него,—тѣхъ, которымъ „Онъ грозитъ большимъ наказаніемъ въ день суда, чѣмъ Содому и Гоморрѣ (Лук. X, 12),—и на воскресеніе вѣрующихъ и исполняющихъ волю Его Отца небеснаго. Пришествіе Сына, такимъ образомъ, будетъ для всѣхъ, но будетъ имѣть цѣлью судъ и отдѣленіе вѣрныхъ отъ невѣрныхъ, ибо и вѣрующіе вѣрують по ихъ собственному выбору, точно также и несогласяющіеся съ Его ученіемъ не соглашаются по ихъ собственному выбору... Тьмѣ, которые пребываютъ въ своей любви къ Богу, Онъ даруетъ общеніе съ Нимъ. Но общеніе съ Богомъ есть жизнь и свѣтъ и наслажденіе всѣми благами, какія есть у Него. На тѣхъ же, которые по ихъ собственному выбору удаляются отъ Бога, Онъ *налагаетъ то разъединеніе съ Собою, которое они выбрали по собственному соглашенію*. Но разъединеніе съ Богомъ есть смерть и разъединеніе со свѣтомъ есть тьма, и разъединеніе съ Богомъ есть лишеніе всѣхъ благъ, которыя есть у Него. Поэтому тѣ, которые чрезъ отступничество теряють эти вышеупомянутыя вещи, будучи лишены всего блага.—испытываютъ всякаго рода наказанія. *Однако Богъ не наказываетъ ихъ непосредственно Самъ, но это наказаніе падаетъ на нихъ, потому что они лишены всего того, что есть благо*. Въ самомъ дѣлѣ, благо вѣчно и безъ конца находится съ Богомъ и, слѣдовательно, лишеніе блага тоже вѣчно и не имѣетъ конца. Въ этомъ сдучаѣ происходитъ тоже, что при возсіяніи свѣта: тѣ, которые ослѣпили себя или ослѣплены другими, совершенно лишены наслажденія свѣтомъ. Но *ме такъ, чтобы свѣтъ наложилъ на нихъ наказаніе за слѣпоту, но эта слѣпота сама собою принесла имъ несчастье*. Поэтому Господь

объявилъ: „вѣрующій въ Меня не судится" (Іо. III, 18), т. е. не разъ-

1) Противъ ересей, кн. IV, гл. XXXIX, 4. Въ англійскомъ переводѣ въ Library Clark'O, vol. IX, 18.

— 128 —

единяется отъ Бога, ибо соединенъ съ Нимъ вѣрою. Съ другой стороны, онъ говоритъ: „Невѣрующій уже осужденъ, ибо онъ не вѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія"; т. е., онъ по своему собственному соглашенію разъединилъ себя отъ Бога. Ибо въ томъ судѣ, что свѣтъ и т. д. Приводятся 19—21 стихи III главы Евангелія отъ Іоанна, которые мы разсматривали выше, и въ заключеніи св. Ириней говоритъ: „Итакъ, коль скоро нѣкоторые люди въ этомъ мірѣ отдають себя свѣту и посредствомъ вѣры соединяются съ Богомъ, другіе же бѣгутъ свѣта и разъединяють себя отъ Бога,—Слово Божіе приидеть приготовить соотвѣтствующее обиталище для тѣхъ и другихъ: для тѣхъ, кто во свѣтѣ, чтобы они могли получать блаженство отъ свѣта и блага, заключающагося въ немъ,—а равно и для находящихся во тьмѣ, чтобы они были причастны ея бѣдствіямъ. По этой причинѣ Онъ и говоритъ, что находящіеся по правую руку позваны въ царство небесное, а находящіеся по лѣвую руку Онъ пошлетъ въ вѣчный огонь.—*ибо они лишили себя всѣхъ благъ*"¹⁾).

Намъ кажется, что яснѣе выразить понятіе о возмездіи невозможно. „Богъ, по мысли св. Ириней, не наказываетъ грѣшниковъ непосредственно Самъ", наказаніемъ для нихъ явится та самая жизненная стихія, которую они добровольно избрали и возлюбили въ земной жизни. Точно также и радость праведниковъ будетъ состоять въ томъ, что они будутъ вращаться въ свѣтѣ, въ святости, въ Богообщеніи, что и въ настоящей жизни было для нихъ содержаніемъ души. Замѣчательны приведенныя слова св. Ириней и въ томъ отношеніи, что онъ даетъ естественное объясненіе самымъ крайнимъ выраженіямъ которыя часто могутъ казаться основаніемъ для правового міровоззрѣнія. Св. Ириней говоритъ и о наложеніи наказанія, упоминаетъ и картину страшнаго суда, гдѣ воздаяніе, повидимому, имѣетъ совсѣмъ внѣшній характеръ. Всѣ эти явленія для св. Ириней имѣють глубокую естественную сообразность, чѣмъ дается вмѣстѣ съ тьмѣ и примѣръ, какъ нужно понимать подобныя выраженія, встрѣчающіяся въ Св. Писаніи.

Св. Григорій Нисскій въ своемъ сочиненіи „О дѣтяхъ умершихъ до крещенія", прямо долженъ былъ заниматься

1) Противъ ересей, кн. V, гл. 27—28. Library Clark'a vol. IX, 129 — 130.

православнымъ опредѣлевіемъ понятія „воздаяніе*¹⁾. Боздаяніе, по его мнѣнію, нужно увотреблять отнюдь не въ смыслѣ какой-нибудь особой платы за понесенный трудъ, не въ смыслѣ полученія чего-нибудь новаго, а въ смыслѣ условномъ, подобномъ, напр., полученію здоровья послѣ старательной боръбы съ болѣзнію. Въ помянутомъ сочиненіи св. отецъ говоритъ: „Такъ какъ Писаніе говоритъ, что причастіе Бога есть жизнь души, а причащеніе, по мѣрѣ вмѣстительности, есть вѣдѣніе, невѣдѣніе же есть не осуществленіе чего-нибудь, а напротивъ того отнятіе дѣятельности вѣдѣнія, и какъ скоро не стало совершаться причастіе Бога, необходимо послѣдовало отчужденіе отъ жизни, и такъ какъ это было бы крайнимъ изъ золь; то, вслѣдствіе этого, Творецъ всакаго блага производитъ въ насъ врачеваніе отъ зла (ибо врачеваніе есть благо), но способа врачеванія, конечно, не знаетъ тотъ, кто не обращаетъ взора къ евангельскому таинству. Посему, такъ какъ, по доказанному, худо быть отчужденнымъ отъ Бога, Который есть жизнь; то врачеваніемъ отъ такого недуга служитъ усвоеніе Богу и вступленіе снова въ жизнь. И такъ какъ жизнь сія естеству человѣческому предлежитъ въ упованіи, то *нельзя въ собственномъ смыслѣ сказать*, что причастіе жизни бываетъ *воздаяніемъ за прежнія добрыя дѣла*, а обратное—наказаніемъ за дѣла худыя 1). Сказанное же подобно примѣру съ глазами. Мы, вѣдь, не называемъ различеніе видимаго наградою и отличіемъ какимъ-нибудь, которое воздаетъ очистившему зрѣніе и, наоборотъ, не называемъ наказаніемъ того обстоятельства, постигшаго больного, что онъ лишень зрительной дѣятельности. Но какъ человѣку, находящемуся въ нормальномъ состояніи необходимо видѣть (*τὴ κατὰ φύσιν διακείμενον*), а выведенному болѣзнію изъ нормы ествственно лишиться способности зрѣнія (*το μὴ ἐνεργεῖν τὴν δρασιν*),—такъ и блаженная жизнь сродна и свойственна имѣющимъ чистые органы душевныхъ чувствъ (*τὰ τῆς ψυχῆς αἰσθητήρια*), а у кого болѣзнь невѣдѣнія, подобно какому-то гною, служитъ препятствіемъ къ приобщенію истиннаго свѣта, для того необходимымъ послѣдствіемъ бываетъ не имѣть части въ томъ, приобщеніе чего называемъ жизнью для приобщающихся". Немного ниже таже мысль выражается еще

1) *Οὐκ ἔστιν ἐπέχην κυρίως ἀντίδοσιν τῶν ἐν βεβιοχότων γενέσθαι τὴν τῆς ζωῆς μετυσίαν, καὶ τηρωρίαν τὸ ἐμπάλιν.*

яснѣ. „Если, спрашиваетъ св. Григорій, воздаяніе благъ дѣлается по справедливости (т. е. есть понятіе юридическое, есть награда въ собственномъ, внѣшнемъ смыслѣ); то въ числѣ какихъ будетъ окончившій жизнь въ младенчествѣ и въ продолженіи настоящей жизни не сдѣлавшій ни добра, ни зла, чтобы ему воздано было по достоинству? На это, имѣя въ виду изслѣдованное выше, отвѣчаемъ, что ожидаемое благо, хотя свойственно роду человѣческому по природѣ, однако оно же самое *въ нѣкоторомъ смыслѣ называется и воздаяніемъ*. Эта мысль уясняется тѣмъ же примѣромъ (съ глазами). Предположимъ, что зрѣніе двухъ данныхъ людей постигнуто какимъ-то недугомъ, и одинъ изъ нихъ съ большимъ тщаніемъ предалъ себя врачеванію, перенося всѣ предписанія врачебнаго искусства, какъ бы трудны они ни были; а другой пусть до невоздержности расположенъ будетъ къ банямъ и употребленію вина, не принимая отъ врача никакого совѣта къ сохраненію здоровья глазъ. Посему мы, смотря на конецъ, постигающій того и другого, говоримъ, что оба достойно воспріемлютъ плоды своего произволенія, именно, одинъ—лишеніе свѣта, а другой наслажденіе свѣтомъ. *Ибо, что по необходимости слѣдуетъ, то, по извращенію (смысла) называемъ воздаяніемъ* 1). Это можно сказать и на вопросъ о младенцахъ: наслажденіе тою жизнію свойственно человѣческой природѣ; но такъ какъ почти всѣми, живущими во плоти, обладаетъ болѣзнь невѣдѣнія, то очистившій себя надлежащими врачеваніями и смывшій подобно какому гною невѣдѣніе съ душевнаго ока, *по достоинству* пользуется плодами своего старанія, вступая въ жизнь для него естественную (*ἐν τῇ ζωῇ κατὰ κατὰ φύσιν*); избѣгающій же очистительныхъ средствъ добродѣтели и обольстительными удовольствіями дѣлая болѣзнь невѣдѣнія неисцѣльною, по противоестественному расположенію, отчуждается отъ того, что естественно, и дѣлается неимѣющимъ части въ свойственной и приличной намъ жизни" 1). Слова эти настолько ясны и опредѣленны, что, намъ думается, не нуждаются ни въ какихъ поясненіяхъ.

На той же мысли о естественной зависимости возмездія

1) *Τὸ γὰρ ἀναγκαίως ἐπόμενον ἀντίδοσιν ἐκ κατὰχρήσεως ὀνομάζομεν.*

1) De infant. Migne. t. XLVI, col. 177. i. IV, 342–345.

построено и другое сочиненіе св. Григорія Нисскаго: „0 душѣ и воскресеніи", выдержку изъ котораго мы приводили выше въ толкованіи

притчи о богатомъ и Лазарѣ. Бъ этомъ сочиненіи св. Григорій причиною страданій и, такъ сказать, содержаніемъ ихъ считаетъ въ загробной жизни то плотское начало, которымъ услаждались и которое развивали въ себѣ грѣшники въ продолженіе земной жизни. „Изъ повѣствованія о богатомъ и бѣдномъ дознаемъ, говоритъ св. отецъ въ лицѣ Макрины, и другой догматъ... Когда душа Лазарева занята насхоящимъ, не обращается ни къ чему оставленному; богатый и по смерти, какъ бы составомъ какимъ приваренъ къ плотской жизни, которой и по кончинѣ не совлекся совершенно, напротивъ предметомъ заботъ его является еще плоть и кровь; ибо изъ того, что за находящихся съ нимъ въ родственномъ союзѣ просить объ избавленіи ихъ отъ золь, явно, что онъ не освободился еще отъ плотскаго пристрастія. А посему полагаемъ, что Госяодъ повѣствованіями сими учитъ слѣдующему: живущіе во плоти всего болѣе должны добродѣтельною жизнію отдаляться и отрѣшаться отъ привязанности къ плотскому, чтобы по смерти снова не было намъ нужды въ новой смерти, очищающей отъ остатковъ плотскаго припая,—но чтобы *теченіе души ко благу*, какъ бы по расхорженіи какихъ узъ, сдѣлалось легкимъ и свободнымъ, когда никакая тѣлесная скорбь не будетъ отвлекать ее къ себѣ. Если кто весь и всецѣло оплотянѣлъ умомъ, всякое движеніе и дѣйствіе души занимая исполненіемъ желаній плоти; то ставъ и внѣ плоти, не разстается таковой съ плотскими страстями, но, подобно проживавшимъ долго въ зловонныхъ мѣстахъ, которые, когда перейдутъ туда, гдѣ воздухъ свѣжъ, не очищаются отъ непріятнаго запаха, какимъ запаслись въ долговременное пребываніе въ немъ: такъ и плотолюбцамъ, по переходѣ ихъ въ жизнь невидимую и безвидную (*ἀηδή καὶ ἀβλεπτον*), невозможно, конечно, не привлечь съ собою сколько-нибудь плотскаго зловонія, отъ котораго мученіе дѣлается для нихъ еще болѣе тяжелымъ, потому что *душа отъ этого грубѣе овеществляется* (*ἰλωθεστέρας ἐκ ταύτης περισσίᾳως τῆς ψυχῆς γινομένης*) 1). Другими словами, загробныя мученія не есть нѣчто совершенно новое для грѣшника; корень свой они имѣютъ опять таки въ

1) De anima et resurr. Migne. ibid. col. 88 т. IV; 264—265.

его же душѣ, въ томъ, что она, преданная плотскимъ вождельніямъ на землѣ, по переходѣ въ загробный міръ, какъ овеществленная, оказывается совершенно неприготовленной къ духовному существованію, и, такимъ образомъ, мучится въ своемъ родѣ духовнѣмъ голодомъ. Вспомнимъ

приведенныя выше слова изъ того же сочиненія, въ которыхъ св. отецъ говорить о нѣкоторой, такъ сказать, физической необходимости, опредѣляющей положеніе праведнаго и грѣшника въ загробномъ мірѣ: „Однажды избравшій пріятное въ настоящей жизни и не исправившій своего безразсудства (*ἀβουλίαν*) покаяніемъ, недоступною дѣлаетъ для себя послѣ сего область благъ, ископавъ предъ собою зіяющую и непроходимую бездну (*βαράθρον ἀχανές τε καὶ ἀπαρόδευτον*) этой неминуемой необходимости" ²⁾.

Конечно, это—сравненіе, но оно слишкомъ выразительно чтобы ему быть только сравненіемъ. Въ связи съ другими словами и разсужденіями, эта „бездна" и будетъ значить невозможность для грѣшника пользоваться блаженствомъ, потому что душа его не воспринимаетъ этого блаженства, потому что не къ такимъ удовольствіямъ привыкъ онъ въ этой жизни.

Въ твореніяхъ другихъ отцевъ церкви мы, конечно, не находимъ уже такого прямого раскрытія понятія о воздаяніи, однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и имъ не была чужда мысль объ указанномъ смыслѣ возмездія. Особенно это нужно сказать объ отцахъ-аскетахъ, которымъ ближе приходилось и чаще вдумываться во внутренній, нравственный смыслъ истинъ вѣроучительныхъ.

Первый, кто далъ намъ и освѣтилъ дѣйствительный, православный смыслъ возмездія, это былъ преп. *Макарій Египетскій*. Прочитавъ творенія этого отца церкви, мы и получили руководящую нить для чтенія твореній другихъ отцевъ. У преп. Макарія нѣтъ прямыхъ указаній, подобно св. Григорію, но всѣ его разсужденія, все его ученіе тогда только и могутъ быть поняты, если мы признаемъ возмездіе именно естественнымъ слѣдствіемъ.

По представленію преп. Макарія Египетскаго, здѣшняя жизнь со всѣми ея трудами и страданіями имѣетъ чисто воспитательное значеніе: приготовить душу, дать ей возможность *χρησιμεῖσαι*,—быть пригодной, бдагопотребной, т. е. подходящей

2) Ibid. col. 84. т. IV, 261.

по своему расположенію къ нравственной средѣ небеснаго царства, небеснаго отечества, быть по своимъ желаніямъ родственной ему. Возмездіе (необходимо слѣдуетъ заключать отсюда) состоитъ въ усвоеніи того, что свойственно человѣку при извѣстномъ расположеніи его души. „Душѣ, истинно вѣрующей во Христа, по словамъ преп. Макарія, должно

переложиться и перенѣниться изъ нынѣшняго порочнаго состоянія въ другое состояніе доброе и изъ нынѣшней уничиженной природы въ другую Божественную природу, и передѣлаться въ новую (*καινήν αἰτήν ἀπεργαθήναι*) при посредствѣ силы св. Духа. И, такимъ образомъ, она можетъ *χρησιμεῖσαι* въ небесное царство. Достигнуть же этого можно намъ, если мы вѣруемъ и любимъ Его истинно и во всѣхъ Его святыхъ заповѣдяхъ возвращаемся" 1). Или въ другомъ мѣстѣ: „Если душа, обрученная Хрпсту, не сдѣлаетъ угоднаго Ему, не послѣдуетъ волѣ Его, не будетъ содѣйственницею прнсущей ей благодати Духа; то съ поруганіемъ подвергается постыдному безчестію и отлученію отъ жизни, какъ оказавшаяся неблагопотребною и *неспособною* къ общенію съ небеснымъ Царемъ" 2). Вспомнимъ разсужденія преп. Макарія о томъ, что вѣчная жизнь начинается еще здѣсь на землѣ и т. п. Послѣ этого получаютъ совершенно нарочитый смыслъ и такія выраженія преп. Макарія, какъ то, что вѣчное блаженство получается праведниками настолько же по благодати, какъ и по правдѣ. Напр., онъ говоритъ: „По благодати и Божественному дару Духа каждый изъ насъ пріобрѣтаетъ спасеніе; вѣрою и любовію при усиліи свободнаго произволенія, можно достигнуть совершенной мѣры добродѣтели, чтобы сколько по благодати, столько и по правдѣ наслѣдовать жизнь вѣчную,—какъ способляясь полного преспѣянія не одною Божественною силою и благодатию безъ принесенія собственныхъ трудовъ, такъ опять достигая въ совершенной мѣрѣ свободы и чистоты не одною своею рачительностію и силою безъ содѣйствія свыше Божіей руки" 1). Очевидно, преп. Макарій такимъ и подобнымъ способомъ выраженія хочеть только сказать, что вѣчное блаженство или вѣчное мученіе дѣлаются достояніемъ людей не по одному

1) Hom XLIV. 5 (Migne. t. XXXIV, 781). Стр. 383.

2) Hom XY, 2 (col. 576). Стр. 146.

3) De perfect. in spirit. (col. 841). стр. 485.

безпричинноу изволенію Божію, что участь человѣка опредѣляется дѣйствительнымъ состояніемъ его души. Преп. Макарій, другими словами, хочеть утвердить не то, что спасеніе совершается по законамъ права, а то, что оно имѣетъ себѣ прямое основаніе въ душѣ человѣка. „Если душа, говоритъ св. отецъ, въ семь еще мірѣ не приметъ въ себя святыни Духа за многую вѣру и за молитвы, и не сдѣлается причастною Божественнаго естества, то она не пригодна для небеснаго царства" 2), въ этомъ смыслѣ нужно понимать и разсужденія о спасеніи не по одной милости, но и по

правдѣ.

Преп. *Ефремъ Сиринъ* точно также училъ, что человекъ долженъ здѣсь на землѣ созидать въ себѣ царство Божіе, чтобы потомъ на судѣ раскрыто было внутреннее хранилище вашей души и мы поступили туда, куда себя подготовили. „Іоаннъ, говоритъ преп. Ефремъ, въ откровеніи своемъ видѣлъ великую и чудную книгу; написана она была Самимъ Богомъ, и семь было на ней печатей (Ап. V, 1). Ни на землѣ, ни на небѣ никто не могъ прочесть ее, кромѣ одного Сына Божія, потому что Онъ и написалъ и запечаталъ ее. Книга эта—душа, написанная въ царствѣ; кромѣ Написавшаго никто ее не знаетъ, что она такое. Никакое око не можетъ видѣть, никакое ухо не въ состояніи слышать и никакое сердце не представить себѣ, что написано въ душѣ. *Написано въ душѣ царство* и положено въ ней, какъ приданое, чтобы, когда придетъ Наслѣдникъ царства, ввелъ ее съ Собой въ брачный чертогъ. Когда Царь придетъ во славу своей и соберутся сонмы земнородныхъ; тогда уготовятся и выйдутъ въ срѣтеніе Ему мудрыя дѣвы, съ которыми обручшгся Онъ и написалъ имъ приданую роспись. Съ радостію идутъ онѣ во срѣтеніе Царю, когда приходитъ Онъ торжествовать съ ними бракъ. Поелику сохранили онѣ обѣты свои, то входятъ съ Нимъ въ брачный чертогъ. А которыя утратили дѣвство свое, тѣ отходятъ въ *тьму кромѣшнюю*. Женихъ беретъ у нихъ *приданое*, которое написалъ имъ и о которомъ говоритъ: царствіе Божіе внутри васъ есть. Поелику Сынъ Божій въ тебѣ, то и *царство Ею въ тебѣ*. Вотъ богатство небесное—въ тебѣ, если хочешь сего. Вотъ царство Божіе внутри тебя, грѣшникъ. Войди въ самого себя, ищи усерднѣе и безъ труда найдешь

²⁾ Нот. XXIV, 9 (соі. 785). стр.387.

— 135 —

его... Внѣ тебя—смерть и дверь къ ней грѣхъ... Войди въ себя, пребывай въ сердцѣ своемъ; ибо тамъ—Богъ" 1).

Такимъ образомъ, человекъ готовится въ царство Божіе, но царство это внутри его души. Нужно ее очистить отъ грѣха, тогда безъ труда откроется это царство, и человекъ получитъ чрезъ то залогъ, предначатіе того блаженства, которое даруетъ ему Царь на судѣ. Съ другой стороны, грѣшники отходятъ въ тьму кромѣшнюю, потому что не сохранили и не развили въ себѣ дарованнаго задатка, который потому и отбирается отъ нихъ. „Какъ здѣсь, поясняетъ преп. Ефремъ свою притчу въ другомъ мѣстѣ, каждый возрастилъ крыло свое, тавъ тамъ воспаряетъ въ горняя; какъ

здѣсь очистилъ каждый умъ свой, такъ и тамъ увидить славу Его, и въ какой мѣрѣ возлюбитъ Его каждый, въ такой насыщается любовію Его" 2). Такимъ образомъ, награжденіе чловѣка происходитъ не такъ, чтобы нравственное развитіе чловѣка являлось лишь основаніемъ воздать чловѣву извѣстную долю блаженства какъ что-то особое, внѣшнее, а такъ, что самое это развитіе даетъ чловѣку возможность и способность воспринять высшую степень блаженства. Этимъ именно различіемъ въ степени воспріимчивости къ благу и объясняетъ преп. Ефремъ, вмѣстѣ съ преп. *Исаакомъ Сириномъ*, различіе степеней блаженства праведниковъ въ царствѣ небесномъ. „Многими обителями Отца Спаситель, по словамъ преп. Ефрема, называетъ *мѣры разумнія* водворяемыхъ въ оной странѣ, разумію же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разуміемъ. Ибо Господь наименовалъ многія обители, не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій, *по мѣрѣ чистоты зрительной силы* и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущей вѣкъ всѣ праведные водворяются нераздѣльно, *въ единой радости*. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется единымъ мысленнымъ Солнцемъ, и по степени достоинства почерпаетъ радость и веселіе, какъ бы

1) Сл. 142. т. V, 418—419. 420. Слово на слова: Положи, Господи, храненіе.....

2) Сл. 5. т. I, 87—88.

— 136 —

въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ. И никто не видитъ мѣры ни высшаго, ни нисшаго, чтобы, смотря на превосходную бдагодатель другаго и на свое лишеніе, не имѣть для себя причины къ скорби и безпокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, по всякій, по данной ему благодати, въ своей мѣрѣ веселится внутренно, а по внѣшности у всѣхъ одно созерцаніе и одна радость" 1).

Св. *Василій Великій*, полагавшій, какъ мы выше видѣли, загробное блаженство въ созерцаніи Бога, въ общеніи съ Нимъ, объясняетъ степень общенія стеиеню приготовленности чловѣка, степенью чистоты его души. „Духъ, говоритъ св. *Василій*, въ каждомъ изъ удобопріемлющихъ Его пребываетъ, *какъ ему одному присущій*, и всѣмъ достаточно изливаетъ всецѣлую благодать, которою наслаждаюхся причащающіеся, *по мѣрѣ собственной свой пріемлемости, а не по мѣрѣ возможнаго для Духа*.

Освоение же Духа с душою есть не мѣстное сближение (ибо безтѣлесное может ли приближаться тѣлеснымъ образомъ?), но устранение страстей, которыя привзошли въ душу впадѣствіи отъ привязанности ея къ тѣлу, и отдалили ее отъ сродства съ Богомъ. Посему, кто очистился отъ срамоты, какую произвелъ въ себѣ грѣхомъ, возвратился къ естественной красотѣ, чрезъ очищение какъ бы возвратилъ древній видъ царскому образу, тотъ единственно можетъ приблизиться къ Утѣшителю" ²⁾). Способъ воздаянія, такимъ образомъ, по мысли св. Василия, совершенно обратный тому, какой преподагаетъ правовое понимание. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго выходитъ какъ будто бы, что человекъ, не смотря на свои грѣхи еще не потерялъ способности къ Богообщенію и не уменьшилъ ее. Но Богъ, желая быть справедливымъ, не даетъ ему вполнѣ воспользоваться его силой воспріятія, даетъ ему только извѣстную долю созерцанія, меньшую сравнительно съ людьми, болѣе заслужившими. Между тѣмъ, по мысли св. Василия, Господь Весь устремляется къ человекъ, „пребываетъ въ каждомъ, какъ ему одному присущій", всявому „изливаетъ всецѣлую благодать", и, если

1) Сл. 69. т. III, 296—7. Буквально повторяется это разсужденіе у преп. Исаака С. Стр. 378—9

²⁾ Къ Амфилохію. гл. 9. т. Ш, 216—217.

— 137 —

степени созерцанія и блаженства различны, то причина не въ томъ, что Духъ не сообщаетъ всѣмъ, „по мѣрѣ возможнаго Ему", а въ томъ, что степень „собственной пріемлемости" не у всѣхъ одинакова, что зависитъ отъ неодинаковаго душевнаго развитія cadaго. Точно также и наказанія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, чтобы правда Божія требовада для Своего удовлетворенія мученій человекъскихъ, чтобы она, желая соблюсти равномѣрность въ воздаяніи, лишала людей блаженнаго общенія съ Собою, не смотря на то, что общенія этого они всей душой желаютъ и къ нему приготовлены, способны. Мученія происходятъ опять таки отъ душевнаго устроенія человекъка. „Для cadaго, говоритъ св. Василій Великій, будутъ дѣла его причиною мучительности наказанія; потому что сами себя пріуготовляемъ къ тому, чтобы стать *годными къ сожженію*, и, какъ искры огненныя, возгнетаемъ въ себѣ страсти душевныя для возгорѣнія геенскаго пламени, какъ и палимый жаждою въ пламени богатый томимъ былъ за собственныя удовольствія. Ибо, по мѣрѣ пріемлемыхъ въ себя стрѣлъ лукаваго, подвергаемся большому или меньшему жженію" 1). Такимъ образомъ, ничто иное, какъ тѣ самыя

„стрѣлы лукаваго", которыя принимаетъ въ себя челоѡкъ въ здѣшей своей жизни, тѣ страсти, которыя челоѡкъ въ себѣ питаетъ,—и дѣлають челоѡка „годнымъ къ сожженію", такъ искажаютъ его духовную природу, что въ будущемъ вѣкѣ она неминуемо должна терпѣть мученія.

Св. *Кирилль Іерусалимскій* въ 15-мъ огласительномъ Словѣ такъ объясняетъ картину страшнаго суда, которая, повидимому, должна бы давать основаніе для внѣшняго представленія о возмездіи: „И разлучить ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ". Какъ же разлучаетъ пастырь? Справляясь ди съ книгою, что—овца и что—козлище? Или разлучаетъ по одному виду? Овцу не обнаруживаетъ ли волна, а козлище не обнаруживаетъ ли жесткій и косматый волосъ? Такъ, если и ты будешь уже чистъ отъ грѣховъ, то и дѣла твои впослѣдствіи уподобятся чистой волнѣ, и риза твоя останется неоскверненной, и будешь говорить всегда: „совлекохся ризы моя, вако облекуся въ ню (Пѣсн. Пѣсн. V, 3)?" По одѣянію извѣстно будетъ, что ты—овца.

1) Толк. на Ис. 1, 31. І. 11, 75.

— 138 —

А если окажешься волосатымъ, подобно Исаву, который былъ косматъ волосомъ и худъ сердцемъ, за снѣди утратилъ первородство и продалъ свое первенство, то поставлень будешь ошуюю" 1). Правовое пониманіе и требуетъ именно, чтобы пастырь, разлучая овецъ отъ козлищъ, „справлялся съ книгой", вспоминалъ прошлое челоѡка, не обращая вниманія, каковъ онъ теперь (т. е. способенъ ли и расположенъ ли къ жизни въ общеніи съ Богомъ): пастырь взвѣшиваетъ прошлое челоѡка и объявляетъ, что онъ овца или козлище. На самомъ же дѣлѣ, берутся въ расчетъ въ качествѣ лишь слагаемыхъ того душевнаго устроенія челоѡка, которымъ онъ обладаетъ во время суда. Устроень челоѡкъ такъ, что онъ можетъ быть членомъ царства Божія, тогда онъ ставится на правой сторонѣ; не устроень, тогда онъ отсылается въ огонь вѣчный. Св. Кирилль понимаетъ, такимъ образомъ, изображеніе страшнаго суда въ Евангеліи приблизительно такъ же, какъ его понималъ св. Иринеѣ Ліонскій въ приведенномъ выше мѣстѣ его „Противъ ересей".

Въ твореніяхъ св. *І. Златоуста*, какъ мы уже говорили, можно находить кажушіяся основанія для самаго крайняго внѣшняго, судебнаго представленія о будущей судьбѣ челоѡка. Вѣчная жизнь, по его словамъ, такъ существенно отлична отъ настоящей, и вступленіе въ нее такъ будетъ поразительно, до своей новизнѣ, для челоѡка, что можетъ сравниться

развѣ съ состояніемъ новорожденнаго младенца, которому вдругъ вручили бы управленіе государствомъ. „Представь, говоритъ святитель, что царскому дитяти, которое, доколѣ находится во чревѣ, ничего не чувствуетъ, случилось бы, вышедши оттуда, внезапно вступить на царскій престолъ и не постепенно, а вдругъ получить все. Таково будетъ и тогдашнее состояніе" ²⁾). Однако, такъ рѣшительно противопоставлять вѣчную жизнь можно только нашему обычному, себялюбивому настроенію. Для насъ жизнь для земныхъ интересовъ такъ обычна, мы такъ глубоко и искренно вѣруемъ въ непреложность принятыхъ у насъ законовъ и житейскихъ правилъ, что всякая другая жизнь сдѣлалась для насъ совершенно непонятной и непредставимой. Поэтому-то и св. І. Златоустъ, обращаясь

1) Огл. XV, 25. Стр. 268.

2) Бес. на Евр. VI, 4. стр. 118.

— 139 —

къ слушателямъ обычнаго житейскаго склада и могъ прибѣгнуть къ приведенному способу представленія.

Но мысль о естественной зависимости воздаянія отнюдь св. Златоусту не была чужда. Это доказываетъ и то, какъ святитель сравниваетъ будущее воскресеніе съ воскресеніемъ грѣшника отъ своихъ грѣховъ. „Когда, говоритъ святитель, блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, сребролюбецъ—нищелюбивымъ, жестокосердый—кроткимъ; тогда еще здѣсь въ человѣкѣ совершается воскресеніе, служащее началомъ будущаго 1). Начало, такимъ образомъ, тому воскресенію, въ которомъ человѣкъ вступить въ царство Божіе, полагается здѣсь на землѣ воскресеніемъ души отъ грѣха. Настоящая жизнь, слѣдовательно, является временемъ воспитанія, насажденія въ человѣкѣ тѣхъ началъ, которыя полнѣе раскроются въ будущемъ воскресеніи. „Послѣ кратковременныхъ вразумленій безопасно будемъ, говоритъ св. Златоустъ, наслаждаться будущими благами, будучи въ настоящей жизни, какъ бы въ нѣкоторомъ училищѣ, болѣзнями, скорбями, искушеніями, нищетою и другими, какъ мы ихъ называемъ, бѣдствіями воспитываемы къ тому, чтобы стать способными усвоить себѣ грядущія блага" ²⁾). Въ этой-то способности къ воспріятію и заключается вся цѣль человѣческаго развитія и смыслъ загробнаго воздаянія.

Заклучимъ наше обозрѣніе отеческихъ свидѣтельствъ по данному вопросу свидѣтельствомъ ученика св. Иринея Ліонскаго, св. *Ипполита*, епископа пристани близъ Рима,—свидѣтельствомъ, которое не допускаетъ

перетолкованій. Св. Ипполитъ поясняетъ самый способъ загробнаго воздаянія грѣшникомъ слѣдующимъ примѣромъ: „Подобно тому, какъ вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, во внутренностяхъ можетъ образоваться смертоносная желчная влага, которую врачъ своимъ искусствомъ можетъ привести къ болѣзненной рвотѣ, не подвергаясь самъ обвиненію въ произведеніи болѣзненной влаги въ тѣлѣ человѣка; ибо то, что причинило ее было отступленіе отъ діеты, знаніе врача только обнаружилось,—такъ, хотя можетъ быть сказано, что мучительное воздаяніе, которое падаетъ на избравшихъ злое, приходитъ отъ Бога, однако съ

1) Римл. Бес. X. стр. 220.

2) In Rom. Hom. X, 3 (Migne. t. LX col. 478). *Παιδευόμενοι εἰς τὸ γενέσθαι ἐπιτήρειοι εἰς τὴν τῶν μελλόντων ἀγαθῶν ὑποδοχὴν*. Стр. 214.

— 140 —

здравымъ разумомъ согласно дуиать только, что зла этого рода находятъ и свое начало и причину въ насъ самихъ¹⁾, т. е. въ томъ, что мы, выражаясь словами св. Васшгія Великаго, въ этой жизни „возгнетали" въ себѣ тотъ пдамень геенскій, которымъ будемъ мучиться за гробомъ, что мы образовали въ своей природѣ начала, которыя не мирятся съ царствомъ Божіимъ и съ жизею въ Богѣ, и потому приводятъ насъ къ страданію.

Итакъ, по воззрѣнію священныхъ писателей и отцевъ Церкви, вѣчная жизнь по своему существу лишена той потусторонности, которую ей, стоя на своей точкѣ зрѣнія, приписываетъ человѣкъ обыденный. Вѣчная жизнь, напротивъ, можетъ быть начата еще здѣсь на землѣ до тѣлесной смерти, и эта послѣдняя, вмѣстѣ съ воскресеніемъ плоти, обусловливають только полное и совершенное раскрытіе вѣчной жизни, а не начало ея въ собственномъ смыслѣ. Поэтому, и слово „воздаяніе" можетъ быть употреблено въ вопросѣ о будущей участи человѣка только *ἐκ καταχρήσεως*, въ смыслѣ условномъ и съ большими ограниченіями. „Съ здравымъ разумомъ согласно" только то представленіе о загробномъ воздаяніи, по которому это послѣднее является прямымъ выводомъ изъ того или другаго состоянія человѣка, того или другаго направленія его душевной жизни, а это направленіе и состояніе зависитъ отъ того, какъ человѣкъ проводилъ жизнь. За дѣла человѣкъ получаетъ воздаяніе, но это воздаяніе въ самихъ же дѣлахъ, въ томъ отпечаткѣ, какой она кладутъ на душу человѣка. „Если мысленные очи" человѣка, вслѣдствіе грѣховной жизни, „слишкомъ темны, чтобы прозрѣть въ обитель радостей" ²⁾, если

онъ не развилъ ихъ настолько, то онъ и принужденъ будетъ обитать во тѣмъ и мучиться, потому что все, въ чемъ только человѣкъ полагалъ благо жизни, все это у него отнимется; а между тѣмъ человѣкъ по прежнему этого жаждетъ и только въ этомъ можетъ найти пищу своей душѣ. Приготовившій же себя къ духовной жизни и будетъ ей наслаждаться, и притомъ въ той степени, какъ себя приговорилъ. „Удѣлъ блаженства, говоритъ преосв. Теофанъ, выражая святоотеческое ученіе, каждому присудится и данъ будетъ

¹⁾ На пс. LXXII, 45–47. Library, vol. VI. 426.

²⁾ Ефремъ Сир. Сл. 141, 27. т. V, 313

— 141 —

такой, сколько кто вмѣститъ можетъ въ себя сего блаженства; вмѣстимость же сія одредѣляется тѣмъ, какъ кто раскрылъ свое естество для принятія небесныхъ благъ, а раскрытіе это зависитъ отъ трудовъ надъ собою. Если разны сіи труды, разное раскрытіе естества; если раскрытіе сіе разное, разная вмѣстимость; если разная вмѣстимость, разная и степень блаженства. Относительно разности мученій можешь судить по противоположности сему, т. е. они будутъ соотвѣтственны степени погруженія въ грѣхи и ожесточенія въ них" ¹⁾.

Изложенное ученіе св. отцевъ Церкви о возмездіи и объясняетъ, почему въ ихъ умахъ никогда не возникала та раздвоенность, то противорѣчіе между правосудіемъ и любовію Божественной, которое никакъ не могли разрѣшить различныя еретическія секты. Секты эти стояли всецѣло на почвѣ своихъ прежнихъ языческихъ или подзаконныхъ понятій и брали понятіе правосудія въ римскомъ смыслѣ. Правосудіе Божіе, по ихъ мнѣнію, означало такое свойство въ Богѣ, по которому Онъ не можетъ простить ни одного грѣха безъ соотвѣтствующаго удовлетворенія. Между тѣмъ христіанство провозгласило, что Господь есть любовь и что Онъ проститъ человѣку все, лишь бы только онъ обратился и принялъ предлагаемый ему даръ. Конечно, этимъ само собою отрицалось привычное язычнику понятіе о карающей Фемидѣ, которая не допускаетъ никому никакого снисхожденія. Для язычника выводъ отсюда только одинъ: христіанскій Богъ не можетъ быть однимъ и тѣмъ же съ Богомъ правды. Явился гностическій и пр. дуализмъ.

Въ твореніяхъ же отцевъ правда Божія и любовь никогда не ставятся одна противъ другой, если, конечно, не вызываетъ на то споръ съ тѣми же еретиками. Это и понятно. Правду Божію они, согласно съ Св. Писаніемъ,

понимали не въ смыслѣ карающаго гнѣва, а въ смыслѣ такого свойства Божія, покоторому Богъ „каждому“, т. е. свободному существу, „воздаеть по дѣламъ его“, т. е. сообразно тому, куда человекъ себя опредѣлилъ.

Прекрасно можно видѣть это свойство правды Божіей, въ отличіе отъ правды человѣческой, въ XXXIII-й главѣ пророка Іезекиіля. Стоя на своей человѣческой точкѣ зрѣнія,

1) Письма къ одному лвцу. стр. 106.

— 142 —

Народъ еврейскій думалъ, что нѣтъ ему помилованія отъ Бога: „преступленія и грѣхи наши на насъ и мы истаяваемъ въ нихъ“, беззаконій своихъ человекъ никогда забыть нельзя, совершеннаго нельзя признать небывшимъ. А разъ не забыты грѣхи нужно, слѣдовательно, ждать себѣ наказанія за нихъ, такъ какъ правда требуетъ удовлетворенія. „Какъ же мы можемъ жить?“, въ отчаяніи восклицаютъ израильтяне. Въ отвѣтъ на эти-то грѣховныя сѣтованія, Господь и открываетъ истинное свойство Своего Правосудія. „Скажи имъ: живу Я, говоритъ Господь (такъ важно было это сообщеніе и такъ оно могло показаться невѣроятнымъ съ людской точки зрѣнія, что Господь клянется Собою въ непреложной истинѣ Своихъ словъ): не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился и живъ былъ. Обратитесь, обратитесь отъ злыхъ путей вашихъ; для чего вамъ умирать, домъ Израилевъ?“ (ст. 10—11). Грѣхъ, такимъ образомъ, никогда не можетъ окончательно побѣдить благоволенія Божія къ человекъ. Господь всегда Одинъ и тотъ же и всегда желаетъ спасенія грѣшника. Богъ не человекъ, чтобы преслѣдовать когонибудь за прошлые грѣхи. Да оставитъ нечестивый путь свой и беззаконникъ помысли свои, и да обратится къ Господу,—и Онъ помилуетъ его, и къ Богу нашему, ибо Онъ многомилостивъ. Мои мысли— не ваши мысли; ни ваши пути—пути Мои, говоритъ Господь. Но, какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ“ (Ис. 55, 7—9). Согрѣшившій Израиль, такимъ образомъ, не долженъ судить по человѣчески, онъ долженъ ожидать отъ Бога и милосердія Божескаго. „И ты, сынъ человѣческой, продолжаемъ мы читать въ книгѣ пророка Іезекиіля,... скажи сынамъ народа твоего: праведность праведника не спасетъ въ день преступленія его, и беззаконникъ за беззаконія свои не падаетъ въ день обращенія отъ беззаконія его, равно какъ и праведникъ въ день согрѣшенія своего не можетъ остаться въ живыхъ за свою праведность (ст. 12). Вотъ то основное представленіе о правдѣ Божіей, которое раскрылъ

въ своихъ писаніяхъ святой апостоль Павелъ. По закону правды чловѣческой. Каждый поступокъ имѣеть свою цѣнность самъ по себѣ, и никогда этой цѣнности не потеряеть, будь онъ совершенъ десятки лѣтъ назадъ, и пусть о немъ позабудутъ всѣ. Воздаяніе за него должно послѣдовать, не смотря ни на что. Поэтому, покаяв-

— 143 —

шійся разбойникъ всетаки долженъ понести слѣдующее наказаніе за прежніе дѣла: а съ другой стороны, праведникъ за свою праведность долженъ пользоваться нѣкоторымъ свисхожденіемъ. Не такъ правда Божія. Господь разъ навсегда опредѣлилъ, что смерти грѣшника Онъ не желаетъ, поэтому, простивъ чловѣку всякій грѣхъ настоящій, прошедшій и будущій, Господь устремляется къ чловѣку и предлагаетъ ему жизнь, предлагаетъ безразлично всѣмъ и праведнымъ и грѣшнымъ. Но, конечно, необходимо, чтобы люди приняли этотъ даръ. Разъ они отвращаются, то будь они праведные или грѣшные, одинаково лишатся жизни, потому что Господь не насилуетъ никого. Но, если они предлагаемую жизнь принимаютъ, тогда тоже никакое прошлое чловѣка не вспоминается, Господь дождитъ на праведныя и неправедныя. „Когда Я скажу праведнику, что онъ будетъ живъ, а онъ понадѣется на свою праведность (подумаетъ, что онъ за нее жилъ, а не по милости, станетъ такимъ образомъ на чловѣческую точку зрѣнія) и сдѣлаеть неправду, то всѣ праведныя дѣла его не помянутся,— и онъ умретъ отъ неправды своей, какую сдѣлалъ". Это и понятно. Господь прощаетъ чловѣка и даетъ ему жизнь не потому, что получилъ отъ него удовлетвореніе за грѣхи, а просто потому, что рѣшилъ простить чловѣка и дать ему жизнь, такъ какъ, иначе чловѣкъ погибнетъ. Какой же смыслъ будетъ имѣть предшествующая праведная жизнь, если въ настоящій моментъ, когда чловѣку дается жизнь, онъ оказывается совершающимъ грѣхъ? Не смотря на всю милость Божию чловѣкъ этотъ погибнетъ, потому что принять жизни онъ не хочетъ. Наоборотъ, когда скажу беззаконнику: „ты смертію умрешь", и онъ обратится отъ грѣховъ своихъ и будетъ творить судъ в правду, если этотъ беззаконникъ возвратитъ залогъ, за похищенное заплатитъ, будетъ *ходить по законамъ жизни*, не дѣлая ничего худого,—то онъ *живъ будетъ*, не умретъ. Ни одинъ изъ грѣховъ его, какіе онъ сдѣлалъ, не помянется ему; онъ сталъ творить судъ и правду, онъ будетъ живъ" (12—16). Почему же такъ? Это объясняется подробно въ гл. XVIII. „Если, читаемъ мы тамъ, праведникъ отступаетъ отъ правды своей и дѣлаеть беззаконіе и за то умираетъ, то онъ умираетъ за беззаконіе, которое сдѣлалъ (онъ въ такомъ

состояніи теперь, что жить не можетъ). И беззавонникъ, если обращается отъ беззаконія своего, какое дѣлалъ, и творить

— 144 —

судъ и правду,—*къ жизни возвратилъ душу свою*. Ибо онъ увидѣлъ и обратился отъ преступленій своихъ, какія дѣлалъ; онъ живъ будетъ, не умретъ" (26—28). Вотъ причина, почему одинъ живетъ, а другой умираетъ, не смотря на то, что первый былъ беззаконникъ, а второй праведникъ: первый возвратился къ жизни, и потому живетъ; послѣдній же имѣлъ жизнь, но отступилъ отъ нея, потерялъ ее, и потому естественно долженъ умереть. „Развѣ Я хочу смерти беззаконника? говоритъ Господь Богъ. Не того ли, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ"? (23). Причина смерти въ самомъ человѣкѣ. Что же дѣлать Израилю? „Покойтесь и обратитесь отъ преступленій вашихъ, чтобы нечестіе не было вамъ преткновеніемъ. Отвергните отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми согрѣшали вы, и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ (этимъ вы вступите въ жизнь); и зачѣмъ вамъ умирать домъ Израилевъ? Вѣдь, вы причина своей смерти, а не Я. „Ибо Я не хочу смерти умирающаго (если онъ умираетъ, это не значить, что Господь присудилъ его къ смерти, хотя онъ и имѣетъ силу жить и блаженствовать,—онъ умираетъ отъ себя), говоритъ Господь Богъ; но обратитесь и живите", и вы будете жить (30—32).

Въ этомъ и состоитъ праведное воздаяніе человѣку, „по путямъ его" (Иез. XVIII, 29—30). „Поэтому—то, говоритъ св. Іустинъ Мученикъ въ объясненіе словъ пророка Іезекііля, намъ Господь Іисусъ Христосъ и сказалъ: въ чемъ Я найду васъ, въ томъ и буду судить" 1).

Правда Божія, слѣдовательно, обнаруживается и дѣйствуетъ не тавъ, что Богъ для своего удовлетворенія хочетъ мученія и смерти грѣшника, хотя бы эхоть послѣдній и былъ способенъ къ жизни,—а такъ, что Богъ, какъ именно Святой Носитель жизни и истины, отъ вѣчности далъ право на жизнь и блаженство только добру (Быт. I, 31) и осудилъ зло, какъ прямое отрицаніе Божественной жизни, на смерть и мученіе. Поэтому, всякое бытіе, избирающее по своей волѣ (иначе не было бы правды, а произволь) зло, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на опредѣленную злу участь: грѣшникъ долженъ умереть. Дѣйствіе правды Божіей въ жизни отдѣльной личности теперь состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы каждому воздать ту

1) Разг. съ Триф. 47. стр. 219. С Изд. Преображенскаго).

участь, какая естественно слѣдуетъ изъ принятаго каждымъ направленія жизни. „Отець Небесный хочетъ покаянія грѣшника, а не мученія его 1),— но, если грѣшникъ выбираетъ смерть, то онъ самъ отъ себя и умираетъ. Это не значить, что грѣшникъ наказывается помимо Бога: такъ было бы только въ томъ случаѣ, если бы виновникомъ настоящаго, противнаго злу устроенія міра (по которому зло погябаеть, грѣхъ наказывается) былъ не Богъ, а кто-нибудь другой. А такъ какъ міръ и законы его бытія своимъ началомъ имѣютъ волю Божию, то и первой причиной наказанія зла служить ничто иное, не какая-нибудь независимая отъ Бога сила, римскій фатумъ, а та же правда Божія, только руководится она уже не чувствомъ оскорбленія, а нравственнымъ достоинствомъ бытія. Эта-то правда и не можетъ противорѣчить любви, потому что она побѣждается не желаніемъ удовлетворенія, исключаяющимъ любовь, а прямой невозможностью, не отрицая Себя, даровать миръ и жизнь беззаконію.

1) 1-я Апол. 15. Ibid. стр. 51.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спасеніе.

Если съ православной точки зрѣнія высшее благо человѣка заключается въ святости, и если это благо достигается не рядомъ отдѣльныхъ заслугъ, а приготовленіемъ къ его воспріятію, то и въ понятіи о спасеніи естественно на первое мѣсто должна выступить его нравственная сторона и внутреннее, а не внѣшнее опредѣленіе.

Спасеніе, говоря общепринятымъ языкомъ, есть избавленіе человѣка отъ грѣха, проклятія и смерти. Это опредѣленіе одинаково можетъ принять и православный, и послѣдователь правового міровоззрѣнія. Но весь вопросъ въ томъ, что каждый изъ нихъ считаетъ въ спасеніи наиболѣе важнымъ и существеннымъ.

Себялюбецъ на первомъ мѣстѣ поставитъ, конечно, послѣдствія грѣха для благополучія человѣка, т. е. смерть, страданія и пр. Проклятіе, отчужденіе отъ Бога тоже представляется ему пагубнымъ опять таки потому, что приводитъ къ страданію. Понятно, что спасеніе онъ объяснитъ себѣ, какъ избавленіе отъ страданія, причиненнаго грѣхомъ. Далѣе, такъ какъ сущность грѣха и его нежелательность самого въ себѣ ускользаютъ отъ сознанія себялюбца, то естественно, что и самый способъ избавленія представляется ему неправильно, односторонне. Не понимая, почему

грѣхъ ведетъ къ смерти и пр., себялюбецъ объясняетъ это себѣ только внѣшне,—тѣмъ, что Богъ прогнѣванъ и потому наказываетъ. Поэтому, и спасеніе онъ понимаетъ только, какъ перемѣну гнѣва Божія на милость, представляетъ себѣ въ видѣ дѣйствія, совершающагося только въ Божественномъ сознаніи и не касающагося

— 147 —

души человѣка. А разъ спасеніе или, говоря точнѣе, оправданіе есть вышеестественное дѣло Божественнаго сознанія, то и слѣдствіе оправданія—освященіе естественно приписать тому же Божественному рѣшенію. Отсюда—то сверхъестественное превращеніе, которымъ протестанство и католичество хотять уничтожить въ оправданномъ человѣкѣ грѣхъ (такъ какъ грѣхъ и послѣ оправданія навлекать—бы на человѣка гнѣвъ Божій).

Конечно, человѣческое сознаніе должно было бы возстать противъ такого извращенія душевной жизни: вѣдь, душа не какое—нибудь вещество, чтобы въ ней было возможно такое помимовольное превращеніе. Но умъ нерѣдко не предписываетъ, а покорно слѣдуетъ чувству и волѣ,—такъ и здѣсь. Такъ какъ все вниманіе грѣховнаго человѣка устремлено къ тому, чтобы не страдать, чтобы получить безбѣдную жизнь въ самоуслажденіи, то онъ и не думаетъ много о томъ, какимъ путемъ достигается эта возможность вѣчно благодушествовать. Мало того, помимовольное превращеніе его души ему было бы еще желательнѣе. Добра онъ не любитъ, труда надъ собой ради святости онъ не понимаетъ и боится, жертвовать любезнымъ ему грѣхомъ—ему тяжело и непріятно. Чего лучше, если, безъ всякихъ усилій съ его стороны, безъ непріятнаго напряженія и борьбы съ собой, его вдругъ сдѣлають любящимъ добро и исполняющимъ волю Божию и за то блаженствующимъ? Это и есть то самое, чего нужно его себялюбивой и саможалбующей природѣ.

Между тѣмъ, для православнаго грѣхъ самъ по себѣ, помимо всякихъ своихъ гибельныхъ послѣдствій, составляетъ величайшее зло, и даже онъ одинъ и является „зломъ въ собственномъ смыслѣ“, какъ говоритъ св. Василій Великій ²⁾, „зломъ дѣйствительнымъ“. Все же, что считается зломъ только „по болѣзненности ощущенія“, съ точки зрѣнія саможалбнія,— все это для православнаго „зло только мнимое, имѣющее силу добра“ ²⁾. Смерть сама по себѣ не страшна для православнаго, онъ боится „смерти, скрывающейся внутри, въ сердцѣ“, боится „смерти внутренней“, потому что только она и есть

1) Бес. 9. Богъ—не виновникъ зла. Т. IV, 137. Изд. 1892.

2) Ibid. стр. 141.

— 148 —

для него „истинная смерть* 1); Освободить истиннаго послѣдователя Христова отъ всѣхъ послѣдствій грѣха, но не освободить отъ самаго грѣха, значить не только не спасти его, но и подвергнуть самой горькой и страшной участи, какую только онъ можетъ себѣ вообразить: вѣчно жить и вѣчно грѣшить,—это для него хуже геенны. „Если бы,—говорить Климентъ Александрійскій,—мы могли представить, чтобы кто-нибудь предложилъ гностику (истинному), желаетъ ли онъ выбрать познаніе Бога и вѣчную жизнь, и если бы эти двѣ вещи, которыя совершенно тождественны, были раздѣлены,—то гностикъ безъ малѣйшаго колебанія избралъ бы познаніе Бога, признавая, что обладаніе вѣрой, которая отъ любви восходитъ къ познанію, желательна само по себѣ" 2). Истинный христіанинъ предпочелъ бы быть святымъ и страдать, чѣмъ вѣчно блаженствовать и грѣшить. Отсюда очевидно, что и въ понятіи спасенія православный на первое мѣсто поставитъ освобожденіе отъ грѣха самого въ себѣ, избавленіе же отъ мукъ и страданій приметъ въ качествѣ простаго слѣдствія, которое въ сущности ничего не прибавляетъ къ получаемому благу,— такъ оно незначительно сравнительно съ благомъ въ собственномъ смыслѣ. Спасеніе для православнаго прежде всего и главнымъ образомъ есть избавленіе отъ грѣха. Такъ, дѣйствительно, и учать о немъ Св. Писаніе и отцы церкви.

Ветхій Завѣтъ былъ, конечно, временемъ сѣни и гаданій: свѣтлую пору избавленія вѣтхозавѣтнѣй челоуѣкъ представлялъ себѣ болѣе подъ видомъ возстановленія царства еврейскаго въ обѣтованной землѣ. Однако, лучшіе люди не забывали, что рѣчь идетъ прежде всего о царствѣ *Божіемъ*, что Господь возстановлялъ это царство ради Себя Самого (Ис. XLVIII, 11), а не ради благодушія собственно Израильтянъ. Поэтому, описывая будущаго Спасителя и будущее царство, пророки не забывали указать, гдѣ это нужно было, что Спаситель приведетъ свой народъ ни къ чему иному, какъ къ святости, что радость будущаго будетъ сосредоточиваться въ возможности быть всегда съ Богомъ, угождать предъ лицомъ Его и приносить Ему жертвы благопріятныя. Вотъ, напр., св. царь и пророкъ Давидъ. „Блаженство" челоуѣка онъ ви-

1) Макарій Егип. О храненіи сердца II, стр. 464.

2) Строматы. IV, XXII. Clark's Library vol. XII, p. 152.

дить въ томъ, чтобы „не ходить на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшниковъ не стоять" Пс. I, 1); закоаъ усть (Божіихъ) –быль (для него) лучше тысячъ злата и серебра (CXVIII, 72); „соблюдать слова (Божіи онъ считаль) удѣломъ своимъ", признаваніемъ, цѣлью и смысломъ жизни (ст. 57), поэтому, и страданія ради Бога и закона Божія были вожделѣнны для него: „благо мнѣ—говорить онъ,—что я пострадалъ, дабы научиться уставамъ Твоимъ" (ст. 71). Зло для него, слѣдовательно, скорѣе въ грѣхѣ, чѣмъ въ страданіи. Отсюда, и основная мысль спасенія—въ избавленіи отъ грѣха для святости. „Вывель (Господь) народъ свой въ радости, избранныхъ своихъ въ веселіи. И даль имъ земли народовъ, и они наслѣдовали трудъ иноплеменныхъ (но все это затѣмъ), чтобы соблюдали уставы Его и хранили законы Его" (Пс, CIV 43— 45), чтобы утвердить среди нихъ царство добра. Поэтому, прося Господа „ублажить благоволеніемъ Сіона и создать стѣны Іерусалимскія", пророкъ немедленно же, какъ особенно замѣтную черту будущаго благополучія, указываетъ въ томъ, что „тогда благоволиши жертву правды, возношенія и всесожигаемая, тогда возложить на алтарь твой тельцы" (L, 20—21), т. е. будущее царство должно быть царствомъ благочестія, союза съ Богомъ, который (союзъ) такъ часто нарушали грѣхлюбивые Израильтяне. Союзъ съ Богомъ, какъ конецъ спасенія, состоитъ не только въ томъ, что человекъ здѣсь находитъ вѣчный покой своей душѣ, ничѣмъ ненарушаемое чувство безопасности, но и въ томъ, что Господь „наставитъ его на стезю правды", что соблюдаетъ его не только отъ зла внѣшняго, но и нравственнаго (Пс. XXII, 2. 5. 3).

Св. пророкъ Исаія изображаетъ свѣтлый день Іерусалима и воцареніе отрасли Іессеевой. Пророкъ описываетъ, какъ не будутъ затворятся ворота города отъ множества приходящихъ богатствъ, какъ горделивые враги народа Божія будутъ лизать персть предъ нимъ и т. п. Но опять эти черты только предисловіе, только открытіе царства Божія, которое, конечно, прежде должно восторжествовать, должно сначала побѣдить ему противное, а потомъ и открыться въ силѣ. Но въ чемъ будетъ жизнь будущаго царства? Это будетъ царство мира. „Тогда, говоритъ пророкъ, волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ и молодой девъ и волкъ будутъ вмѣстѣ, и малое

дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и

дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солону. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. *Не будутъ дѣлать зла и вреда на святой горѣ моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море*" (Ис. XI. 6—9). Вотъ существенная черта царства отрасли Иессеевой—знаніе Бога и святость. Это знаніе будетъ главнымъ источникомъ и всеобщаго' довольства въ будущемъ царствѣ. „Возстань, свѣтись, Іерусалимъ, ибо пришелъ твой свѣтъ, и слава Господня возшла надъ тобою". Въ чемъ эта слава? „Ты будешь насыщаться молокомъ народовъ, и груди царскія сосать будешь", но это только для того, чтобы узнать, что „Я, Господь—Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Израилевъ". Это только для начала проповѣди о царствѣ. Блаженство же его въ томъ, что „не будетъ уже солнце служить тебѣ свѣтомъ дневнымъ, и сіяніе луны—свѣтитъ тебѣ; но *Господь будетъ тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ, и Богъ твой славою твоею*". Народъ Божій не будетъ тогда думать о себѣ, о своемъ благополучіи, Господь будетъ его свѣтомъ, единственнымъ содержаніемъ его жизни, самой высшей утѣхой. Потому-то это блаженство и будетъ нескончаемымъ, будетъ въ собственномъ смыслѣ вѣчною жизнію. „Не зайдетъ уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, (да и не можетъ сокрыться, ибо это не самоуслажденіе, которое по природѣ измѣнчиво, которое можетъ старѣть, но) Господь будетъ для тебя вѣчнымъ свѣтомъ, и окончатся дни сѣтованія твоего". Необходимымъ же признакомъ этого вѣчнаго блаженства въ союзѣ съ Богомъ будетъ то, что „народъ твой весь будетъ праведный" (Ис. LX, 1. 16. 19—21. Ср. 29, 22—24; 33, 5—6). „Тогда оставшіеся на Сіонѣ и уцѣлѣвшіе въ Іерусалимѣ будутъ именоваться святыми, всѣ вписанные въ книгу для житія въ Іерусалимѣ, когда Господь *омоетъ скверну* дочерей Сіона и очиститъ кровь Іерусалима изъ среды его духомъ суда и духомъ огня" (Ис. IV, 3—4). Вотъ какими свойствами будетъ отличаться царство Господне и вотъ въ чемъ послѣдняя цѣль возстановленія Сіона.

Провидѣль пришествіе праведной Отрасли Давида и св. пророкъ Іеремія и изобразилъ это пришествіе въ тѣхъ же чертахъ. То будетъ царство вѣдѣнія, опредѣленности въ

— 151 —

нравственной жизни. „Поставлю надъ ними (овцами народа Израилева) пастырей, которые будутъ пасти ихъ, и онѣ уже не будутъ бояться и пугаться и не будутъ теряться, говоритъ Господь". Въ главѣ же этого царства будетъ Отрасль Давидова, праведная, производящая судъ и

правду на землѣ, и „вотъ—имя Его, которымъ будутъ называть Его: Господь оправданіе наше" (Іер. XXIII, 4. 5. 6). Поэтому и все царство будетъ царствомъ святости и правды. „Такъ говоритъ Господь Саваофъ Богъ Израилевъ: впредь, когда Я возвращу плѣнь ихъ (когда спасу ихъ), будутъ говорить на землѣ Іуды и въ городахъ его сіе слово: да благословитъ тебя Господь, жилище правды, *гора святая*" (Іер. XXXI, 23. Ср. 3, 12—19; 24, 6—7)...

Тоже провидѣль и св. пророкъ Іезекіиль. Вѣчное царство, которое откроетъ Господь въ Сіонѣ, будетъ утверждаться на самомъ тѣсномъ, внутреннемъ общеніи народа съ Богомъ, а это само собою уже предполагаетъ праведную жизнь. „На этой землѣ, па горахъ Израіля Я сдѣлаю ихъ (Іуду и Іосифа) однимъ народомъ, и одинъ Царь будетъ царемъ у всѣхъ ихъ, и не будутъ болѣе двумя народами и ул:е не будутъ впередъ раздѣляться ва два царства (ср. Іо. XVII, 21—23). И *не будутъ уже осквернять себя* идолами своими и мерзостями своими и *всякими пороками* своими и освобожду ихъ изъ всѣхъ мѣсть жительства ихъ, гдѣ они грѣшили, и *очищу ихъ*,—и будутъ Моимъ народомъ, и Я буду ихъ Богомъ". Избавленіе Израіля изъ азыческаго плѣна въ устахъ Божіихъ значить, слѣдовательно, избавленіе Израіля изъ тѣхъ мѣсть, гдѣ они грѣшили, значить прекращеніе ихъ грѣха и очищеніе ихъ. Это прекращеніе грѣха и соединитъ Израіля въ единый нераздѣльный народъ и сдѣлаетъ вѣчнымъ его общеніе съ Богомъ. „Будутъ моимъ народомъ, и Я буду ихъ Богомъ. А рабъ мой Давидъ будетъ Царемъ надъ ними и Пастыремъ всѣхъ ихъ, и они *будутъ ходить въ заповѣдяхъ Моихъ и уставы Мои будутъ соблюдать и выполнять ихъ*. И будутъ жить ва землѣ, которую Я далъ рабу Моему Іакову, на которой жили отцы ихъ; тамъ будутъ жить они и дѣти ихъ и дѣти дѣтей ихъ во вѣки; и рабъ Мой Давидъ будетъ княземъ у нихъ вѣчно. И заключу съ ними завѣтъ мира, завѣтъ вѣчный будетъ съ ними. И устрою ихъ и размножу ихъ и поставлю среди нихъ святы—

— 152 —

лице Мое на вѣки. И будетъ у нихъ жилище Мое, и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ" (Іез. XXXVII, 22—27. Ср. 11, 17—20; 36, 24—28).

Св. пророкъ Малахія, хочеть, повидимому, высказать чаянія всего ветхозавѣтнаго человѣчества, когда говоритъ о пришествіи „Господа, Котораго *вы* (народъ израильскій) *ищете*, и объ Ангелѣ завѣта, Котораго *вы желаете*". Какого же Господа желали въ Ветхоиъ Завѣтъ? „Вотъ, Онъ

(Господь, Ангель завѣта) идетъ, говорить Господь Саваофъ. И кто выдержитъ день пришествія Его, и кто устоитъ, когда Онъ явится"? Однако, эта невыносимость пришествія Ангела зависитъ не отъ того, что Онъ будетъ грознымъ, карающимъ Судіей. Ангель будетъ страшенъ и невыносимъ только для коснѣющихъ во грѣхъ и боящихся работы надъ собою и невыносимъ потому, что Онъ придетъ обновить людей нравственно, пересоздать ихъ для новаго благопріятнаго и вѣчнаго служенія Богу. „Кто устоитъ, когда Онъ явится? Ибо Онъ—какъ огонь расплавляющій и какъ щелокъ очищающій, и сядетъ переплавлять и очищать серебро и *очиститъ сыновъ Левія и переплавитъ ихъ*, какъ золото и какъ серебро, чтобы приносили жертву Господу въ правдѣ. Тогда благопріятна будетъ Господу жертва Іуды и Іерусалима, какъ во дни древніе и какъ въ лѣта прежнія" (Мал. III, 1—4).

Это обновляющее дѣйствіе будущаго царства и въ тѣхъ же чертахъ изображаетъ и пророкъ Захарія: „И будутъ на всей землѣ, говоритъ Господь, двѣ части на ней будутъ истреблены, вымрутъ, а третья останется на ней. И введу эту третью часть въ огонь и расплаблю ихъ, какъ плавятъ серебро. и очищу ихъ, какъ очищаютъ золото: они будутъ призывать имя Мое, и Я услышу ихъ и скажу: это—мой народъ, и они скажутъ: Господь—Богъ мой" (Зах. 13, 8—9). Въ томъ царствѣ будетъ вѣчный міръ (9, 10),—Господь будетъ „жить въ Іерусалимѣ, и будетъ называться Іерусалимъ городомъ истины, и гора Господа Саваофа—горою святыни (8, 3).

Пророкъ Софонія весьма сильными чертами описываетъ внѣшнюю сторону будущаго спасенія, которое придетъ въ день гнѣва Божія (3, 8); притѣснители народа будутъ стѣснены, и, вмѣсто теперешняго униженія народу Божию дарованы будутъ именитость и почетъ (ст. 19—20). Но основаніе для такой переаіѣны заключается именно во внутрен-

— 153 —

немъ обновленіи народа. „Тогда опять Я дамъ народамъ уста чистыя, чтобы всѣ признавали имя Господа и служили Ему единомушно. Изъ зарѣчныхъ странъ Эфіопіи поклонники Мои дѣти разсѣянныхъ людей—принесутъ Мнѣ дары. Въ тотъ день ты не будешь срамить себя всякими поступками твоими, какими ты грѣшилъ противъ Меня, ибо тогда Я удалю изъ среды твоей тщеславящихся твоею знатностью, и не будешь болѣе превозноситься на святой горѣ Моей. Но оставлю у тебя народъ смиренный и простой, и они будутъ уповать на имя Господне. Остатки Израиля не будутъ дѣлать неправды, не станутъ говорить лжи, и не найдется въ устахъ ихъ языка коварнаго, ибо сами будутъ пастись и

покоиться, и никто не потревожит их". Главная же радость будущего вѣка—въ живомъ общеніи съ Богомъ: „Господь Богъ твой—среди тебя" (Соф. 3, 9—13. 17).

Такимъ образомъ, пророки рисуютъ въ самыхъ сильныхъ чертахъ будущее торжество Израиля надъ народами, описываютъ возстановленіе Іерусалима и царства Израильскаго, описываютъ будущее богатство, благополучіе и пр. Однако эти черты не поглощаютъ всего ихъ вниманія, мало того, эти черты болыпе говорятъ о началѣ царства, а не о его существѣ. Но лишь только пророки переходятъ къ описанію того, какъ и чѣмъ будетъ наслаждаться Израиль въ будущемъ царствѣ,—сразу же въ ихъ рѣчахъ выступаетъ, въ качествѣ главной, основной черты этого царства, его святость, Богоугодность, свобода отъ всякаго грѣха. Мессія чрезъ то самое, что Онъ освободитъ народъ изъ плѣна, дастъ ему возможность жить свято и въ общеніи съ Богомъ. Тяжело, конечно, было чужеземное рабство, тяжела вся вообще бѣдственность жизни, но главный гнетъ, давившій нравственное сознание истиннаго Израиля, былъ всетаки грѣхъ. Потому и избавленіе отъ него было главнымъ содержаніемъ понятія о спасеніи.

Эта основная мысль пророчества замѣчательно ясно выражается на рубежѣ двухъ Завѣтовъ отцемъ Іоанна Крестителя, священникомъ Захаріею. „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, что посѣтилъ народъ свой, и сотворилъ избавленіе ему: и воздвигъ рогъ спасенія намъ въ дому Давида, отрока Своего; какъ возвѣстилъ устами бывшихъ отъ вѣка святыхъ пророковъ Своихъ, что спасетъ насъ отъ враговъ на-

— 154 —

шихъ и отъ руки всѣхъ ненавидящихъ насъ, сотворитъ милость съ отцами нашими, и помянетъ святой завѣтъ Свой, клятву, которою клялся Онъ Аврааму, отцу нашему, дать намъ небоязненно, *по избавленіи* отъ руки враговъ нашихъ, *служить Ему* въ святости и правдѣ предъ Нимъ, во всѣ дни жизни нашей". Поэтому и призваніе новорожденнаго Предтечи будетъ „дать уразумѣть народу Божию спасеніе", именно, „въ прощеніи грѣховъ", цѣлью же „посѣщенія Востока свыше" будетъ „просвѣтитъ сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, направитъ ноги наши на путь мира" (Лук. 1, 68 — 75. 77. 78. 79).

Приходитъ, наконецъ, время родиться Самому Востоку свыше. Ангель является во снѣ Іосифу и повелѣваетъ ему назвать родящагося Младенца Іисусомъ. „Ибо, говоритъ Ангель, Онъ спасетъ людей Своихъ *отъ грѣховъ ихъ*" (Мф. 1, 21). Въ этомъ спасеніи отъ грѣховъ полагалъ Свое призваніе и Самъ Господь Іисусъ Христосъ. „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и

обремененные, и Я упокою васъ". Въ чинѣ постриженія прибавляется: „обремененные *грѣхами*", и эта прибавка вполне оправдывается дальнѣйшимъ ходомъ рѣчи. Въ чемъ состоитъ предлагаемое Христомъ упокоеніе? „Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ" (Мф. XI, 28—29). Покой, спасеніе—въ перемѣнѣ нравовъ. Вѣрный Своему призванію „взыскать и спасти погибшее", Сынъ Человѣческой приходитъ въ домъ Закхея, и говоритъ: „нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ (Закхей) сынъ Авраама". Слова же эти сказаны были въ отвѣтъ на восклицаніе Закхея: „Господи, половину имѣнія моего отдамъ нищимъ, и, если кого обидѣлъ, воздамъ въ четверо" (Лук. XIX, 10. 9. 8). Мытарь, сребролюбецъ по самому своему положенію, вдругъ разрѣшается отъ узъ своей страсти. Господь и называетъ это спасеніемъ.

Св. Апостоль Петръ убѣждаетъ своихъ читателей благодушно переносить всѣ скорби здѣшней жизни, чтобы „достигнуть наконецъ вѣрою спасенія душъ". Объ этомъ спасеніи провозвѣстили ветхозавѣтные пророки. „Посему, возлюбленные, пишетъ Апостоль, препоясавъ чресла ума вашего, бодрствуя совершенно уповайте на подаваемую вамъ благодать въ явленія Иисуса Христа. Какъ послушныя дѣти,

— 155 —

не сообразуйтесь съ прежними похотями, бывшими въ невѣдѣніи вашемъ; но, по примѣру призывавшаго васъ Святаго, и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ, зная, что не тлѣннымъ серебромъ или золотомъ *искуплены вы отъ суетной жизни*, преданной отъ отцевъ, по драгоценною Кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца" (I Петр. I, 9. 13— 15. 18).

Св. Апостоль Павелъ такъ описываетъ спасеніе, совершенное Иисусомъ Христомъ: „Мы были нѣкогда несмысленны, непокорны, заблудшіе, были рабы похотей и различныхъ удовольствій, жили въ злобѣ и зависти, были гнусны, ненавидѣли другъ друга. Когда же явилась благодать и человѣколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведнымъ, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею *возрожденія и обновленія* Святымъ Духомъ, Котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Иисуса Христа, Спасителя нашего". Благодать Божія, такимъ образомъ, принесла людямъ спасеніе въ возрожденіи и омовеніи душевныхъ неправдъ. Поэтому, прямой выводъ изъ проповѣди объ этомъ спасеніи, убѣждать всѣхъ, чтобы проводили праведную жизнь. „Слово это вѣрно (т. е. проповѣдь о явившейся благодати); и я желаю, чтобы ты

подтверждалъ о семъ, дабы (вотъ конецъ этой проповѣди) увѣровавшіе въ Бога старались быть прилежными къ добрымъ дѣламъ" (Тит. III, 3—6. 8). Иначе, возвѣщенная благодать къ нимъ относиться не будетъ, такъ какъ явившаяся благодать Божія потому и „спасительна всѣмъ чловѣкамъ" что „научаетъ насъ, чтобы отвергнувъ нечестіе и мірскія похоти, цѣломудренно и праведно благочестно жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ". Въ этомъ и цѣль и смыслъ дѣла, совершеннаго для насъ Іисусомъ Христомъ, такъ какъ „Онъ далъ Себя за насъ (для того, именно), чтобы *избавить насъ отъ всякаго беззаконія*, и очистить Себѣ народъ особенный, *ревностный къ добрымъ дѣламъ*" (Тит. II, 11—12. 14), чтобы „избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка (Гал. I, 4).— Спасеніе состоитъ въ томъ, что Богъ „избавилъ насъ отъ *власти тьмы*" ; а тьма эта была наше отчужденіе отъ Бога и грѣховная жизнь. „По расположенію къ злымъ дѣламъ", мы были враждебно настроены противъ Бога и отчуждены этимъ отъ Него (себялюбцу всякій, кто полагаетъ предѣлъ его хотѣнію, представляется врагомъ). Нынѣ Богъ прими-

— 156 —

рилъ насъ, чтобы *представить насъ святыми* и непорочными и неповинными предъ Собою". Но все это, конечно, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если мы пребываемъ въ своемъ призваніи: „Если только пребываете тверды и не поколебимы въ вѣрѣ, и не отпадаете отъ благовѣствованія, которое вы слышали" (Кол. I, 13. 21. 22. 23), иначе вражда наша противъ Бога опять воскреснетъ.—„Христось возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы *освятить ее, очистивъ* банею водною, посредствомъ слова; чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, *не имѣющею пятна, или порока*, или чего либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна" (Еф. V, 25—27). „Насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, Богъ, богатый милостію, по Своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, — оживотворилъ со Христомъ. (Мы) спасены благодатію чрезъ вѣру, и сіе не отъ (насъ) Божій даръ"; такъ что „мы Его твореніе, созданы во Христвѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять" (Еф. II, 4—5. 8. 10).

Главное въ вопросѣ о спасеніи полагается священными писателями въ грѣхѣ самомъ въ себѣ, даже независимо отъ его послѣдствій. Страданіе не есть зло для чловѣка,—зломъ является грѣхъ; отъ него жаждали избавиться люди Ветхаго Завѣта; свободу отъ него проповѣдалъ Христось съ апостолами Своими въ Новомъ. Это для насъ вполнѣ будетъ понятно, если мы вспомнимъ, въ чемъ христіанинъ полагаетъ свою истинную жизнь

и свое высшее благо. Если жизненная цѣль человека не самоуслаждение, не личное счастье, а святость ради Святаго Господа, тогда, конечно, и зломъ въ собственномъ смыслѣ для него будетъ не отсутствіе личного счастья, не страданіе, а отсутствіе святости, грѣховная враждебность до отношенію къ Богу и Его святому царству. Въ представленномъ ученіи Св. Писанія о спасеніи, такимъ образомъ, мы находимъ развитіе и, слѣдовательно, подтвержденіе той идеи блаженства въ святости, которую (идею) мы признаемъ основною въ православномъ жизнепониманіи.

Послѣ всего, что говорилось раньше о воззрѣніяхъ отцевъ Церкви относительно вѣчной жизни, возмездія и пр., вполне яснымъ становится и отеческое ученіе о существѣ и послѣдней цѣли спасенія.

— 157 —

Не могли отцы Церкви понимать спасеніе иначе, какъ спасеніе прежде всего отъ грѣховъ. „Елисей, говоритъ св. Іустинъ Мученикъ, бросивъ дерево въ рѣку Іорданъ, вызвалъ со дна желѣзный топоръ, съ которымъ сыны пророческіе пришли рубить деревья на постройку дома, чтобы въ немъ читать и размышлять о законѣ и поведѣніяхъ Божіихъ; такъ и Христосъ вашъ искупилъ насъ, *погруженныхъ въ тягчайшіе грѣхи*, содѣланные нами, — чрезъ Свое распятіе на деревѣ и и чрезъ освященіе насъ водою и *сдѣлалъ насъ домомъ молитвы и поклоненія*" 1). „Мы, говоритъ св. Іустинъ, еще будучи преданы блудодѣянію и всякому вообще гнусному дѣлу, *совлекли въ себѣ* благодатію, дарованною нашимъ Іисусомъ по волѣ Отца Его, *все нечистое и злое*, во что мы были облечены. На насъ возстаетъ діаволь, всегда дѣйствующій противъ насъ и желающій всѣхъ привлечь къ себѣ; но Агнецъ Божій, т. е. сила Божія, ниспосланная намъ чрезъ Іисуса Христа, запрещаетъ ему, и онъ удаляется отъ насъ. И мы какъ будто выхвачены изъ огня, потому что *избавлены и отъ прежнихъ грѣховъ*, и отъ мученія и пламени, которыя готовилъ намъ діаволь и всѣ слуги его и отъ которыхъ *опять* избавляетъ насъ Іисусъ Сынъ Божій" 2). Такимъ образомъ, св. Іустинъ не позабываетъ и послѣдствій грѣха, но избавленіе отъ нихъ представляется ему скорѣе призракомъ, послѣдствіемъ спасенія, чѣмъ его существомъ и главной цѣлью („*опять* избавляетъ"). Сущность же спасенія въ томъ, что Господь Іисусъ Христосъ даровалъ намъ силу, которою побѣждаемъ прилоги нападающаго на насъ діавола и пребываемъ свободными отъ своихъ прежнихъ страстей.

„По дѣйствию лукаваго, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, всѣ изнемогли во злѣ: поврежденіе стало столь тяжело и не исцѣльно, что ни пророки, ни священники не въ силахъ были совершенно уврачевать язвы. Посему—то

(вотъ причина) Святой Единородный Сынъ, видя, что все естотвенно изнемогаетъ *въ злѣ* (вотъ сущность бѣдствія), по волѣ Отца снисшедши съ неба,... пришелъ благодатию и щедротами уврачевать одержимыхъ разнообразными немощами и словомъ Своимъ исцѣлить всѣ болѣзни, всѣхъ избавилъ Онъ *отъ зловонія собствен-*

¹⁾ Разг. съ Триф. 86. Стр. 292. Изд. Преображенскаго.

²⁾ Триф. 116. стр. 337.

— 158 —

ныхъ язвъ ихъ" ¹⁾). Цѣль спасенія и смыслъ въ „избавленіи отъ зловонія собственныхъ язвъ" человѣка. „Я, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ въ другомъ мѣстѣ, спасся отъ множества долговъ, отъ легіона грѣховъ, отъ тяжкихъ узъ неправды и отъ сѣтей грѣха. Спасся отъ лукавыхъ дѣлъ, отъ тайныхъ беззаконій, отъ скверны растлѣнія, отъ мерзости заблужденій. Возсталъ я изъ этой тины, изникъ изъ этого рва, вышелъ изъ этой тьмы; уврачуй же, Господи, по неложному обѣщанію Твоему, всѣ немощи, какія видишь во мнѣ" ¹⁾). Въ этихъ словахъ преп. Ефремъ не только выражаетъ сущность спасенія со стороны его содержанія, но даетъ понять и самую форму его, способъ, какимъ оно совершается: оно не есть какое-нибудь внѣшне – судебное или магическое дѣйствіе, а развитіе постепенно совершающееся въ человѣкѣ дѣйствіемъ благодати Божіей, такъ что могутъ быть степени искупленія. „Совершенный, выражаетъ эту же мысль св. отецъ, христіанинъ всякую добродѣтель и всѣ превосходящія природу нашу совершенные плоды духа... производитъ съ услажденіемъ и духовнымъ удовольствіемъ, какъ естественные и обыкновенные, уже безъ утомленія и легко, не борясь болѣе съ грѣховными страстями, какъ *совершенно искупленный Господомъ*" ³⁾).

Ту же мысль можно найти въ очень ясной формѣ у св. Афанасія Александрійскаго. „Поелику, говоритъ онъ, естество человѣческое, претерпѣвъ измѣненіе, оставило правду и возлюбило беззаконіе; то Единородный содѣлался человѣкомъ, чтобы въ Себѣ Самомъ исправилъ сіе, *внушить* естеству человѣческому *любить правду* и ненавидѣть беззаконіе. Это и было причиной вочеловѣченія. Сего ради помаза Тя, Боже". Чего же именно ради? Чтобы возрадовались содѣлавшіеся Твоими причастниками; какъ помилованные за то, что научились у тебя любить правду и ненавидѣть беззаконіе" ⁴⁾).

Христось называется, по словомъ св. Григорія Богослова, „Избавленіемъ" (I Кор. 1, 30), какъ освобождающій насъ,

1) Сл. 128, т. V, 106.

2) Сл. 141, 3. т. V, 198.

3) Сл. 117. Ваставленіе монахамъ. т. V. 65. 4) Пс. 44. 8 т. IV. 171–172.

— 159 —

содержимыхъ *подъ грѣхомъ*. какъ давшій Себя за насъ въ искупленіе, въ очистительную жертву за вселенную" 1).

Итакъ, съ православной точки зрѣнія, сущность, смыслъ и послѣдняя цѣль спасенія человѣка состоитъ въ избавленіи его отъ грѣха и въ дарованіи ему вѣчной святой жизни въ общеніи съ Богомъ. О послѣдствіяхъ грѣха, о смерти, страданіи и пр. православный отнюдь не забываетъ, отнюдь не является неблагодарнымъ за избавленіе отъ нихъ Богу,—но это избавленіе не является для него главной радостію, какъ оно является въ жизнепониманіи правовомъ. Подобно апостолу Павлу, православный сокрушается не столько о томъ, что ему грозитъ наказаніе за грѣхъ, отъ котораго (грѣха) онъ не можетъ никакъ освободиться, сколько о томъ, что ему не „избавиться отъ сего тѣла смерти“, въ которомъ живетъ „инъ законъ, противовоюющій услаждающему его „закону ума“ (Римл. VII, 22—25). Не страхъ за себя, а желаніе святости, жизни по Богу заставляють скорбѣть истиннаго подвижника благочестія.

Если же въ этомъ сущность спасенія, тогда и самый способъ его становится для насъ опредѣленнымъ.

Если думать только о томъ, чтобы избавить человѣка отъ страданія, тогда совершенно безразлично, свободно ли или не свободно со стороны человѣка это избавленіе: все дѣло въ благодушіи человѣка. Но если человѣка нужно сдѣлать *праведнымъ*, нужно освободить именно отъ грѣха, тогда совсѣмъ не безразлично, будетъ ли человѣкъ только страдательнымъ предметомъ для дѣйствія сверхъестественной силы, или самъ будетъ участвовать въ своемъ избавленіи.

Поэтому—то, въ св. Писаніи и въ твореніяхъ отцевъ Церкви и замѣчается постоянное стремленіе убѣдить человѣка *совершать* свое спасеніе, потому что безъ собственныхъ усилій никто спастись не можетъ. То несомнѣнно, что „человѣкъ ничто безъ Бога; пока Богъ его содержитъ, управляетъ и просвѣщаетъ,—нѣчто есть и быти показуется: но когда Богъ свѣтъ Свой сокроеть и жизненную силу отниметь, тотчасъ исчезаетъ 2); и что, слѣдовательно, спасеніе можетъ

1) Сл. 30. т. III, 100

2) Св. Тихонъ Задонскій. т. II. 59.

быть приписано только милости Божіей. Однако, „человѣка Богъ украсиль даромъ свободы" 1) и далъ ему возможность совершать по свободному выбору то, что для животныхъ составляетъ даръ природы 2). И это для того, чтобы сдѣлать человѣка участникомъ въ жизни истинной, т. е. святой, Божественной, такъ какъ произвольная святость не можетъ быть святостью и высшимъ благомъ человѣка, и цѣлью его стремленій. „Не можетъ быть добро пріятнымъ людямъ и общеніе съ Богомъ не будетъ для нихъ дорого, не могли бы они особенно и искать добра, если бы оно существовало въ людяхъ безъ ихъ собственнаго усилія или прилежанія, было бы прирождено въ силу природы и безъ ихъ участія... Ибо, какъ могутъ радоваться добру тѣ, которые не знаютъ, что такое добро? Какую цѣну оно имѣло бы въ глазахъ тѣхъ, которые не стремятся къ нему? И могло ли бы быть оно вѣнцомъ для тѣхъ, которые отнюдь не бѣжали въ преслѣдованіи его подобно добѣдителямъ на ристалищѣ. Поэтому – то Господь сказалъ, что царство небесное есть удѣлъ употребляющихъ усиліе (Мф. XI, 12) 3). Святость, если она будетъ произвольнымъ достояніемъ природы, потеряетъ свой нравственный характеръ и превратится въ безразличное состояніе. „Нельзя быть добрымъ по необходимости"4).

Поэтому, равно неправильно представлять себѣ спасеніе дѣломъ, извнѣ вмѣняемымъ человѣку, какъ и сверхъестественнымъ превращеніемъ, происходящимъ въ человѣкѣ помимо участія его свободы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ оказывался бы только безвольнымъ предметомъ чужаго воздѣйствія, и святость, полученная имъ такииъ путемъ, ни-чѣмъ не отличалась бы отъ святости прирожденной, не имѣющей нравственнаго достоинства, и, слѣдовательно, совсѣмъ не тѣмъ высшимъ благомъ, котораго ищетъ человѣкъ. „Я, говоритъ св. І. Златоустъ, слышалъ многихъ, говорившихъ: для чего Богъ сотворилъ меня самовластнымъ въ добродѣтели?

1) Григорій Нисскій De orat Migne t. XLIV, 1189). т. I, 466.

2) f. Златоустъ. De stat. Пот. XII, 2. Migne. XLIX. 130.

3) Ириней Л. Противъ ересей, кн. IV, гл. XXXVII, 6.7. Library Clark a vol. IX, 40.

4) Οὐχ ἐστὶν ἀνάγκη καλὸν εἶναι. I. Златоустъ. In. I Corinth. Hom. II. 3 Migne. t. LXI, col. 21.

Но какъ возвести на небо тебя дремлющаго, спящаго, преданнаго порокамъ, роскоши, чревоугодію? Ты и тамъ не отсталъ бы отъ пороковъ"

1). Человѣкъ не воспріалъ бы насильно навязанной ему святости и остался бы при прежнемъ. Поэтому, хотя благодать Божія дѣлаетъ весьма много въ спасеніи человѣка, хотя можно все приписать ей, однако она „также нуждается въ вѣрующемъ, какъ писчая трость или стрѣла въ дѣйствующемъ" 2). „Не насиліемъ и самоуправствомъ, но убѣжденіемъ и добродушіемъ уготовляется спасеніе человѣка. Посему всякій полновластенъ въ собственномъ спасеніи" 3). И это не въ томъ только смыслѣ, что онъ страдательно воспринимаетъ воздѣйствіе благодати, такъ сказать, представляетъ себя благодати, но въ томъ, что онъ встрѣчаетъ предлагаемое ему спасеніе самымъ горячимъ желаніемъ, что онъ „ревностно устремляетъ свои очи къ свѣту (Божію)" 4). „Подвигоположникъ, говоритъ преп. Ефремъ Сиринь, всегда готовъ подать тебѣ Свою десницу, и возставитъ тебя отъ паденія. Ибо, какъ скоро ты *первый протянешь къ Нему руку*, Онъ подастъ тебѣ десницу Свою, чтобы возставитъ тебя" 5). А эта рѣшимость принять бдагодатную" помощь необходимо предпоагаетъ, что и въ послѣдующій моментъ, въ моментъ самаго воздѣйствія благодати человѣкъ не остается празднымъ, не ощущаетъ только свое спасеніе, но „дѣйствующей въ немъ благодати содѣйствуетъ" 6). Всякое добро, совершающееся въ человѣкѣ, всякій его нравственный ростъ, всякій переломъ, происходящій въ его душѣ, необходимо совершаются не внѣ сознанія и свободы, такъ что не другой кто-нибудь, а „самъ человѣкъ измѣняетъ себя, изъ ветхаго превращаясь въ новаго" 7). Спасеніе не можетъ быть какимъ-нибудь внѣшне-судебнымъ или физическимъ событіемъ, а необходимо есть дѣйствіе нравственное; и, какъ такое, оно необходимо пред-

1) Онъ-же Ibid. Hom XIV, 3. т. I, 245.

2) Кирилль Іерус. Catech. I, 3. Migne t. XXXIII, eol. 373.

3) Исидоръ Пелусіотъ. т. I, 394.

4)Иринея Л. Противъ ересей. кн. IV, гл. XXVII, 2. Ыъгагу Clark'». тоі. V, 468.

5) Сл. 84. т. IV, 41.

6) Тихон. Зад. т. IV, 144.

7) Григорій Нисскій. Contra Eun. orat. III. Migne t. XLY, col. 609.

полагаетъ, въ качествѣ неизбѣжнѣйшаго условія и закона, что человѣкъ самъ совершаетъ это дѣйствіе, хотя и съ помощію благодати. Благодать, хотя и дѣйствуетъ, хотя и совершаетъ все, но непремѣнно внутри свободы и сознанія. Это—основное православное начало, и его не нужно забывать, чтобы понять ученіе православной церкви о самомъ способѣ спасенія

человѣка.

Правовая точка зрѣнія предлагаєть двѣ несообразности въ ученіи о томъ, какимъ способомъ человѣкъ спасается: она, во-первыхъ, учитъ, что Богъ не вмѣняетъ человѣку грѣха и провозглашаетъ его праведнымъ, тогда какъ человѣкъ въ душѣ остается все тѣмъ же грѣшникомъ; и, во-вторыхъ, самое спасеніе, точнѣе освященіе человѣка представляєть въ видѣ сверхъестественнаго помимовольнаго пересозданія, почти вещественнаго превращенія совершаемаго въ душѣ біагодатію. Православная догматика можетъ употреблять тѣ-же выраженія, но содержаніе ихъ, конечно, будетъ далеко отлично.

Послѣ выясненнаго православнаго понятія о правдѣ Божіей, о возмездіи, о сущности спасенія нельзя представить себѣ, чтобы въ моментъ крещенія или покаянія совершалось какое-то невмѣненіе грѣха, какое-то провозглашеніе человѣка праведнымъ, пронунація, какъ говорятъ протестанты. По протестантскому ученію выходитъ, что Богъ все время былъ разгнѣванъ на человѣка, все время не могъ ему простить того оскорбленія, какое человѣкъ нанесъ Ему грѣхомъ. Потомъ, вдругъ, видя вѣру человѣка въ Іисуса Христа, Богъ примиряется съ человѣкомъ и не считаетъ его болѣе своимъ врагомъ, хотя человѣкъ и послѣ этого можетъ еще грѣшить, но уже безнаказанно. Здѣсь съ очевидностью обнаруживается то основное начало, которымъ живетъ правовое жизнепониманіе: все построено на оскорбленномъ самолюбіи,—разъ успокоено самолюбіе, тогда и грѣхъ, прежде осуждавшійся и подвергнутый проклятію, теряетъ свою грѣховность. Не такъ учитъ православная Церковь.

Можно ли представить, чтобы Богъ враждовалъ противъ человѣка за его грѣхъ, чтобы Богъ не могъ примириться съ человѣкомъ, хотя бы этотъ послѣдній всей душой жаждадъ Бога и молилъ объ общеніи съ Нимъ? Оставаясь вѣрными Слову Божію и ученію отцевъ, можемъ только сказать: нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, раскроемъ Библію, и тамъ прямо

— 163 —

съ первыхъ страницъ мы находимъ опроверженіе этого протестантскаго взгляда, хотя протестанты и хвалятся, что вѣрують только тому, чему учитъ Библія.

Если Богъ враждовалъ противъ человѣка за оскорбленіе грѣхомъ, то какъ намъ протестанты объяснять первобытную исторію человѣчества? Почему Господь, обличивъ Адама, не оставляетъ его на произволь судьбы, а устраиваетъ его жизнь и тутъ же даетъ ему самое радостное обѣтованіе,

что сѣмя жены сотретъ главу змія? Почему Господь, видя близость грѣха для Каина, является къ нему и предостерегаетъ? Почему, вообще, только для людей, „пренебрегавшихъ Духъ Божій" (Быт. VI, 3), только для нечестивыхъ, не желавшихъ обращенія, не было мира", т. е. примиренія съ Богомъ (Ис. LVII, 20—21) „боящійся же Бога и поступающій по правдѣ во всякомъ народѣ пріятель (быль) Ему" (Дѣян. X, 35)?

Очевидно, все это потому, что, говоря словами св. I. Златоустаго, „не Богъ враждуетъ противъ насъ, но мы противъ Него. Богъ никогда не враждуетъ" 1). Богъ всегдастремится къ человѣку, всегда влечетъ его къ Себѣ, но дѣло въ томъ, что человѣкъ не всегда повинуется призванію Божію. Въ этомъ случаѣ человѣкъ погибаетъ, но причиной—не гнѣвъ Божій, не нежеланіе Бога простить человѣку, а самъ человѣкъ, избирающій худое, котораго (худаго) Богъ не можетъ оставить жить, не можетъ даровать злу истину, принадлежащую только добру, не можетъ Богъ этого сдѣлать такъ же, какъ не можетъ умереть или солгать, потому что это было бы отрицаніемъ Божественнаго Существа. Но не мирясь съ грѣхомъ, любовь Божія всегда готова обратить и спасти человѣка. Грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога, а не Бога—отъ человѣка.

Замѣчательно ясно высказывается эта мысль у пророка Исаи. Напр.: „Такъ говоритъ Высокій и Превознесенный, вѣчно Живущій,—Святой имя Ему: Я живу на высотѣ небесъ и во святилищѣ, и также *съ сокрушенными духомъ и смиренными. чтобы оживлять духъ смиренный и оживлять сердца сокрушенныхъ. Ибо не вѣчно буду Я вести тяжбу и не до конца гнѣваться; иначе изнеможетъ предо Мною духъ*

1) 2 Кор. Бес. XI. Стр. 161.

и всякое дыханіе, Мною сотворенное" (Ис. LVII, 15 —16). Богъ, какъ Творецъ всего, могъ, конечно, быть только правдой карающей, но тогда бы погибъ человѣкъ. Поэтому, любовь Божія и не ставитъ грѣха безусловнымъ препятствіемъ для сближенія Бога съ человѣкомъ; всюду, гдѣ есть смиренный и сокрушенный сердцемъ, гдѣ замѣтно желаніе бросить грѣхъ и быть съ Богомъ, любовь Божія не оставляетъ безъ помощи. „За грѣхъ корыстолюбія его Я гнѣвался и поражалъ его, скрывалъ лице и негодовалъ (чтобы исправить его); но онъ отвратившись пошелъ по пути своего сердца. (Мое удаленіе только еще болѣе приблизило человѣка къ гибели. Тогда Я рѣшилъ дѣйствовать иначе). Я видѣлъ пути его (однако, и теперь готовъ ему помочь), и исцѣлю

его и буду водить его и утѣшать его и сѣтующихъ его. Я исполню слово: миръ, миръ дальнему и ближнему,—говорить Господь, и исцѣлю его" (17—19). Но непремѣнымъ условіемъ этого помилованія должно быть сердце сокрушенное, иначе милость не коснется челоуѣка". Я милостивъ, говоритъ Господь, не вѣчно буду негодовать; признай только вину твою (Іер. 3, 12—13). „А нечестивые—какъ море взволпованное, которое не можетъ успокоиться, и котораго воды выбрасываютъ иль и грязь. Нѣтъ мира нечестивымъ, говоритъ Богъ мой" (20—21). Почему же это? Потому, что они милости Божіей не приняли и примириться съ Нимъ не хотѣли. Всякій день простиралъ Я руки Мои къ народу непокорному, ходившему путемъ недобрымъ, по своимъ помышленіямъ (вотъ отношеніе Господа къ грѣшнику, не смотря на его грѣхъ). Однако, „вотъ, что написано предъ лицемъ Моимъ: не умолчу, но воздамъ, воздамъ въ нѣдро ихъ беззаконія ваши, говоритъ Господь... Васъ, которые оставили Господа; забыли святую гору Мою, приготовляете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Меня,—васъ обрекаю Я мечу, и всѣ вы преклонитесь на закланіе, потому что Я звалъ—и *вы не отвѣчали*, говорилъ—и *вы не слушали*, но дѣлали злое въ очахъ Моихъ и избирали то, что негодно Мнѣ. Посему такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ, рабы Мои (т. е. обратившіеся въ Богу) будутъ ѣсть, а вы будете голодать" (Ис. LXV, 2. 6—7, 11—13). „Кто гнѣвъ Божій можетъ обратить на милость и правосудіе на милосердіе,—говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, если не умолитъ Судію тотъ одинъ, кто самъ себѣ

— 165 —

связалъ бремя грѣховъ и несетъ, и развязываетъ и облегчаетъ оное, *когда хочетъ?* Ибо увеличиваемъ бремена, когда тяжело грѣшимъ, и облегчаемъ также оныя, когда горько каемся; и отъ насъ самихъ зависитъ разрѣшать и вязать. Божіе дѣло—*прощать припадающихъ къ Нему*; ибо, дѣйствительно, челоуѣколюбивъ Владыка, Который покаяніемъ разрѣшаетъ бремена рабовъ" 1). Причина наказанія, слѣдовательно, не въ необходимости какъ-нибудь удовлетворить правдѣ Божіей (вѣдь, этого удовлетворенія нѣтъ и послѣ покаянія), а въ томъ, что грѣшникъ не кается, продолжаетъ пребывать во грѣхѣ и тѣмъ отчуждаетъ себя отъ жизни Божіей. Вражда, слѣдовательно, не въ Богѣ, а въ челоуѣкѣ, вакъ апостоль Павелъ и даетъ это видѣть съ несомнѣнной ясностью.

„Благоугодно было Отцу, чтобы въ Немъ (Сынѣ) обитала всякая полнота, и чтобы посредствомъ Его *примирить* (не Себя со всѣми, а) съ Собою *все*,

умиротворивъ чрезъ Него кровію креста Его, и земное и небесное. И васъ, бывшихъ нѣкогда *отчужденными и врагами, по расположенію къ злымъ дѣламъ* (любя зло, человекъ не можетъ любить святаго Бога) нынѣ примирилъ въ тѣлѣ плоти Его, смертію Его, чтобы представить васъ святыми и непорочными и неповинными предъ Собою" (Кол. I, 19—22). „Все отъ Бога, Исусомъ Христомъ примирившаго насъ съ Собою (а не Себя съ нами) и давашаго намъ служеніе примиренія, потому что Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ (такимъ образомъ) преступленій ихъ, и далъ намъ слово примиренія. Итакъ мы—посланники отъ имени Христова, и ікакъ бы самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ, отъ имени Христова просимъ: *примиритесь съ Богомъ*" (2 Кор. V, 18—20)... „Мы, какъ споспѣшники, умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами" (VI, 1). Такимъ образомъ, въ то время, какъ люди, преданные грѣху, враждовали противъ Бога, противились Его закону и пр., Богъ не переставалъ любить ихъ, враговъ Своихъ. „*Ты врага суща мя зѣло возлюбилъ еси*", поетъ наша Церковь 1). Ради этой Своей любви Богъ, не желая вмѣнять людямъ этой вражды

1) Сл. 86. т. IV, 44.

2) Канонъ воскресный 8-го гласа. Пѣснь 4-я.

— 166 —

ихъ къ Себѣ, послалъ Сына Своего, чтобы примирить людей съ Собою. Если же и послѣ этого для нѣкоторыхъ благодать Божія является „тщетной", то это нотому, что сами они не хотятъ внять Божію увѣщанію, не хотятъ примириться съ Богомъ. Кто же въ такомъ случаѣ примиряется въ крещеніи? Очевидно, не Богъ, потому что Онъ зоветъ человекъ ко крещенію, Онъ будить его вѣру и пр. Примиряется, слѣдовательно, человекъ съ Богомъ, т. е. человекъ, дотолѣ любившій только себя и грѣхъ, теперь откликается на зовъ Божій и съ своей стороны рѣшается не служить больше грѣху и не враждовать, такимъ образомъ, противъ Бога, рѣшается, вмѣсто вражды, быть въ общеніи съ Богомъ.

Такимъ образомъ, если съ православной точки зрѣнія и можно говорить о невмѣненіи Богомъ грѣха человекъ, то лишь въ качествѣ домірнаго предположенія всего домостроительства Божія о нашемъ спасеніи, предположенія, которое низвело на землю Сына Божія и вознесло Его на крестъ, и которое, съ другой стороны, является вѣчнымъ залогомъ милости для насъ, всякаго грѣшника приступающаго къ Богу. Это не то значить, чтобы Богъ мирился со грѣхомъ. Грѣхъ, какъ прямое отрицаніе Божіей

жизни, всегда пребудеть „мерзостью“ предъ святымъ Богомъ, никогда не получить отъ Него признанія, никогда не получить права на существованіе. Но это не потому, чтобы Богъ хотѣлъ, такъ сказать, отмстить за оскорбленіе, нанесенное Ему, какъ Владыкѣ міра— это объясняется самымъ существомъ правды. Грѣшникъ же, какъ личность, никогда не переставалъ и не перестанетъ быть предметомъ самой сильной любви Божіей, готовой на всякія жертвы, лишь бы только человекъ внялъ Ея призванію. Тогда „вся виновность его сдѣлается какъ тѣнь“ 1), какъ совѣмъ не бывшая, и Отецъ Небесный проститъ ему прежнюю вражду, не требуя никакого удовлетворенія.

„Грѣшникъ не уплатилъ еще долга, чрезъ покаяніе дѣлается неотвѣтственнымъ въ долгѣ. Онъ не сложилъ еще бремени съ себя (разумѣется искорененіе страсти) и облачается благодатію... Покаяніе не обѣщаетъ только, но даруетъ уже очищеніе грѣховъ и оставленіе оныхъ; не къ надеждѣ только

1) Ефремъ Сиринъ. Надгробное пѣнопѣніе. 12. т. VI, 32.

— 167 —

приводитъ согрѣшившаго, но единымъ словомъ изрекаетъ повелѣніе, увѣряетъ, что будетъ свободенъ. Оно говоритъ ему: познай, что имѣешь у себя, а не жди. Но благодѣяніе еще выше. Уразумѣй, чѣмъ обладаешь и знай, что уже самъ ты себѣ покровительствуешь. Данною тебѣ благодатію удостоверяю тебя въ будущемъ. Увѣрься въ милосердіи Божіемъ; пріятно Богу, что ты притекъ къ Нему; и Онъ доказываетъ тебѣ благодать, потому что *прежде оставленія* грѣховъ рукоположилъ тебя во іерея" 1), т. е. прежде того, какъ человекъ станетъ праведнымъ, Богъ не отвергаетъ его молитвы, не лишаетъ его права къ Себѣ обратиться. Милость Божія удерживается не Богомъ, а самимъ грѣшникомъ. Нужно только покаяться, „принести себя въ жертву Богу" 2), отказаться отъ своей излюбленной жизни, Богъ не помянетъ нашей прежней вражды. пойдеть къ намъ на встрѣчу. Любовь Божія, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, „не медлитъ выслушивать входящихъ къ Богу *истинно*. И не упрекаетъ опять входящаго нечестивца: для чего столько времени служилъ ты врагу и добровольно презиралъ Меня Владыку? Не разыскиваетъ, сколько протекло времени, а только на смиреніе, слезы и воздыханія припадающаго къ Нему взираетъ Владыка, потому что Онъ—предвѣдецъ, какъ Богъ и создатель нашъ, вдругъ прощаетъ всѣ грѣхи и ошибки въ мысляхъ и дѣлахъ, и говоритъ, чтобы принесли ему (припадающему)

одежду первую и еще перстень на правую руку, и всѣмъ ангеламъ повелѣваетъ радоваться обрѣтенію этой души грѣшника" ³⁾). Конечно, совершенное остается совершеннымъ, бывшихъ грѣховъ позабыть человѣку нельзя,—вспомнимъ слезы апостола Петра. Но если человѣкъ станетъ свои грѣхи считать непроницаемой стѣной между нимъ и Богомъ, то это будетъ смертный грѣхъ, отчаяніе. Сознаніе бывшихъ грѣховъ только учитъ человѣка понимать милость и всепрощающую любовь Божию, а не возбуждаетъ въ немъ ужаса предъ гнѣвомъ Божиимъ.

Слѣдовательно, домостроительство Божіе направляется не къ тому, чтобы какъ-нибудь примирить образовавшееся въ

1) Ефремъ Сиринъ. Сл, 99. О покаяніи. т. IV, 169.

2) Ibid.

3) Сл. 10. т I, 262.

— 168 —

Богъ раздвоеніе между любовію и правдою (раздвоеніе съ трудомъ допустимое въ Единомъ и всегда тождественномъ Себѣ Существѣ), а къ тому, чтобы какъ-нибудь спасти погибшую овцу, чтобы какъ-нибудь устроить обращеніе человѣка на путь истины. Поэтому, невмѣненіе грѣха съ православной точки зрѣнія должно понимать въ томъ смыслѣ, что Господь, отъ вѣчности, осудивъ зло на гибель, тѣмъ не менѣе отъ вѣчности же рѣшилъ не отвергать за грѣхъ человѣка, если онъ перестанетъ грѣшить и обратится къ Богу. Поэтому, полагать въ невмѣненіи сущность оправданія значиті говорить только о непремѣнномъ предположеніи оправданія, о самомъ же послѣднемъ не говорить. То несомнѣно, что каждый обращающійся къ Богу проситъ прежде всего прощенія и получаетъ его; но это не значитъ, чтобы въ Богѣ во время самого совершенія таинства происходилъ какой-нибудь особый актъ примиренія съ дотодѣ нелюбимымъ грѣшникомъ, перемѣна происходитъ въ человѣкѣ и состоитъ въ примиреніи этого послѣдняго съ Богомъ. Тавимъ образомъ главное въ оправданіи—не пронунціація протестантовъ, а обращеніе человѣка отъ грѣха къ жизни по Богу, нравственный переворотъ. Такъ, дѣйствительно, православная церковь учила и учитъ.

Пророкъ Исаія такъ описываетъ „заглажденіе беззаконій" Іакова. Господь наказывалъ его, „выбросилъ его сильнымъ дуновеніемъ своимъ, какъ бы въ день восточнаго вѣтра. И чрезъ это загладится беззаконіе Іакова (но страданія—не внѣшняя цѣна за грѣхъ, потому что далѣе читаемъ); и плодомъ сего будетъ снятіе грѣха съ него, когда всѣ камни жертвенниковъ онъ обратитъ въ куски извести, и не будутъ уже стоять дубравы и истуканы

солнца" (Ис. 27, 9.) Бѣдствія приводятъ Іакова къ пакаянію и, когда онъ уничтожитъ свой грѣхъ (идолослуженіе), этотъ грѣхъ съ него снимется.

Апостоль Паваль называетъ крещеніе смертію грѣху. „Мы, говоритъ онъ, умерли для грѣха: какъ же намъ жить въ немъ"? Въ чемъ же состоитъ эта смерть? „Неужели не знаете, что всѣ мы, крестившіеся во Христа Іисуса, въ смерть Его крестились? Итакъ мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христось воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни".. „Нашъ ветхій человекъ распятъ съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ не быть уже рабами грѣху"

— 169 —

(Римл. VI, 2—4. 6). Дальнѣйшее же убѣжденіе быть вѣрными своему призванію, пребывать чуждыми грѣху даетъ понять, что и самая смерть грѣху совершается тоже путемъ нравственнымъ, есть актъ насколько „таинственный, настолько же и свободно-охотный" 1). „Умертвіе говоритъ преосв. Феофанъ въ толкованіи на приведенныя слова апостола Павла, разумѣется не физическое, а нравственное, состоящее въ отверженіи отъ всякаго грѣха и возненавидѣніи его. Ибо какъ приступаютъ ко Господу? Каясь и крестясь, какъ указаль Св. Петръ въ день Пятидесятницы вопрошавшимъ: что убо сотворимъ? Покайтесь и да крестится кійждо въ васъ, отвѣтилъ онъ (Дѣян. II, 38). А каяться что значить?—Говоритъ въ сердцѣ своемъ: согрѣшилъ, *не буду*. Это *не буду* и есть смерть грѣху" 2). Другими словами, крещеніе, по мысли апостола Павла, было тѣмъ же „обѣщаніемъ Богу доброй совѣсти", какимъ было оно и по мысли апостола Петра (I Петр. III, 21).

Сущность крещенія или таинства покаянія состоитъ, слѣдовательно, въ коренномъ переворотѣ, совершаемомъ въ душѣ человека, въ измѣненіи всей его жизни. Человекъ былъ рабомъ грѣха, исполнялъ похоти діавола, былъ врагомъ Божиимъ,—теперь онъ рѣшаетъ прекратить грѣхъ и быть въ общеніи съ Святымъ Господомъ. Рѣшеніе это, конечно, есть дѣло свободы человека, но совершается въ душѣ только при воздѣйствіи и при помощи благодати, которая сообщается въ таинствѣ. Крещеніе же, спрашиваетъ преосв. Феофанъ, что придаетъ?—Закрѣпляетъ благодатію сіе рѣшеніе воли и даетъ силу устоять въ семъ рѣшеніи" 3). До принятія благодати человекъ только желаль слѣдовать Христу и исполнять Его волю. Но грѣхъ продолжалъ быть для него пріятенъ. Благодать же Божія настолько укрѣпляетъ рѣшимость человека, что онъ начинаетъ ненавидѣть грѣхъ, т. е. окончательно считаетъ его зломъ для себя, какъ прежде считаль его

своимъ благомъ. Это значить, что человекъ совсѣмъ перешель на сторону Господа и сталъ Его вѣрнымъ рабомъ (Римл. VI, 17—18). Благодать таинства входя, такъ сказать, въ душу человека и непременно „срастворяясь съ человѣческимъ усердіемъ" ⁴⁾,

1) Преосв. Ѳеофанъ. Толкованіе на Римаг. ч. 1, 334.

2) Ibid. стр. 330.

3) Ibid.

4) Исидоръ Пелусіотъ. т. II, 436.

— 170 —

закрѣпляетъ и осуществляетъ совершаемый волей человека нравственный переворотъ и даетъ человеку силы устоять въ принятомъ рѣшеніи (если только, конечно, человекъ не отвернется опять отъ благодати). Этимъ самымъ кореннымъ измѣненіемъ направленія жизни и совершается „уничтоженіе всего прежняго" ¹⁾,

Всякое грѣховное паденіе кладетъ извѣстную печать на душу человека, такъ или иначе вліяетъ на ея устройство. Сумма грѣховныхъ дѣйствій составляетъ, такимъ образомъ, нѣкоторое прошлое человека, которое вліяетъ на его поведеніе въ настоящемъ, влечетъ его къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ. Таинственно-свободный переворотъ въ томъ и состоитъ, что нить жизни человека какъ бы прерывается, и образовавшееся у него грѣховное прошлое теряетъ свою опредѣляющую принудительную силу какъ бы выбрасывается изъ души, становится чуждымъ для человека. Какое бы ни было это прошлое, будетъ ли это наслѣдство отъ родителей (грѣхъ первородный), или послѣдствія поступковъ самого крещаемого, все это одинаково зачеркивается въ жизни человека, лишь бы только онъ искренно отвернулся отъ этого, лишь бы только онъ окончательно порвалъ съ этимъ прошлымъ связь ²⁾. Изъ купели выходитъ новый человекъ, безъ опредѣленія ко грѣху; но съ укрѣпленной благодатію, ревностью творить волю Божию и болѣе Бога не покидать. Такимъ-то путемъ и „слагается съ человека грѣховное поношеніе" ³⁾, „изглаждаются нечистоты прежде совершенныхъ преступленій" ⁴⁾. Грѣхъ не забывается и не невмѣняется человеку въ силу какихъ нибудь постороннихъ для души человека причинъ,—грѣхъ въ буквальномъ смыслѣ удаляется отъ человека, перестаетъ быть частью его внутренняго содержанія и относится къ тому прошлому, которое прожито, которое, такимъ образомъ, съ настоящимъ человекомъ не имѣетъ ничего общаго. А мы выше видѣли, что за

³⁾ Τά πρῶτα ἐξᾠλεῖται. Карилль Іерусал. Catech. XV, 23 Migne t. XXXIII, 904.

1) Младенець, какъ вообще не употребляющій еще свою волю, обновляется подь непремѣннымъ условіемъ быть воспитаннымъ въ христіанствѣ

2) Θεοδορίτῃ Κιρ. τ. Ι, 277.

3) Кирилль Алекс. т, VI, 39.

— 171 —

прошлое Богъ не гнѣвается, не высчитываетъ его челоѡку. Разъ въ настоящемъ грѣха нѣтъ, нѣтъ слѣдовательно и отчужденія отъ Бога, челоѡкъ „примирень и возсоединень съ Церковію", святымъ царствомъ Божиимъ и Богомъ, грѣхъ дѣйствительно прощень челоѡку 1).

Такъ именно и изображается благодатное дѣйствіе таинствъ крещенія и покаянія въ твореніяхъ отцевъ Церкви.

Непосредственно касается вопроса о крещеніи св. *Кирилль Іерусалимскій*, самая творенія котораго: „Огласительныя поученія", прямо отвѣчаютъ на нашъ вопросъ. С. Кирилль ясно представляетъ возрожденіе челоѡка въ крещеніи въ видѣ жизненнаго и вмѣстѣ нравственно-свободнаго переворота въ душѣ. Челоѡкъ, приступающій ко крещенію, долженъ вполнѣ искренно и рѣшительно отбросить свою прежнюю жизнь по стихіямъ міра и опредѣлить себя къ добру. Это, въ корнѣ измѣняющее челоѡка, рѣшеніе или изволеніе и дѣлаеть челоѡка „званнымъ", т. е. дѣйствительно, а не въ воображеніи только, приводитъ его въ общеніе съ Богомъ и къ началу новой жизни.

„Хотя Богъ и щедръ въ благодотвореніи, однакоже, отъ каждаго ожидаетъ искренняго произволенія. Почему апостоль присовокупиль: сущимъ по изволенію званнымъ. Изволеніе (*ἡ πρόθεσις*), когда оно искренне дѣлаеть тебя званнымъ (*κλητόν σε ποιεί*) 2). Чтобы совершилось начало новой жизни, необходимо, чтобы прежняя была на самомъ дѣлѣ отвергнута. Господь даетъ свою чудную спасительную печать (*τὴν σωτησιώδη σφραγίδα τὴν θαυμασίαν*) только тамъ, гдѣ видитъ „добрую совѣсть", т. е. не словесное только обѣщаніе, а искреннее желаніе быть добрымъ. „Какъ приступающіе къ набору воиновъ входятъ въ изслѣдованіе о возрастѣ и тѣлесномъ сложеніи набираемыхъ; такъ и Господь, вписуя въ воинство свое души, *испытуетъ произволенія*. И, если кто имѣеть сокрытое лицемѣріе,—отвергаетъ сего челоѡка, какъ неспособнаго къ истинному служенію въ воинствѣ. А если найдетъ достойнаго, съ готовностію даетъ ему благодать. Не даетъ же святая псамъ. Гдѣ видитъ добрую совѣсть, тамъ даетъ

4) Ср. Чинопослѣдованіе исповѣди.

1) Procatech. (Migne t. XXXIII, col. 336.

чудную спасительную печать, которой трепещут демоны и которую знают ангелы" 1). Необходимъ, слѣдовательно, дѣйствительный, сознательно-свободный переломъ душевный, чтобы таинство вполнѣ принесло пользу человѣку. Безъ свободаго же содѣйствія, безъ помянутаго перелома человѣкъ только напрасно искушаетъ Господа. Эта мысль была въ глазахъ св. Кирилла столь важной, что онъ нѣсколько разъ возвращается къ ней въ своихъ „Оглашеніяхъ", стараясь какъ можно сильнѣе запечатлѣть ее въ умахъ готовящихся къ просвѣщенію.

„Если, говоритъ святитель въ „Словѣ Предъогласительномъ" въ самомъ началѣ, тѣломъ ты здѣсь (т. е. принимаешь таинство), но не здѣсь мысляю; то *нѣтъ въ этомъ пользы*. И Симонъ волхвъ приступалъ нѣкогда къ купели сей. И крестился, но не просвѣтился; омылъ тѣло водою, но не просвѣтилъ сердца Духомъ; погружалось въ воду и вышло изъ воды тѣло, а душа не погребалась со Христомъ, и не воскресла съ Нимъ. Представляю примѣры паденій, чтобы тебѣ не пасть.... Мы, служители Христовы, приѣмлемъ всякаго и какъ бы исправляя должность придверниковъ, оставляемъ двери не запертými. Нѣтъ запрещенія войти тебѣ, если у тебя и душа осквернена грѣхами и намѣреніе нечисто. И ты вошелъ, принять, имя твое вписано. Видишь ли досточестное это благоустройство Церкви? Примѣчаешь ли порядокъ и знаніе дѣла, чтеніе писаній, присутствіе клира, послѣдованіе ученій? Почти мѣсто и вразумись видимымъ. Выходи нынѣ благовременно (т. е. съ душой приготовленной къ воспріятію благодати, а въ чемъ это приготовленіе, св. отецъ разъясняетъ далѣе), и наутро входи еще благовременнѣе. Если одѣяніемъ души твоей служить сребролюбіе, входи въ другой одеждѣ; скинь съ себя ту одежду, какая на тебѣ, а не прикрывай ея. Совлекись любодѣянія и нечистоты, и облекись въ свѣтлую ризу цѣломудрія. Предваряю тебя о семъ, прежде нежели пришелъ Женихъ душъ Іисусъ и усмотрѣлъ одежды (имѣется въ виду притча о званыхъ на вечерю). Долговременный дается тебѣ срокъ. Сорокъ дней имѣешь на покаяніе. Много у тебя удобнаго времени и совлечься и омыться и облечься и войти. Если же останешься при зломъ произволеніи, предваряющій тебя не виновень, но ты не ожидай принять благодать. *Приметь тебя вода, но*

2) Catech. 1, 3. Migne. ibid. col 372—373.

не воспріиметь Духъ. Если кто знаетъ у себя язву, пусть возьметъ пластырь; если кто палъ, пусть возстанетъ. Да не будетъ среди васъ Симона (волхва), да не будетъ въ васъ „ни лицемѣрія, ни празднои пытливости. Умри грѣхамъ, и живи правдѣ, живи съ нынѣшняго дня" 1). „Тѣ, говоритъ св. Кирилль въ Первомъ Словѣ, на комъ лежитъ еще грѣховная чешуя, поставляются ошуюю, потому что не приступаютъ благодати Божіей, даруемой Христомъ при возрожденіи крещеніемъ" 2).

Съ этой точки зрѣнія принятіе таинства крещенія представляется великимъ испытаніемъ совѣсти чловѣка, такимъ поворотнымъ моментомъ въ жизни чловѣка, что если онъ его пропуститъ, то ничѣмъ уже не поправитъ своего положенія. „(Св. Духъ) испытываетъ душу, не метаетъ бисера предъ свиніями. Если лицемѣришь; то *люди крестятъ тебя теперь, а Духъ не будетъ крестить.* А если пришелъ ты по вѣрѣ, то люди служатъ въ видимомъ, а Духъ Святой даетъ невидимое. На великое испытаніе приходишь въ этотъ единый часъ, на великій воинскій наборъ. Если погубишь часъ сей: то зло непоправимо. Если же сподобишься благодати: просвѣтитъ душа твоя; пріимешь силу, какой не имѣлъ; пріимешь оружія, страшныя для демоновъ. И если не бросишь оружіе, но сохранишь печать, то демонъ не приступитъ" 3).

Благодаря этому перевороту въ душѣ чловѣка и грѣхи ему оставляются. „Не спрашивай: какъ изглядятся грѣхи мои? Сказываю тебѣ: *изволеніемъ* (τῷ θελήσειν) *вѣрою* (τῷ πίστεῦσθαι). Что сего короче? Но если уста твои скажутъ, что желаешь, а сердце не скажетъ сего; то судитъ тебя Сердцевѣдецъ. Съ нынѣшняго дня оставь всякое негодное дѣло.— Пусть языкъ твой не произноситъ непристойныхъ словъ, не погрѣшаетъ взоръ твой, и мысль твоя не кружится надъ тѣмъ, что бесполезно" 4). „Уготовь, говоритъ св. Кирилль въ другомъ мѣстѣ, душевный сосудъ, чтобы содѣлаться тебѣ сыномъ Божіимъ, наслѣдникомъ Богу, сонаслѣдникомъ Христу, если только уготовляешь себя къ тому, чтобы пріять, если съ вѣрою при—

1) Procatech. I—V. col. 332—341. Стр. 11—14.

2) Catech. I, 2, coi. 372. стр. 20—21.

3) Catech. XVII, 36. Ibid. col. 1009—1012. Стр. 323.

4) Procateck VIII, Minge. t. XXXIII, col. 345—348.

ходишь для того, чтобы содѣлаться вѣрнымъ, если по собственному произволенію отлагаешь ветхаго чловѣка. Ибо прощено тебѣ будетъ все, что ни сдѣлано тобою" 1). Такимъ образомъ, собственное произволеніе

оставить ветхаго человека является условием благодатной действительности таинства: ветхий человек действительно умирает, и прежняя жизнь прощается человеку. Нѣтъ произволенія, ветхий человек не умирает, тогда нѣтъ и прощенія.

По мысли св *Василія Великаго*, принятіе таинства есть наше примиреніе съ Богомъ, Который предварительно простилъ грѣхи всѣмъ людямъ. „Какъ душа несомнѣнно удостовѣряется, что Богъ отпустилъ ей грѣхи? Если усмотритъ въ себѣ расположеніе сказавшаго: *неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Пс СХVIII): потому что Богъ, для отпущенія нашихъ грѣховъ ниспославъ Единороднаго Сына Своего, съ Своей стороны *предварительно отпустилъ грѣхи всѣмъ*. Но поелику св. Давидъ воспѣваетъ милость и судъ и свидѣтельствуется, что Богъ милостивъ и праведенъ; то необходимо, чтобы съ нашей стороны было сдѣлано, что пророками и апостолами сказано „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о покаяніи, чтобы обнаружился судъ правды Божіей и совершилось милосердіе Его въ отпущеніи грѣховъ" 2).

Въ чемъ же состоитъ это содѣйствіе съ нашей стороны благодати Божіей? Въ томъ, что мы „бываемъ въ подобіи смерти Его, спогребшись Ему крещеніемъ". „Въ чемъ же образъ погребенія? И почему полезно такое подражаніе? Во первыхъ нужно, чтобы *порядокъ прежней жизни былъ пресѣченъ*. А сіе, по слову Господню, не возможно для того, кто не родится свыше. Ибо пакибытіе, какъ показываетъ и самое имя, есть начало новой жизни. Посему, до начатія новой жизни, надобно положить конецъ жизни предшествовавшей. Какъ у тѣхъ, которые бѣгутъ на поприщѣ туда и обратно, два противоположныя движенія раздѣляются нѣкоторою остановкою и отдыхомъ: такъ и при перемѣнѣ оказалось необходимымъ, чтобы смерть служила средою между тою и другою жизнью, оканчивая собою жизнь предыдущую и полагая начало

3) Catech. VIII, 15. стр. 48.

1) Краткія правила 12. т. V, 200—201.

жизни послѣдующей". Въ этомъ—то пресѣченіи порядка прежней жизни и состоитъ сущность таинственно-свободнаго воздѣйствія на душу таинства крещенія. Символомъ этой смерти грѣху и служить погруженіе въ воду. „Какъ же совершается сошествіе во адъ? Подражая въ крещеніи Христову погребенію; потому что тѣла крещаемыхъ въ водѣ какъ бы погребаются. Посему крещеніе (т. е. погруженіе, видимая форма

крещенія) символически означает *отверженіе дѣлъ плотскихъ* (внутренняя сторона крещенія, какъ таинства), по слову апостола, который говоритъ: обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіе тѣла грѣховнаго плоти, въ обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ (Кол. II, 11). Оно есть какъ бы очищеніе души отъ скверны, произведенной въ ней плотскимъ мудрованіемъ, по написанному: омыеши мя и паче снѣга убѣлюся (Пс. L, 9)" 1). Прощеніе грѣховъ человѣку и имѣетъ основаніемъ указанную смерть грѣху, это пресѣченіе порядка прежней жизни. Не будь пресѣченія, тогда не можетъ быть и прощенія. „Въ какомъ случаѣ отпускаются душевные грѣхи? Когда добродѣтель, возобладавъ душою и, всецѣло оградивъ ее своими уроками, произведетъ въ ней отвращеніе отъ противоположнаго расположенія... Кто такъ расположенъ, вслѣдствіе навыка (т. е. вслѣдствіе окончательно сдожившагося рѣшенія), тому *могутъ быть отпущены прежнія неправды...* Кто такъ уврачевалъ себя, принявъ расположеніе къ противоположному, для того *можетъ быть полезна и благодать прощенія...* Невозможно, чтобы кто-нибудь безъ Божія прощенія предался добродѣтельной жизни (необходима благодатная помощь для выполнения рѣшенія). Посему премудрый Досмотритель нашей жизни хочетъ, чтобы жившій во грѣхахъ и потомъ дающій обѣтъ возстать къ здоровой жизни, *положилъ конецъ прошедшему*, и послѣ содѣянныхъ грѣховъ сдѣлалъ нѣкоторое начало, какъ бы обновившись къ жизни черезъ покаяніе" 2).

Св. Григорій Нисскій постоянно проводитъ ту мысль, что человѣку невозможно возродиться въ новой жизни какъ-нибудь произвольно: человѣкъ можетъ возродиться только

1) Къ Амфид. XV, т. Ш, 230.

2) На Ис. I, 14. т. II, 49.

благодаря своему свободному рѣшенію не грѣшить, которое дѣлаетъ возможнымъ для него принятіе благодати. „Измѣняющемуся, говоритъ св. отецъ, необходимо постоянно раждаться: въ превратномъ естествѣ не замѣтишь чего-либо всегда во всемъ себѣ тожественнаго. Но родиться не зависитъ отъ чуждаго рѣшенія (*οὐκ ἔχ ἀλλοτριος ἐστὶν ὀρμής*), подобно тѣлесному рожденію,—но по произволению бываетъ это рожденіе; и мы нѣкоторымъ образомъ отцы самихъ себя, раждающіе себя такими, какими хотимъ, и по собственному произволению образуящіе себя въ какой-угодно полъ, мужескій или женскій, по урокамъ добродѣтели или порока" 1). Таинственное возрожденіе въ крещеніи не составляетъ исключенія: и

оно возможно только въ видѣ произвольнаго рѣшенія, которое только укрѣпляется и доводится до конца бдагодатію. Эту мысль св. Григорій Нисскій подробно развиваетъ въ своемъ „Огласительномъ Словѣ“, подобно св. Кириллу Іерусалимскому настаивая на той мысли, что безъ этого свободнаго рѣшенія, принятіе таинства не пользуетъ нисколько.

„Должно, думаю, говорить св. Григорій, обратитъ вниманіе на то, что послѣ сего и что оставляють безъ вниманія многіе изъ приступившихъ къ благодати крещенія, *себя самихъ вводя въ обманъ и почитаясь только возрожденными, а не дѣйствительно таковыми дѣлаясь.* Ибо возрожденіемъ совершаемое претвореніе нашей жизни не будетъ претвореніемъ, если останется въ томъ же состояніи, въ какомъ и теперь. Кто пребываетъ въ томъ же состояніи, о томъ не знаю, почему можно было бы подумать, что онъ сдѣлался чѣмъ то новымъ, когда не перемѣнилось въ немъ ни одного изъ отличительныхъ признаковъ. Ибо, что спасительное возрожденіе приѣмлетъ для обновленія и преложенія естества нашего, явно это всякому, но человѣчество само по себѣ отъ крещенія не приѣмлетъ измѣненія, ни разсудокъ, ни разумѣніе, ни познавательная способность, ни другое что, собственно служащее отличительною чертою естества человѣческаго, не приходитъ въ претвореніе: ибо претвореніе было бы къ худшему, если бы измѣнилось какое-либо изъ сихъ отличительныхъ свойствъ естества. Итакъ, если

1) De vita Moys. (interpret.). Migne. t. XLIV, col. 382.

— 177 —

рожденіе свыше дѣлается возсозданіемъ человѣка, а это не допускаетъ перемѣны; то должно разсмотрѣть съ притвореніемъ чего благодать возрожденія совершенна. Явно, что съ изглаженіемъ дурныхъ признаковъ въ естествѣ нашемъ происходитъ переходъ въ лучшее. Итакъ, если, по слову пророка, измывшись въ сей таинственной банѣ, стали мы чисты произволеніями, смывъ лукавства съ душъ; то сдѣлались лучшими и претворились въ лучшее. Если же баня послужила тѣлу, а душа *не свергла съ себя* страстныхъ нечистотъ, напротивъ жизнь по тайнодѣйствіи сходна съ жизнію до тайно дѣйствія; то хотя смѣло будетъ сказать, однако же скажу и не откажусь, что для таковыхъ *вода останется водою*” 1).

Если человѣкъ не рѣшитъ бросить совершенно грѣхъ и если со всею своею силою не будетъ стараться удержаться въ этомъ рѣшеніи, тогда напрасно онъ принималъ таинство: онъ участвовалъ въ немъ только

тѣломъ, душа же не получила ничего отъ этого участія. Это и понятно. Сущность крещенія въ „пресѣченіи непрерывности зла“; если человекъ этого пресѣченія не дѣлаетъ, тогда зачѣмъ принимать крещеніе? „Въ образѣ умерщвленія, представляемомъ посредствомъ воды, производится уничтоженіе примѣшавшагося порока, правда, не совершенное уничтоженіе, но нѣкоторое *пресѣченіе (διακοπή) непрерывности (συνεχείας) зла*, при стеченіи двухъ пособій къ истребленію зла: покаянія согрѣшившаго и подражанія смерти, которыми человекъ отрѣшается нѣсколько отъ союза со зломъ, покаяніемъ будучи приведенъ въ ненавидѣніе порока и отчужденіе отъ него, а смертью производя уничтоженіе зла" ²⁾. Такимъ образомъ, уничтоженіе зла въ человекѣ происходитъ именно путемъ свободнаго отчужденія человека отъ порока и порочной жизни. „Если свободное движеніе нашей воли прерветъ сношеніе съ несущимъ (τὸ ἀνυπαρχόν, каково зло по существу) и сблизится съ Сущимъ, то, что теперь во мнѣ, не имѣя болѣе бытія, вовсе не будетъ имѣть и того, чтобы оставаться во мнѣ; потому что зло внѣ произволенія взятое не существуетъ само по себѣ" ³⁾. Въ этомъ

1) Оглас. сл. гл, 40 т. IV, 106—107.

2) Orat. catech. XXXV. Migne. t. XLV, 89. т. IV, 92.

3) In Eccles. Hom. VII, Migne. t. XLIV, 72δ. т. II, 326.

— 178 —

основной законъ отношенія ко злу. Этотъ же законъ дѣйствуетъ и при уничтоженіи зла въ крещеніи.

Для св. Григорія Богослова отпущеніе грѣховъ въ крещеніи отнюдь не было внѣшнимъ событіемъ, независимымъ отъ свободнаго опредѣленія человека: если Богъ и отпускаетъ крещающемуся грѣхи, то, чтобы это отпущеніе было дѣйствительно, необходимо „предъочиститься“, создать въ себѣ „навыкъ къ добру“, т. е. рѣшительно опредѣлить себя къ доброй жизни. Тогда только можно поручиться, что крещеніе не будетъ только формой или безплоднымъ талантомъ, но на самомъ дѣлѣ „обезпечить человеку искупленіе“. „Должно предъочиститься тѣмъ, которые приступаютъ къ крещенію небрежно и безъ приготовленія, и не обезпечиваютъ искупленія навикомъ въ добрѣ. Ибо хотя благодать сія, и даетъ отпущеніе прежнихъ грѣховъ; но тогда тѣмъ паче требуется отъ насъ благоговѣніе, чтобы не возвратиться на ту же блевотину (Притч. XXVI, II)" ¹⁾. „Купель, говоритъ св. Григорій въ другомъ мѣстѣ, даетъ отпущеніе грѣховъ *содѣланныхъ*, а не *содѣваемыхъ* (не тѣхъ, которые еще господствуютъ въ душѣ). Надобно, чтобы очищеніе не на показъ было

произведено, а проникло тебя, чтобы ты сталъ свѣтель совершенно, а не прикрашенъ только снаружи, чтобы бдагодатель служила не прикровеніемъ грѣховъ, а освобожденіемъ отъ оныхъ" 2). А это зависитъ отъ самаго человѣка, къ которому св. отецъ и обращается съ увѣщаніемъ.

Св. *Іоаннъ Златоустъ* сравниваетъ прощеніе грѣховъ, совершаемое въ крещеніи съ обычнымъ царскимъ прощеніемъ, и находитъ между ними то коренное различіе, что царское прощеніе бываетъ дѣломъ внѣшнимъ и не вліяетъ на душу человѣка, не измѣняетъ ее, тогда какъ Божіе прощеніе въ крещеніи пересозидаетъ человѣка. „Прощать грѣхи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощаютъ прелюбодѣевъ и человѣкоубійць, но они освобождаютъ ихъ только отъ настоящаго наказанія (сущность прощенія съ точки зрѣнія правовой), а самыхъ грѣховъ ихъ не очищаютъ; и хотя бы они возвели прощенныхъ въ высшія званія, хотя бы облекли ихъ въ порфиру, хотя бы возложили на нихъ діадему, и тогда

1) т. III, 264,

2) Сл. 40, т. III, 306.

— 179 —

они сдѣлаютъ ихъ царями, но отъ грѣховъ не освободятъ; это совершаетъ одинъ Богъ: Онъ совершаетъ это въ банѣ пакибытія; ибо благодать касается самой души и съ корнемъ исторгаетъ изъ нея грѣхъ. Посему душа прощеннаго царемъ можетъ быть нечистою, а душа крещеннаго—нѣтъ; она чище самыхъ соднечныхъ лучей и такова, какою была въ началѣ и даже гораздо лучше; ибо она получаетъ Духа, который совершенно воспламеняетъ ее и дѣлаетъ святою. Какъ ты, переплавляя желѣзо или золото, дѣлаешь его опять чистымъ, новымъ, такъ точно и Духъ Св., переплавляя душу въ крещеніи, какъ бы въ горнилѣ, и истребляя грѣхи, дѣлаетъ ее чище и блистательнѣе всякаго золота" 1)

Какъ же однако происходитъ это очищеніе души, это воспламенѣніе ея силою Св Духа? Избавиться отъ порока можно только однимъ путемъ: „Остановись въ порочной жизни и не заходи далѣе, и ты уже все получилъ... Не заходи далѣе, и власть порока надъ тобою кончится" 2). „Аще хотите и послушаеге Мене, говоритъ Богъ. Видишь ли, что нужно одно хотѣніе? Но хотѣніе не обыкновенное, общее многимъ, а тщательное. Я знаю, что нынѣ всѣ желаютъ воспарить на небо; но надобно доказать это желаніе на дѣлахъ" 3). Точно тотъ же законъ дѣйствуетъ и при уничтоженіи грѣха въ крещеніи. „Хотя, говоритъ святитель, грѣхъ и истинно умираетъ въ насъ чрезъ крещеніе; однако надобно, чтобы мы и

сами содѣйствовали его умерщвлению" 4).

Это содѣйствіе и описывается св. Іоанномъ Златоустымъ въ Бесѣдѣ IX, 2 на Посланіе къ Евреямъ. „Кто, читаемъ мы тамъ, переходитъ отъ чего-нибудь одного къ другому, и то оставляетъ, а это принимаетъ; тому нужно отказаться отъ прежняго и оставить расположеніе къ нему, потомъ и переходитъ къ другому: если же онъ станетъ опять держаться перваго, то какъ можетъ достигнуть втораго?.. Я говорю о злыхъ дѣлахъ; ибо кто намѣревается обратиться къ добродѣтели, тотъ напередъ долженъ отказаться отъ пороковъ, и тогда уже вступить въ жизнь добродѣтельную. Покаяніе не

1) I Кор. Бес. XI, 2. т. II, 363–364.

2) In Rom. Hom. X, 5. Migne. t. LX, 481.

3) In Ioan. Hom. 1, 3, Migne. t. LIX, 28. т. I, 11.

4) На Римл. Бес. X. Стр. 219.

— 180 —

могло сдѣлать вѣрующихъ чистыми; потому они тотчасъ же (однако послѣ покаянія) крестились, дабы *чего не могли сдѣлать сами собою, того достигнуть благодатию Христовою*. Слѣдовательно, покаяніе недостаточно для очищенія, а нужно принять крещеніе. Ко крещенію же надобно приступать, *отказавшись напередъ отъ своихъ грѣховъ и осудивъ ихъ" 1)*. Благодатная помощь, такимъ образомъ, необходима для того, чтобы довершить то, чего сами мы сдѣлать не въ состояніи. Но это прямо предполагаетъ, что мы старались дѣлать все, что только могли. Благодать завершаетъ наши усилія. Поэтому-то мы и молимся объ оглашенныхъ, чтобы Господь „сподобилъ ихъ во время благопотребное бани пакибытія". „Что же значать, спрашиваетъ св. І. Златоустъ, слова: во время благопотребное? Они указываютъ на то время, въ которое готовящійся ко крещенію хорошо расположилъ себя и съ усердіемъ и вѣрою приступаетъ къ принятію онаго. Ибо для вѣрующихъ такое время и есть благопріятное" 2). Итакъ, вотъ въ чемъ прощеніе таинственное: оно необходимо предполагаетъ отчужденіе воли человѣка отъ зла и потому не только прощаетъ грѣхи, но и уничтожаетъ ихъ.

Также раскрываетъ существо Божественнаго прощенія грѣховъ и св. Кирилль Александрійскій. „Когда, говоритъ онъ, мы *перестаемъ грѣшить* и при помощи склонности къ лучшему какъ бы приводимъ душу къ избранію того, что полезно: *тогда мы удаляемъ отъ себя безобразіе прежде совершенныхъ грѣхопаденій* (основной законъ прощенія) и уничтоживши зловоніе грѣха благовоніемъ послѣдующихъ добрыхъ дѣлъ,

мы опять войдемъ въ станъ святыхъ, т. е. въ церковь первородныхъ" ³⁾. Поэтому и Отець „пріемлетъ заблудшихся (подъ тѣмъ лишь условіемъ), если они оказываются чистыми отъ приразившихся къ нимъ нечестивыхъ сѣмянъ и если не принесутъ съ собою никакого остатка мерзости введшихъ ихъ въ заблужденіе" ⁴⁾. Необходимымъ условіемъ прощенія является отрѣшеніе отъ грѣха, только благодаря ему человѣкъ можетъ быть принять отцемъ. „Только *рѣшившись*

1) На Евр. Бес. IV, 2. Стр. 162

2) 2 Еор. Бес. II. Стр. 33.

3) т. V, 308. 4) т. II, 345.

— 181 —

отказаться отъ пристрастной къ удовольствіямъ и мірской жизни съ *величайшею ревностью* стараясь слѣдовать законамъ Божиимъ, но еще не обогатившись благодатію чрезъ святое крещеніе, мы *не весьма сильны*, или способны на дѣло страданія и перенесенія трудовъ ради добродѣтели" ¹⁾. Сущность крещенія, такимъ образомъ, въ томъ, что человѣкъ какъ бы приноситъ себя въ жертву Богу, „мысленно претерпѣваетъ священную смерть" ²⁾, благодать же восполняетъ то, чего не могутъ сдѣлать рѣшеніе человѣка и его величайшая ревность: благодать дѣлаетъ непоколебимымъ рѣшеніе человѣка впередъ не грѣшить. Это же рѣшеніе служитъ въ свою очередь основаніемъ прощенія.

Преп. *Ефремъ Сиринъ* представляетъ прощеніе грѣховъ дѣйствіемъ весьма существеннымъ, сопровождающимся не вмѣненіемъ только грѣха или не забвеніемъ послѣдняго, а прямымъ, рѣшительнымъ уничтоженіемъ его. Прощенный человѣкъ не только не боится наказанія, но и получаетъ силы къ прохожденію добродѣтельной жизни. Прощеніе есть перемѣна челоѣва. „Какъ скоро взоръ Твой, Господи всяческихъ, обращается на мглу грѣховъ моихъ, она исчезаетъ предо мною, и безпрепятственно, со всею ревностью, *начинаю ходить путемъ заповѣдей Твоихъ*, укрѣпляюсь надеждою на Тебя и освободясь отъ мрака заблужденій" ³⁾. Однако, какимъ именно способомъ прощеніе грѣховъ обновляетъ человѣка? „Скажу тебѣ, отвѣчаетъ преп. Ефремъ Сиринъ, какъ человѣкъ чрезъ покаяніе дѣлается совершеннымъ, чтобы, узнавъ самый способъ, не имѣть тебѣ извиненія. Слушай. Приносишь ты покаяніе въ отравленіи другихъ? *Истреби всякій слѣдъ* сего, не явное только оставь, но не занимайся и въ тайнѣ. Пересталь ты умерщвлять людей, удерживай и языкъ свой отъ клеветы, отъ злословія, отъ сплетень... *Самъ себя переплавляешь ты, грѣшникъ, самъ себя воскрешаешь изъ мертвыхъ*. Поэтому, если дѣлаешь

что въ половину, то самъ себѣ наносишь обиду. Если немного и въ малости недодѣланное недостаточно и несовершенно, то кольми паче сдѣланное въ половину?.. *Если не всецѣло приносишь покаяніе, то въ половину сдѣлаешься*

1) О поклоненіи въ духѣ. кн. 3-я. т. I, 146.

2) т. III, 193.

3) Сл. 140, 13. т. V, 262.

— 182 —

праведнымъ. Свинѣ никакой нѣтъ пользы быть наполовину чистой, т. е. имѣть раздвоенныя копыта, ибо симъ теряется вся чистота" 1). Вотъ въ чемъ состоитъ внутренняя, существенная сторона уничтоженія грѣха въ человѣкѣ: человѣкъ долженъ самъ бросить грѣхъ и, насколько онъ бросить его въ своей волѣ, настолько и освободить его отъ грѣха благодать. Поэтому-то послѣ прощенія грѣховъ онъ и оказывается ревнителемъ добрыхъ дѣлъ.

Отъ этихъ свѣтилъ церковнаго ученія нелишне будетъ сдѣлать небольшой возвратъ къ эпохѣ болѣе ранней, чтобы и тамъ найти тоже самое ученіе.

Св. *Іустинъ Мученикъ* въ „Разговорѣ съ Трифономъ" весьма ясно различаетъ христіанское невмѣненіе грѣха отъ обычнаго, только внѣшняго, такъ сказать, поущенія грѣха. „Всѣ желающіе,—говоритъ св. Іустянь,—если они покаются, могутъ получить милость отъ Бога,—и Писаніе называетъ ихъ блаженными, говоря, блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнитъ грѣха,—т. е. *покаявшись въ своихъ грѣхахъ*, онъ получить отъ Бога прощеніе ихъ; но *не такъ*, какъ вы обольщаете себя самихъ и нѣкоторые другіе подобныя вамъ въ этомъ, которые говорятъ, что, хотя они грѣшники, но знаютъ Бога, и Господь не вмѣнитъ имъ грѣха. Какъ доказательство этого мы имѣемъ одно преступленіе Давида, случившееся отъ его гордости, которое было потомъ прощено, когда онъ плакалъ и скорбѣлъ, какъ написано. Если же такому человѣку прощеніе не было дано прежде покаянія, но только тогда, когда онъ, великій царь, помазанникъ и пророкъ, такъ плакалъ и вѣлъ себя, то какъ нечистые и крайне преступныя, если они не будутъ скорбѣть и плакать и не покаются, могутъ надѣяться, что Господь не вмѣнитъ намъ грѣха?" 2).

Такимъ образомъ, прощеніе не въ томъ состоитъ, что покрывается или прощается существующій грѣхъ, такого прощенія нѣтъ въ христіанствѣ. Человѣкъ получаетъ прощеніе только тогда, когда будетъ скорбѣть о совершенномъ грѣхѣ и покается въ немъ, т. е. рѣшить впредь не грѣшить,

объщается Богу, тогда онъ и прощается. Но это и обнаруживает тотъ существенный смыслъ прощенія грѣ-

1) Сл. 99. т. IV, 177. 178.

2) Триф. 141. Изд. Преображенскаго. Стр. 378—379.

— 183 —

ховъ, о которомъ мы говоримъ. Св. Іустинъ, дѣйствительно, и высказываетъ эту мысль при описаніи св. крещенія. „Кто убѣдится и повѣритъ, что это ученіе и слова наши истинны и *объщается, что можетъ жить сообразно съ нимъ*, тѣхъ учать, чтобы они *съ молитвою и постомъ просили у Бога прощенія прежнихъ грѣховъ*, и мы молимся и постимся съ нимъ. Потомъ мы приводимъ ихъ туда, гдѣ есть вода, и они возраждаются такимъ же образомъ, какъ сами мы возродились, т. е. омываются тогда водою во имя Бога Отца и Владыки всего, и Спасителя нашего Іисуса Христа и Духа Святаго... Такъ какъ мы не знаемъ перваго своего рожденія и по необходимости родились отъ влажнаго сѣмени чрезъ взаимное сововупленіе родителей и выросли въ худыхъ правахъ и дурномъ образѣ жизни: то, чтобы не оставаться намъ чадами необходимости и невѣдѣнія, но *чадами свободы и знанія* и чтобы получить намъ отпущеніе прежнихъ грѣховъ,—въ водѣ именуется на *хотящемъ* возродиться и *раскаившемся* въ грѣхахъ имя Отца всего и Владыки Бога" 1). Въ противоположность плотскому рожденію, въ которомъ человекъ не отвѣчаетъ за настроеніе своей природы, въ таинственномъ возрожденіи человекъ становится чадомъ свободы и знанія, онъ уже не страдательный предметъ или не поле для дѣйствія посторонней силы, онъ самъ *хочетъ* возродиться и самъ отбрасываетъ прежнюю жизнь. Поэтому-то приготовленіе ко крещенію является подвигомъ, приготовленіемъ къ новой жизни, проводить которую человекъ отнынѣ рѣшаетъ и *объщается*. „Когда іудеи,—говоритъ св. Иринея Ліонскій,—обратятся и придутъ къ покаянію и *перестанутъ дѣлать зло*, они будутъ имѣть власть быть чадами Божиими и получить наслѣдіе безсмертія, которое даруется Богомъ" 2). Вотъ это-то добровольное пресѣченіе зла и является самой существенной частью оправданія, является, такъ сказать, самымъ способомъ, какимъ грѣхи человеку отпускаются.

Итакъ, по православному ученію, прощеніе грѣховъ въ таинствѣ крещенія или покаянія происходитъ отнюдь не внѣшне-судебнымъ способомъ, состоитъ не въ томъ, что Богъ съ этого времени перестаетъ гнѣваться на человека,

1) 1-я Апол. 61. Стр. 101.

2) Противъ ересей. кн. IV, гл. XLI, 3: Library Clark'a vol. IX, 52.

— 184 —

а въ томъ, что вслѣдствіе коренного душевнаго перелома, настолько же благодатнаго, какъ и добровольнаго, въ человѣкѣ является жизнеопредѣленіе совершенно противоположное прежнему, грѣховному, такъ что прежній грѣхъ перестаетъ вліять на душевную жизнь человѣка, перестаетъ принадлежать душѣ — уничтожается. Поэтому, человѣкъ и примиряется съ Богомъ, и милость Божія становится доступной для человѣка.

Весьма поучительно прочесть объясненіе внутренней стороны таинства, т. е. той, которая въ сущности только и должна имѣться въ виду, такъ какъ только при знакомствѣ съ ней мы можемъ понять, что именно значать довольно общія отвлеченныя опредѣленія оправданія,—весьма поучительно, говоримъ мы, познакомиться съ раскрытіемъ этой стороны въ сочиненіяхъ покойнаго преосв. Феофана, такъ глубоко проникнутаго отеческимъ ученіемъ (особенно тамъ, гдѣ онъ, оставивъ школьную форму, переходитъ на жизненную, истинно отеческую почву).

По представленію преосв. Феофана, внутреннюю сущность таинственнаго обновленія человѣка составляетъ его добровольное и окончательное опредѣленіе себя на угожденіе Богу. „Это рѣшеніе,— говоритъ преосв. Феофанъ,— есть главный моментъ въ дѣлѣ обращенія, коренной, источникъ" 1). Отъ этого коренного момента зависитъ и дѣйственность возрожденія. „Если человѣкъ (послѣ крещенія) дѣлаетъ добро, то сіе потому, что исходитъ изъ купели ревнителемъ добрыхъ дѣлъ, облеченнымъ и силою на твореніе ихъ. Но сія ревность *произвольно имъ воспринята* въ минуты сокрушенной скорби о грѣхахъ и взысканія помилованія; благодать же Божія, пришедши потомъ, укрѣпила ее и сдѣлала мощною" 2). „Въ умертвіи грѣху чрезъ крещеніе *ничего не бываетъ механически, а все совершается съ участіемъ нравственно-свободныхъ рѣшимостей самого человѣка*. Существо умертвія грѣха всегда одно: это есть отвращеніе отъ грѣха, смертельное возненавидѣніе его. Гдѣ же оно въ крещеніи? — Тутъ же въ духѣ крещаемаго.

1) Письма къ одному лицу. Стр. 70—71

2) Письма къ одному лицу. Стр. 97.

— 185 —

Ибо что дѣлаетъ крещаемый иредь погруженіемъ въ купель? Отрицается сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его; а это тоже, что отвращается отъ грѣха и возненавидѣваетъ его. Когда затѣмъ, въ семь духѣ отвращенія и ненависти ко грѣху, погружается онъ въ купель, тогда бдагодатель Божія, низшедши внутрь, *закрѣпляетъ сіи расположенія и рѣшенія воли* и даетъ имъ силу живую и дѣйственную. Крещенному всѣ прежніе грѣхи прощаются, а отъ будущихъ охранять его будетъ сія низшедшая въ него въ крещеніи сила. Онъ и есть воистину мертвъ грѣху" 1). Прежніе грѣхи человѣкъ бросилъ и потому они ему не считаются,—вмѣсто же грѣха у него теперь рѣшеніе служить Богу.

Какъ видимъ, преосв. Феофанъ въ этомъ описаніи истиннаго содержанія догматическихъ понятій, касающихся вопроса о спасеніи, совершенно правильно выражаетъ ученіе св. отцевъ церкви. Правовое пониманіе такого подробнаго раскрытія жизненной стороны оправданія допустить не можетъ—это раскрытіе самымъ дѣломъ его опровергаетъ. Для православнаго же ученія останавливаться на этой сторонѣ необходимо, иначе можно смѣшать его (ученіе) съ инославіемъ, которое, употребляетъ тѣже слова и по внѣшности сходно.

Такимъ образомъ, сопоставляя выясненное раньше понятіе о Правдѣ Божіей и возмездіи съ одной стороны, и это стараніе раскрыть жизненный смыслъ оправданія, съ другой; мы и получаемъ настоящее понятіе о прощеніи или уничтоженіи грѣховъ въ таинствахъ крещенія или покаянія.

Этому понятію не будутъ противорѣчить и тѣ многочисленныя мѣста свято-отеческой литературы, гдѣ прощенію приписывается, повидимому, только внѣшне-судебный смыслъ. Всѣ такія мѣста нужно дополнить, по основному правилу всякаго толкованія: менѣе ясное дополнять болѣе яснымъ. Разъ выяснена существенная (реальная) сторона даннаго явленія, внѣшнюю сторону согласить не трудно. Урѣзывать же первую ради второй будетъ не только не правильно,—это будетъ прямо искаженіемъ истины.

Освобождаясь отъ грѣховъ въ крещеніи, человѣкъ дѣлается участникомъ *въ праведности Христовой*. Протестанты и это превратили въ совершенно внѣшнее судебное проис-

1) Толкованіе на Римл. т. I, 332.

шествіе. По ихъ представленію, Богъ, не находя въ человѣкѣ ничего, за что бы ему слѣдовало воздать награду въ вѣчной жизни, вмѣняетъ ему

заслугу предъ Правосудіенъ Божественнымъ, какую совершилъ Іисусъ Христось. Основаніемъ же вмѣненія служить просто то, что Богъ видитъ со стороны человѣка желаніе присвоить эту заслугу себѣ (вѣра, какъ орудіе *instmientum* усвоенія заслуги Христовой). Это довольно странное для обыденнаго пониманія ученіе необходимо для протестантовъ, чтобы избѣжать противорѣчія между заслугой Христа и заслугами человѣка. Православное ученіе не знаетъ такой необходимости, поэтому и въ данномъ вопросѣ оно не покидаетъ своей истинной почвы. Оно говоритъ, конечно, приблизительно тѣми же словами, но смыслъ ихъ будетъ гораздо глубже, жизненнѣе, да и состоятельнѣе съ точки зрѣнія нравственнаго сознанія cadaго здраваго человѣка.

Если человѣвъ при самомъ своемъ обращеніи къ Богу не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ очищается отъ грѣха,—тогда нѣтъ никакой необходимости, ни основанія настаивать на томъ, что и заслуга І. Христа только внѣшне вмѣняется намъ, служить только независимой отъ насъ платой за наши грѣхи.

Господь Іисусъ Христось въ Своей прощальной бесѣдѣ съ учениками, дѣйствительно, и изображаетъ намъ Свое отношеніе къ вѣрующимъ гораздо болѣе внутреннимъ, жизненнымъ, чѣмъ допускало бы одно внѣшнее вмѣненіе намъ заслуги Христовой. Человѣкъ спасается не тѣмъ, что онъ желаетъ присвоить себѣ то, что сдѣлалъ Христось, а тѣмъ, что онъ находится въ самомъ тѣснѣйшемъ единеніи со Христомъ, какъ вѣтвь съ виноградной лозой. „Я, говоритъ Господь, есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ; и всякую приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе приносила плода... Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудеть во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви соби-

— 187 —

рають во огонь, и онъ сгорають" (Іо. ХУ, 1—6). Но пребыть во Христѣ значитъ пребыть вѣрнымъ Его ученію, значитъ имѣть „слово Его пребывающимъ" въ насъ (Іо. XV, 7) исполнять Его Заповѣди (Іов. XV. 10). Слѣдовательно, тотъ, кто стремится быть подобнымъ Христу, кто рѣшаетъ исполнять Его волю (сущность крещенія), тотъ дѣлается вѣтвью, соединяется со Христомъ самымъ тѣснымъ и таинственнымъ образомъ. Это

единеніе, съ одной стороны, даетъ человѣку силы, укрѣпляетъ его рѣшимость соблюдать волю Христа, а, съ другой, требуетъ и отъ него усердія (иначе нечего укрѣплять, если нѣтъ рѣшимости). Будеть онъ подобенъ Христу, Небесный Виноградарь не отсѣчетъ его отъ вѣчной жизни. Потеряетъ онъ ревность о Христѣ, тогда потеряетъ и помощь Божію, а потомъ и подобіе Христова, засохнетъ, а конецъ этого оскудѣнія духовной жизни есть погибель вѣчная. Если заслуга Христа останется лишь внѣшнимъ для душевной жизни человѣка событіемъ, тогда не можетъ быть онъ спасенъ. „Не говорю вамъ, что Я буду просить Отца о васъ: ибо Самъ Отецъ любитъ васъ (почему же? ради ли Моей заслуги, какъ такой? нѣтъ:), потому что вы возлюбили Меня, и увѣровали, что Я изшелъ отъ Бога" (XVI, 26—27). Что же значитъ возлюбить Христа? Возлюбить Христа можетъ только тотъ, кто любитъ добро и ради закона Божія готовъ пожертвовать всѣмъ. Возлюбить Христа значитъ посвятить себя на служеніе Христу, значитъ стремиться уподобиться Христу, считать Его своимъ учителемъ и примѣромъ (I Петр, II, 4—5). Такой человѣкъ не возмутится и гоненіями, потому что знаетъ, что Учителя его точно также изгоняли и поносили (XV, 20), и что міръ, отверженный послѣдователемъ Христа, не можетъ любить своего отвергателя (ст. 18—19). Такой человѣкъ есть истинный слуга Христовъ, онъ и будетъ тамъ, гдѣ—Христосъ прославленный, его и почитать Отецъ Небесный (Іо. XII, 26). „Кто любитъ меня, тотъ соблюдетъ слово мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и мы прійдемъ и обитель у него сотворимъ. Не любящій не соблюдаетъ словъ Моихъ (Іо. XIV, 23—24), а потому и не можетъ быть участникъ въ Христовой славѣ. Заслуга Христа его не касается.

— 188 —

Необходимо, слѣдовательно, жизненное усвоеніе заслуги Христовой, т. е. при духовномъ общеніи со Христомъ, усвоеніе того нравственнаго устройства, которое имѣлъ Христосъ и которое можетъ сдѣлать насъ способными къ воспріятію вѣчнаго блаженства. Такъ, дѣйствительно, и есть.

Черезъ крещеніе люди „прицѣпляются истинной Лозѣ" 1). становятся ея вѣтвями не въ томъ только смыслѣ, что они „одѣваются пресвѣтлою и предрагою правды Христовой одеждою, яко царскою порфирною" 2), но они воспринимаютъ Христа въ себя, внутри, по расположеніямъ своей души становятся Христовыми (I Кор. XV, 23), сообразными Ему. „Вотъ, говоритъ преп. Макарій Египетскій, основаніе пути къ Богу: съ великимъ терпѣніемъ, съ уготованіемъ, съ смиренномудріемъ, въ нищетѣ духовной,

съ кротостью шествовать путемъ жизни; симъ челоуѣкъ можетъ *самъ въ себѣ пріобрѣсти оправданіе*, а подѣ оправданіемъ разумѣю Самого Господа" ³⁾. Здѣсь говорится о жизни по крещеніи, но эта жизнь, какъ увидимъ, служить только развитіемъ того, что получено при крещеніи, При крещеніи же челоуѣкъ не усвояетъ себѣ лишъ то, что совершилъ Господь, а воспринимаетъ путемъ рѣшенія, святыню, т. е. жизнь по волѣ Божіей. „Исповѣданіе, что не приметъ (челоуѣкъ) на себя болѣе грѣховной тины и на жизненномъ пути не коснется земной скверны, дѣлается, по словамъ св Григорія Нисскаго, *входомъ святыни* въ уготованную такъ душу; святыня же Господь 4). Душа не внѣшне участвуетъ въ плодахъ смерти или праведности Христовой, а воспринимаетъ въ себя Христа, обдекается въ Него. „Облечься же во Христа, по мысли св. І. Златоустаго, значить никогда не оставлять Его, но всегда являть Его себѣ своею святостью и правотою" ⁵⁾. „Не просто будемъ держаться Христа, но прилѣпимся (*κολληθώμεν*—приклеимся) къ Нему; такъ какъ, если отдѣлимся, погибнемъ... Прилѣпимся же къ Нему, и прилѣпимся *дѣлами*: потому что соблюдающій

1) Св. Тихонъ Зад. т. IV, 281.

2) Онъ же. т. IV, 274.

3) Hom. XXVII, Migne. t. XXXIV, 709. Стр. 292.

4) In Cant. cant. Hom. XI. Migne. t. XLIV, 1008. т. III, 287.

5) In Rom. Hom. XXIV, 4. Migue. t. LX, 627.

— 189 —

заповѣди Мои, во Мнѣ, говорить, пребываетъ" 1). Облечение во Христа, такимъ образомъ, значить уподобленіе Христу. „Какое намѣреніе и какая сила крещенія? спрашиваетъ св. Василій Великій и отвечаетъ: „Черезъ него крещаемый измѣняется въ умѣ, словѣ и дѣлѣ и, по данной ему силѣ, дѣлается тѣмъ же, что Родившій его" ²⁾. Св. Духъ „насъ обновляетъ и снова творить насъ образами Божіими; банею пакибытія и обновленія Духа Святаго усыновляемся мы Богу. Тварь, причащающаяся, Духа, опять—нова, тогда какъ лишенная Духа, она обветшала... Опять сталь образомъ Божіимъ челоуѣкъ, который утратилъ въ себѣ Божественное подобіе" ³⁾. Но особенно ясно облаченіе во Христа, въ смыслѣ свободнаго воспріятія на себя Его духа и устройства, раскрывается въ твореніяхъ святыхъ Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго и святителя Тихона Задонскаго,

Въ бесѣдѣ одиннадцатой на Пѣснь пѣсней св. *Григорій Нисскій* такъ объясняетъ слова: „Совлекохся ризы моя, како облечуся въ ню. Умыхъ

нозѣ мои, како оскверню ихъ" (Пѣсн. V, 3). „Прекрасно послушала она (душа) Повелѣвшаго ей содѣлаться сестрою, ближнею, голубицею и совершенною, чтобы вслѣдствіе сего вселилась въ душѣ истина. Ибо сдѣлала то, что слышала, совлекшись кожаной одежды, въ которую облеклась послѣ грѣха, и смывъ съ ногъ земную нечистоту, которою была покрыта, когда, изъ райскаго житія возвратившись на землю, услышала, яко земля еси, и въ землю отъидеши (Быт. III, 19). Посему *отверзала, Слову входъ къ душѣ*, открывъ завѣсу сердца т. е. плоть, а говоря о плоти, разумѣю *ветхаго человѣка*, котораго совлечь и сложить съ себя божественный Апостоль повелѣваетъ готовящимся въ купели слова омыть нечистоту душевныхъ стопъ. Итакъ, совлекшись ветхаго человѣка, и отъявъ покрывало сердца, душа отверзла входъ Слову, и когда Оно вошло, *дѣлаетъ Его своею одеждою*, по руководству апостола, который повелѣваетъ совлечшему съ себя плотское одѣяніе ветхаго человѣка облечься въ ризу,

1) In I Corinth. Hom. VIII, 4. Higne t. LXI. 72. T. I, 143.

2) Т. III, 317. Нравств. прав. 20,2.

3) Ibid. 192.

— 190 —

созданную по Богу въ преподобіи и въ правдѣ (Еф. IV 24). *Одеждою же называю Іиеуса*. А признаніе невѣсты,—что не возложитъ уже опять на себя свергнутую ризу, но, по данному ученикамъ закону, будетъ довольствоваться одною ризою, въ которую облеклась, обновившись рожденіемъ свыше, подтверждаетъ Господне слово, повелѣвающее однажды украсившимся божественною одеждою не облекаться уже болѣе въ ризу грѣха, и имѣть не двѣ одежды, а только одну, чтобы двѣ ризы на одномъ и томъ же не были одна съ другой несходящимися, потому что какое общеніе одежды потемненной съ свѣтовидною и невещественною?... Посему говоритъ невѣста: *совлекохся ризы моя, како облечуся въ ню?* Ибо кто, видя на себѣ солнцезрачную ризу Господню, возложенную на него за чистоту и нерастлѣніе, на примѣръ, какую показалъ Господь на горѣ во время преображенія, согласится потомъ, чтобы возложили на него одежду бѣдную и раздранную, въ какую, какъ говоритъ притча, *облекается пѣяница и блудникъ* (Притч. XXIII, 21)? Да и омывъ ноги, не соглашается сквернить ихъ снова, ступая по землѣ. Ибо говоритъ: *умыхъ нозі мои, како оскверню ихъ?...* Посему и Господь запрещаетъ ученикамъ имѣть сапоги, когда повелѣваетъ имъ на путь языкъ не ходить, но идти путемъ святымъ (Мф. X, 5. 10). Конечно же, не не

знаешь этот святой путь, которым повелѣвается идти ученикамъ, дознавъ сіе отъ Рекшаго: *Азь есмь путь* (Іо. XIV, 6), путь, котораго невозможно и коснуться *не совлекшему съ себя одежды челоуѣка мертваго*. Посему, такъ какъ на семь пути была невѣста, на которомъ Господь шествующимъ по оному омываетъ ноги водою и отираетъ лентіемъ, которымъ препоясанъ; а препоясаніе Господне есть *сила, очищающая отъ грѣховъ*; ибо сказано: облечеса Господь въ силу и препоясася (Пс. XCII, 1);—то невѣста, очистивъ ноги, *хранить себя* на пути царскомъ, не совращаясь ни на десно, ни на лѣво (Втор. V, 39), чтобы перенеся слѣдъ на ту или другую сторону пути, не замарать ноги грязью. Конечно же разумѣешь, что означается сказаннымъ, а именно, что душа, однажды *отрѣшивъ сапоги крещеніемъ* (ибо собственное дѣло крещающаго отрѣшить ремни сапоговъ, какъ засвидѣтельствовалъ Іоаннь, что не можетъ сдѣлать сего надъ однимъ только Господомъ: ибо какъ разоушить того, Кто вовсе не

— 191 —

былъ связанъ ремнемъ грѣха?), *сама омыла ноги, вмѣстѣ съ сапогами отринувъ всю земную нечистоту*. А посему стопы свои на пути гладкомъ хранить неоскверненными, какъ поступалъ и Давидъ, когда оны въ ноги свои отъ брениа тины, и поставилъ на камнѣ, выражая сіе такъ: *воздвигъ мя отъ рова страстей и отъ брениа тины, и постави на камнѣ нози мои и исправи стопы моя* (Пс. XXXIX, 3). Подъ именемъ же камня разумѣваетъ и Господа, Который есть свѣтъ, и истина, и нетлѣніе, и правда,—то, чѣмъ уравнивается духовный путь. Кто не совратился съ него ни въ ту, ни въ другую сторону, тотъ хранить слѣды свои ни мало не оскверненными брениемъ сладодюбія. *Вотъ то самое, чѣмъ невѣста, по моему разумѣнію, отверзаетъ дверь Слову*. Ибо исповѣданіе что не приметъ болѣе на себя отринутой тины, и на жизненномъ пути не коснется земной скверны, дѣлается *входомъ святыни* въ уготованную такъ душу; *святыня же—Господь*" 1).

Предъ нами въ различныхъ образахъ проходятъ въ приведенныхъ словахъ св. Григорія Нисскаго почти всѣ понятія, упоминаемая въ описаніи возрожденія. Мы видимъ, что крещающійся прежде всего приходитъ къ отверженію ветхаго челоуѣка. Это отверженіе даетъ ему возможность и способность усвоить себѣ и святыню, т. е. облечеса въ Самого Іисуса. Облеченіе же состоитъ въ томъ, что челоуѣкъ твердо блюдетъ путь Христовъ, нискоіюко не уступая предъ искушеніями міра и плоти. „Нельзя быть Христомъ не будучи правдеостью, чистотою, истиною и

отсутвіемъ всякаго зла,—нельзя быть и христіаниномъ (облеченнымъ во Христа), не показывая въ себѣ сродства съ этими именами" 2). Облечься во Христа значить, такимъ образомъ, принять Христово настроеніе и путь.

Св. *Кирилль Александрійскій* говоритъ: „Лицезрѣнія Своего (т. е. вѣчнаго блаженства) удостоиваетъ и познаетъ Богъ и Отець однихъ только тѣхъ, которые (не заслугу Христову желаютъ себѣ присвоить, а) имѣютъ *духовное сродство въ Сыномъ* обогатились отъ Него и чрезъ Него

1) Бес. XI на Пѣснь пѣсн. т. III, 283—287. 2) De profess. christ. Migne. t. XLYI, 244.

— 192 —

духовнымъ возрожденіемъ" 1) Начальная ступень этого уподобленія Христу полагается при крещеніи и состоитъ въ томъ, что вѣрующій прилѣпляется ко Христу. „Онъ есть виноградная лоза; а мы срослись съ нимъ на подобіе розокъ, связуемые съ Нимъ чрезъ освященіе единеніемъ по Духу" 2). Однако это прилѣпленіе нельзя представлять себѣ иначе, какъ въ видѣ дѣла свободнаго или, по крайней мѣрѣ, настолько же свободнаго, насколько и благодатнаго; и это и потому что и „духомъ горяще и пламенѣющими любовію къ Богу" (въ чемъ сущность Богоподобія) мы можемъ только тогда, когда „прилѣпляемся ко Христу вѣрою и жительствомъ добрымъи согласнымъ съ закономъ" 3), т. е. свободнымъ слѣдованіемъ закону Христову. Поэтому, „готовящимся имѣть въ себѣ обитающимъ Христа чрезъ Духа (готовящимся облачиться во Христа) должно, думаю прежде (свободно) омыться отъ сквернъ и очиститься отъ преступленій и, такимъ образомъ, свѣтлою и нескверною являть Ему свою душу, какъ, безъ сомнѣнія, Божественный Псалмопѣвецъ, бывъ украшенъ токовою добродѣтелью, восклицалъ, говоря: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспую и пою (Пс. LVI, 8). Какъ къ шерсти, если она чиста, хорошо пристають краски, а если въ ней есть нѣкоторый остатокъ нечистоты, то наведенная краска легко отваливается, не имѣя въ ней твердаго закрѣпленія: такъ и причастіе *Христово святыя и чистыя* души напаяетъ, а въ душахъ, не такъ настроенныхъ, вовсе не можетъ утвердиться: Святой бо Духъ наказанія отбѣжитъ лъстива, согласно написанному, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннѣмъ грѣху (Прем. I, 5, 4). И такъ, оказывая услуги обиженнымъ и дѣлами любви прогоняя огорченіе братій, *избавимъ себя самихъ* отъ всякой вины и приобрѣтемъ *отпущеніе во Христвѣ*" 4). Такимъ образомъ, получить „отпущеніе во Христвѣ" или ради Христа и потомъ удостоиться вѣчнаго блаженства „въ лицезрѣніи Бога", другими словами усвоить Христову праведность,—можно только тому,

кто напередъ *самъ изба-*

- 1) Т. IV, 362.
- 2) Ibid. стр. 321.
- 3) Толк. на Ис. VI, 1—3. т. VI, 182.
- 4) О поклоненіи вх духъ, вн. 15. т. III, 142.

— 193 —

виль себя отъ всякой вины", кто, т. е. „вѣрою и жительствомъ добрымъ и согласнымъ съ закономъ прилѣпится ко Христу" и сдѣлается Ему подобнымъ, сроднымъ. Облаченіе въ правду Христову возможно только чрезъ уподобленіе Христу.

Св. *Тихонъ Задонскій*, въ твореніяхъ котораго можно находить не мало кажущихся указаній на одно лишь внѣшнее значеніе праведности Христовой, самъ же даетъ и ключъ, какъ слѣдуетъ понимать эти внѣшнія опредѣленія. „Крещеніемъ, говоритъ святитель, вси обновляются и пресвятыи *нравъ Христовъ на себе пргемлють* и тако Церкви святой причисляются" 1). Кавъ же происходитъ это пріятіе на себя нрава Христова? Это разъясняется въ слѣдующихъ словахъ: „Надобно намъ съ трудомъ, прилежаніемъ и подвигомъ искать нынѣ того, что туне и безъ труда нашего намъ данное отъ Бога потеряли (т. е. первобытную чистоту и праведность души). Тогда видя Христоръ таковое души тщаніе, попеченіе и трудъ, по милости своей отнимаетъ отъ ней безобразіе и подаетъ доброту и красоту *образа Своего*. На сіе бо и въ міръ пришелъ, якоже поеть Церковь: Христоръ раждается прежде аадшій возставити образъ. И сіето есть отложить намъ по первому житію ветхаго челоуѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ; обновлятися же духомъ ума нашего и облещися въ новаго челоуѣка, созданнаго въ правдѣ и преподобіи истины (Еф, IV, 22—24), къ чему не малое прилежаніе, подвигъ и трудъ требуется" 2). Вотъ основной законъ, по которому совершается уничтоженіе въ насъ послѣдствій грѣхопаденія: необходимъ трудъ, прилежаніе, нравственныя усилія самого челоуѣка. Только такимъ путемъ челоуѣкъ можетъ возстановить въ себѣ образъ Божій, или что то же „нравъ Христовъ" или „образъ Христовъ". Уподобленіе Христу, слѣдовательно, возможно только свободное. Вотъ это-то уподобленіе Христу, воспріятіе Его нрава и служить тѣмъ средствомъ, чрезъ которое челоуѣкъ дѣлается причастникомъ вѣчнаго блаженства т. е., слѣдовательно, праведности Христа. Вмѣстѣ съ этимъ и правед-

1) Т. IV, 278.

ность эта перестает быть внѣшной челоѣку: челоѣкъ спасается воспріявъ праведность Христа въ себя, уподобившись Христу. Это уподобленіе дѣлает челоѣка способнымъ быть и наслаждаться бытіемъ въ царствѣ небесномъ, дѣлает его сроднымъ по настроенію этому царству святости и свѣта. „Поищемъ, о христіане, говоритъ св. Тихонъ, доброты и красоты наша во Христа, которую во Адамъ потеряли; поищемъ пока обрѣтется, да и здѣ ее въ душахъ нашихъ возымѣемъ, и въ пришествіи Христовомъ съ нею предъ Нимъ и всѣмъ иіромъ явимся, которая не токмо тогда въ душахъ нашихъ будетъ, но и на тѣлесахъ явится; и Христось, праведный Судія, видя въ насъ образъ Божій и *насъ Себѣ сообразныхъ, признаетъ насъ за Своихъ и съ Собою прославит*" 1).

Итакъ, по разуму св. отцовъ, челоѣкъ облачается въ крещеніи правдою Христовою въ томъ смыслѣ, что онъ принимаетъ на себя „нравъ Христовъ“; а этотъ нравъ дѣлает его сроднымъ вѣчному царству Божію и, такимъ образомъ, способнымъ къ его воспріятію въ будущей жизни, когда это царство раскроется во всей полнотѣ.

Опять считаемъ не лишнимъ сопоставить эти наши выводы изъ отеческихъ свидѣтельствъ съ такими же выводами преосв... Теофана... Послѣдній весьма часто прибѣгаетъ къ обычному въ школьной догматикѣ внѣжному представленію душевной жизни челоѣка и въ частности спасенія. Точно также и праведность Христа, которою челоѣкъ спасается, часто въ устахъ преосв. Теофана, повидимому, превращается во внѣшнее событіе, ради котораго Богъ перестаетъ гнѣваться на грѣшника. „Когда челоѣкъ, говоритъ преосв. Теофанъ, сдѣлался преступникомъ закона, то не могъ иначе надѣяться на достиженіе своей цѣли (т. е. общенія съ Богомъ), какъ чрезъ усвоеніе себѣ *чужой праведности*. Сія усвояемая праведность восполняетъ недостатокъ законности въ нашей жизни и даетъ намъ возможность быть близкими къ Богу" 2).

Повидимому, челоѣкъ оправдывается только внѣшне, чрезъ усвоеніе чужой праведности, которая только воспол-

1) Т. III, 310.

2) Письма о христіанской жизни. Прибавленія. Стр. 235.

няютъ или прикрываетъ „недостатокъ законности" въ самомъ челоѣкѣ. Однако, было бы большой ошибкой приписать такое подобное воззрѣніе

нашему покойному богослову—мыслителю. Должно думать, что подобныя выраженія въ умѣ преосв. Ѳеофана получали самый жизненный смыслъ и самое богатое содержаніе. Основаніе этому есть въ сочиненіяхъ Преосв. Ѳеофана. Напр., въ его Толкованіи на Посланіе къ Римлянамъ мы читаемъ: „Окрестившись во Христа, мы въ смерть Его окрестились. Очевидно, что крещеніе въ смерть Христову есть умертвіе грѣху. Какъ же это такъ?—Это объясняетъ значеніе и сила смерти Христовой. Умерши на крестѣ, Господь Спаситель грѣхи наши вознесъ на крестъ и сталъ очищеніемъ о грѣсѣхъ нашихъ. Въ крестной смерти Господа"—очистительная сила грѣха, Кто крестится,—погружается,—въ смерть Христову, тотъ погружается въ очистительную силу грѣха. Сія сила въ самомъ дѣйствиіи погруженія снѣдаетъ всякій грѣхъ, такъ что и слѣда его не остается. Здѣсь бываетъ тоже, какъ если бы кто приготовилъ такой химическій составъ, который, когда погрузятъ въ него и всякая нечистота будать снѣдена. Такъ и смерть Христова кавъ очистительная сила грѣха, снѣдаетъ всякій грѣхъ, какъ только кто погружается въ сію смерть крещеніемъ. Въ крещенномъ и слѣда грѣха не остается: онъ умеръ ему".

Здѣсь, иной увидѣлъ бы самое крайнее по своей вещественности представленіе объ оправданіи. Очевидно, въ этихъ слишкомъ осязаемыхъ образахъ преосв. Ѳеофанъ хотѣлъ изложить ученіе о томъ, что за смерть Христову грѣхи человѣку прощаются. Однако вслѣдъ за такимъ описаніемъ, преосв. Ѳеофанъ спѣшитъ оговориться: „Но, говоритъ онъ, надо при семъ имѣть въ мысли, что въ семъ умертвіи грѣху чрезъ крещеніе *ничего не бышаетъ механически, а все совершается съ участіемъ нравственно-свободныхъ рѣшимостей человѣка.*" И далѣе излагается приведенное выше раскрытіе внутренней стороны уничтоженія грѣха 1). Такимъ образомъ, всѣ эти сравненія остаются только сравненіями, самаго существа дѣла не выражающими и употребляемыми только тогда, когда можно ограничиться одной внѣшней стороною ученія,

1) Толкованіе на Римл. т. I, 331—332.

не касаясь его дѣйствительнаго смысла. Но лишь только дѣло доходитъ до этого послѣдняго, школьныя формулы приходится оставлять и исвать болѣе жизненныхъ опредѣленій. Преосв. Ѳеофанъ въ томъ сочиненіи, гдѣ онъ долженъ былъ разъяснять не отвлеченное опредѣленіе, а самое спасеніе, какъ оно дается въ жизни, и говоритъ о дѣйствительномъ облаченіи во Христа.

Въ „Письмахъ къ одному лицу въ С.-Петербургѣ" мы читаемъ: „Для того, чтобы совершилось спасеніе каждаго человѣка въ частности, необходимо, чтобы совмѣщенныя въ лицѣ Господа потребности спасенія перешли въ каждаго, и имъ были усвоены. Сіе послѣднее совершаетъ Святый Духъ. Словомъ благовѣстія возбуждаетъ вѣру въ силу крестной смерти Господа и въ купели крещенія омываетъ вѣрующаго и отъ первороднаго грѣха и отъ всѣхъ произвольныхъ, обновляя въ тоже время его духовную жизнь и дѣлая ее сильною противостоятъ грѣху и преуспѣвать въ добрѣ. Обѣ потребности исполняются за разъ. Исходящій изъ купели крещенія бываетъ и оправданъ и праведенъ, всякая вина грѣха съ него. снимается, и онъ *желаетъ лить одного Богу угоднаго добра и силенъ на дѣланіе его. Это и есть облаченіе въ Христа, въ коемъ потребное для спасенія отъ Христа Господа переходитъ на вѣрующаго крещающагося и ему усваются не номинально, а существенно.* Пока онъ вѣруетъ только во Христа, сіи потребности его суть, но только номинально, какъ опредѣленныя ему и готовыя для него; въ купели же крещенія онъ существенно становятся его собственностью" 1). Такимъ образомъ, праведность Христова не зачисляется только крещаемому, а *существенно* принимается имъ: онъ теперь „желаетъ лишь одного добра и силенъ на дѣланіе его".

Одно внѣшнее признавіе человѣка—грѣшника праведнымъ можетъ, конечно, его утѣшить, но возбудить его къ дѣланію добра, укрѣпить въ полученной невольной праведности можетъ только тогда, когда человѣкъ желаетъ этого, т. е. когда въ душѣ его есть переломъ, обращеніе отъ зла къ добру. Инославное правовое жизнепониманіе допустить этого перелома не можетъ, потому что тогда бы человѣкъ

1) Стр. 49–50.

спасался своей заслугой. При ограниченіи же дѣла оправданія одной формальной стороной. никакъ начала новой жизни въ человѣкѣ не объяснить. Поэтому—то инославіе и должно прибѣгать къ самодвижущейся праведности, которая водворяется въ человѣкѣ и начинается въ немъ дѣйствовать помимо и даже почти вопреки его сознанию и волѣ. Протестанты, противорѣча святости Божіей, полагаютъ эту самодвижущуюся праведность слѣдствіемъ оправданія, а католики самое оправданіе превращаютъ въ магическое влітіе этой праведности. Для православія нѣтъ необходимости прибѣгать къ такому противному всякимъ законамъ душевной жизни превращенію.

Спасеніе и, въ частности, оправданіе для православнаго есть состояніе свободно—нравственное, хотя и могущее совершиться только съ помощью благодати Божіей. Чтобы быть возрожденнымъ благодатию, человекъ долженъ самъ содѣйствовать своему возрожденію. „Приступая къ доброму Врачу“, грѣшникъ долженъ съ своей стороны „принести слезы—это наилучшее врачество. Ибо то и угодно небесному Врачу, чтобы каждый *собственными слезами врачеваль себя и спасался* 1), а не невольно претерпѣвалъ только спасеніе. Прежде чѣмъ приступить къ благодати, человекъ напередъ долженъ самъ произвольно удалить изъ себя все грѣховное, долженъ разрушить въ себѣ начало грѣха, чтобы благодать могла насадить въ немъ начала новой жизни. „Покаяніе, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, очищаетъ разрѣшенные составы прежняго устроенія прежде, нежели благодать, срастворившись съ умомъ, сдѣлаетъ свинець золотомъ. Если видаль ты, какъ стекло принимаетъ цвѣтъ гіацинта, смарагда и сапфира; то не усумнишься, что покаяніе дѣлаетъ какъ бы изъ свинца серебро и изъ мѣди золото. Если и человеческое искусство умѣетъ срастворять одно вещество съ другимъ и бывшему прежде придавать новый видъ; то кольми паче благодать Божія можетъ сдѣлать и большее? Человекъ налагаетъ на стекло листы золота, и, что прежде было стекломъ, дѣлается по виду золотомъ. Тавъ и благодать бывшаго вчера беззаконникомъ сегодня дѣлаетъ рабомъ Божіимъ, и не поверхностно только,

1) Ефремъ Сир. Сл. 10. т. I, 296.

— 198 —

но даже въ совѣсти, по Богу. Если бы и человекъ захотѣлъ примѣшивать къ стевду золото,—то стекло дѣлалось бы златовиднымъ; но избѣгая траты. придумаль онъ достигать сего наложеніемъ самага листа. Покаяніе же, нолагаясь на Божіе благоволеніе, *срастворяетъ кающаюся съ благодатию Святаго Духа* и человека всецѣло дѣлаетъ сыномъ Божіимъ, чтобы не наружную одну вкладку имѣть ему на себѣ" 1).

Если же человекъ не дѣлаетъ самъ ничего, не кается и не стремится къ воспріятію той праведности, не готовитъ себя, тогда и таинство не можетъ произвести на него своего дѣйствія. Отъ таинственнаго возрожденія онъ уйдетъ не возрожденнымъ. „Выжмемъ себя покаяніемъ, говоритъ тотъ же св. отецъ, чтобы не утратить намъ благодати прощенія, какъ настоящей своей краски. Выжиманіе есть тщательное отложеніе противнаго. Ибо такимъ образомъ наведенный на насъ цвѣтъ, закалившись въ душахъ

нашихъ, не сойdetъ уже. Тщательно изрой себя слезами какъ красильщикъ измываетъ волну, предайся смиренію и сократи себя во всемъ; ибо такимъ образомъ *предъочистишь себя*, приступишь къ Богу *готовымъ уже къ принятію благодати*. Нѣкоторые изъ кающихся снова возвращаются ко грѣху, потому что не знали сокрывающагося въ нихъ змія, а если и знали, то *несовершенно удалили его отъ себя*, ибо позволили остаться тамъ слѣдамъ его образа, и онъ вскорѣ, какъ бы зачавшись въ утробѣ, снова восстанавливаетъ полный образъ своей злобы. Когда видишь кающагося и снова согрѣшающаго, то разумѣй, что онъ не перемѣнился въ умѣ своемъ; потому что въ немъ еще всѣ пресмыкающіяся грѣха. Признакъ же приносящаго твердое покаяніе—образъ жизни собранный и суровый, отложеніе кичливости, самомнѣнія, а также очи и умъ, всегда устремленные къ вождѣльному Іисусу Христу, *съ желаніемъ*, по благодати Христовой, *стать новымъ человѣкомъ*, какъ волна дѣлается багрянницей или тканью голубаго или гіацинтоваго цвѣта" 2).

Такимъ образомъ, дѣйственность таинства стоитъ въ зависимости отъ степени свободнаго участія въ немъ самого

1) Сл. 99. Но пзд. 1848–5 гг. т. IV, 175–176. 2) Сл. 99. т. IV, 194—195.

— 199 —

человѣка. Чтобы выдти изъ таинства новымъ человѣкомъ, онъ долженъ самъ стремиться быть новымъ и, насколько есть у него сила, долженъ уничтожать въ себѣ малѣйшіе остатки прежняго грѣховнаго устройства. Поэтому—то отцы церкви и настаиваютъ на томъ что свободное рѣшеніе и усиліе человѣка такое же необходимое, хотя и недостаточное само по себѣ, условіе оправданія въ крещеніи, какъ и благодатная помощь Божія. „Вода въ вашей власти, равно какъ и погрузиться въ нее и выйти снова изъ нея, говоритъ св. Григорій Нисскій" 1), выражая этимъ необходимость дѣятельнаго участія свободы человѣка въ самомъ производствѣ возрожденія. Насколько по свободному произволению (*ἐκ προαιρέσεως*) отлагаемъ мы въ крещеніи ветхаго человѣка 2), настолько же произвольно и сыноположеніе *ἀντίξονοιοζ ἢ νοεσία* 3), потому что Богъ все предоставилъ на воду того больнаго, котораго Онъ хочетъ излѣчить въ крещеніи 4). „Если нѣтъ воли, говоритъ преп. Макарій Египетскій, Самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по свободѣ своей. Посему, совершеніе дѣла Духомъ зависитъ отъ воли человѣка" 5).

Возрожденіе человѣка совершается, такимъ образомъ, путемъ нравственнымъ, при свободно—сознательномъ содѣйствіи самого человѣка.

„ Совершается обновленіе жизни въ челоѣкѣ, говоритъ преосв. Теофанъ, *не механически* (т. е. не такъ, чтобы благодать Божія изгоняла изъ души челоѣка грѣхъ, какъ что-то независимое отъ воли челоѣка, и на мѣсто его поселяла также помимо воли праведность, какъ старался объяснить это Стефанъ Яворскій), а *по внутреннимъ произвольнымъ измѣненіямъ или рѣшеніямъ*; совершается такъ въ крещеніи потому, что *напередъ крещаемый возлюбилъ такъ жить*. Почему предъ погруженіемъ въ купель мы, отрекшись отъ сатаны и дѣлъ его, сочетаваемся Христу Господу, чтобы Ему посвящать всю жизнь. Это расположеніе въ купели благодатию Божіею запечатлѣвается и силу принимаетъ

1) Orat. cathed., XXXV. Migne t. XLV, 89.

2) Кирилъ Іерусал. Catech. III, 15. Migne. t. XXXIII, col. 445.

3) Онъ же. Catech. УП, 15. col. 620.

4) І. Златоусгв. In Genes. XIX, I. Migne. t. LIII, 159. 5) Hom. XXXVII. 10. Стр 352.

— 200 —

быть дѣйственнымъ. Выходя съ нимъ изъ купели, крещенный является, такимъ образомъ, совсѣмъ новымъ, обновленнымъ въ нравственно-духовной своей жизни,—воскресаетъ. Подобно тому, какъ Христосъ Господь воскресъ, и крещенный, погружаясь въ купель, умираетъ, а, выходя изъ купели, воскресаетъ: умираетъ грѣху и воскресаетъ для правды, для новой и обновленной жизни. Вотъ объ этомъ таинственномъ и вмѣстѣ *свободно-охотномъ измѣненіи* и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ св. Апостоль Павелъ: спогреблись,.. чтобы ходить въ обновленной жизни" 1).

Поэтому, давая полную силу и значеніе благодатному воздѣйствію на душу челоѣка, отцы церкви изображали таинство крещенія въ видѣ *завѣта съ Богомъ*, т. е. такого дѣйствія, которое прямо предполагаетъ свободу не только для воспріятія благодати, но въ самыхъ плодахъ благодатныхъ. Особенно ясно видно такое внутреннее сраствореніе свободы и благодати изъ слѣдующаго мѣста св. Григорія Богослова. „Благодать и сила крещенія, говоритъ св. отецъ, не потопляетъ міра, какъ древле, но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ челоѣкѣ, и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную повреждешемъ. Поелику же мы состоимъ изъ двухъ естествъ, т. е. тѣла и души, изъ естества видимаго и невидимаго; то и очищеніе двоякое: водою и Духомъ; и одно пріемлетъ видимо и тѣлесно, а другое въ то же время совершается нетѣлесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самыя глубины; а сіе, вспомоществуя первому рожденію, изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, Богоподобными, разваря безъ огня и

возсозидая безъ разрушенія". Однако это дѣйствіе благодати не механическое и не помимовольное, не магическое. „Ибо, продолжаетъ св. Григорій, кратко сказать, подъ силою крещенія разумѣть должно *завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты*" 2); а это предполагаетъ и желаніе быть добрымъ и рѣшеніе быть имъ, и на самомъ дѣлѣ работу надъ собой, да и свободныя усилія человѣка при самомъ таинственномъ воздѣй-

1) Толкованіе на Римл. VI, 4. і. I, 334. 2) Сл. 40. т. III, 277.

— 201 —

ствіи. Поэтому, человѣкъ согрѣшающій послѣ крещенія, не только вредитъ себѣ, теряя величайшій даръ Божій, не только является неблагодарнымъ Богу, не вразумляясь Его милостью, но и прямо грѣшитъ, какъ клятвопреступникъ, какъ нарушившій данную имъ Богомъ „присягу". „Весьма тяжело, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, грѣшатъ христіане, которые во святомъ крещеніи присягали, клялися и обѣщалися Христу Господу служить, но обѣты свои нарушили и солгали... Все таковыи нарушили христіанскую присягу, клятвы и обѣтовъ своихъ, бывшихъ во святомъ крещеніи, не сохранили, разорвали спасительный со Христомъ союзъ и отъ Него отлучились и въ слѣдъ сатаны, котораго отрицались и на котораго плевали, паки обратились; и Христу Господу своему и Царю, Которому присягали, измѣнили" 1). Крещеніе, слѣдовательно, не только даръ Божій, но и обѣтъ; не только бдагодатель, но и свободное дѣло человѣка.

Послѣ этого становится понятнымъ и ученіе о плодахъ таинства.

Съ православной точки зрѣнія, праведность, полученная человѣкомъ при крещеніи, отнюдь не можетъ быть представляема въ видѣ какой-то четвертой силы, которая поселялась бы въ душѣ и дѣйствовала бы тамъ помимо самого человѣва. Будемъ ли называть эту силу излитой праведностью или тіросто силой Божіей, живущей по мнѣнію протестантовъ въ оправданномъ и помимо его желанія, сама собой производящей въ немъ добро. По православному ученію, праведность новокрещеннаго состоитъ только въ возстановленіи первожданнаго расположенія души и вообще всей природы человѣка.

Въ грѣховномъ человѣкѣ порвенствуетъ душа и плоть, въ возрожденномъ господствуетъ духъ. „Возстановленіе падшаго, которое составляетъ сущность христіанства, бываетъ именно чрезъ возстановленіе духа и возвращеніе ему власти надъ душею и тѣломъ и очищеніе ихъ отъ

всѣхъ прившедшихъ въ нихъ незаконно наклонностей привычекъ и страстей. Къ сему направлено, какъ домостроительство спасенія вообще, такъ и содѣлованіе по нему спасенія каждымъ спасающимся" 2). „Христось совершилъ все, что отъ Него зависѣло,

1) т. IV, 283.

2) Θεοφανῆ. Πισῆμα къ одному лицу. Стр. 76.

— 202 —

грѣхъ не противовоюеть закону ума нашего и не плѣняетъ насъ, какъ прежде напротивъ все сіе миновалось и кончилось; страсти, страхъ и трепеща благодати Духа, усмирены" 1). „Человѣчество само по себѣ отъ крещенія не пріемлетъ измѣненія, ни разсудокъ, ни разумніе, ни познавательная способность, ни другое что, собственно служащее отличительною чертою естества человѣческаго, не приходитъ въ претвореніе; ибо претвореніе было бы къ худшему, если бы измѣнилось какое-либо изъ сихъ отличительныхъ свойствъ естества. Итакъ, если рожденіе свыше дѣлается возсозданіемъ человѣка, а это (перечисленное выше) не допускаетъ перемѣны; то должно разсмотрѣть, съ претвореніемъ чего благодать возрожденія совершенна. Явно, что съ изглаженіемъ дурныхъ признаковъ въ естествѣ нашемъ происходитъ переходъ въ лучшее" 2). До возрожденія человѣкъ живетъ по стихіямъ міра, ищетъ только своихъ си, „въ смертномъ его тѣлѣ царствуетъ грѣхъ", и онъ „повинуется ему въ похотяхъ его, предавая члены свои грѣху въ орудія неправды (Римл. VI, 12—13). Послѣ возрожденія, человѣкъ „представляетъ себя Богу, какъ ожившаго изъ мертвыхъ, и члены свои Богу въ орудія праведности" (ст. 13). До возрожденія человѣкъ живетъ для себя, послѣ возрожденія для Бога.

Сущность оправданія, слѣдовательно, не въ перемѣнѣ независимой отъ воли человѣка его духовно-тѣлесной природы, а въ перемѣнѣ его жизнеопредѣленія, въ измѣненіи направленія его воли. Умирая грѣху и воскресая для праведности, человѣкъ не другую душу получаетъ или не новую силу въ душѣ, а только рѣшаетъ съ прежней душой жить совершенно иначе. „Въ крещеніи, говоритъ преосв. Θεοφανῆ, мы не умираемъ только, но и оживаемъ или воскресаемъ. Умираемъ для грѣха и воскресаемъ для правды и святости. И по существу нравственно-духовной смерти такъ должно быть. Когда душа умираетъ чему, то не сама умираетъ; ибо есть присноживуща, а только отвращается отъ того, чему умираетъ, и смертельною возненавидѣваетъ то ненавистію. Но ненависть и

отвращеніе такъ строятся въ душѣ,

1) I. Златоустъ. In Rom. Hom. XIII, 7. Migne. t. LX, 483, Стр. 229. 2) Григорій Нисскій. Сл. Огл. гл. 40. т. IV, 107.

— 203 —

что, отвращаясь отъ одного, она не въ пустоту обращается, а къ чему-либо противоположному тому, чего отвращается. По сему закону, возненавидѣвая грѣхъ и отвращаясь отъ него, она въ то же время обращается къ правдѣ и святости, и возлюбяетъ ихъ. *Это возлюбленіе правды и святости и есть новая жизнь*" 1).

Вотъ почему праведность, полученная въ крещеніи, можетъ быть челоѡкомъ утрачена; челоѡкъ и послѣ крещенія можетъ не спастись, если не сохранить полученной благодати.

Когда праведность эта признается особой силой, поселенной въ челоѡкъ чрезъ крещеніе, тогда совершенно непонятно, почему эта праведность оказывается безплодной: вѣдь, грѣхъ не можетъ ее изгнать, какъ не могъ онъ воспрепятствовать ея поселенію въ челоѡкъ. Да еще вопросъ, какъ грѣхъ можетъ такъ возобладать оправданнымъ челоѡкомъ, при существованіи въ немъ самодѣйствующей праведности, чтобы дальнѣйшее пребываніе ея въ душѣ оказалось невозможнымъ? Между тѣмъ, если оправданіе есть дѣло не магическое, а нравственное, если сущность его въ измѣненіи жизненнаго опредѣленія челоѡка, измѣненіи, которое только завершается благодатію, а производится волей челоѡка: тогда необходимость дальнѣйшей праведности оказывается только *нравственная*, т. е. опирается на свободное произволеніе челоѡка слѣдовать или не слѣдовать данному въ крещеніи обѣту, оставаться или не оставаться вѣрнымъ принятому рѣшенію отнынѣ служить не себѣ, а Богу.

Если (какъ мы видѣли въ приводимыхъ выше изреченіяхъ св. отцевъ) это рѣшеніе было искренне и всецѣло проникало душу крещаемого, тогда у него больше надежды на сохраненіе полученной благодати, его возрожденіе, такъ сказать, прочнѣе. Если же онъ принялъ крещеніе только для видимости, по постороннимъ побужденіямъ, „если баня, какъ говоритъ св. Григорій Нисскій, послужила только тѣлу, а душа не свергла въ себя страстныхъ нечистотъ, напротивъ, жизнь по тайнодѣйствию сходна съ жизнію до тайнодѣйствія; то, хотя смѣло будетъ сказать, однако же скажу и не отка-

1) Толкованіе на римл. VI, 4. т. I, 334.

— 204 —

жусь, что для таковыхъ вода останется водою" ¹⁾). „Человѣкъ, говоритъ преосв. Теофанъ, „въ которомъ дѣйствиємъ Божественной благодати въ крещеніи или покаяніи, запечатлѣна пламенная ревность къ Богоугожденію или неуклонному хожденію въ волѣ Божіей, который, слѣдовательно, жаждетъ воли Божіей,—такой человѣкъ тотчасъ и дѣйствуетъ, какъ скоро сознаетъ обязательство, не смотря ни на какія препятствія. Посему, если бы сія ревность никогда не охладѣвала и не воспящалась, а, если бы съ другой стороны,—нравственное чувство всегда обладало такимъ совершенствомъ, чтобы живо и вѣрно осязало силу обязательства дѣйствиій и было такъ чувствительно къ волѣ Божіей, чтобы въ немъ отражались самые малые слѣды ея: то сими двумя силами можно бы замѣнить всѣ наставленія въ нравственности и всѣ руководства къ благочестію, такъ какъ это и было у нѣкоторыхъ подвижниковъ. Но такъ какъ и ревность на самомъ дѣлѣ бываетъ у человѣка въ разныхъ степеняхъ повышенія и пониженія, и нравственное чувство, по своимъ природнымъ свойствамъ, у одного бываетъ живо и возбуждительно, у другого тупо и медленно, у одного болѣе привычно къ однимъ, у другого къ другимъ дѣламъ, иногда бываетъ вѣрно, иногда не вѣрно (ибо есть и ложный нравственный вкусъ), и вообиде человѣкъ въ сердцѣ своемъ встрѣчаетъ всякую неровность и неправоту (почему молится: духъ правъ обнови), по коей оно или незаконно чувствительно къ одному, или незаконно холодно къ другому:—то во многихъ случаяхъ ему надлежитъ необходимость силою какъ бы налагать на себя обязательство и внѣдрить сіе чувство и сердце" ²⁾).

Здѣсь ясно выражаются двѣ мысли: во-первыхъ, сущность полученной праведности заключается въ опредѣленіи себя къ добру и, во-вторыхъ, необходимость этого опредѣленія и послѣ крещенія зиждется на сознаніи „обязательства", т. е. на вѣрности разъ постановленной себѣ цѣли. Сохранить себя на пути добра человѣкъ можетъ только прямыми усиліями своей воли, принужденіями себя къ добру. „Что въ крещеніи погребены наши прежніе грѣхи, это, по словамъ св. І. Златоуста, есть Христовъ даръ; а чтобы послѣ креще-

1) Оглас сл. 40. т. IV, 107.

2) Письма о христіанской жизни. стр. 176—177.

нія пребывать мертвыми для грѣха, это должно быть дѣломъ собственнаго нашего раченія; хотя и въ семъ подвигѣ, какъ увидимъ, всего

болѣ помогаетъ намъ Богъ. Ибо крещеніе имѣетъ силу не только заглаждать прежнія согрѣшенія, но и ограждать отъ будущихъ. Какъ для заглаженія прежнихъ грѣховъ ты употребилъ вѣру, такъ, чтобы не оскверниться грѣхами по крещеніи, яви перемѣну въ расположеніи" 1). Хотя благодатная помощь всегда готова крещенному, хотя онъ въ приискреннемъ соединеніи со Христомъ, однако только при содѣйствіи своей воли человѣкъ можетъ воспользоваться этой благодатной помощью. „Евангелистъ,—говоритъ тотъ же св. отецъ,—нигдѣ не даетъ мѣста принужденію, а показываетъ свободу воли и самостоятельность человѣка; это высказалъ и теперь. Ибо и въ этихъ тайнахъ (возрожденіи и пр.) одно принадлежитъ Богу—даровать благодать, а другое человѣку—показать вѣру. Но затѣмъ требуется отъ человѣка еще много заботливости: ибо для сохраненія чистоты намъ не довольно только креститься и увѣровать; но, если мы желаемъ приобрѣсти совершенную свѣтлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Богъ предоставилъ намъ самимъ. Возрожденіе таинственное и очищеніе наше отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ совершается въ крещеніи; но пребыть въ послѣдующее время чистыми и не допускать въ себѣ снова никакой скверны—это зависитъ отъ нашей воли и заботливости" 2).

Такъ въ крещеніи, такъ же и при всякомъ другомъ таинствѣ: свобода человѣка всегда сохраняется. „Честная кровь Христова,—говоритъ св. Кирилль Александрійскій,—избавляетъ насъ не только отъ гибели, но и отъ всякой нечистоты, сокрытой внутри насъ, и не допускаетъ насъ охлаждаться до равнодушія, но наоборотъ дѣлаетъ насъ горящими духомъ"; однако это только при добровольномъ стараніи самого человѣка. „Необходимо и полезно, чтобы однажды удостоившіеся Христа старались твердо и неуклонно держаться святой жизни" 3); такъ что даже на самыхъ высшихъ степе-

1) In Rom. Hom. XI. (Migne. t. LX, 483). Стр. 229.

2) In. Ioann. Hom. X, 3 (Migne. t. LIX, 76). т. I, 122—123.

3) О поклоненіи въ духѣ кн, 17. т. III, 250—251.

няхъ благодатнаго озаренія человѣкъ всетаки остается причиною своихъ дѣйствій и всегда можетъ пойти совершенно противоположнымъ путемъ. „И исполненные Духа Святаго, по словамъ преп. Макарія Египетскаго, имѣютъ въ себѣ естественные помыслы и имѣютъ волю соглашаться на нихъ" 1). Поэтому отцы Церкви всегда учили, что благодать оправданія есть явленіе въ извѣстной степени временное, т. е.

временно ощущаемое и временно скрывающееся от сознания, что оно наконецъ можетъ оказаться и утраченнымъ для человѣка. „Даже совершенные,—говоритъ преп. Макарій Египетскій,—пока пребываютъ во плоти, не избавлены отъ заботъ (т. е. о своеагъ спасеніи) по причинѣ свободы и состоятъ подѣ страхомъ; почему и попускаются на нихъ искушенія". И только „когда душа войдетъ въ оный градъ святыхъ, тогда только возможетъ пребыть безъ скорбей и искушеній" 2). Праведность — это огонь, возгорѣвшійся въ насъ, который грозитъ угаснуть при малѣйшей невнимательности съ нашей стороны. „Огонь, который мы получили по благодати Духа,— говоритъ св. І. Златоустъ,—если захотимъ, мы можемъ усилить; если же не захотимъ, тотчасъ угасимъ его. А, когда онъ угаснетъ, въ нашихъ душахъ не останется ничего, кромѣ тьмы. Какъ съ возженіемъ свѣтильника появляется большой свѣтъ; такъ съ его погашеніемъ не остается ничего, кромѣ мрака. Поэтому сказано: Духа не угашайте (І. Сол. V, 19). Угасаетъ же онъ тогда, когда не имѣетъ елѣя, когда подвергается какому-нибудь сильному напору вѣтра, когда подавляется и стѣсняется (ибо отъ этого гаснетъ огонь); а подавляется онъ житейскими заботами и угасаетъ отъ злыхъ пожеланій... И вотъ мы отойдемъ отсюда, неся съ собой золу и пепель, окруженные великимъ дымомъ, который будетъ обличать насъ въ томъ, что мы угасили свои свѣтильники. Ибо, гдѣ дымъ, тамъ необходимо предположить угасшій огонь" 3). „Дары Божія,—говоритъ св. Димитрій Ростовскій,—суть яко роса утренняя: настанетъ ли зной полуденный, изсохнутъ

1) Нот. XII, 8 (Migne t. XXXIV. 561). стр. 126.

2) Нот. XXVI, 23 (Migne. ib. 689X стр. 273–274.

3) In Ioann. Hom. L. 3. (Migne. t. LIX, 282–

— 207 —

роса. Возможетъ ли въ человѣцѣ зной грѣховный, отъимутся отъ него Божія духовныя дарованія" 1).

Однако не нужно представлять себѣ послѣдующей жизни человѣка въ такомъ видѣ, что вся его задача будетъ состоять только въ томъ, чтобы не потерять какъ-нибудь эту полученную имъ праведность.

Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, что человѣкъ могъ бы себѣ пожелать, это умереть тотчасъ же послѣ принятія таинства, не начавши здѣсь на землѣ своей обновленной жизни. Правда, по католическому представленію, человѣкъ можетъ собственнымъ трудомъ увеличить свою праведность, которая, какъ даръ, для всѣхъ равна. Конечно, заманчиво получить большую, чѣмъ другіе, награду, однако это, довольно еще

условное само по себѣ, получение сопровождается такой большой опасностью потерять и то, что есть, что едва ли многие не удовольствуются, хотя и равной съ прочими, но уже вѣрной наградой за праведность крещенія. Въ такомъ случаѣ участь всѣхъ оставшихся живыми послѣ крещенія была бы не только безцѣльна, какъ въ протестанствѣ, но по истинѣ ужасна, проходила бы въ постоянномъ трепетаніи за себя. Этотъ трепеть пригвождалъ бы всякую мысль, всякое благое начинаніе человѣка. Зачѣмъ ему предпринимать что-нибудь, хотя бы и высокое въ христіанскомъ отношеніи? Ему не до мыслей о высшей наградѣ, когда каждый невѣрный шагъ грозитъ ему конечной гибелью. Лучше пробывать соннымъ всю жизнь, тогда по крайней мѣрѣ меньше опасности потерять, что есть, чѣмъ, пожелавъ большаго, потерять все. Тогда убита была бы вся церковная жизнь, не было бы ни мученичества, ни истиннаго подвижничества ни самоотверженнаго служенія другимъ; потому что все вниманіе поглощено было бы своей личностью и именно ея отрицательнымъ благополучіемъ: какъ бы не потерять того, что имѣю. Конечно, этотъ страхъ за полученную благодать можетъ имѣть мѣсто, и имѣеть и въ православномъ христіанинѣ, однако лишь въ томъ смыслѣ, что никто не долженъ быть легкомысленнымъ и никто не долженъ, полагаясь на благодать таинства, самъ предаваться нравственной спячкѣ. Но да не будетъ сего, чтобы

1) Христ. Чтеніе. 1842. г. т. IV. 480—481.

— 208 —

этотъ трепещущій, себялюбивый и самоубійственный страхъ былъ главнымъ содержаніемъ христіанской жизни. Мы получили власть быть чадами Божиими, мы видѣли любовь Божию къ намъ и можемъ отъ сердца взывать къ Нему: Авва, Отче! Кто боится, тотъ плохой христіанинъ, „боящійся не совершенъ въ любви" (I Io. IV, 18). Не можетъ, поэтому, православная церковь въ одномъ недѣятельномъ и непонятномъ храненіи полученнаго дара или въ горделивомъ исканіи большей предъ другими награды полагать задачу и смыслъ жизни возрожденнаго человѣка. Православное ученіе, дѣйствительно, и даетъ этой жизни полный ея смыслъ и задачу, непосредственно вытекающую изъ существа того возрожденія, которое является ея началомъ.

„Узники, вышедшіе изъ подъ стражи чрезъ покаяніе и обратившіе взоръ отъ тьмы къ истинному свѣту, послѣдуютъ за Христомъ, исповѣдуя Его и оставаясь связаны по рукамъ путами, пока чрезъ доброе измѣненіе не

сдѣлаются достойными, чтобы Онъ Самъ разрѣшилъ ихъ отъ узъ, почитаемыхъ дотолѣ неизбѣжными" 1). Человѣкъ въ крещеніи рѣшилъ отселѣ служить Богу и исполнять волю Его. Благодать таинства завершила это рѣшеніе и довела его до степени полного нравственнаго переворота. Однако человѣкъ новой природы не получилъ: принятое имъ рѣшеніе должна исполнять его прежняя природа, привыкшая сдужить грѣху. Правда, тяжесть грѣха, его принудительное господство надъ силами души отстранено въ крещеніи, господствуетъ теперь Христось, къ Которому устремлена душа крещеннаго; но при всемъ томъ, душа эта все прежняя, силы ея не перемѣнены. Нужна, слѣдовательно, осмотрительность человѣка, чтобы опять не поддастся привычной стихіи грѣха, чтобы не отпасть вторично отъ Христа. „Какъ бритва, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, не вполнѣ съ самага корня вырываетъ у насъ волосъ, а срѣзываетъ лишь недавно выростающій: такъ и въ васъ слово Божіе не до самага корня исторгаетъ врожденное намъ сѣмя похоти" 2).

Такъ и должно быть въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ

1) Василій В. Толк. на Ис. V, 19. т. II, 186.

2) т. II, 315.

— 209 —

сознанія и свободы. Невольно нельзя сдѣлаться святымъ. Необходимо путемъ труда и подвига развиться до святости. Въ крещеніи и вообще въ таинствѣ человѣкъ одержалъ первую и, можно сказать, рѣшительную побѣду надъ грѣхомъ. Но, чтобы окончательно восторжествовать надъ грѣхомъ, необходимо его изгнать совершенно изъ своей природы, нужно совершенно очистить свою душу и тѣло отъ малѣйшихъ признаковъ ветхаго человѣка. Тогда только спадутъ окончательно „путы" грѣха, и человѣкъ вполнѣ усвоитъ себѣ вѣчную жизнь. „Господь приступающаго къ Нему съ покаяніемъ и вѣрою пріемлетъ, прощаетъ ему всѣ прежніе грѣхи и, освящая таинствами, снабжаетъ силою препобѣждать живущій въ немъ грѣхъ, самага же грѣха не изгоняетъ, возлагая на самага человѣка изгнать его съ помощію даруемой ему для того благодати" 1).

Вслѣдствіе этого и положительная сторона возрожденія— обіаченіе во Христа, яляется тоже только зачаточной, несовершенной. Человѣкъ сообразенъ Христу, но только въ смыслѣ общности идеи и начала жизни, въ томъ смыслѣ, что онъ избралъ Христа отселѣ Своимъ Господомъ и Учителемъ, а отнюдь не въ смыслѣ полного подобія природъ. Человѣкъ только опредѣлилъ себя на службу Христу, но еще не исполнилъ своего

опредѣленія, еще не усвоилъ себѣ въ полнотѣ той жизни, проходить которую онъ назвалъ отселѣ своимъ долгомъ и своимъ высшимъ благомъ. „Душа, говоритъ св. Григорій Нисскій, изобиловавшая (*εὐφορος*) злыми дѣлами, претворенная (*μεταποίη&εἶσα*) стала жаждущею, какъ приправленная Божественною солію ученія, чтобы не умножалась болѣе порочность живущихъ, будучи питаема дурными потоками водъ, но, чтобы душа осоленная и жаждущая, воспріявъ блаженную жажду и наводнившись собраніемъ добродѣтели, сдѣлалось озеромъ" ²⁾). Душа и въ возрожденіи только еще обратилась и вступила въ жизнь Божественную, она скорѣе только готова къ воспріятію этой жизни, чѣмъ ею наслаждается. „Крещеніе есть только предначертаніе воскресенія

¹⁾ Θεοφανῶν. Πιστῆς πρὸς ἓνα πρόσωπον. Στρ. 57.

²⁾ In Psalm. 1, 8 (Migne t. XLIV 477). т. II. 50—51.

— 210 —

изъ ада" ¹⁾. „Въ христіанахъ, яко чадахъ Божіихъ, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, долженъ быть *наченшійся образъ Божій*, которымъ должны подобиться Отцу своему небесному" ²⁾. „Богъ доброе сѣмя на сердцахъ человѣческихъ посѣялъ, и добрымъ его сдѣлалъ, и помогаетъ ему и укрѣпляетъ его добро творити" ³⁾. Это сѣмя опредѣленнѣе св. Тихономъ называется „живой вѣрой", т. е. именно опредѣленіемъ себя по Христу ⁴⁾. Итакъ, человѣкъ имѣетъ только „начатокъ духа" (Римл. VIII, 23), или „наченшійся образъ Божій", имѣетъ только *сѣмя*.

Если же праведность, полученная человѣкомъ въ крещеніи является скорѣе возможностью, чѣмъ дѣйствительностью (въ смыслѣ, конечно, полного подобія природы), если она только есть сѣмя, тогда дальнѣйшая жизнь становится весьма ясной и понятной.

Протестантъ не объяснитъ намъ, почему и зачѣмъ онъ живетъ послѣ крещенія. Католикъ можетъ, правда, сказать, что онъ желаетъ увеличить свой вѣнецъ, хочетъ къ полученной Христовой праведности прибавить своей. Но это уже будетъ его сверхдолжная заслуга и зависѣть будетъ отъ его личнаго желанія: долгъ его только не грѣшить, чтобы не потерять праведность. Представимъ, что у него желанія увеличить, и безъ того великій, даръ нѣтъ; тогда дальнѣйшее пребываніе возрожденнаго на землѣ потеряетъ всякій смыслъ и содержаніе. Если же праведность крещенія—только зачатокъ, тогда человѣкъ долженъ его развить, долженъ осуществить, иначе онъ напрасно обѣщаль Богу быть праведнымъ. Человѣкъ, не развившій полученнаго сѣмени вѣчной жизни, не только не

увеличиваетъ своего вѣнца, но теряетъ и то, что имѣеть: за зарытый въ землю талантъ человекъ не только не получить похвалы, но и потерпѣть наказаніе, хотя и можетъ онъ оправдываться, что зарылъ изъ боязни потерять (Мѡ. XXV, 24—30).

1) Ефремъ Сир. Сл. 99. т. IV, 191.

2) т. III, 218.

3) т. IV, 119—120.

4) „Вѣра живая есть даръ Божій, и есть аки сѣмя нѣкакое Божественное, которое на крещеніи всякому крещаемому всѣвается» т. I, 71.

— 211 —

„Святое крещеніе, по выраженію св. Аѡанасія Алексанрійскаго, отверзаетъ намъ (только) путь къ нросвѣщенію" 1), только даетъ намъ возможность начать свое спасеніе. „Пріявшій баню пакибытія, говоритъ св. Григорій Нисскій, подобень мододому воину, только что внесенному въ воинскіе списки, но еще ничего невыказавшему воинственнаго или мужественнаго. Какъ онъ повязавши поясъ и облекшись хламидою, не считаетъ себя тотчасъ же храбрымъ и, подходя къ царю, не разговариваетъ съ низаъ дерзостно, какъ знакомый, и не проситъ мидоетей, раздаваежыхъ трудившимся и подвизавшимся: такъ и ты, получивъ благодать, не думай обитать вмѣстѣ съ праведными и быть причтеннымъ къ лику ихъ, если не претерпишь многехъ бѣдъ за бдагочестіе, не будешь вести борьбы съ плотію затѣмъ съ діаводонъ и мужественно не противостанешь всѣмъ стрѣліямъ лукавыхъ духовъ" 2).

Человекъ получилъ благодать, опредѣлился къ добру; но яво всеюмъ разумномъ естествѣ безъ числа бываютъ перемѣны и съ каждымъ человекѡаъ ежечасно происходятъ измѣненія" 3). Привычная стихія грѣха остается предъ сознаниемъ въ качествѣ искушающаго начала и находитъ себѣ болѣе или менѣе сочувствія и въ природѣ человека. Поэтому, пря невниманіи со стороны крещеннаго, умервщленная вражда лротивъ Бога и его святаго царства можетъ воскреснуть вновь и сдѣлать напраснымъ принятіе таинства. „Не станемъ, говоритъ св. Григорій НКССЕЙ, оживіять въ себѣ вражды, ло нашею жизнію покажемъ, что она ьертва, дабы намъ ее, хороіпо умервщленную Богомъ при спасеніи нашемъ, не воскрешать въ себѣ на гибель душъ наншхъ гнѣвомъ ипамятозлобіемъ, совершая злое воскрешеніе того, что вьолнѣ умерло" 1). Благодатное царство зачалось въ человекѣ, ео еще не завоевадо всей его природы, не уподобало ее себѣ всецѣло. „Бываегъ, говоритъ преп. Макарій Египетскій, и то, что въ иномъ есть благодать, а сердце еще нечисто" 5). Не-

- 1) Толье. на Ис. ХП, 7. т. IV, 166.
- 2) De Bapt. Migne. t. XLVI, 429. т. VII, 448–449.
- 3) Исаакъ Сир. Сл. 46 Стр. 239.
- 4) De perfect. form. Migne. t. XLVI, 261. т. VII, 234—235.
- 5) Hom. XXVI, 25 (Migne t. XXXIV. 692). Стр. 275.

— 212 —

что подобное имѣть мѣсто и при таинствѣ: чловѣку предстоитъ борьба съ остатками своего прежняго бытія, съ грѣховными навыками, съ привычкой вообще жить по стихіямъ міра. Только послѣ этой борьбы, когда изглажена будетъ возможность грѣха, цѣль чловѣка можно считать достигнутой и его спасеніе вполнѣ совершеннымъ. „Омовеніе, говоритъ св. Василій Великій, само по себѣ недостаточно, чтобы омываемаго довести до бѣлизны снѣга или волнѣ, а нужны дѣла и не малая тщательность; такъ что омовеніе производитъ очищеніе отъ скверны, а судъ сиру и оправданіе вдовицы доставляютъ и бѣлизну равную бѣлизнѣ снѣга или волны 1). Или, какъ говоритъ св. І. Златоустъ, „если нужно получить царствіе небесное, то недостаточно освободиться отъ грѣха, но еще нужно много упражняться и въ добродѣтеляхъ. Ибо отъ порочныхъ дѣйствій нужно удерживаться для того только, чтобы освободиться отъ геенны (вотъ смыслъ жизни съ правовой точки зрѣнія); но чтобы наследовать царствіе небесное необходимо стяжать добродѣтель" 2).

Кто освободился отъ грѣха въ крещеніи, тотъ за прежніе грѣхи, конечно, наказанъ не будетъ; но если онъ этимъ очищеніемъ и удовольствуется, то въ царство небесное онъ всетаки не войдетъ. Необходимо надъ собой работать и послѣ крещенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ всѣ обѣщанія чловѣка, всѣ его желанія отселѣ быть праведнымъ окажутся только пустымъ звукомъ: отвергнувъ прежнюю жизнь, чловѣкъ долженъ начать новую, а не оставаться въ безразличіи. „Если, говоритъ св. Григорій Нисскій, душа возненавидитъ грѣховную жизнь (*το ἀμαρτάνειν*), усвоить себѣ по возможности

добродѣтельный образъ жизни и приметъ въ себя благодать Духа, претворивъ ее въ жизнь, то она станетъ вполнѣ новою и возсозданною" 3). Недостаточно, слѣдовательно, возненавидѣть грѣховную жизнь и отречься отъ нея, необходимо съ корнемъ вырвать малѣйшіе остатки ея; недостаточно опредѣлить себя къ жизни по Христу, необходимо осуществить это опредѣленіе, необходимо претворить принятую благодать въ

1) т. II, 58. Толк. на Ио. I, 18.

2) На посл. къ Ефес. XVI, 1 стр. 274.

3) 0 цѣли жизни по Богѣ т. VII, 272.

— 213 —

жизнь. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить, что благодать крещенія можетъ быть увеличена или уменьшена. „Духовная благодать, говоритъ св. Киприанъ Карѳагенскій, которая въ крещеніи равно приѣмлется вѣрующими, потомъ поведеніемъ и дѣйствіями нашими или уменьшается или умножается, подобно тому, какъ въ Евангеліи сѣмя Господне равно сѣется, но, по различію почвы, иное истощается, а иное умножается въ разнообразномъ изобиліи, принося плодъ въ тридцать, шестьдесятъ или сто разъ больше" 1).

Необходимъ, слѣдовательно, продолжительный подвигъ постепеннаго очищенія, дальнѣйшаго совершенствованія, или восхожденія отъ младенчества къ возрасту мужа совершенна; конецъ же этого восхожденія есть Богоподобіе или святое общеніе съ Богомъ, т. е. вѣчная жизнь. „Содѣлывающей для насъ душевную весну и надлежащимъ воздѣлываніемъ Возвращающей человѣческое въ насъ (τὸ ἀνθρώπινον) сперва вмѣсто побѣговъ прекрасно извергаетъ изъ есхества все, что въ немъ есть землянаго (γεώδες) и неполезнаго, очищая исповѣдію отъ излишествъ, и потомъ уже правилами болѣе образованной жизни налагая на него нѣкоторыя черты чаемаго блаженства, какъ бы цвѣтомъ какимъ провозвѣщаетъ будущую сладость смоквъ" 2). „Какъ скоро, говоритъ преп. Макарій, душа возлюбила Господа, исхищается она изъ сѣтей (міра) собственною своею вѣрою и рачительностію, а вмѣстѣ и помощію свыше и сподобляется вѣчнаго царства, и, дѣйствительно, возлюбивъ послѣднее, по собственной своей волѣ и при помощи Господней, не лишается уже вѣчной жизни" 3).

Заклучимъ и этотъ отдѣлъ словами преосв. Теофана, къ которому уже не разъ обращались мы за провѣркой нашего пониманія ученія св. отцевъ. „Исполнившій всѣ зановѣди, пишетъ покойный святитель, благоукрашаетъ свою душу всякими добродѣтелями и дѣлаетъ сердце свое храмомъ, достойнымъ быть обителію Господа. Онъ (Господь) и вселяется

1) т. I. 322.

2) Григорій Нисскій. In Cant. cant. Hom. V (Migne. t. XLIV, col. 873). т. III. 135.

3) Hom. V, 10 (Migne. t. XXXIV, 505), стр. 65.

— 214 —

въ него тогда. Онъ въ немъ бываетъ съ минуты св. Крещенія и еше

приискреннѣе приобщится съ нимъ во св. причастіи. Но, помогая ему въ жизни святой, все еще не всецѣло успокоивается въ немъ, потому что, пока не водворятся въ душѣ всѣ добродѣтели чрезъ исполненіе заповѣдей,— въ ней все еще остаются слѣды страстей,—непріятный Господу запахъ грѣха. Онъ и не успокоивается въ немъ, какъ бы не довѣряя ему и еще только изготавляя Себѣ покойную въ немъ обитель. Когда же душа освятится добродѣтелями, тогда уже Онъ благонадежно входитъ въ нее, какъ въ домъ, и обитаетъ спокойно, нетревожимый непріятными ему движеніями грѣха и страстей" 1). По выходѣ изъ водной купели крещенія или изъ слезной бани покаянія, человѣкъ исходитъ „на то, чтобы очистить душу и тѣло отъ всего страстнаго и чувственнаго, сдѣлавъ все естество наше чистымъ, устроить изъ него достойный храмъ Тріипостасному Богу, въ чемъ животь вѣчный, который пребудетъ по исходѣ отсель, вѣчнымъ его достояніемъ" 2). Обѣщавъ Богу въ крещеніи идти по пути въ вѣчное Его царство и принявъ, съ помощію благодати Божіей, неуклонное рѣшеніе дѣйствительно идти этимъ путемъ, человѣкъ послѣ принятія таинства и начинаетъ идти, борясь съ собой и все болѣе и болѣе преуспѣвая въ познаніи Бога и уподобленіи Ему, пока, наконецъ, не разрѣшится отъ этого міра и вступитъ въ ту область свѣта и святости, къ которой стремился въ этой жизни. Послѣдующая жизнь, такимъ образомъ, не механической, побочный придатокъ, а необходимое дополненіе свободно-охотнаго и вмѣстѣ таинственнаго переворота, пережитаго человѣкомъ въ крещеніи.

Съ другой стороны, при православномъ понятіи о сущности возрожденія легко можно объяснить и то явленіе, что спасаются люди, умершіе не только сразу послѣ крещенія, не заявивъ дѣятельно своей вѣры, но и до крещенія (тавъ называемое, крещеніе кровію).

Если сущность таинства въ укрѣпленіи ревности человѣка къ добру, то совершенно понятно, что эта ревность

1) Письма къ одному лиду. Стр. 26—27.

2) Ibid. стр. 78.

все равно дѣлаетъ его членомъ царства небеснаго и даетъ ему способность усвоить себѣ блаженство святости, хотя бы въ настоящей жизни человѣку пришлось ограничиться только однимъ словеснымъ обѣщаніемъ жить свято. Когда человѣкъ послѣ крещенія ничего не дѣлаетъ для своего совершенствованія, хотя и имѣетъ возможность это—знакъ, что

онъ принялъ крещеніе только на половину, что любви въ добру и желанія святого общенія съ Богомъ у него на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Естественно такому человѣку оказаться лишеннымъ обѣщанной ему награды: онъ по настроенію своей души чуждъ царству Божію. Но если человѣкъ не дѣлалъ ничего только потому, что не могъ, или потому, что смерть не допустила его исполнить свое обѣщаніе, тогда, конечно, царство небесное ему открыто: онъ всею душою его желаетъ, всею душою хочетъ быть святымъ и со святыми, хочетъ идти за Христомъ. Его душа, слѣдовательно, готова къ созерцанію всесвятаго Бога и къ общенію съ Нимъ; это общеніе, потому, и будетъ его желаннымъ удѣломъ. „Разбойникъ, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, исповѣдавшись словесно спасается, потому что не было ему времени принести покаяніе на самомъ дѣлѣ; переменною своею (переворотомъ отъ вражды ко Христу къ любви къ Нему, отъ радости предъ поруганіемъ праведника къ благоговѣйному признанію его святости и желанію хотя быть помянутымъ въ царствѣ Поруганнаго) показалъ въ себѣ онъ стремленіе обратиться и дѣятельно, если бы дано было ему время; какъ за слово можно быть осуждену въ нечестіи, такъ по слову же можно оказаться и благочестивымъ" 1). И это потому именно, что Богъ ищетъ не внѣшнихъ поступковъ, не заслугъ со стороны человѣва, что-бы не даромъ уступить ему блаженство въ вѣчномъ общеніи съ Собою, а ищетъ только способности къ воспріятію этого общенія и даетъ его: не сколько Самъ можетъ или хочетъ дать, а сколько человѣкъ можетъ вмѣстить. „Человѣкъ, по мысли преп. Макарія Египетскаго, будетъ наслаждаться обѣтованіемъ въ такой мѣрѣ, въ какой увѣровавъ *возлюбилъ оное*, а не въ какой трудился. Поелику дары велики, то невозможно найти достойныхъ трудовъ. Но велики должны быть вѣра и

1) Сл. 99. т. VI, 218.

— 216 —

надежда, чтобы ими, а не трудами измѣрялось воздаяніе. Основаніе же вѣры—духовная нищета и безмѣрная любовь къ Богу" 1). Разъ существуетъ эта любовь къ Богу, разъ человѣкъ сознаетъ въ душѣ свое ничтожество безъ Бога и всею душою искренно устремился къ Нему, тогда спасеніе ему будетъ даровано, хотя бы дѣлами онъ и не успѣлъ заявить своего безповоротнаго рѣшенія. „Только пожелавшій добраго, а къ совершенію его встрѣтившій въ чемъ-либо препятствіе, въ силу этой невозможности въ расположеніи души отнюдь не меньше обнаружившаго свое рѣшеніе чрезъ дѣла" 2).

Поэтому, даже непринятие таинства в установленной форме может не повредить человеку, раз образовалось в нем это существо истинного христианства—желание царства Христова. Не успевший, по независящим от него причинам, осуществить своего желания сочетаться со Христом, тем не менее принимается наравне с крещеным. „Соизволение (в этом случае цѣнится, какъ самое дѣло, потому что (и в этомъ дѣлѣ) основа дѣлу полагается произволеніемъ" ³⁾. Крещение кровію замѣняетъ таинственное вращение водой, конечно, не своей внѣшней формой, не омовеніемъ, вмѣстѣ воды, кровію, ибо бываетъ мученическая смерть и безъ пролитія крови; оно тождественно съ нимъ по внутреннему смыслу; какъ то, такъ и это происходятъ отъ безповоротнаго рѣшенія служить Христу и отреченія отъ своихъ грѣховныхъ желаній.

Такимъ образомъ, спасеніе каждого отдѣльнаго человека, по православному ученію, является не событіемъ, происходящимъ въ Божественномъ только сознаніи, не дѣломъ правового вмѣненія, по которому бы Господь присуждалъ человеку ту или другую участь на основаніи какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, т. е. на основаніи или заслуги Христа или собственныхъ заслугъ человека. Спасеніе необходимо посредствуется переходомъ человека отъ грѣха и себялюбія въ царство добра и любви, которое предвку-

1) Посланіе. Стр. 441.

2) Григорій Нисскій. De beatud. or. V (Migne. t. XLIV, 1252).

3) Ефремъ Сиринъ. Исповѣдь. т. I, 234.

— 217 —

шается человекомъ здѣсь, во всей же полнотѣ будетъ наслѣдовано въ будущемъ вѣкѣ. Переходъ этотъ зачинается въ крещеніи, когда человекъ силою Божіею утверждаетъ въ своемъ рѣшеніи быть истиннымъ христіаниномъ;—продолжается, въ видѣ естественнаго (свободно – благодатнаго) развитія положеннаго сѣмени вѣчной жизни, послѣ крещенія; и завершается вступленіемъ человека туда, куда онъ себя при помощи данныхъ ему средствъ, приготовилъ, къ чему развилъ въ себѣ воспріимчивость, т. е. въ небесное царство свѣта, истины и любви. Человекъ „поступаетъ туда, гдѣ умъ имѣетъ свою цѣль и любимое имъ" 1).

2) Макарій Егип. Нот. XXVI, 18: "Ὁπου ἔχει τὸν σχοττὸν δ νοῦς, καὶ δπου ἀγαπᾶ, ἐκεῖ προχωρεῖ (Migne t. XXXIV, 685). Стр. 269.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вѣра.

Послѣ того, какъ выяснена дѣйствительная сущность спасенія, становится самоочевиднымъ и отвѣтъ православнаго на вопросъ о, такъ называемыхъ, условіяхъ спасенія, т. е. о томъ, что нужно человѣку имѣть, чтобы спастись, одну ли вѣру или при вѣрѣ еще и дѣла.

Инославные никакъ не могутъ примирить эти два, такъ называемыхъ, условія потому, что ложно понимаютъ смыслъ жизни человѣка, а отсюда и спасеніе. Они думаютъ, что человѣкъ могъ бы быть спасенъ и безъ его личного участія, если бы не требовала этого участія правда Божія. И это не кажется имъ нелѣпымъ, потому что они позабыли истинный смыслъ жизни и спасенія: *смыслъ* жизни не въ наслажденіи, а въ святости, и сущность спасенія—въ освобожденіи отъ грѣха. Разъ позабыта эта истина, тогда весь вопросъ только въ томъ, чтобы удовлетворить правдѣ Божіей, которая, какъ бы вопреки желанію и способности человѣка, налагаетъ на него проклятіе. Отсюда внѣшнее представленіе о заслугѣ Христа и пр. Удовлетворить правдѣ Божіей человѣкъ можетъ своими жертвами, которыми онъ и заслужить помилованіе и входъ въ небесное царство для безконечнаго самоуслажденія. Но этотъ путь въ Св. Писаніи признанъ недостаточнымъ. Пришествіе въ міръ Сына Божія и восполняетъ этотъ недостатокъ, т. е., поясняютъ инославные со своей точки зрѣнія, Христосъ принесъ за насъ такую плату, которая обезпечила намъ предъ правдой Божіей прощеніе. Но, вѣдь, не всѣ люди спасаются? Гдѣ же преизлишествующее удовлетвореніе правдѣ Божіей? Очевидно, эта правда не вполнѣ удовлетворена за всѣхъ, а только за нѣкоторыхъ. Нужно усвоить себѣ заслугу Христа, отвѣчаютъ западные. Какъ же

— 219 —

происходитъ это усвоеніе? На это они отвѣчаютъ ученіемъ о вѣрѣ, какъ объ орудіи воспріятія заслуги Христовой. Разъ человѣвъ повѣрилъ, что заслуга Христа принесена и за него, тогда эта заслуга и считается какъ бы его. Съ такой вѣрой, конечно, плохо мирятся собственныя дѣла человѣка, и мы выше видѣли, къ какимъ уловкамъ должно прибѣгать западное христіанство, чтобы избѣжать вывода, къ которому роковымъ образомъ оно идетъ – избѣжать именно, упрека, что оно отрицаетъ самодѣятельность человѣка въ его спасеніи.

Православію такой выводъ совсѣмъ не сроденъ. Признавая смыслъ жизни человѣка и содержаніе будущаго блаженства въ святости, православіе не можетъ по этому самому признать спасенія какимъ-нибудь

внѣшне-судебнымъ или магическимъ, вообще лишеннымъ самодѣятельности человѣка, событіемъ. Какими бы искусственными мѣрами мы ни пользовались, помимо свободнаго согласія человѣка мы не можемъ сдѣлать его святымъ, не можемъ насильно заставить его полюбить добро настолько, чтобы ради добра онъ позабылъ и о себѣ самомъ. Съ православной точки зрѣнія это прямая нелѣпость. А разъ спасеніе теряетъ навязанную ему западомъ внѣшность; разъ оно есть дѣйствіе или лучше извѣстное переживаемое настроеніе, зарождающееся и развивающееся въ душѣ при непремѣнномъ участіи свободы;—тогда и вопросъ объ условіяхъ спасенія получаетъ иной и болѣе естественный смыслъ. Нельзя спрашивать, за что человѣкъ получаетъ спасеніе, а нужно спрашивать, какъ человѣкъ содѣваетъ свое спасеніе. Тогда вѣра и дѣла получаютъ значеніе не внѣшнихъ основаній, сила которыхъ только въ томъ, что они привлекаютъ къ человѣку доселѣ закрытую отъ него милость Божію; а становятся причинами, производящими то расположеніе души, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ къ воспріятію милости Божіей, къ общенію со всесвятымъ Богомъ. Въ такомъ случаѣ объ эти производящія причины не только не противорѣчатъ и не исключаютъ одна другую, но взаимно дополняются и въ нѣкоторомъ отношеніи даже совпадаютъ.

Если мы въ вопросѣ объ условіяхъ спасенія захотимъ основаться только на буквѣ Св. Писанія или Преданія, то поставлены будемъ въ нѣкоторое затрудненіе. И въ Св. Писаніи, и въ Св. Преданіи мы откроемъ два ряда данныхъ, изъ которыхъ одни силою утверждаютъ спасеніе единой

— 220 —

вѣрой во Христа, а не дѣлами или съ дѣлами, другія же также рѣшительно говорятъ, что одной вѣры недостаточно, необходимы непремѣнно дѣла.

Такъ, не будетъ слишкомъ сильнымъ сказать, что проповѣдь о единой спасающей вѣрѣ проникаетъ собою весь Новый Завѣтъ и составляетъ его главное и наиболѣе утѣшительное содержаніе. „Кто будетъ вѣровать и крестится, говоритъ Господь, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ" (Мѣ. XVI, 16). Христось, Свѣтъ истинный, далъ тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, власть быть чадами Божіими" (Іо. I, 12), и смыслъ всего домостроительства въ томъ и состоитъ, „дабы всякій вѣрующій въ Сына Божія не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную" (Іо. III, 15. 16, 18. 36 и т. д.). Евангеліе цѣль свою имѣетъ въ томъ, чтобы люди „увѣровали, что Іисусъ есть Христось, Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь во имя Его" (Іо. XX, 31). „Вы, пишетъ христіанамъ апостоль Петръ,

доселѣ не видя (І. Христа), но вѣруя въ Него, радуетесь радостію неизрѣченною и преславною, достигая, наконецъ, вѣрою спасенія душъ" (1 Петр. I, 8—9). Наконецъ, въ Новомъ завѣтѣ находятся посланія св. апостола Павла, который всю свою жизнь отдалъ на проповѣдь о единой спасающей вѣрѣ. „Благовѣствованіе Христово, говоритъ онъ, есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему, во первыхъ іудею, потомъ и Эллину. Въ немъ открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру, какъ написано: праведный вѣрою живъ будетъ" (Римл. I, 16=16). „Если устами твоими будешь исповѣдывать Іисуса Господомъ, и сердцемъ твоимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься. Потому что сердцемъ вѣруется въ правду, а устами исповѣдуется ко спасенію" (X, 9—10). „Узнавъ, что человекъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою во Іисуса Хрпста, и мы увѣровали во Христа Іисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона (Гал. II, 16). „Всѣ сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса" (III, 26). „Благодатію есте спасени чрезъ вѣру" (Еф. II, 8) и много другихъ мѣсть.

Но рядомъ съ апостоломъ Павломъ въ томъ же Новомъ Завѣтѣ мы находимъ апостола Іакова съ его обличеніями мертвой, т. е. недѣятельной вѣры, — апостола, который

— 221 —

прямо говоритъ, что „человекъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою тоіько" (II, 24). „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь скажетъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ" (II, 14—17). „Ты вѣруешь, что Богъ единъ: хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣруюгъ и трепещутъ" (ст. 19). Рядомъ съ проповѣдію о единой спасающей вѣрѣ во всемъ Новомъ Завѣтѣ идетъ проповѣдь о ея недостаточности для спасенія. „Не всякій, говорящій Мнѣ: Господв, Господи, войдехъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего" (Мѣ. VII, 21—23). „Если, говоритъ тотъ же апостоль Павелъ, имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто" (1 Кор. XIII, 2). Необходимы два начала, другъ друга обусловливающія и дополняющія, вѣра и любовь. „Во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію" (Гал. V, 6). „Обрѣзаніе ничто, а все въ исполненіи заповѣдей". (1 Кор. VII. 19). Главное въ томъ, чтобы вѣрующіе „жили достойно благовѣствованія Христова" (Фил. I, 27), потому

что только при этомъ условіи жизнь членовъ тѣла Христова будетъ полнымъ слѣдованіемъ завѣту Христову. „Заповѣдь Его та, чтобы мы вѣровади во имя Сына Божія Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ" (1 Іо. III, 23).

Въ святооческихъ твореніяхъ тоже какъ бы два теченія. Съ одной стороны идея единой спасающей вѣры есть одна изъ самыхъ обычныхъ и самыхъ любимыхъ отеческихъ идей. Спасеніе вѣрою являлось для нихъ той благою вѣстью, которая переродила міръ и привела его къ познанію Бога. „Эта вѣра, говоритъ Климентъ Александрійскій, есть единое всеобщее спасеніе человѣчества" 1). Св. Іоаннъ Златоустъ въ древней церкви, св. Тихонъ Задонскій у насъ могутъ быть названы такими же глашатаями единой спа-

1) Педагогъ. I, IV. bibrarv Clark'a. vol. IV, 135.

— 222 —

сающей вѣры, какимъ въ апостольскій вѣкъ былъ св. апостоль Павелъ 1). Другіе хотя и не такъ постоянно, однако проводили ту же мысль, доказывая тѣмъ единство ученія у всѣхъ 1).

1) «Богъ, говоритъ св. І. Златоустъ, не только спасъ, но и оправдалъ и привелъ къ похвалѣ, не нуждаясь въ дѣлахъ нашихъ, а требуя одной вѣры только (In Rom. Hom. VII 4. Migne t. LX, 446 стр. 134). «Не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра (*послѣ крещенія*). Черезъ это спасся ты въ началѣ, это есть единственное вѣно, принесенное тобою Жениху. Итакъ соблюди его и храни» (Нот. XIV, 6. Ibid col. 532. Стр. 349). Св. Тихонъ Задонскій: «Прииде Сынъ Божій грѣшники спасти, не такіе и такіе, а всякіе, какіе бы ни были, только бы покаяться и вѣровали въ пришедшаго грѣшникн спасти Іисуса Христа: и рай имъ отверзется рукою на крестѣ распятаго Христа. Покайся убо и ты, грѣшнице, и вѣруй во святое и сладчайшее евангеліе сіе, и безъ сумнѣнія внидеши съ разбойникомъ въ рай» (т. IV, стр. 18).

2) *Василій Великій*: «Это совершенная и всецѣлая похвала о Богѣ, когда человѣкъ не превозносится своею праведностію, но знаетъ, что онъ не имѣетъ праведности истинной, и оправданъ одною вѣрою во Христа (Бес. XX. т. IV, 290). *Григорій Богословъ*. «Подлинно, ничего нѣтъ богаче благодати. Не нужно тебѣ, говоритъ Писаніе, восходить на небо, чтобы совлечь оттуда Христа, ни сходить въ бездну, чтобы вынеоти Его оттуда изъ мертвыхъ, любопытствуя или о первомъ естествѣ или о послѣднемъ домостроительствѣ. Близъ ти сказано, глаголь есть. Сіе сокровище имѣють

умъ и языкъ: первый, если вѣруеть, послѣдній, если исповѣдуетъ. Что удобоносимѣвъ сего богатства? какой даръ легче приобрьсть? Исповѣдуй Христа и вѣруй, что онъ воскрешень изъ мертвыхъ; и ты спасешься. Ибо и вѣровать только есть уже оправданіе, исповѣдывать же и къ познаئیю присоединять дерзновеніе есть совершенное спасеніе» (т. III, стр. 156). *Григорій Нисскій*; „Тогда мы за преслушаніе изгнаны изъ рая, теперъ же вѣроу вселяемся въ рай» (In Chtisti resurr. or. IV. Migne. t. XLVI, col. 684. т. VIII, стр. 90). Или еще рѣшительнѣе: Нельзя быть участникомъ въ благахъ иначе, какъ если вѣра во Христа дастъ вождѣленное» (Contra Eunom. lib. XII. Migne t. XLV, col. 925. т. VI, 284). *Кирнлль Аленсандрійскій*: «Удаляющихся отъ мірской жизни и демонскаго владычества, какъ бы отъ какой-то Египетской земли, приводитъ къ освященію и надеждѣ на Бога прямой и совершенно краткій путь—вѣра во Христа и оправданіе въ «Немъ (т. 1, 138). *Ниль Синайскій*: «Въ день суда сами будемъ своимн обвинителями, обличаемые собственнсвѣ совѣстію. Посему въ этой крайности найдемъ ли иную какую защиту или помощь, кромѣ одной вѣры въ челоѡколубивѣйшаго Господа Христа? Вѣра сія великая наша защита, великая по-

— 223 —

Но этой единой спасающей вѣрѣ въ твореніяхъ Св. Отцевъ постоянно противостоитъ ученіе о ея недостаточности и о необходимости, кромѣ ея и рядомъ съ ней, еще добрыхъ дѣлъ, какъ ея необходимаго дополненія. „Вѣра безъ дѣлъ никого не спасаетъ", говоритъ бл. Августинъ 1). „Вѣра требуетъ дѣлъ, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, и надежда на Бога обнаруживается въ злостраданіи за добродѣтели. Вѣруешь-ли, что Богъ промышляетъ о всѣхъ тваряхъ и всесилень? Ди сопровождаетъ вѣру твою приличное дѣланіе; и тогда услышитъ тебя Богъ. Не старайся въ горсти своей удержать вѣтеръ, т. е. вѣру безъ дѣлъ" 2). Тотъ же самый І. Златоустъ и съ такою же настоятельностью внушалъ своимъ слушателямъ мысль о недостаточности вѣры и убѣждалъ ихъ стараться творить дѣла 3). Точно тоже замѣчается и въ твореніяхъ другихъ отцевъ церкви 4).

мощь, безопасность и дерзновеніе и отвѣтъ для содѣлавшихся— безъотвѣтными по несказанному множеству грѣхопаденій. Ибо во время нашего боренія и безмѣрнаго страха, памятованіе о возлюбленномъ Владыкѣ Христѣ и твердо укоренившаяся и непоколебимая вѣра въ Него, представъ подобно нѣкому благопривѣтливому, мирному, свѣтлому и кроткому ангелу, отгоняють трепеть и стыдъ, исполняютъ благодушія,

отчужденнаго дѣлають приснымъ Богу» (т. III, 368—369). «И вѣровать во Христа Сиасителя есть оправданіе, исповѣдывать же Его устами— совершенное спасеніе» (т. II, 261). *Киприанъ Карѳагенскій*: «Правда стоитъ вѣрою и отсюда происходитъ жизнь» (т. II, 18).

1) УКlee въ Dogmatik. Bd. III, 22. Anm.

2) Стр. 452,

3) In Rom. Hom. V, 4, т. е. въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ учитъ о единой спасающей вѣрѣ, св. I. Златоустъ говорить: «Нельзя полагаться на одну вѣру: на судилищѣ томъ будутъ взвѣшены и дѣла (Migne t. LX, col. 425. Стр. 83) «Исповѣданіе будетъ не только вѣрою, но и дѣлами, такъ что если нѣтъ послѣдняго, мы находимся въ опасности быть наказанными наряду съ отвергающими Господа» (De Anna. III, 5. Migne t. LIV, col. 659. Бесѣды кх Анаіохійскому народу. т. II, 64).

4) *Григорій Богословъ*: Какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, потому что многіе дѣлають добро ради славы и по естественному расположенію, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва есть. И да не льститъ васъ суетными словесы кто-либо изъ людей, которые охотно позволяютъ все подъ однимъ условіемъ, чтобы вы приложились къ нечестивымъ ученіямъ, и предлагаютъ за худшее худую награду. Итакъ, покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодo—

— 224 —

Очевидно на одной буквѣ основаться нельзя: скажемъ ли мы, что спасаемся одной вѣрой или будемъ утверждать, что при вѣрѣ необходимы и дѣла, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково можемъ найти себѣ оправданіе въ Св. Писаніи и творевіяхъ отцевъ церкви. Необходимо, слѣдовательно, внимательно различить, о чемъ говорить въ извѣстномъ мѣстѣ тотъ или другой писатель. Этимъ путемъ мы устранимъ весьма много изрѣченій, которыя по буквѣ, какъ будто, касаются вопроса именно о личномъ спасеніи, на самомъ же дѣлѣ къ нему не относятся.

родіе земли вашей (т. II, 289). *Григорій Нисскій*: въ томъ же Contra Eunom. lib III: „Камни дѣлаются чадами Авраама, когда вѣрою и дѣлами устрояють себѣ сродство съ нимъ» (Migne t. XLV, 605). «Вѣра требуетъ сопутствія сестры своей доброй жизни, которой да удостоимся по благому произволенію и помощи Божіей» (De Baptism. Migne t. XLVI, col. 432. т. VII, 450). *Кирилль Александрійскій*: «Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такъ и наоборотъ мертво совершенно благоукрашеніе и честность въ дѣлахъ, если при томъ нѣтъ Богопознанія и слово, сообразное съ благочестіемъ, не вселилось въ душахъ нашихъ» (т. III, 88). *Кирилль Іерусалимскій*: «Авраамъ оправдался не дѣлами только, но и вѣрою» (Catech. V, S). Migne t. XXXIII, 512). *Ниль Синайскій* «Любомудріе есть исправленіе нравовъ при истинномъ вѣдѣніи Сущаго» (т. II, 3). «За великую вѣру и добрыя дѣла вселяется въ тебя Духъ» (т. III, стр. 115). *Θеодоритъ*: «Одна. вѣра недостаточна для спасенія, но нужны для совершенства и дѣла» (т. I,

147—148). «По пришествіи Спасителя спасеніе пріемлють не всѣ, но вѣрующіе и жительствующіе по Его Божественнымъ законамъ.» (т. VI, 49—50). *Исидоръ Пелусіотъ*: «Добродѣтель не будетъ ли мертва, не одушевляемая вѣрою, вакъ бы душею? И какъ явится вѣра, не имѣя добродѣтели, которою бы она дѣйствовала? Какъ искусный музыкантъ, если нѣтъ у него лиры, не выкажетъ своего искусства, такъ и благочестіе, не выказываемое посредствомъ дѣлъ, какъ посредствомъ орудій, представляется мертвымъ и недѣйственнымъ не только до суда мірскихъ ученыхъ, но и по словамъ Божественныхъ Писаній, ибо сказано: вѣра безъ дѣлъ мертва есть» (т. III, 237—238). Наконецъ, *Тихонъ Задонскій* : «Не должно заключать по плотскому мудрованію, что когда туне единою вѣрою, а не добрыми дѣлами, получаютъ благая отъ Бога, то непотребны и дѣла добрая. Мнѣніе такое погрѣшительно. Кто такое мнѣніе имѣетъ, въ томъ и вѣры нѣтъ, понеже гдѣ-добрыхъ дѣлъ нѣтъ, тамо и вѣры нѣтъ, Еоторая отъ добрыхъ дѣлъ, какъ древо отъ плодовъ познается,.. Того ради должно имѣть вѣру и тую добрыми дѣлами засвидѣтельствовать, да вѣрою получимъ Божіе обѣтованіе» (т. II, стр. 350).

— 225 —

Прежде всего, весьма часто въ Св. Писаніи вѣра во Христа противопоставляется невѣрію, т. е. косненію въ язычествѣ или іудействѣ. Вѣрующей въ такомъ случаѣ будетъ значить: человекъ, принявшій крещеніе и вступившій въ общество учениковъ Христа. Въ отеческое время къ этому присоединилась еще черта. Тогда въ церкви происходили почти непрерывные догматическіе споры. Поэтому истиннымъ послѣдователемъ Христа въ устахъ отцевъ церкви былъ только тотъ, кто принималъ всѣ догматы Церкви. Такимъ образомъ, вѣра во Христа въ нѣкоторомъ смыслѣ

отождествилась съ правовѣріемъ, съ *τὸν δογματικὸν εἶδος τῆς πίστεως*" 1). Нерѣдко эта вѣра, т. е. бытіе въ церкви и принятіе церковныхъ догматовъ, называется въ Св. Писаніи и Преданіи единымъ спасеніемъ человека. Вѣра церковная называется „животворящей вѣрой" 2). Но это, конечно, потому, что въ умахъ священныхъ писателей и отцевъ церкви было вполне ясно отношеніе между ученіемъ и жизнью. Они знали, для чего принимали на себя послѣдованіе Христу, знали, и почему нужно было стоять за тотъ или другой догматъ. Тотъ или другой способъ мышленія былъ для нихъ знаменемъ цѣлаго уклада жизни. „Пусть, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, будетъ для тебя всего предпочтительнѣе вѣра во Святую Троицу; потому что безъ сей вѣры *невозможно жить истинною жизнью*" 3). Неизмѣнно сохраняющей вѣру въ Отца и Сына и

Святаго Духа только и можетъ быть на самомъ дѣлѣ „образованъ по таинству" ⁴⁾, т. е. носить или имѣть образъ истиннаго послѣдователя Христова. Только „правильные (правые) догматы о Богѣ освящаютъ душу" ⁵⁾. Но само собою понятно, что возможенъ и совершенно другой порядокъ вещей. Весьма многіе принадлежатъ къ православію только потому, что никогда не задавали себѣ вопроса о томъ, во что они вѣ-

1) Кирилль Іерусал. Catech. V, 10 (Migne. t. XXXIII, col. 417).

2) Ириней. Противъ ересей. кн. III, тл. III, з, Library Clark'a vol. V, pag. 262.

3) т. П, 179.

4) Григорій Нисскій. Adv. Maced. XV (Migne t. XbV, col. 1320): *Α.Ψ εστιν η μορφη του κατ'α ιο μιχαηριου με(τορφωμενου>.*

5) I. Златоустъ, In Ioan. Hom. LXXXII, 1 (Migne. t LIX, 443).

— 226 —

руютъ. Правовѣріе является для нихъ только наслѣдствомъ отъ предковъ, можетъ быть дорогимъ, но только потому, что оно наслѣдство предковъ. Въ сознаніи такихъ людей между догматомъ и жизнію прямой связи нѣтъ. Отсюда и правовѣріе для такихъ людей оказывается уже недостаточнымъ для спасенія. Является необходимымъ убѣждать ихъ проводить жизнь по закону Божію. Такимъ образомъ явилось весьма много мѣстъ въ Св. Писаніи и отеческихъ твореніяхъ, гдѣ говорится о вѣрѣ и дѣлахъ, какъ двухъ различныхъ и равно необходимыхъ началахъ спасенія.

Этотъ рядъ данныхъ, конечно, не можетъ вліять на наши выводы: здѣсь рѣчь идетъ совсѣмъ не о вѣрѣ и дѣлахъ, а только о „хододвой вѣрѣ", какъ называетъ ее св. Кирилль Александрійскій ¹⁾, о внѣшнемъ неосновательномъ притязаніи на имя христіанина. Тогда и убѣжденіе творить при вѣрѣ и добрыя дѣла, имѣетъ тотъ лишь смыслъ, что напрасно и считать себя христіаниномъ, если не заботиться о спасеніи. Смыслъ такого убѣжденія будетъ одинаковымъ, напр., съ подобными разсужденіями св. I. Златоуста: „Ни крещеніе, ни отпушеніе грѣховъ, ни знаніе, ни причастіе таинствъ, ни священная трапеза, ни принятіе тѣла, ни причастіе крови, ничто другое изъ этого не въ состояніи будетъ намъ помочь, если не имѣемъ жизни правой и удивительной и свободной отъ всякаго грѣха" ²⁾. Другими словами, здѣсь говорится не о спасеніи, не о томъ, какъ оно совершается, а о необходимости его совершать.

Кромѣ того, чтобы понимать отеческое ученіе, нужно всегда помнить, къ кому это ученіе направлялось. Направлялось же оно къ челсвѣку обыденному, только наполовину живущему по Христу. Вѣчная жизнь для такого человѣка представляется потусторонней мздой; блаженство ея онъ

отдѣляетъ отъ ея содержанія, т. е. святости. Соответственно этому и въ дѣлѣ спасенія на первое мѣсто для него должна выступить не его нравственная сторона, не избавленіе человѣка отъ грѣха и вступленіе на путь истины, а сторона, конечная,—то рѣшительное опредѣленіе участи чело—

1) т. II, 341.

2) У Klee. Dogmatik. Bd. III. 22. Anm. hi dicta Pauli: nolo vos ignor...

— 227 —

вѣка которое совершится по смерти. Въ такомъ случаѣ. то, что сдужить на самомъ дѣлѣ прямымъ началомъ спасенія, предназначаетъ его, для обыденнаго человѣка представляется только нѣкоторымъ основаніемъ къ полученію еще грядущаго спасенія. Отсюда, и та сила, которая на самомъ дѣлѣ совершаетъ или приводитъ человѣка къ совершенію спасенія, съ обыденной точки зрѣнія представляется подготовляющей только спасеніе. Являются, такимъ образомъ, какъ бы два условія спасенія: сила, ироизводящая матерію. и сама матерія: вѣра, укрѣпляющая ревность человѣка, и добрыя дѣла, какъ плодъ вѣры.

Эти двѣ возможныя точки зрѣнія: строго богословскую, научную, обнимающую спасеніе со всѣхъ сторонъ, и обыденную, сосредоточивающую вниманіе на послѣднемъ рѣшеніи участи человѣка, и нужно имѣть въ виду, чтобы правильно понять библейское и святоотеческое ученіе объ условіяхъ спасенія.

Итакъ, разсуждая по существу, спасеніе есть свободо-благодатный переходъ человѣка отъ зла къ добру, отъ жизни по стихіяхъ міра и отъ вражды противъ Бога къ жизни самоотверженной и къ общенію съ Богомъ. Что служитъ условіемъ такого перехода?

Въ собственномъ и строгоиъ смыслѣ такимъ условіемъ или производящей причиной можетъ быть вѣра во Христа.

Какъ бы человѣкъ ни успѣвалъ въ дѣланіи добра, какіе бы подвиги онъ ни предпринималъ, но если нѣтъ у него вѣры во Христа, самъ онъ никогда не постигнетъ той истины, что Богъ его прощаетъ. Предъ сознаніемъ человѣка стоятъ его безчисленные грѣхи и неумолимый законъ правды, требующій удовлетворенія. Самъ Богъ представляется имъ, поэтому, только въ видѣ грознаго, карающаго Судіи, представляется враждебнымъ человѣку. Не имѣя ничего сказать въ свое оправданіе, человѣкъ только трепещетъ Бога и готовъ скорѣе бросить всякую мысль о своемъ спасеніи и отдаться безбожію. Самъ собою любви Божіей онъ не пойметъ и къ Ней не

обратится. „Какъ призывать того, въ кого не увѣровали?“ (Римл. X, 14). Какъ обратиться съ мольбою о помощи и прощеніи къ Тому, о любви кого не знаютъ? „Преступленія и грѣхи наши на

— 228 —

насъ, и мы истаяваемъ въ нихъ: какъ же мы можемъ жить?“ (Іео. XXXIII, 10).

Грѣшникъ можетъ просить у Бога помилованія только тогда, когда знаетъ, что Господь относится къ человѣку „по великой милости Своей и по множеству щедротъ Своихъ“, только въ этомъ случаѣ человѣкъ можетъ просить объ отмѣнѣ праведнаго приговора Божія за грѣхи (Пс. L, 3. 6). Законъ правды предносится сознанію человѣка во всей своей неумолимой ясности: „Беззаконія мои я сознаю и грѣхъ мой всегда предо мною. Тебѣ, Тебѣ единому согрѣшилъ я, лукавое предъ очами Твоими сдѣлалъ“. Этого сознанія загладить нельзя. Гдѣ же спасеніе? „Жертвы ты не желаешь, къ всесоженію не благоволишь“ (ст. 18). Удовлетворенія, казни грѣшника Господь не желаетъ, Онъ принимаетъ всякаго, какъ бы ни велики были его беззаконія, всякаго, кто придетъ „съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ“ (ст. 19). Если грѣшникъ ждетъ отъ Бога только „обличенія въ ярости и осужденія въ гнѣвъ“, тогда нѣтъ ему спасенія: „Беззаконія его превосходятъ главу его, тяготѣютъ надъ нимъ подобно тяжкому бремени“, поэтому, нравственныя силы оставляютъ человѣка, онъ „изнемогаетъ и сокрушенъ чрезмѣрно“, онъ „близокъ къ паденію“, удѣлъ его только „скорбь“. Но „на Тебя, Господи, уповаю я; ти услышишь, Господи Боже мой“. Въ этомъ сознаніи милости Божіей и состоитъ залогъ торжества надъ врагами его спасенія, оно же и даетъ человѣку рѣшимость обратиться съ мольбой о помилованіи и помощи къ Тому же Господу, Котораго гнѣвъ праведный онъ возбудилъ своими грѣхами. „Не оставь меня, Господи Боже мой, не отступи отъ меня“ (Пс. XXXVII).

Но какъ человѣкъ узнаетъ объ этомъ? „Бога никтоже нигдѣже видѣ“; познать, слѣдовательно, что Онъ есть любовь никто самъ собою не можетъ. Его явилъ человѣчеству „Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи“. „Любовь Божію мы познали въ томъ, что Онъ положилъ за насъ, душу Свою“ (1 Іоан. III, 16). Такимъ образомъ, познать любовь Божію можетъ холько тотъ, кто вѣруетъ, что Іисусъ, пострадавшій и распятый, есть дѣйствительно Сынъ Божій. А разъ кто вѣруетъ, что Христосъ, дѣйствительно, пострадалъ ради насъ, въ томъ можетъ ли остаться какой-нибудь

еслѣдъ страха предъ Богомъ и отчужденія отъ Него. „Если Богъ за насъ, говоритъ вѣрующій, кто противъ насъ? Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего"? Человѣкъ сознаетъ себя безконечно виновнымъ предъ Богомъ, но если Богъ далъ Своего Сына, чтобы „привіечь всѣмъ къ себѣ" (Іоан. XII, 32; Кол. 1, 20—22), если для одной погибшей овцы Онъ оставилъ Своихъ девяносто девять непогибшихъ,—слѣдовательно, эта овца, при всей евоей грѣховности, при всей своей отчужденности отъ Бога, продолжаетъ быть дорога Ему,—при всей ея грѣховности, Богъ для нея сошелъ на землю и зоветъ ее къ Себѣ. Грѣхъ, слѣдовательно, болѣе не лежитъ между Богомъ и человѣкомъ. Богъ Сына Своего отдалъ, чтобы убѣдить человѣка въ Своей любви къ нему и въ Своемъ всепрощеніи. „Кто же (послѣ этого) будетъ обвинять избранныхъ Божиихъ? Богъ, Самъ Богъ не поминаетъ ихъ грѣха, „Богъ оправдываетъ ихъ". Кто осуждаетъ? кто можетъ грозить имъ судомъ и карою? „Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ" (Римл. 31—34). Вотъ вѣчное и несомнѣннѣйшее доказательство любви Божіей къ грѣшнику. Такимъ образомъ, „черезъ вѣру" во Христа Іисуса человѣкъ „получаетъ дерзновеніе и надежный, несомнѣнный достудъ къ Богу" (Еф. III, 12). Сынъ Божій, по выраженію преп. Ефрема Сирина, „показалъ человѣку милость Отца, возвѣстилъ о скорби умныхъ силъ и о враждѣ съ земнымъ. Убѣдилъ искать примиренія, сталъ посредникомъ мира, обѣщаль примиреніе, указаль способъ, а именно, что миръ будетъ пріобрѣтенъ крестомъ, и устроилъ дѣло такъ, что рабъ притекъ къ Владыкѣ, Сынъ позналъ Отца" 1).

Такимъ образомъ, вѣра во Христа является тѣмъ средствомъ, чрезъ второе человѣкъ узнаетъ любовь Божію, т. е. то, что содѣянный грѣхъ отнюдь не препятствуетъ сближенію Бога съ человѣкомъ, что Богъ простилъ грѣхъ и все свое домостроительство направляетъ къ тому, чтобы какъ-нибудь возвратить къ Себѣ грѣховнаго человѣка. „Риза

1) Ефремі Сир. Сј. 41 на еретиковъ. т. III, 77.

христіанъ, покрывающая безобразіе нашего грѣха, есть вѣра во Христа", говоритъ св. Василій Великій 1). Разъ человѣкъ вѣруетъ во Христа, онъ, слѣдовательно, вѣруетъ въ любовь Божію, и отнюдь не боится, ради своихъ прежнихъ грѣховъ, приступать къ Богу съ мольбою о прощеніи и помощи, зная, что любовь Божія только и ждетъ его обращенія.

Въ этомъ смыслѣ и можно православному сказать, что вѣра служитъ какъ

бы органомъ воспріятія біагодати и милости Божіей. Вѣрующій знаетъ и вѣруеть во всепрощающую благодать Божію и потому не боится погибели. „Вѣрная душа, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, присвояеть благодѣянія Божія и заслуги Христовы себѣ, которыя челоуколюбивый Богъ всей твари вообще показалъ и показуеть" ²⁾. Т. е, это не значить, чтобы вѣрующій считалъ своей заслугой дѣло, совершенное Іисусомъ Христомъ, и, ради этой платы Богу, болѣе уже не боялся Его гнѣва или суда за свои грѣхи;— это значить, что челоукъ, узнавая дѣло Іисуса Христа, чрезъ это самое узнаеть о томъ, что Богъ—не карающій Гнѣвъ, требующій Себѣ отмщенія и не могущій даромъ простить никого, какимъ представляло Его подавленное грѣхомъ сознание челоука, — что наоборотъ, Богъ есть всепрощающая любовь, — что нѣтъ грѣха, который бы побѣдилъ эту любовь. Вслѣдствіе вѣры во Христа, челоукъ начинаетъ узнавать своего Небеснаго Отца и чувствовать на себѣ Его любовь, которая не вмѣнила ему его согрѣшеній.

Разъ явилась такая вѣра въ челоукъ, тогда сразу же мѣняются отношенія между нимъ и Богомъ. Доселѣ любовь Божія не находила себѣ соотвѣтствія въ челоукъ. Боясь праведнаго суда Божія, челоукъ отдалился отъ Бога и вмѣсто любви относился къ Нему со враждой. Теперь же его сознание проясняется: онъ видитъ, что Богъ—не Грозный Владыка, а Отець, что Онъ не пожалѣлъ Своего Сыва, чтобы только примирить съ Собою челоука. Естественно, что—и вражда противъ Бога, отчужденіе отъ Него въ челоукъ пропадаетъ. Выѣсто отчужденія, онъ начинаетъ стре-

1) Толкованіе на Ис. IX,1—7. т. II. 257—258. 2) г. III, 10. Ср. стр. 64; 147.

— 231 —

китъся къ Богу; отвѣчать на Его любовь любовью же. Богъ для Него уже не чужой, онъ называетъ Его своимъ. „Господь мой и Богъ мой", говоритъ увѣровавшій Ѳома. „Свойство сердечныя вѣры, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, Бога своимъ Богомъ отъ сердца называть; тако Давидъ глаголетъ: Господи Боже мой, хотя и всѣхъ вѣрныхъ есть Богъ" ¹⁾; „Христось глаголетъ разслабленному: дерзай, чадо, отпускаются ти грѣси твои. Тако милосердіемъ Божиимъ ободряеть и всякаго вѣрнаго вѣра, въ сердцѣ его живущая; дерзай, яко Богъ милостивъ есть, и потому помилуеть тя; истинень есть, и потому исполнить свое обѣщаніе, услышитъ тя призывающаго; всесилень есть, и потому можетъ избавити Тебе. Отсюда бываетъ, что вѣрный съ горячимъ любви дерзновеніемъ Бога *своимъ* Богомъ называетъ: Боже, Боже мой, къ тебѣ утреннюю (Пс. IXII,).

Боже мой, милость моя (Пс. LVIII, 18); называетъ своею крѣпостию, утверждениемъ, прибѣжищемъ, и пр.: возлюблю Тя Господи, крѣпосте моя! Господь утверждение мое и прибѣжище мое, избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на Него; защитникъ мой, и рогъ спасенія моего (Пс. XVII 2—3). Такое вѣры дерзновение изображается и во Псалмѣ XC—мъ: живый въ помощи вышняго, и пр. Тако Дамаскинъ, духомъ радуясь и играя, поетъ въ своихъ къ Богу пѣсняхъ: Ты моя крѣпость, Господи! Ты моя и сила! Ты мой Богъ! Ты мое радование" ²⁾, и причину этого радостнаго присвоенія себя Богу Дамаскинъ указываетъ именно въ томъ, что онъ узналъ любовь Божию, явленную въ пришествіи въ міръ Сына Божія: „не оставль нѣдра Отца и нашу нищету посѣтивъ". „Кто отлучить насъ отъ любви Божіей; скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или мечъ?.. Я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ, Господѣ Нашемъ (Римл. IX, 35. 38—39). Въмѣсто отчужденія, человекъ всею своею душою отвѣчаетъ на любовь Божию, устремляется на Ея зовъ. Между Богомъ и

1) Размышленіе XII. т. Г, 197.

2) Объ истинномъ Христіанствѣ. S 283. т. III, II.

— 232 —

человѣкомъ устанавливается самый тѣсный нравственный союзъ, единеніе.

Объ этомъ—то и говоритъ св. апостоль Іоаннь Богословъ: „Кто исповѣдуетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ. и онъ въ Богѣ" (I Іоан. IV, 16). Т. е. произнесеніе извѣстныхъ словъ, конечно, прывлекаетъ Бога въ душу человекъ. Апостоль дальше дѣлаетъ нѣсколько указаній, какъ совершается это духовное соединеніе человекъ съ Богомъ. Онъ дальше говоритъ о томъ, что вѣрующіе познали любовь Божию въ смерти Христовой. „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ. Поэтому и вѣрующіе уже не страшатся суда (I Іоан. IV, 16—18). Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ (ст. 19). Такимъ образомъ, исповѣданіе тѣмъ спасительно, что оно необходимо сопровождается любовію къ Богу, которая изгоняетъ страхъ и соединяетъ человекъ съ Богомъ. Вѣра, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, душу вѣрнаго таинственно соединяетъ со Христомъ, аки невѣсту съ

женихомъ (общеніе любви), яко же пророкъ глаголетъ въ лицѣ Господа: обручу тя Себѣ въ вѣрѣ, и увѣси Господа (Ос. II, 20). И апостоль сему соотвѣтствуетъ, глаголя: обручихъ васъ (вѣрнымъ глаголетъ) единому Мужу дѣву чисту представить Христови (2 Кор. XI, 2. 3)". 1). „Богъ, описываетъ это состояніе св. I. Златоустъ, призвалъ насъ не для того, чтобы погубить, но чтобы спасти. Откуда видно, что Онъ именно этого хочетъ?— Сына своего, сказано, далъ есть" за насъ (Іоан. III. 16). Онъ столько желаетъ нашего спасенія, что далъ Сына Своего. и не просто далъ, но на смерть. Изъ такихъ размышленій рождается надежда. Не отчаявайся же, человѣкъ, переходи къ Богу, Который не пощадилъ даже Своего Сына. Не страшись настоящихъ бѣдствій. Тотъ, Кто предалъ Единороднаго, дабы спасти тебя и исхитить изъ геенны, пожалѣетъ ли чего еще для твоего спасенія? Слѣдовательно, надобно ожидать всего добраго. Ибо мы не устрашились бы, если бы намъ надлежало предстать на судъ предъ судіею, имѣющимъ судить насъ, который показалъ бы такую

1) Объ истинномъ Христіанствѣ. § 283. т. III, 15.

— 233 —

любовь къ намъ, что заклалъ бы за насъ своего сына. Итакъ будемъ ждть всего добраго и великаго; потому что *главное получили, если вѣруемъ* (бремя не страшитъ больше и не отгоняетъ отъ Бога, любовь Божія узнана). Но видимъ примѣръ; будемъ поэтому и любить Его. Иначе было бы крайнимъ безуміемъ не любить Того, Кто столько возлюбилъ насъ" 1). Изъ познанія любви Божественной слѣдуетъ уничтоженіе страха и дерзновеніе, а далѣе союзъ любви, чувство взаимной близости, присвоеніе другъ другу.

Уже нѣтъ болѣе въ сознаніи человѣка удручающаго его страха: Богъ для него не чуждый, грозящій Судія, неумолимый въ своемъ правосудіи,— Богъ—любящій его Отець, который не помянетъ его прежнихъ грѣховъ, не станетъ ему выговаривать, почему такъ долго не приходилъ, гдѣ растратилъ данное тебѣ имѣніе. Онъ, еще издали увидя его, выйдетъ къ нему навстрѣчу и не распрашивая прикажетъ облачить въ лучшую одежду и будетъ веселиться спасенію грѣшника.

Протестанты, доведя совершеніе спасенія человѣка до этого мѣста, круто его обрываютъ и говорятъ, что спасеніе или оправданіе человѣка совершилось, что онъ—съ Богомъ, больше ему ни дѣлать, ни желать нечего. Отселѣ бдагодатель Божія поселяется въ человѣкѣ и производитъ въ

немъ только добро. Вѣра начинаетъ приносить свойственные ей плоды. Задача челоѡка на землѣ кончилась.

Изъ представленнаго можно видѣть, въ чемъ коренная ошибка протестанства. Вѣра челоѡка открываетъ ему только ту истину, что Богъ за его прежніе грѣхи карать его не будетъ, что, напротивъ, Онъ готовъ его принять и помиловать, признать его Своимъ сыномъ. Но, вѣдь, это, если можно такъ сказать, только очищаетъ чедоѡку путь къ Богу, а не производитъ что-нибудь съ челоѡкомъ. Доселѣ челоѡкъ боялся обратиться къ Богу, а теперь онъ узналъ Бога и пересталъ Его бояться, напротивъ полюбилъ. Но, вѣдь, челоѡкъ все еще прежній. Необходимо ему не только полюбить или перестать бояться Бога, но и дѣятельно, дѣйствительно къ Нему обратиться.

1) I. Златоустъ. На 1-е посланіе къ Фессал. Бес. IX, 4. Стр. 151.

— 234 —

Конечно, въ комъ есть такая вѣра, тохъ уже наполовину обращенъ. „Никто, находясь въ заблужденіи, не захочетъ, говорить св. I. Златоустъ, обратиться къ вѣрѣ, если предварительно не предпишетъ себѣ доброй жизни, и никто не останется въ невѣріи, если предварительво не рѣшится навсегда оставаться злымъ" 1). Откуда невѣріе въ такія явленія (т. е. въ возможность будущаго суда)? Отъ разслабленія души: пили да ѣли, и потому не вѣрили. Вѣдь, чего кто хочетъ, о томъ и думаетъ, того и ожидаетъ" 2). Что скажетъ сознанию челоѡка проповѣдь о пострадавшемъ для его избавленія отъ грѣха Христѣ Сынѣ Божіемъ, если все его вниманіе устремлено на самоуслажденіе, если богъ его—чрево? „Какъ неизлѣчимыя раны не поддаются ни острымъ ни смягчающимъ (τοις ὑλνκαίνειν ἀντὰ δυναμένοις) лекарствамъ: такъ душа, если однажды сдѣлается плѣнницею и предастъ себя какому-нибудь грѣху (πλημμελήματι) и если притомъ не желаетъ подумать о своей пользѣ, то, хотя бы кто десятки разъ внушалъ ей, онъ не достигнетъ ничего, но какъ будто бы совсѣмъ лишенная слуха, она не получитъ отъ увѣщанія никакой пользы, не потому, чтобы не могла, но потому что, не хочетъ" 4). Слѣдовательно, присутствіе вѣры уже показываетъ начало обращенія челоѡка; потому что, какъ говоритъ св. Аѡнасіѣ Александрійскій, „вѣра есть знакъ душевнаго произволенія" 4). Чтобы придти къ мысли о томъ, что Богъ не гнѣвается за прежніе грѣхи челоѡка, что Онъ при всей Его святости есть любовь, для этого необходимо прежде всего много перечувствовать въ своей душѣ, нужно понять тяжесть грѣха, признать себя погибающимъ и достойнымъ

погибели. Только послѣ этого, когда душа выстрадаетъ это сознаніе, я возможна описанная вѣра въ любовь Божію, этотъ нравственный союзъ, исполняющій чеювѣка такой радостью. Непонимающій тяжести грѣха, не пойметъ и сладости быть незаслуженно прощеннымъ: какъ тогда онх не ощущалъ гнѣва Божія, такъ теперь не можетъ ощутить и любви. „Когда,

1) На Іоан. Бес. XXVIII, 3. I, 325.

2) На посланіе къ Кол. Бее. II, 4. стр. 30.

3) І. Златоустъ. In Genes. Hom. XIX, I. Migne t. LIII, 158. т. I, 327.

4) Толкованіе на Лук. VIII, 50. т. IV, 503.

— 235 —

говорить преп. Ниль Синайскій, подобно малой ласточкѣ, отверзаемъ уста разумѣнія, пришедши въ чувство своей худости и малости и тѣлеснаго униженія, и всею душою обратившись къ Богу; тогда благодать Господня не умедлитъ посѣтить насъ и пришедши даетъ пищу, какъ птеня;у какому-нибудь, открывающему ротъ, и сообщить, какъ говорится, Божественныя утѣшенія, Божественныя мысли, Божественное услажденіе, Божественный страхъ, и премудрость и любовь, и Божественную радость, и откровеніе великихъ таинствъ" 1). Если нѣтъ потребности, не можетъ быть и стремленія къ ея удовлетворенію. „Смотри, говоритъ св. І. Златоустъ, съ какою точностію евангелистъ рассказываетъ: сказавъ, что (Іоаннъ) прииде проповѣдуя крещеніе покаянія въ пустынѣ Іудейской, прибавилъ: отпущеніе грѣховъ; какъ бы сказалъ: онъ убѣждалъ ихъ, къ сознанію и покаянію во грѣхахъ, не для наказанія ихъ, но дабы они удобнѣе получали отпущеніе слѣдовавшее за этимъ (т. е. покаяніемъ и сознаніемъ). Ибо, если бы они не осудили самихъ себя, то не стали бы просить и т благодати, а не ища ея, не удостоились бы и отпущенія грѣховъ" 2). Начало вѣры, такимъ образомъ, въ покаяніи, въ чувствѣ своей грѣховности. „По собственной винѣ, покрывшись облакомъ неправды, душа, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, блуждаетъ во грѣхахъ, не зная того, что дѣлаетъ, не примѣчаетъ окружающей ея тьмы и не разумѣетъ дѣлъ своихъ (вотъ состояніе до воздохновенія вѣры). Но какъ скоро коснется ея лучъ всеоживляющей благодати, душа приходитъ въ ужасъ, припоминаетъ что ея сдѣлано, и возвращается съ опасной стези, отъ злыхъ дѣлъ своихъ... съ великою скорбію воздыхаетъ она, жалобно сѣтуетъ, проливая потоки слезъ, и умоляетъ, чтобы можно было ей добрыми дѣлами возвратиться въ прежнее достояніе свое... Лютяся слезы изъ очей ея объ утраченной красотѣ; многочисленны гнойныя струпы ея,

и, поелику видить она великую гнусность свою, то бѣжить отъ нея и ищеть защиты у всещедрой благодати" 3).

1) Письма. кн. IV, 25. т. III, 41R.

2) In Math. Hom. X, 2. Migne. t. LVII, 186. т. I, 173.

3) Сл. 141. 4. т. V, 217—218.

— 236 —

Такимъ образомъ, обращеніе къ благодати предполагаетъ цѣлый сложный путь пробужденія отъ грѣховной жизни, возненавидѣнія ея, попытки, или по крайней мѣрѣ, желанія возвратиться къ жизни добродѣтельной. „Накто не можетъ прійти ко Мнѣ, говоритъ Господь, аще не Отець, пославый Мя привлечеть его (Іоан. VI, 44;). Какъ же происходитъ это привлеченіе? „Пославшій Меня Отець Самъ засвидѣтельствовалъ о Мнѣ. А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видѣли, и не имѣете слова его пребывающаго въ васъ, потому что (какъ это видно изъ того, что) вы не вѣруете Тому, Котораго Онъ послалъ". Почему слово Божіе оказывается бездѣйственнымъ по отношенію къ этимъ людямъ? „Вы не хотите прійти ко Мнѣ, чтобы имѣть жизнь". Не хотятъ же они потому, что эта жизнь Христова противна имъ. „Знаю васъ, вы не имѣете въ себѣ любви къ Богу". Все вниманіе человѣка устремлено на здѣшнюю жизнь, въ частности, на свое личное благополучіе и славу, имѣеть ли для себя утѣшеніе въ сознаніи своей вѣрности этому закону? „Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной прійдетъ во имя свое, его примете. Какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ едиаго Бога, не ищите"? (Іоан. V, 37—44). Такимъ образомъ, увѣровать во Христа—дѣло весьма сложное, обнимающее собою всю душевную жизнь человѣка, требующее не только внимательности къ проповѣди, но и отреченія отъ себя, или по крайней мѣрѣ, отвлеченія вниманія отъ себя. Несомнѣнно, что и благодать Божія содѣйствуетъ этому привлеченію человѣка. „Вѣровать во Христа, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, не иное что есть, какъ изъ закона узнавши и сердечно признавши свою бѣдность и окаянство, которое отъ грѣха и грѣху послѣдующаго праведнаго гнѣва Божія бываетъ, изъ евангелія же познавши благодать Божію, всѣмъ открытую, къ Нему Единому подъ защищеніе прибѣгнуть,— Его едиаго за Избавителя и Спасителя отъ того бѣдствія признать и "имѣть, на Него едиаго всю спасенія вѣчнаго, такожде въ подвигъ противу діавола, плоти, мира и грѣха, во время живота, при смерти и по смерти надежду неуклонно и неотступно утверждать, яко на несомнѣнное и непоколебимое спасенія основаніе" 1).

„Истинно увѣровать, слѣдова-

1) Объ истинномъ Христіанствѣ. § 340. т. III, 125.

— 237 —

тельно, свойсвенно душѣ мужественной ¹⁾, „искренно расположенной къ Богу" ²⁾, и Его святому закону и царству.

Но при всей своей сложности, при всеї глубинѣ своей, состояніе увѣровавшаго не можетъ быть болѣе, какъ только преддверіемъ и приготовленіемъ къ спасенію или оправданію, а не есть самое спасеніе или оправданіе. Человѣкъ, правда, до вѣры доходитъ путемъ покаянія и самоотреченія. Чтобы изъ простаго знанія о Христѣ, о Богѣ сдѣлать выводъ и о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Богу, для этого нужно оплакать свое грѣховное бытіе. Но что же получается, когда человѣкъ сдѣлаетъ этотъ выводъ? Получается только то, что человѣкъ узнаетъ о любви Божіей къ себѣ, узнаетъ, что между нимъ и Богомъ не существуетъ никакой стѣны, кромѣ его собственной грѣховной отчужденности отъ Бога. Человѣкъ начинаетъ любить Бога и чувствовать, что любовь Божія отвѣчаетъ на эту любовь, чувствовать полную возможность и на самомъ дѣлѣ войти въ союзъ и общеніе съ Богомъ. Но это состояніе во всякомъ случаѣ только созерцательное. И, какъ такое, оно не можетъ переродить человѣка помимо его воли, не можетъ быть въ душѣ тѣмъ сомодвижущимся началомъ, которое дѣлало бы за человѣка добрыя дѣла. Точно также и благодать Божія, хотя и присутсвуетъ, хотя и содѣйствуетъ просвѣщенію человѣка, однако насильно дѣйствовать не можетъ, на одномъ томъ основаніи что человѣкъ узналъ о возможности получить эту благодать и хочетъ ее получить. „Содѣйствіе свыше требуетъ также нашего произвола" ³⁾. Чтобы на самомъ дѣлѣ обратиться отъ грѣха и принять благодать, войти въ союзъ съ Богомъ, для этого недостаточно только быть искренно убѣжденнымъ въ милости и близости Бога, но и дѣйствительно бросить грѣхъ и обратиться къ Богу. Человѣкъ убѣжденъ, что только въ Богѣ его спасеніе, но пусть онъ самъ протянетъ руку, чтобы взять помогающую ему десницу Божію. Иначе онъ только при одномъ убѣжденіи и останется. Недостаточно пожелать, хотя бы и искренно, жизни по закону Божію, необходимо и на самомъ дѣлѣ ее начать. „Человѣкъ говоритъ преп. Макарій Египетскій, не тотчасъ,

1) Ниль Синайскій. Писма, кн. II, 218. т. III, 127.

2) I. Здатоустъ, на посланіе къ Евр. Бес. XXIII, I. Сир. 356.

3) Ниль Синайскій. Письма. ен. П, 218 т. III, 127.

какъ услышитъ Божіе слово, дѣлаегся уже достойныхъ благой части; то не было бы уже подвиговъ, или случаевъ въ брани, или поприща для борьбы; но всякій безъ труда (*ἀχα-μάτως*), какъ скоро услышалъ бы, достигалъ упокоенія, и мѣры совершенства. На дѣлѣ бываетъ не такъ. Утверждая противное, отнимемъ у человѣка волю и отринемъ бытіе сопротивной силы, противодѣйствующей уму (если человѣкъ, какъ только повѣрилъ, сразу же дѣлается добродѣтельнымъ, то или за него дѣлаетъ все благодать, онъ является только почвой для постороннихъ дѣйствій, или же грѣха въ немъ не было; въ первомъ случаѣ отрицается свобода, во второмъ, грѣховность человѣка). Мы же говоримъ, что слушающій слово приходитъ въ сокрушеніе, и потомъ, поелику благодать, по Божію смотрѣнію къ пользѣ человѣка, удаляется отъ него, онъ начинаетъ упражняться и поучаться въ брани, борется и подвизается противъ сатаны, и послѣ долгаго состязанія и боренія одерживаетъ побѣду и дѣлается христіаниномъ. А если бы слышаніемъ только, безъ труда достигалъ кто благой части; то и лицедѣи, и всѣ блудники вошли бы въ царство и въ жизнь (царство Божіе перестало бы быть царствомъ святымъ). Но никто не дастъ имъ жизни безъ труда и подвига, потому что узокъ и тѣсенъ путь. Симъ то негладкимъ путемъ и надобно шествовать, и терпѣть, и скорбѣть, и, такимъ образомъ, войти въ живнѣ" 1).

Благодать Божія не порабощаетъ сознанія и свободы человѣка, но открывъ ему любовь Божію и ужасъ грѣха, она предоставляетъ человѣку самому устремиться къ этой любви и къ святому общенію съ нею. „Вѣры, подвиговъ добродѣтели (*κατορθώματα*), царства небеснаго, если не будешь,—говоритъ св. Василій Великій,—просить съ трудомъ и многимъ терпѣніемъ, не получишь; потому что должно прежде пожелать, а, пожелавъ, *искать дѣйствительно* въ вѣрѣ и терпѣніи, употребивъ съ своей стороны все, такъ чтобы ни въ чемъ не осуждала собственная совѣсть, будто бы просишь, или нерадиво, или лѣниво; и тогда получишь, если сіе угодно Богу" 2). Это свободное устремленіе человѣка къ благодати и любви Божіей и къ святой, чистой отъ грѣхи жизни и со-

1) Нот. XXXYII, 20. Migne. t. XXXIV, 708. Стр. 292—293.

2) Подвижническіе уставы гл. I. т. V, 354. Migne t. XXXI. 1337.

вершается, какъ мы выше видѣли, человѣкомъ въ вознагражденіи

посредством таинства. Въэтомъ возрожденіи чловѣкъ уже не видитъ только возможность союза съ Богомъ, но и на дѣлѣ соединяется съ Богомъ. Силой Божіеи укрѣпляется дотолѣ несовершенная его рѣшимость не жить больше для себя, а для Бога, грѣхъ уничтожается; и чловѣкъ, такимъ образомъ, уже не въ видѣ возможности, а на самомъ дѣлѣ „уразумѣваетъ превосходящую разуыѣніе любовь Христову" (Еф. III, 19). Пока чловѣкъ только вѣруеть, онъ убѣжденъ, что Богъ его проститъ. Послѣ же возрожденія, онъ на дѣлѣ переживаетъ это прощеніе. Прежде чловѣкъ только надѣялся что Богъ его не отринетъ, теперь онъ и на дѣлѣ видитъ, что Богъ его не отринулъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ рѣшимости чловѣка болѣе не грѣшитъ и служить Богу, утверждается и его вѣра, а съ вѣрой и та радость о Богѣ, которая восторгается испытанной и незаслуженной любовью Божіею, и любовь къ Богу въ отвѣтъ на Его любовь, и стремленіе быть съ Богомъ, еще крѣпче сдѣлать только что заключенный союзъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, вѣра спасаетъ чловѣка, но не тѣмъ, однимъ, что она созерцаетъ Бога, но не тѣмъ, что она открываетъ чловѣку Христа,—а тѣмъ, что она этимъ созерцаніемъ будитъ волю чловѣка. Въ этой нравственной силѣ вѣры и заключается ея великое, средоточное значеніе при возражденіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что сущность возрожденія въ рѣшимости служить отсель Богу. Эта рѣшимость и утверждаетъ благодать. Въ ней и совершается таинственный союзъ благодати и свободы чловѣка. Но что приводитъ чловѣка къ этому союзу? Мы видимъ, что приводитъ одна только вѣра. Разъ Богъ въ сознаніи чловѣка представляется только Судіею, разъ не извѣстна Его любовь и всепрощеніе, чловѣкъ не можетъ приблизиться къ Богу и воспринять Его любовь. „Я приближу его (вождя), и онъ приступитъ ко Мнѣ; ибо кто отважится самъ собою приблизиться ко Мнѣ?—говоритъ Господь" (Іер. XXX, 21). Не зная любви Божіею, чловѣкъ можетъ только трепетать предъ Богомъ и ожидать себѣ наказанія и смерти. „Пусть будетъ онъ праведникъ, но будь онъ хоть тысячу разъ праведникъ, онъ чловѣкъ" 1), предъ Богомъ онъ всетаки ви-

1) De Lazaro VI, 9. Uigue. t. XLYIII, 1041. Къ Антиох. нар. т. I, 185.

новать. Его праведность только еще яснѣе дастъ ему возможность видѣть свою вину, а страха не прогонитъ. Только вѣра, и одна она открываетъ чловѣку любовь Божію, только она можетъ открыть чловѣку, что Господь Самъ идетъ къ нему навстрѣчу. Вѣровать во Христа есть

„любовь Его и благодѣянія, всему міру показанныя (о чемъ человекъ можетъ знать и разсудочно), всякому вѣрному себѣ присвоятъ... и почувствовать тое въ сердцѣ своемъ, а не токмо устами говорить" 1). Только тогда, когда узнана эта превосходящая разумѣніе любовь Божія, человекъ и можетъ безъ страха, хотя и съ сознаниемъ полного своего недостойнства, приблизиться къ Богу и принять Его готовую помощь. Любовь Божія узнается въ вѣрѣ и принимается человекомъ. „Житвотворить (въ крещеніи) не Онъ (Духъ) одинъ будучи воспринять ради благодатнаго сего совершенія (т. е. крещенія) чрезъ вѣру, но должна предшествовать вѣра въ Господа, *чрезъ которую* жизненная благодать *усвояется* (*παραυίεται*) увѣровавшимъ, какъ сказано Господомъ, что Сынъ, ихже хочетъ, живить" (Іоан. У, 21) 2). „Когда мы,—говоритъ св. Ириней Ліонскій,—обратимъ свою вѣру къ Сыну,—то мы будемъ обладать также и твердой, непоколебимой любовью къ Отцу" 3). И это не въ одномъ внѣшнемъ смыслѣ, не въ томъ, что человекъ только повѣривъ въ Сына, можетъ пойти ко крещенію. Вѣра простираетъ свое дѣйствіе до самыхъ тайниковъ души, она дѣлаетъ возможнымъ самое соединеніе таинственное свободы и благодати. Вѣрою именно Христосъ вселяется въ сердце крещаемого (Еф. III, 17). Силою именно вѣры человекъ предпринимаетъ свое безповоротное рѣшеніе быть съ Богомъ, сочетаться Христу. „Вѣра.—говоритъ св. І. Златоустъ, открываетъ намъ то, что истинно, и отъ искренней вѣры рождается любовь; потому что тотъ, кто истинно вѣритъ въ Бога, никогда не согласится удалиться отъ любви" 4). Въ вѣрѣ, такимъ образомъ, посредствуется самая сущность возрожденія.

Вѣрой полагается и начало новой жизни въ человекѣ, жизни въ общеніи съ Богомъ. Любовь къ Богу становится

1) Тихонъ Задон. Письма келейныя II. т. V, 8.

2) Григорій Нисскій. Advers. Maced. XIX. Migne t. XLV, 1325. т. VII, 48. 3) Противъ ересей. кн. IV. гл. VI, 2. Library Clark'a. vol. V, 389 4) На I Тим. Бес. II. Стр. 25–26.

основнымъ закономъ жизни, ею опредѣляется все дѣланіе и все хожденіе человека. Поэтому, и отвращеніе отъ грѣха и обращеніе къ жизни святой восходитъ въ новую степень. Если прежде человекъ болѣе боялся грѣха, чѣмъ желалъ праведности, то теперь, познавъ любовь Божію, онъ начинаетъ любить законъ Божій ради Бога, чтобы отвѣтить на любовь любовью же. Стремленіе быть святымъ, чтобы избѣгнуть погибели, переходитъ въ стремленіе къ Богу, чтобы быть угоднымъ Ему. Личность человека еще болѣе отодвигается на второй планъ, и началомъ жизни

становится полное самоотречение. Такъ человекъ отъ страха предъ своей погибелью переходитъ къ вѣрѣ, которая, въ свою очередь, отверзаетъ ему путь къ любви.

Поэтому—то, истинно вѣрующій никогда не сошлетъ на свои труды, никогда не потребуеъ за нихъ себѣ награды: вся его душа полна созерцаніемъ Божественной любви, любви безкорыстной и незаслуженной чедовѣкомъ. Поэтому, и жажды быть угоднымъ Богу, творить волю Его въ вѣрующемъ человекѣ не имѣемъ границъ. „Проси, говорить преп. Исаакъ Сиринъ, у Бога чтобы далъ тебѣ прійти въ мѣру вѣры. И если ощутишь въ душѣ своей сіе наслаждение, то не трудно мнѣ сказать при семъ, что нечему уже отвратить тебя отъ Христа. И не трудно тебѣ каждый часъ быть отводимымъ въ плѣнь далеко отъ земнаго, и укрыться отъ этого немощнаго міра и отъ воспоминаній о томъ, что въ мірѣ. О семъ молись нелѣпно, сего испрашивай съ горячностью, объ этомъ умоляй съ великама раченіемъ, пока не получишь. И еще молись, чтобы не ослабѣть. Сподобишься же этого, если съ вѣрой понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность замѣнишь Его промышленіемъ. (Вотъ отречение всецѣлое отъ себя на волю Божию). И когда Богъ усмотритъ въ тебѣ сію волю, что со всею чистотою мыслей довѣрился ты Самому Богу болѣе, нежели самому себѣ, и понудилъ себя уповать на Бога болѣе, нежели на душу свою: тогда вселится въ тебѣ оная невѣдомая сила,—та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не боятся и, ходя по водамъ, не колеблются въ помыслахъ своихъ опасеніемъ потонуть; потому что вѣра уврѣпляетъ душевныя чувства, и человекъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страш-

— 242 —

ныхъ и не взирать на видѣніе иевыносимое для чувствъ" 1). „Невозможно, воистину невозможно, говорить св. Тихонъ Задонскій, имѣющему свѣтильникъ вѣры, въ сердцѣ горящій, къ вѣчнымъ онимъ благамъ не стремиться, а тако и въ истинномъ покаяніи не быть, и отъ всякаго грѣха не удаляться. Вѣра бо человека обновляетъ и отъ грѣховъ и суеты міра отвращаетъ, и къ будущимъ обѣщаннымъ благамъ руководствуетъ, и оная яко видимая ему представляетъ" 2). „Какъ огню свойственно есть согрѣвать, водѣ орошать, свѣту просвѣщать: тако вѣрѣ живой свойственно есть дѣла добрыя показывать" 3).

Такимъ образомъ, вѣра, показывая человеку любовь Божию, нравственно сродняетъ человека съ Богомъ. Человекъ видитъ въ Богѣ Отца, готоваго

его принять. Это нравственное сближение завершается въ крещеніи, въ которомъ человѣкъ, утвержденный въ любви Божіей или въ сознаніи этой любви, дѣйствительно сочетается Христу и исходитъ изъ купели созданнымъ на дѣла благая. Вражда противъ Бога разрушена, клятва снята, между Богомъ и человѣкомъ существуетъ тѣснѣйшее взаимообщеніе любви. Спасеніе совершилось. Душа обручена съ Христомъ и вся Ему принадлежатъ. „Вѣра, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, съ благоговѣніемъ на распятаго Христа смотря, помышляетъ: кто и коликъ есть, Который тако за подлаго своего раба пострадалъ, и что симъ страданіемъ ему приобрѣлъ. Откуда вѣрующій возбуждается ко взаимной любви и сердечному благодаренію, и тщится всякимъ образомъ тое исполнять. Но понеже видитъ, что не можетъ того учинити (что бо воздамы Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ?), падаетъ предъ Нимъ со смиреніемъ и любовію, сердечно исповѣдая свои недостатки, и единое сердечное къ благодаренію желаніе, усердіе и любовь, какую можетъ въ вѣкъ семь приносить высочайшему своему Благодѣтелю. Отъ сего возбуждается въ вѣрномъ желаніе все терпѣть за имя Господа Іисуса, что воля Божія восхоцетъ" 4). Отдавшись Господу и

1) Сл. 49. стр. 265—266.

2) Сокровище духовное п. 139. т. IV. 348.

3) Слово въ день Успенія т. I, 69.

4) Объ истинномъ Христіанствѣ § 283. т. III, 14.

— 243 —

соединившись съ Нимъ, душа очищается и отъ грѣха, который уничтоженъ въ ней и не грозитъ болѣе ея спасенію. „Христось таковую душу вѣрную очищаетъ отъ грѣха и всякія скверны, и содѣловаетъ ее святу, отъемлетъ огъ нея бѣдствія духовныя—клятву, осужденіе, смерть и всякое духовное неблагополучіе, и вмѣсто того даетъ Своя духовная благая: благословеніе, избавленіе и вѣчный животъ, якоже апостоль о семъ поучаетъ: Христось бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе; и какъ жену какую, совлекши съ нея раздранныя рубища и отъ смрада омывши, облакаетъ въ чистую правды своя багряницу, да предъ очесами Его и небеснаго Отца Его явится чиста и, какъ дочь царская, духовною тварію одѣяна преиспещрена" 1). Послѣ этого, если бы человѣкъ и умеръ тотчасъ же, его спасеніе обезпечено: какъ разбойнику, и ему Господь говоритъ: „днесъ со Мною будеши въ раю". Это и есть состояніе, въ которомъ человѣкъ „желаніе имѣетъ разрѣшиться и со Христомъ быти".—Таково состояніе человѣка, вышедшаго изъ купели

возрожденія.

Дальнѣйшая жизнь челоуѣка, какъ мы выше видѣли, состоитъ въ развитіи того сѣмени вѣчной жизни, которое положено въ крещеніи. Челоуѣкъ постепенно очищается отъ грѣха, постепенно совершенствуется и укрѣпляется въ добрѣ и восходитъ до возраста мужа совершенна. Однако и тогда „началомъ жизни его" ²⁾, той „солью, которая сохраняетъ челоуѣка невредимымъ" ³⁾, продолжаетъ быть вѣра. „Опора всего дома, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, есть фундаментъ, и начало корабля—киль, а для рѣшившагося поступать правильно основаніе и первая подпора есть познаніе истины и неложное ученіе вѣры въ единого по естеству и истиннаго Бога. Ибо аще не увѣруете, ниже имате разумѣти (Ис. VII, 9)... Вѣра есть питательница разумнїя, а разумнїе составляетъ для насъ пробный камень того, что должно дѣлать" ⁴⁾. „Вѣра, говоритъ преп. Ефремъ Сиринь, раждаетъ добрую мысдь, а добрая мысдь—рѣка воды живой. Кто пріобрѣлъ ее, тотъ исполнился водами ея. Безъ ея не будетъ горѣть свѣтиль—

1) Ibid. стр. 15,

2) Исаакъ Сиринь. Сл. 85. стр. 493.

3) Ефремъ Сиринь. Сл. 152, 12. т. VI, 361–362.

4) 0 поклоненіи въ духѣ. кн. 6 т. I, 291.

— 244 —

никъ, и безъ вѣры никто не пріобрѣтаетъ доброй мысли ¹⁾. „Вѣра есть мать всякаго добраго дѣла, и ею челоуѣкъ достигаетъ исполненія на себѣ обѣтованій Владыки и Спасителя нашего Іисуса Христа, по написанному: „безъ вѣры невозможно угодити Богу" ²⁾. Разъ челоуѣкъ помнитъ любовь Божію, разъ свѣтильникъ вѣры сіяетъ въ сердцѣ челоуѣка и онъ все духовное ясно видитъ" ³⁾, ревность и сила его творить добро не имѣетъ причины ослабѣвать. Если ради этого сознанія всепрощающей любви Божіей, челоуѣкъ не утратилъ неизмѣримаго бремени грѣха, если онъ тогда осмѣлился вступить въ борьбу съ дотолѣ господствовавшимъ въ его душѣ началомъ и, при помощи благодати Божіей, побѣдилъ, бросилъ зло и сталъ творить добро; то тѣмъ болѣе теперь, когда онъ въ союзѣ съ Богомъ, когда грѣхъ уже побѣжденъ, низложенъ, тѣмъ болѣе устремится челоуѣкъ на дѣланіе воли Божіей и на уничтоженіе грѣха. Даже, если бы челоуѣку случилось пасть: пусть только блюдетъ онъ свою вѣру,—нарушенная гармонія его души будетъ восстановлена, разрозненныя силы его будутъ опять собраны и съ новой энергіей устремятся противъ грѣха. „Вѣра, говоритъ св. І. Златоустъ, есть глава и корень; если ты сохранишь

ее, то хотя бы ты и все потерялъ, опять все приобрѣтешь съ большею славою" 4). „Вѣра есть мощь ко спасенію и сила въ жизнь вѣчную" 5).

Съ другой стороны, понятно, что произойдетъ, если вѣра утрачена человѣкомъ. „Безъ ея не можетъ горѣть свѣтильннкъ", безъ корня всякое дерево засохнетъ. „Безъ Мене, сказалъ Господь, не можете творити ничесоже". Разъ отнята вѣра,—отнять всякій смыслъ жизни и всякая сила дѣлать добро. Нѣтъ того средоточія, которое бы связало старанія человѣка и осмыслила ихъ. Близости Божіей человѣкъ не чувствуетъ, благиости Его понять не можетъ, Богъ опять для Него только Каратель неправды. Обратится ли такой человѣкъ къ

1) Сл. б. т I, 124 — 125.

2) Къ Египетскимъ монахамъ поуч. 25-е т. II, 156.

3) Сокровищв духовное. п. 77. т. IV, 150.

4) In Math. Hom. XXXIII, 2. Migne. t. LVII, 390. т. II, 77.

5) Климентъ Александрійскій. Строматы. кн. II, гл. XII. Library Clark'a. vol. XII, 34.

— 245 —

Богу? А если не обратится, то и помощи Божіей, Его благодати принять не можетъ. Итакъ, потерявши это „око, просвѣщающее всякую совѣсть" 1), вѣру свою, человѣкъ теряетъ и все свое духовное достояніе и погибаетъ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи тѣ черты, которыми Господь изображаетъ праведниковъ и грѣшниковъ на послѣднемъ судѣ. Между тѣмъ какъ праведники, соблюдшіе вѣру свою, удивляются милости Божіей: „когда Ты видѣхомъ алчуща, и напитахомъ?"; грѣшникамъ приговоръ Божій представляется несправедливымъ: „когда Ты видѣхомъ алчуща, и не послужихомъ Тебѣ?" Богъ представляется ими враждебнымъ къ нимъ, хотящимъ, подыскивающиимъ предлогъ, чтобы ихъ осудить, лишить вѣчнаго блаженства. Первые жили въ вѣрѣ и потому вся ихъ душа полна чувствомъ незаслуженной милости Божіей, они и теперь исповѣдуютъ свое недостойнство. Послѣдніе же вѣру потеряли, милости Божіей не сознаютъ, жили только для себя, поэтому, и теперь поднимаются на защиту своего „я". Первые по вѣрѣ своей всегда видѣли путь къ Богу открытымъ для себя, потому что видѣли милость Божию. Видя это, они всегда и стремились къ Богу и постоянно были въ духовномъ единеніи съ Нимъ: это единеніе естественно дѣлается ихъ удѣломъ и по выходѣ изъ этой жизни. Послѣдніе же, потерявъ вѣру, естественно потеряли и силы къ духовному единенію съ Богомъ, отчуждились отъ Бога: поэтому, и по переходѣ въ будущій міръ, у нихъ не оказывается способности предаться Богу, удѣлъ ихъ въ мрачномъ царствѣ себялюбія, которое скрежещетъ зубами о своей гибели, не находя у себя силъ примириться съ этимъ хотя бы, подобно праведнику, въ мысли, что пострадалъ по волѣ Божіей (Римл. IX, 3).

Итакъ, вѣра чловѣка возродила, вѣра развивала и воспитывала его въ духовной жизни, вѣра же приведетъ его и къ вѣчному блаженству. Вѣруя, чловѣкъ принялъ здѣсь благодать Божію и могъ принять общеніе съ Богомъ, не смотря на то, что до тѣхъ поръ жилъ въ грѣхѣ. Эта же вѣра въ любовь Божію дастъ чловѣку возможность сохранить это общеніе съ Богомъ и въ грядущемъ царствѣ. „Въ день суда, говоритъ преп. Ниль Синайскій, сами будемъ своими обличителями, обличаемые собственною совѣстью. Посему, въ этой

1) Кирилль Іерус. Catech. V, 4. Стр. 75. Migne. t. XXXIII, 509.

— 246 —

крайности найдемъ ли иную какую защиту или помощь, кромѣ одной вѣры въ чловѣколюбивѣйшаго Господа Христа? Вѣра сія великая наша защита, ведикая помощь, безопасность и дерзновеніе и отвѣтъ для содѣлавшихся безъотвѣтными но несказанному множеству грѣхопаденій. Ибо во время нашего боренія и безмѣрнаго страха, памятованіе о возлюбленномъ Владыкѣ Христѣ и твердо укоренившаяся и непоколебимая вѣра въ Него, представъ подобно какому благопривѣтливому, мирному, свѣтлому и кроткому ангелу, отгоняють трепеть и стыдъ, исполняютъ благодушія, отчужденнаго дѣлають приснымъ Богу" 1). Движеніе вѣрующаго, именно ради вѣры его, будетъ не отъ Бога (изъ страха предъ Нимъ), а къ Богу, милость котораго ободряетъ чловѣка. Поэтому—то св. Тихонъ и говорнтъ: „Въ вѣрѣ все существо христіанскаго блаженства состоитъ, яко кто истинную живую вѣру имѣеть, тотъ имѣеть Божіе благословеніе, правду Христову, святость, избавленіе, свободу духовную, вѣчный животъ и блаженство" 2).

Во избѣженіе недоразумѣній, нужно здѣсь еще разъ повторить, что православная церковь, полагая въ вѣрѣ все блаженство чловѣка и считая вѣру причиной духовнаго возрастанія чловѣка, никогда не представляетъ себѣ эту вѣру въ видѣ какой—то самодѣйствующей силы, которая, какъ нѣчто постороннее, почти нудила бы чловѣка къ добродѣтельной жизни и къ Богообщенію. Нельзя также думать и того, что вѣра только призываетъ въ чловѣка благодать, которая потомъ тоже въ видѣ посторонней силы дѣлаеть въ чловѣкѣ доброе. Конечно, вѣрующій чловѣкъ воспринимаетъ благодать Божію, съ которой и выходитъ на борьбу съ грѣхомъ. Однако орудіемъ воспріятія этой благодати служить не вѣра сама по себѣ, не знаніе или созерцаніе милости Божіей и Его готовности простить и помочь, а непременно свободное желаніе и рѣшеніе чловѣка. Точно также

и „дѣятелемъ добра, основаніемъ праведнаго поведенія“, вѣра является только потому, что она „есть свободное согласіе души“³⁾. Вѣра только окры-

1) т. III, 368—369.

2) Объ истинномъ Христіанствѣ. § 253. т. III, 15. 3) Климентъ Алекс. Строматы. кн. V. гл. ХШ. Library Clark a. vol. XII, p. 272.

— 247 —

ляетъ волю человѣка, но отнюдь не освобождаетъ его отъ усилій надъ собою. Если человѣкъ будетъ нерадѣть, тогда и самый свѣтильникъ его угаснетъ. «Можетъ быть, говоритъ св. Кирилль Іерусалимскій, ты скажешь: я вѣрный, мною не возобладаетъ похоть, хотя часто буду помышлять. Не знаешь развѣ, что по долгомъ времени и въ камень нерѣдко углубляется корень? Не принимай въ себя сѣмени; потому что сокрушить вѣру твою»¹⁾. „Не полагайся на одно то, что есть у тебя свѣтильникъ; но соблюдай его горящимъ. Да просвѣтитъ свѣтъ вашъ, свѣтъ добрыхъ дѣлъ предъ человѣки, и да не хулитъ ради тебя Христосъ. Облекись въ одежду нетлѣнія, украшаясь добрыми дѣлами²⁾. „Не увѣровать только нужно во Христа, говоритъ преп. Макарій Египетскій, но и пострадать, по написанному: яко вамъ дадеся не токмо еже вѣровать во Христа, но и еже по Немъ пострадати (Филип. I, 29). Вѣровать только въ Бога свойственно мудрствующимъ земное, или, не сказалъ бы, даже и нечистымъ духамъ, которые говорятъ: вѣмы Тя, Кто еси Сынъ Божій“ (Мр. II, 24)³⁾. При вѣрѣ необходимо свободное избраніе добра и рѣшеніе дѣлать его.

Утверждая это, мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы въ дѣйствительности возможно было такое состояніе вѣры недѣятельной (развѣ въ видѣ каваго-нибудь исключенія). Кто не хочетъ жизни святой и общенія съ Богомъ, тотъ никогда и не увѣруетъ, хотя и будетъ на словахъ и въ мысляхъ утверждать, что вѣруетъ въ Евангеліе. Какъ онъ пойметъ, что Богъ готовъ его простить, когда онъ не понимаетъ, зачѣмъ нужно ему это прощеніе, когда и безъ этого жизнь не представляется ему невозможной? Если же онъ пойметъ всей душой, что сдѣлалъ для людей Исусъ Христосъ, тогда онъ понимаетъ и всю ужасность грѣха. Понимая же это, онъ не преминетъ обратиться къ Богу, и, сдѣдовательно, будетъ прилагать стараніе, чтобы жить добродѣтельно. „Кто говоритъ: я позналъ Его, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжець и нѣтъ въ немъ истины. А кто соблюдаетъ слово Его, въ томъ

1) Catech. II, 3. Migne t. XXXIII, 385. стр. 25

2) Catech. XV, 26.

3) Epist. II. Migne. t. XXXIY, 420. Стр. 438.

— 248 —

истинно любовь Божія совершилась (онъ созерцаетъ эту любовь и воспринялъ ее): изъ сего узнаемъ, что мы въ Немъ" (1 Иоан. 11, 4—5). Кто говоритъ, что вѣруетъ, а жизни согласной съ вѣрой не имѣетъ, тотъ лжетъ: онъ совсѣмъ не вѣруетъ, онъ „мудрствуетъ земное“, руководствуется своими мірскими понятіями,—Бога, какъ Онъ открылъ Себя намъ, не знаетъ и не понимаетъ. Возможны паденія, конечно, и для вѣрующаго человѣка. Но, именно, только паденія, когда человѣкъ увлекается страстью, затемняющей въ его сознаниі Ликъ Божій. За паденіемъ у вѣрующаго послѣдуетъ и возстаніе. Но „невозможно, воистину невозможно, повторимъ вмѣстѣ съ св. Тихономъ Задонскимъ, имѣющему свѣтильникъ вѣры въ сердцѣ горящій къ вѣчнымъ онымъ благамъ не стремиться, а тако въ истинномъ покаяніи не быть, и отъ всякаго грѣха не удаляться" 1).

Говоря о необходимости свободнаго стремленія къ Богу и добру при истинной вѣрѣ, мы хотимъ только указать самый способъ, какимъ вѣра спасаетъ человѣка. Не своей созерцательной стороною, не въ качествѣ состоянія воспринимающаго вѣра спасаетъ человѣка, такъ чтобы человѣку оставалось только бездѣятельно переживать свое спасеніе. Вѣра спасаетъ своей дѣятельной стороною, постояннымъ участіемъ въ ней доброй воли (Иоан. VII, 17). Вѣрующій въ вѣрѣ своей находитъ дерзновеніе обратиться къ Богу и, такимъ образомъ, вступаетъ въ общеніе съ Богомъ, принимаетъ это общеніе. Вѣрующій, укрѣпленный силою Божіею, устремляется къ жизни святой и тѣмъ ее начинаетъ. Вѣра въ этомъ смыслѣ есть „начало нашего упованія и начатокъ Божественнаго къ намъ милосердія, какъ бы дверь и путь" 2). Съ какой-нибудь міровой душой, безличной субстанціей и первоосновой міра можно вступать въ общеніе помимо воли, можно бездѣятельно отдаваться ей; но съ живымъ Богомъ возможно общеніе только личное и свободное.

Чтобы поставить на видъ именно этотъ жизненный (а не формальный) смыслъ спасенія, и именно тамъ, гдѣ приходится ограждать себя отъ протестантскихъ измышленій, наша церковь и выбираетъ изъ двухъ, выработанныхъ на за-

1) Сокровище духовное. п. 139 т. IV, 348. 2) Кирилль Алекс. т. VI, 44.

— 249 —

падѣ формуль, ту, которая приписываетъ спасеніе не одной вѣрѣ, но вѣрѣ съ дѣлами. „Вѣруемъ, гласить 13-й членъ Посланія воеточныхъ патріарховъ, что человекъ оправдывается не просто одною вѣрою (т. е., какъ дальше видно не ея теоретическою, воспринимательною стороною), но вѣрою, споспѣшествуемою любовію (вѣрою, какъ дѣятельною силою, тѣмъ, что она производитъ любовь), т. е. чрезъ вѣру и дѣла... Не призракъ, поясняютъ еще опредѣленнѣе отцы, только вѣры, но сущая въ насъ вѣра *чрезъ дѣла* оправдываетъ насъ во Христѣ" ¹⁾. Такимъ образомъ, оправдываетъ человека несомнѣнно вѣра, но только настоящая, истинная вѣра, та, которая приводитъ человека къ истинной жизни, заставляетъ его содѣлать свое спасеніе. Такой смыслъ имѣетъ и ученіе преосв. Оеофана о томъ, что вѣра спасаетъ дѣлами. „Спасеніе, говоритъ святитель, отъ добрыхъ дѣлъ; но въ добрыхъ дѣлахъ преуспѣть, какъ должно, нельзя безъ вѣры. Вѣра подвигаетъ на добрыя дѣла, вѣра указываетъ ихъ, вѣра приводитъ и къ полученію силъ на дѣланіе добрыхъ дѣлъ. Почему вѣра—пособница къ дѣламъ добрымъ. Главное—дѣла, а она пособіе" ²⁾. Спасеніе, значить, въ томъ, что человекъ самъ его содѣлываетъ, но къ этому содѣванію онъ приходитъ не иначе, какъ вѣрою.

Православный не долженъ понимать этого опредѣленія по католически, т. е. такъ, чтобы дѣлами человекъ зарабатывалъ себѣ спасеніе. Дѣла сами по себѣ, въ качествѣ внѣшнихъ поступковъ или отдѣльныхъ подвиговъ, не имѣютъ въ христіанствѣ значенія. Поведеніе здѣсь цѣнится только, какъ выраженіе соотвѣтствующаго настроенія души, извѣстнаго направленія воли, хотя въ свою очередь и вліяетъ на образованіе этого настроенія. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А я говорю вамъ: всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду... Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ: что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ... Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злему"... и т. д.

1) Христ. Чтеніе. 1838 г. т. I, 81. 2) Письма къ одному лицу. Стр. 99.

Всѣмъ этимъ отрицается праведность законная и на мѣсто ея поставляется праведность евангельская, праведность духа и истины, праведность, которая состоитъ не въ исправномъ поведеніи, а во внутреннемъ обновленіи, въ перемѣнѣ душевной. Эта духовная

праведность только и даетъ чловѣку входъ въ небесное царство духа и истины. „Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное (Мѡ. V, 21—22. 27—28. 38—39. 20). Вся нагорная бесѣда построена на этой мысли о недостаточности одного внѣшняго добродѣланія и о необходимости внутренней перемѣны, которою на самомъ дѣлѣ и усвоится чловѣку небесное царствіе. Поэтому, и милость, оказанная пророку или ученику, тогда только цѣнится, когда оказана „во имя пророка" или ученика, во имя вѣры (Мѡ. X, 41—42). „Если, говоритъ св. Апостоль Павелъ, я раздамъ все имѣніе свое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы" (1 Кор. XIII, 3). Что можетъ быть выше и совершеннѣе самопожертвованія во имя Христа или Евангелія? „Всякій, сказалъ Господь, кто оставитъ дома, или братьевъ или сестеръ, или отца или мать, или жену или дѣтей, или земли ради имени Моего, получить во сто кратъ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную" (Мѡ. XIX, 29). Если руководиться буквой и требовать внѣшнихъ дѣлъ для спасенія, выйдетъ какъ будто бы, что пожертвованіемъ жизни или земнаго благополучія можно себѣ купить царство небесное. Но Господь непосредственно послѣ этихъ словъ прибавилъ: „Многіе же будутъ первые послѣдними, и послѣдніе первыми" (ст. 30). На внѣшность смотрѣть нельзя. Апостоль и разъясняетъ подробнѣе: сущность спасенія не въ подвигахъ, какъ такихъ, не во внѣшнемъ усердіи; и подвиги, и усердіе должны проистекать изъ возрожденной, перемѣнной души; въ противномъ случаѣ они—ничто предъ Богомъ (Рим. IV, 2), поэтому, и можетъ случиться, что двѣ лепты принесенныя вдовицей, перетянутъ все множество приношеній богачей, а грѣшникъ—мытарь оказывается ближе къ Богу, чѣмъ праведный фарисей; пришедшіе въ единонадесятый часъ и ничего не сдѣлавшіе получаютъ равное вознагражденіе съ трудившимися весь день и перенесшими зной дневной. Съ правовой точки зрѣнія этого не объяснить: большій трудъ требуетъ и большаго вознагражденія (развѣ только будемъ отри-

— 251 —

цать возможность всякаго добродѣланія со стороны чловѣка). Съ православной же, это не требуетъ объясненій: Господь всѣхъ одинаково хочетъ спасти и ко всѣмъ одинаково устремляется. Весь, но у одного стремленія къ Богу, способности воспринять Его общеніе больше, у другаго меньше. Въ такомъ случаѣ и можетъ произойти, что новообращенный и ничего не сдѣлавшій окажется равнымъ или даже выше по награжденію, чѣмъ состарѣвшійся и совершившій подвиги.

Царствіе Божіе не награда за труды, а милость, предлагаемая туне и усвояемая по мѣрѣ пріемлемости каждаго.

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, куда направлена душа, чего она хочетъ, чѣмъ живетъ. Если къ Богу ея стрѣмленіе. есле она не для себя живетъ, тогда она помимо своего поведенія, помимо внѣшнихъ дѣлъ своихъ оправдывается; въ этомъ залогъ будущаго помилованія, а подвиги и труды важны только для возвращенія и укрѣпленія этого стремленія. „Воздаяніе, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, бываетъ уже не добродѣтели, и не труду ради нея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. Если же оно утрачено, то первые будутъ напрасны" ¹⁾. „Когда, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, не находится въ насъ плодовъ мира и любви, напрасно и суетно все наше дѣланіе. Не имѣющіе сихъ плодовъ (т. е. не обновленные внутренно) въ день суда окажутся подобными пяти юродивымъ дѣвамъ, которыя за то, что здѣсь въ сосуды сердца не запасли духовнаго елєя, т. е. духовной дѣйственности представляемыхъ ими добродѣтелей, названы юродивыми, и не допущены въ брачный чертогъ царствія. И подвигъ дѣвства за недостатокъ добродѣтелей, за то, что не было дѣйственнаго вселенія въ нихъ Духа Святаго, вмѣненъ имъ ни во что. Какъ при воздѣлываніи, на примѣръ, винограда, все попеченіе и весь трудъ предприемлются для будущаго наслажденія плодами и какъ скоро въ виноградникѣ не найдено плодовъ, всѣ труды воздѣлыванія стали напрасны и суетны: такъ если съ совершенною несомнѣнностью и духовнымъ ощущеніемъ не познаемъ въ себѣ дѣйственностію Духа произведенныхъ плодовъ любви, мира, радости и смиренія, долготерпѣнія, вѣры и другихъ, какіе изчислилъ апостоль, то напраснымъ оказывается подвигъ дѣвства, и суетнымъ трудъ молитвы, поста и бдѣнія...

1) Стр. 183.

— 252 —

Плодоносіе Духа въ добродѣтеляхъ есть духовное наслажденіе нетлѣннымъ удовольствіемъ, производимое Духомъ въ сердцахъ вѣрныхъ и смиренныхъ" ¹⁾).

Только тогда человѣкъ можетъ считать себя спасеннымъ, когда онъ находится въ духовномъ союзѣ съ Богомъ, и когда онъ дѣлаетъ добро именно изъ сознанія и во свѣтѣ этого таинственнаго союза, когда онъ готовъ сказать, что, „живетъ не онъ, а живетъ въ немъ Христось". Но это и происходитъ отъ вѣры и силою вѣры: „вѣрою живу въ Сына Божія", и именно потому, что только вѣра видитъ Сына Божія, „возлюбившаго мене

и предавшаго Себе по мнѣ". Слѣдовательно, спасаются не тѣ, кто дѣлаеть, а тѣ, кто духовно всегда съ Богомъ, которые ради Бога живутъ. „Тѣ, говоритъ св. Иринеѣ Ліонскій, которые стремятся къ лучшему и приносятъ плоды Духа, вмѣстѣ съ тѣмъ и спасаются по причинѣ (именно этого таинственнаго) сообщества Духа" 2). Конечно, дѣланіе должно отражать на себѣ внутреннее расположеніе души: доброе дерево не можетъ приносить худыхъ плодовъ, и живуцій съ Богомъ не можетъ зло творить (I Іоан. III, б). Но дерево бываетъ добрымъ не отъ плодовъ. „Древу доброе, говоритъ св. Тихонъ Задонскій, показываютъ добрые плоды, а не дѣлають добрымъ. Древу надобно прежде добрымъ быть и тогда добрыя дѣла творити, злой бо не можетъ добрѣ творити" 3). „Первѣе должно во Христѣ насадиться и тако плоды добрыхъ дѣлъ творити: надобно первѣе сдѣлаться добрымъ я тогда добро творити. Злое бо дерево не можетъ плода добра творити" 4) Точно также и душа спасается не отъ дѣлъ своихъ внѣшнихъ, а отъ того, что внутреннее ея существо обновлено, что сердце ея всегда съ Богомъ. Конечно, на послѣднемъ судѣ раскроется книга жизни каждаго, и каждый дастъ отвѣтъ за всякое дѣло и слово, за всякую мысль, какъ бы ничтожна и мимолетна она ни была, Совершеннаго нельзя назвать не совершеннымъ. Но это раскрытіе жизни для однихъ будетъ только источникомъ смиренія, только приведетъ ихъ къ признанію незаслуженности помилованія и тѣмъ еще тѣснѣе

1) Насіавленіе монахамъ. т. V, 63—64.

2) Противъ ересей. кн. V, гл. XI, 1. Library Clark'a. vol. IX, 81.

3) т. IV, 119.

4) Ibid. 34.

— 253 —

привяжеть ихъ къ Богу, для другихъ же обличеніе совѣсти на судѣ принесеть отчаяніе и окончательно отторгнетъ ихъ отъ Бога и царствія. „И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный". Кто куда направленъ былъ душой, туда и поступаетъ.

Такимъ образомъ, въ вѣрѣ все блаженство христіанина. Приобрѣсть вѣру уже само по себѣ есть сокровище: вѣровать въ милость Божію человѣкъ не можетъ иначе, какъ только при рѣшеніи служить не себѣ, а Богу и закону. Повѣривъ же, онъ не можетъ не любить Бога,—полюбивъ же, не можетъ, не стремиться къ Богу. Стремясь же къ Богу, тѣснѣе соединяясь съ Нимъ, человѣкъ еще болѣе познаеть любовь Божію, вѣра человѣка еще болѣе укрѣпляется и въ свою очередь еще сильнѣе воздѣйствуетъ на волю, еще сильнѣе влечеть человѣка къ Богу, пока, наконецъ, освободившись отъ

земной суеты, человек не увидит Бога лицом к лицу и воспримет Его царство уже не в гадании. Вѣра, слѣдовательно, не только причина, движущая сила въ духовномъ развитіи человека, она скорѣе средоточіе, самое сердце духовной жизни. По мѣрѣ вѣры растетъ любовь, по мѣрѣ любви возрастаетъ вѣра: нравственное развитіе человека и свое выраженіе, и свой плодъ находитъ въ укрѣпленіи и возрастаніи вѣры. „Несомнѣнность вѣры, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, въ людяхъ высокихъ душею открывается по мѣрѣ того, какъ нравы ихъ внимательны къ житію по заповѣдямъ Господнимъ" 1). Вѣра содѣйствуетъ дѣламъ, и дѣлами совершенствуется вѣра (Іак. II, 22). Вѣра по истинѣ является альфой и омегой нравственной жизни, какъ и Самъ Господь, Котораго она открываетъ человеку 2). Приводя къ любви, въ которой существо вѣчной жизни (I Іоан. III, 14; Іоан. XVII,г 26), вѣра тѣмъ самымъ даетъ человеку возможность здѣсь

1) Сл. 30. Стр. 165.

2) Весьма хорошо и правильно представлено это сосредоточное значеніе вѣры преосв. Ѳеофаномъ во второй части его «Начертанія Христіанскаго нравоученія». Смыслъ жизни, такъ сказать, ея основная пружина полагается здѣсь въ постоянномъ видѣніи Бога, въ сознаніи своего духовнаго союза съ Нимъ. Это предполагаетъ нѣкоторую степень нравственнаго развитія, и въ свою очередь служить родникомъ, изъ котораго раждается все разнообразіе духовной жизни.

— 254 —

на землѣ начать вѣчное блаженство. По переходѣ же въ міръ будущій, вѣра превращается въ вѣдѣніе, а любовь, связавшая человека съ Богомъ, продолжается въ вѣчность.

Итакъ, человекъ ничѣмъ не удовлетворилъ Богу за свой грѣхъ: милость Божію онъ только узнаетъ, а не заслуживаетъ. Не зная же милости, онъ не подойдетъ къ ней и, такимъ образомъ, не можетъ никогда получить силы надъ грѣхомъ. Только вѣра даетъ человеку рѣшимость обратиться къ милости Божіей, не смотря на всѣ свои грѣхи. „Благодатію есте спасеніе чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ Божій даръ" (Еф. II, 8).

Такъ какъ человекъ не могъ свергнуть съ себя тяжкаго бремени грѣха и вновь полюбить и призвать Бога, Господь „Самъ прииде ко отшедшимъ Того благодати и раздраль рукописаніе" грѣховъ 1), привлекъ человека въ общеніе съ Собою. „Мы, говоритъ апостоль, посланники отъ имени

Христова, и какъ бы Самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ, отъ имени Христова просимъ: примиритесь съ Богомъ (смотрите, что Богъ сдѣлалъ, чтобы призвать васъ) ибо незнавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведниками предъ Богомъ. Мы же, какъ споспѣшники, умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами... Имѣю такія обѣтованія, очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святиню въ страхѣ Божиемъ" (2 Кор. У, 20—21; VI, 1; VII, 1). „Свергнемъ съ себя всякое бремя и запинаящій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще, взирая на начальника вѣры и совершителя Іисуса, Который, вмѣсто подлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія" (Евр. XII, 1—2). „Не убойся, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, положить начало добраго пути, вводящаго въ жизнь; пожелай только пойти симъ путемъ; и, если окажешься готовымъ, тотчасъ благоустроится предъ тобою путь... Чтобы не встрѣтить тебѣ затрудненія на пути, ведущемъ въ жизнь, Господь ради тебя Самъ сталъ путемъ жизни для желающихъ въ радости идти къ Отцу свѣтовъ" 2).

1) Акафистъ Пресвятой Богородицѣ.

2) Сл. 127. т. V, 104.

БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИК
ИЗДАВАЕМЫЙ
Московскою Духовною Академіею

ПРОТОКОЛЫ СОВѢТА ЗА 1895 ГОДЪ.
БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ, ОТД. V.
ЮЛЬ 1895

IX. Отзывы о сочиненіи настоятеля церкви при русской миссіи въ Аѳинахъ, кандидата богословія, Архимандрита Сергія (Страгородскаго) подъ заглавіемъ: „Православное ученіе спасеніи и о сочиненіи преподавателя Таврической духовной семинаріи, кандидата богословія, Ивана Андреева, подъ заглавіемъ: „Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ)". Оба сочиненія представлены на соисканіе степени магистра богословія.

А) О сочиненіи Архимандрита Сергія (Страгородскаго): а) Ректора Академіи, Архимандрита Антонія:

„Свое прекрасное и выдающееся по талантливости и самостоятельности изслѣдованіе, авторъ начинаетъ обширнымъ введеніемъ, въ коемъ излагаетъ и опровергаетъ латинское и протестантское ученіе объ оправданіи, и указываетъ, хотя и нежелательное, но усиливающееся вліяніе послѣднаго на русскую богословскую литературу по данному вопросу, чѣмъ и приводитъ читателя къ мысли о настоятельной нуждѣ въ разъясненіи этого предмета чрезъ изученіе самого церковнаго преданія, независимо отъ богословія инославнаго. Такому разъясненію посвящены дальнѣйшія главы диссертации, основанныя на непосредственномъ и внимательномъ перечитываніи авторомъ святоотеческихъ твореній въ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ, какъ въ русскомъ переводѣ, такъ нерѣдко и по греческому подлиннику.

Насколько въ самомъ изслѣдованіи обнаружена начитанность въ отцахъ, настолько по введенію можно видѣть, что авторъ съ большою тщательностью изучалъ литературу инославную, какъ современную, такъ и средневѣковыхъ богословъ, а равно и символическія книги и соборныя постановленія. Обладая замѣчательно тонкимъ логическимъ и психологическимъ анализомъ, авторъ со всею очевидностью раскрываетъ читателю глаза на ту сорную примѣсь, которую внесла латинская схоластика въ христіанство, заимствовавъ ее изъ идей классическаго міра, именно изъ римскаго права. Хотя эта именно раздвоенность между

христiанскимъ и языческимъ элементомъ въ понятiи объ оправданiи побудила осквателей протестантства попытаться выработать новые догматы о спасенiи, но выйти изъ созданныхъ западною мыслию и жизнiю религiозныхъ понятiй не удалось и имъ: въ ученiи обоихъ исповѣданiй осталось стремленiе умалить требованiя христiанской добродѣтели до послѣдней степени или покрайней мѣрѣ свести ихъ къ какимъ либо внѣшнимъ практическимъ (у римлянъ) или теоретическимъ (у лютеранъ) условiямъ, оставляя нетронутымъ самое нравственное содержанiе спасающагося. Обращаясь къ богословию русскому, авторъ опредѣляетъ желательное направленiе послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собственную задачу, въ слѣдующихъ словахъ: „задача православной науки состоитъ не въ томъ, чтобы перенимать отъ западной науки ея Сизифову работу и истощать свои силы надъ рѣшенiемъ неразрѣшимаго вопроса и притомъ совершенно посторонняго для Православной Церкви, а въ томъ, чтобы изслѣдовать православную истину, саму въ себѣ, выяснитъ ея положительное содержанiе“, которою онъ и возстановляетъ далѣе относительно занимающаго его предмета въ слѣдующихъ главахъ: вѣчная жизнь, возмездiе, спасенiе, вѣра. Здѣсь авторъ мало говоритъ отъ себя, но больше библейскими и святоотеческими изреченiями, которыя онъ соединяетъ въ стройную систему. Изъ современныхъ богослововъ авторъ всего ближе примыкаетъ къ Преосвященному Ѳеофану и охотно на него ссылается. Изъ прочихъ русскихъ писателей богослововъ онъ всего чаще ссылается на творснiя Святителя Тихона.

Слѣдующiя два главныя положенiя выводитъ авторъ изъ святоотеческихъ разсужденiй, и они то являются у него яснымъ противопоставленiемъ православнаго пониманiя спасенiя или оправданiя отъ лжетолкованiй латинянъ и протестантовъ. Богословскiя разсужденiя послѣднихъ основаны на разрозненiи понятiя блага или наслажденiя отъ добродѣланiя. Первое является внѣшнею мздой по отношенiю къ послѣднему; споръ между инославными лишь о томъ, какой подвигъ служить къ достиженiю сей мзды: вѣра или практическiя заслуги. Собранныя авторомъ слова Отцевъ раскрываютъ мысль о тождествѣ добродѣланiя, какъ причины благодатнаго настроенiя любви, съ тою духовною радостью, которую во всей полнотѣ вкушаютъ избавленные за гробомъ. Но это добродѣтельное настроенiе не есть нѣчто, отдѣльное отъ Бога,—оно возможно лишь при *богообщенiи*, при соединенiи челоука съ Богомъ, которое достигается вѣрою. Такимъ образомъ и добродѣланiе и вѣра суть необходимыя условiя или средства спасенiя. Эту простую, но не достаточно ясную саму по себѣ мысль православныхъ учебниковъ,

авторъ раскрылъ во всей ея психологической правдѣ, при чемъ не только свои выводы, но и самое описаніе переживаемыхъ христіаниномъ настроеній, изложены словами Отцевъ. Въ виду указанныхъ свойствъ и достоинствъ сочиненія мы признаемъ его выдающимся трудомъ въ отечественномъ богословіи, которому суждено занять очень почетное мѣсто въ исторіи раскрытія важнѣйшаго предмета духовной жизни и считаемъ диссертацию отца архимандрита вполне заслуживающею степени магистра богословія".

б) Экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій В. А. Соколова:

„Не разъ намъ приходилось слышать рѣчи о томъ, что наши русскіе богословы слишкомъ много обращаютъ вниманія на жизнь и воззрѣнія чуждаго намъ инославнаго запада, а вслѣдствіе того въ нашей русской наукѣ и въ частности въ нашей православной догматикѣ нѣкоторые вопросы остаются недостаточно выясненными, опредѣленными и раскрытыми. Не считая въ данномъ случаѣ нужнымъ и умѣстнымъ объяснять, почему при своихъ ученыхъ трудахъ православные богословы нерѣдко обращаютъ взоръ на западъ, и находя съ своей стороны такое обращеніе въ извѣстной степени вполне понятнымъ и законнымъ, мы тѣмъ не менѣе согласны съ тѣмъ, что дѣйствительно въ нашей русской наукѣ и въ частности въ нашей православной догматикѣ есть не мало вопросовъ, требующихъ разъясненія, а по тому и готовы съ радостію привѣтствовать всякую попытку въ этомъ направленіи. Чѣмъ болѣе будетъ появляться серьезныхъ попытокъ къ положительному раскрытію и уясненію православнаго вѣроученія, тѣмъ лучше.

Изслѣдованіе о. архимандрита Сергія представляетъ собою одну изъ такихъ именно желанныхъ попытокъ и имѣетъ своею задачей послужить, по мѣрѣ силъ, выясненію одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ христіанскаго ученія,—вопроса о личномъ спасеніи.—Въ виду того, что въ этомъ вопросѣ западныя христіанскія исповѣданія далеко уклонились отъ истины православія, авторъ, для болѣе отчетливаго ея уясненія, вноситъ въ свое изслѣдованіе не только положительное раскрытіе православнаго ученія, но и критическій разборъ ученій инославныхъ.

Обширное введеніе къ своему сочиненію авторъ посвящаетъ подробному раскрытію римско-католическаго и протестантскаго ученія объ оправданіи, указывая нѣкоторые слѣды вліянія этихъ ученій и на нашу православную богословскую науку. Самое изслѣдованіе начинается основательнымъ критическимъ разборомъ такъ называемой юридической теоріи и затѣмъ представляетъ стройное раскрытіе въ послѣдовательной

строго-логической связи православныхъ понятій о вѣчной жизни, блаженствѣ, возмездіи и спасеніи и объ условіяхъ послѣдняго.— Въ основу изслѣдованія положена идея тождества блага и нравственнаго добра, спасенія и нравственнаго совершенства.

Сочиненіе Архимандрита Сергія имѣеть вполнѣ научный характеръ. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно утверждается на основательномъ изученіи достаточнаго и въ каждомъ случаѣ наиболѣе потребнаго научнаго матеріала. При характеристикѣ и изложеніи инославныхъ ученій авторъ руководится символическими книгами западныхъ христіанскихъ исповѣданій и произведеніями лучшихъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ богослововъ, каковы наприм.: Тома Аквинскій, Шенкель, Бретшнейдеръ, Бадерманъ, Шееле, Перроне, Мартенсенъ, Клее и др.. При критическомъ разборѣ инославныхъ заблужденій и при положительномъ раскрытіи православнаго ученія авторъ опирается на многочисленныхъ свидѣтельствахъ священнаго писанія Ветхаго и Поваго Завѣта и въ особенности на твореніяхъ отцевъ и учителей Церкви, начиная съ мужей Апостольскихъ и окаячивая новѣйшими и даже современными православными богословами, какъ напр.: св. Димитрій Ростовскій, св. Тихонъ Задонскій и преосвященный Ѳеофанъ. Неоднократно и изъ богослужебныхъ книгъ авторъ заимствуетъ нѣкоторыя черты, служащія къ уясненію православной истины.

Вниманіе читателя съ особеннымъ интересомъ и признательностію останавливается на свидѣтельствахъ, извлеченныхъ авторомъ изъ твореній отцевъ и учителей Церкви. Отечественія свидѣтельства авторъ собралъ въ такомъ обиліи, что онѣ занимають собою, думается намъ, до половины разсматриваемаго сочиненія. Это обстоятельство составляетъ одну изъ выдающихся характеристическихъ особенностей сочиненія о. Сергія и можетъ быть поставлено ему въ особенную заслугу. Не изъ готовыхъ системъ и изслѣдованій заимствовалъ онъ приводимыя имъ свидѣтельства, но извлекъ ихъ изъ непосредственнаго, иногда даже неоднократно, чтенія многочисленныхъ, относящихся къ предмету, отеческихъ твореній. Вотъ почему въ его сочиненіи упоминаются творенія такихъ отцевъ и учителей, которые очень мало употребительны при обычныхъ богословскихъ изслѣдованіяхъ, и изъ наиболѣе извѣстныхъ отцевъ приводятся такія выдержки, которыхъ нигдѣ доселѣ встрѣтить не приходилось. Если для православнаго бегослова обращеніе къ отеческой литературѣ составляетъ наилучшій путь при изслѣдованіи Богооткровенной истины, то сочиненіе о. Сергія служитъ въ этомъ отношеніи однимъ изъ отрадныхъ образцовъ.

Другую выдающуюся особенность рассматриваемого исследования составляет обнаруживающаяся в нем глубина и искренность убеждения. В начале своего труда автор говорит: „вопрос о личном спасении не может быть лишь теоретической задачей; это вопрос самоопределения. Сказать себе серьезно, что нужно делать, чтобы спастись, значит произнести суд над всем своим душевным содержанием". Читая исследование о. Сергия постоянно чувствуешь, что он именно решает не теоретическую только задачу, а жизненный вопрос самоопределения. Видно, что автор глубоко продумал и прочувствовал все то, что высказывает на страницах своего сочинения; много наблюдал над душевными настроениями человека и сообщает иногда весьма серьезные и меткие результаты своего психологического опыта и наблюдения. Эти свойства сочинения в связи с его убежденным, подчас даже горячим, тоном имеют своим прямым последствием то, что труд его не только читается с интересом, как умная книга, но и назидает, оставляет по себе след на душе читателя.

Задачей своего труда, как показывает и его заглавие, автор поставил исследование вопроса о спасении, т. е. так называемую субъективную сторону искупления. К такой постановке делал он побуждался, между прочим, тем, что именно эта сторона православного догмата, не смотря на ее великую важность, обыкновенно всего меньше является раскрытой в богословских системах и исследованиях. Свою задачу автор выполнил с достаточной широтой и основательностью, с успехом восполняя таким образом в православной богословской науке иногда заметно дающей себя чувствовать пробел. Но нам кажется, что благодаря усиленной борьбе против так называемой юридической теории и некоторому увлечению в принятом на-правлении, труд автора является односторонним и потому производит на читателя несколько своеобразное впечатление. Автор так мало касается объективной стороны искупления, что читатель совсем забывает о ней и иногда склонен думать, что как будто, при ходе мысли автора, ей совсем не остается места. В православно богословских курсах принято выражение, что Господь Иисус Христос есть наш Искупитель, принес Себя Богу в жертву за грехи всех людей и тем приобрел им поминовение и прощение, принес удовлетворение оскорбленной Правды Божией. Господь совершил наше спасение....

как Первосвященник, принесши Самого Себя в жертву за грехи мира, и таким образом удовлетворил за нас Правду Божией... (Сильвостр IV, 159, 164; Макарий III, 152, 192 и др.)· Между тем, в рассматриваемом

изслѣдованіи не только не раскрывается эта сторона предмета, но иногда встрѣчаются такія выраженія, которыя нетвердымъ въ догматикѣ читателямъ могутъ подать поводъ къ недоумѣніямъ. Авторъ говоритъ напримѣръ: „правда Божія не въ томъ, чтобы требовать удовлетворенія за грѣхи, а въ томъ, чтобы каждому предоставить ту участь, какая естественно слѣдуетъ изъ принятаго каждымъ направленія жизни (стр. 92). Конечно, подобныя выраженія въ ходѣ мыслей автора имѣютъ свой совершенно православный смыслъ; но при недостаточномъ проникновеніи въ ихъ истинное значеніе, благодаря одностороннему развитію, онѣ могутъ дать поводъ къ недоумѣніямъ.—Для устраненія этого автору, намъ кажется, слѣдовало бы, прежде осуществленія главной задачи своего труда, остановиться въ краткихъ чертахъ на объективной сторонѣ догмата искупленія и затѣмъ уже, выяснивъ значеніе въ общей системѣ догмата частнаго вопроса о личномъ спасеніи каждого человѣка, перейти къ тому, что теперь составляетъ исключительное содержаніе его изслѣдованія...